ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „РУССКІЙ АРХИВЪ“ 1889 года.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1888

11.

Стр.

Приложенъ портретъ графа П. И. Панина.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1888.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВЫХЪ ОСЬМИ КНИЖЕКЪ

РУССКАГО АРХИВА 1888 ГОДА.

Главныя статьи.

(См. на третьей стр. обложки).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

Русскій Архивъ

1889 года

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

„Русскій Архивъ" будетъ выходить въ 1889 году на прежнихъ основаніяхъ. **Двѣнадцать книжекъ** „Русскаго Архива" 1889 года составятъ три большіе отдѣльные тома, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1889 году съ пересылкою и доставкою—**девять** рублей.

Для Германіи—одиннадцать рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Ѳ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени".

Годовыя изданія „Русскаго Архива" 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ съ пересылкою. Годы **1874**,

1877, **1878**, **1879** и **1880** по 7 р. съ пересылкою. Годъ 1881 (съ двумя книжками „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и большимъ портретомъ Екатерины Великой) по 8 рублей. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

При каждомъ годовомъ изданіи „Русскаго Архива“ имѣется азбучный Указатель личныхъ именъ. Кромѣ того, современно изданы были въ особыхъ приложеніяхъ общія предметныя Росписи за **пять**, **десять**, **пятнадцать** и **двадцать** лѣтъ „Русскаго Архива“. Нынѣ приготовлена къ изданію особою книгою подробная **Предметная Роспись „Русскаго Архива“ ЗА ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ**. Книга эта будетъ напечатана въ ограниченномъ числѣ. Желающіе получить ее благоволятъ прибавлять къ подписной цѣнѣ на „Русскій Архивъ“ 1889 года— **ДВА** рубля.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ**.

Приложеніе къ Русскому Архиву 1888.

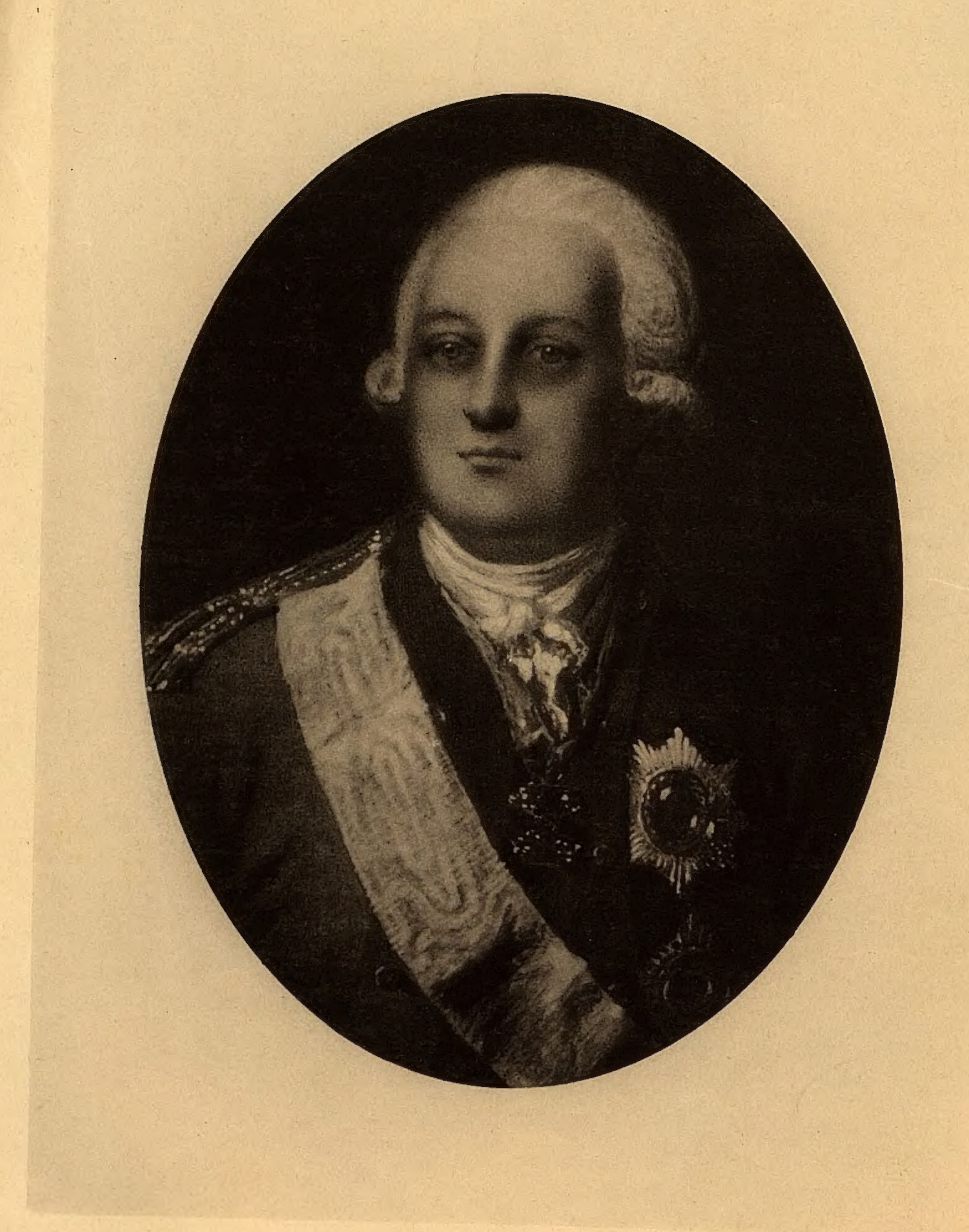
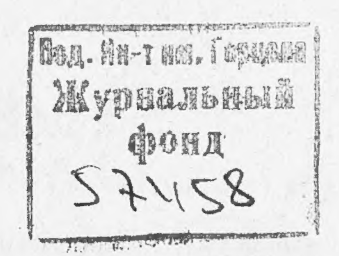

Фото-гравюра Шереръ Набгольцъ и Ко въ Москвѣ.

Графъ Петръ Панинъ

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ.

1721-1789.

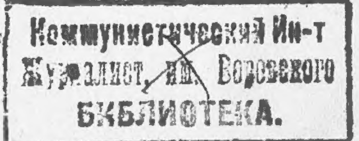

ПИСЬМА ГРАФА П. И. ПАНИНА КЪ БРАТУ ЕГО ГРАФУ НИКИТѢ ИВАНОВИЧУ

во время первой Турецкой войны при Екатеринѣ Великой.

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ (р. 1721) былъ воинъ съ самаго почти младенчества. Отецъ его, участникъ Петровскихъ походовъ, служилъ комендантомъ въ Пернавѣ, что́ за Ревелемъ. Пятнадцатилѣтнимъ отрокомъ, еще въ царствованіе Анны, онъ уже находился при фельдмаршалахъ Минихѣ и Ласси и участвовалъ во взятіи Перекопа и Бахчисарая. Тогдашняя Турецкая война была ему отличною школою и осталась ему памятна на всю жизнь: въ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ Екатерины, 12 Ноября 1769 года, онъ предлагалъ составить историческое описаніе этой войны (Соловьевъ, XXVIII, 13). Въ эту пору его молодости заключены были его связи съ Нѣмцами, впослѣдствіи облегчившія для него управленіе Восточною Пруссіею. Въ Елисаветинскую Шведскую войну, еще юношею, обнаружилъ онъ необыкновенную силу воли, усмиривъ подъ Выборгомъ гвардейскихъ солдатъ, которые кинулись истреблять своихъ Нѣмецкихъ начальниковъ. Въ Турецкую Екатерининскую войну его, уже покрытаго славою подвиговъ военныхъ и гражданскихъ во время войны Семилѣтней, сначала не допускали къ дѣятельности; онъ оставался строптивымъ сенаторомъ, и только на второй годъ, 13 Августа 1769 г., послѣ неудачъ князя А. М. Голицына, назначенъ командовать второю арміею, на смѣну графа Румянцова, который принялъ отъ князя Голицына командованіе первою арміею. Въ то время Военною Коллегіею управлялъ своякъ графа Панина, графъ З. Г. Чернышовъ (оба они женаты были на такъ называемыхъ „Богородициныхъ дочкахъ“), и между ними началась обыкновенная во всѣ войны явная и скрытная борьба военнаго канцелярства съ боевою жизнью дѣйствующаго войска. Человѣкъ государственнаго ума и пылкаго сердца, разумѣется, остался въ накладѣ.

Письма графа П. И. Панина сообщены въ „Русскій Архивъ“ правнучкою его, княгинею М. А. Мещерскою. Они писаны къ старшему его брату и другу, который завѣдывалъ Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ и жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ. Панины не задолго передъ тѣмъ (22 Сентября 1767) получили графское достоинство. Къ сожалѣнію, графъ Петръ Ивановичъ писалъ тяжело и витіевато (гдѣ было ему выучиться Русскому слогу?) что́ однако не лишаетъ его откровенныя братскія повѣренія высокаго исторіографическаго значенія. П. Б.

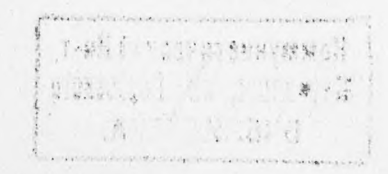
1.

Изъ лагеря при деревнѣ Покатиловой, Октября 14 дня 1769-го года [1]).

На освобожденіе васъ, любезнѣйшій другъ и дорогой братецъ, изъ безпокойства по моему предыдущему письму, во первыхъ скажу то: мнѣ столько есть легче, что я и со всѣмъ здѣсь лежащимъ уже снѣгомъ былъ сегодня передъ лагеремъ въ церкви для принесенія молебства съ пушечною пальбою по полученнымъ отъ графа Румянцова вѣдомостямъ о испражненіи всей Молдавіи побѣдоноснымъ Ея Императорскаго Величества оружіемъ отъ непріятеля и о приведеніи всего ея народа въ подданство нашей всемилостивѣйшей Государынѣ и Покровительницѣ всего христіанства. Каковыя молебствы мнѣ въ здѣшнемъ положеніи не только за надобныя быть показались, но и желаемые мною изъ того успѣхи уже вижу: ибо вмѣсто наѣхавшей при сей арміи унылости, нахожу таперь со удовольствіемъ, что всѣми силами всѣ рвутся и соревнуютъ успѣхамъ дѣйствъ первой арміи, какъ иное изволишь изъ послѣдующаго усмотрѣть. А таперь обращусь я къ случаю отправленнаго съ симъ курьера.

Здѣсь приложенную реляцію съ пріобщенными къ ней непріятельскими однимъ знамемъ и булавою о пріобрѣтенномъ надъ нимъ партіею Запорожскаго войска довольно удачномъ поискѣ, прошу поднести нашей всемилостивѣйшей Государывѣ и содержаніе ея препроводить вашимъ предстательствомъ о обстоятельствахъ, безпристрастно вами самими къ истинной пользѣ службы Ея Величества признаваемыхъ, къ чему единому все мое попеченіе и стремится. Вслѣдствіе жъ онаго нельзя, мой другъ, не признаться, сколь таперича уже другорядъ и здѣсь въ неожидаемомъ климатѣ такая случившаяся ко обремененію всего погода (отъ которой другой день какъ и снѣгъ лежитъ) оскорбляетъ меня до самой вышней степени, какъ тѣмъ, что оная, если графу Витгенштейну не удастся по первой моей диспозиціи, въ коей онъ нынѣшніе дни рѣшительно упражняется, а я, какъ родильница своихъ родовъ отъ него репорту жду, и онъ не схватитъ Бендеръ: то истинно не знаю, какъ можно будетъ безъ совершеннаго истребленія арміи на неисправляемое къ начатію будущей кампаніи состояніе попуститься въ настоящую сему городу осаду (какъ изъ предыдущей моей реляціи уже вы видѣли). Я завишу таперь (приготовя ко оному на сре-

[1]) Графъ Панинъ прибылъ въ главную квартиру ввѣренной ему второй арміи 17 Сентября 1769 года, вслѣдъ за тѣмъ какъ Хотинъ, наконецъ, былъ взятъ княземъ А. М. Голицынымъ.

дину дороги и другой съ генералъ-маіоромъ Лебелемъ деташаментъ) отъ сообщенія графа Румянцова, какіе онъ способы на отдѣленіе своихъ войскъ, артилеріи и пропитанія къ тому найдетъ. Но чтобы назначенныя имъ изъ осадной артилеріи тяжелыя орудія везти туда нынѣшнею погодою и на обывательскихъ здѣшнихъ лошадяхъ, къ тому я совершенно моей возможности не нахожу; а развѣ пріуготовлять ее, если надобно будетъ, нынѣшнею зимою и на покупныхъ волахъ и лошадяхъ, да и числомъ гораздо больше, къ приближенію въ ту сторону, на атаку той или другой непріятельской крѣпости, но весною съ полевымъ скоту кормомъ. Ибо сколько осады при достаточномъ всего учрежденіи полезны и славны, столь, въ противность тому, оныя убыточны и неудачны, а нашему войску особливо будутъ тѣмъ безславнѣе, если и еще свѣту показать новую въ нихъ неудачу. Все же оное, дорогой другъ, примите во внимательнѣйшее разсмотрѣніе и уваженіе, напомнивъ, что и таперечныя одержанныя побѣды еще бы сто разъ славнѣе и удовольственнѣе были, когда бы двухъ неудачныхъ осадъ подъ Хотиномъ, хотя неформальныхъ, но силою настоящей арміи, не случилось.

Обратившись на первую въ семъ письмѣ матерію, скажу вамъ, любезнѣйшій другъ, что таперь въ моемъ всегдашнемъ о поощреніи службы попеченіи имѣю я то удовольствіе, что какъ здѣсь въ арміи наѣхалъ больше готовившихся въ отставку и ожидающихъ ко всему либо очереди или наряду и удивляющихся по дошедшимъ слухамъ о великой храбрости и отчаянныхъ нападеніяхъ нашего непріятеля, такъ насупротивъ того таперь, когда зачалъ я серіознѣе приступать къ поиску на Бендеры, почти всѣ мои подчиненные генералы и штабъофицеры стали безъ очереди туда направляться; а случились и такіе, которымъ, когда по надобностямъ здѣсь въ предохраненіе своихъ границъ сталъ въ томъ отказывать, то видны были на глазахъ слезы. И ежели успѣхъ сей экспедиціи тому соотвѣтствуетъ, то тогда я долженъ буду сихъ похвальныхъ людей ознаменовать. Таперь же сіе оставляю къ моему собственному только удовольствію для будущаго употребленія въ пользу службы моей всемилостивѣйшей Государыни.

Нельзя вамъ, любезнѣйшій другъ, никакъ представить всѣхъ тѣхъ соображеній, которыя таперь въ душѣ моей происходятъ по случаю какъ таперечной ужасной здѣсь погоды, такъ и слѣдующаго: 1) Что важная экспедиція въ сіи часы производится разстояніемъ отъ меня больше 200 верстъ. 2) Что мнѣ никакъ (сколько въ разсужденіи предохраненія ввѣренныхъ границъ, столько и всѣхъ здѣшнихъ обстоятельствъ, потребныхъ на споспѣшествованіе оной и на учрежденіе наступающихъ винтеръ-квартиръ) туда отъѣхать нельзя. 3) Что и при

удачномъ сей экспедиціи успѣхѣ, не можно будетъ зачать маршировать къ зимнему загражденію своихъ границъ прежде конца нынѣшняго мѣсяца, а и до средины онаго положенія больше 400, до лѣваго же фланга не меньше 600 верстъ; слѣдовательно по нынѣшней дорогѣ нельзя туда прибыть и первымъ ближе конца Ноября, а послѣднимъ уже въ началѣ Декабря мѣсяца. Тѣмъ же войскамъ, кои отъ Бендеръ неминуемо должны будутъ ко оному загражденію возвращаться, конечно не меньше 800 верстъ нѣкоторымъ разстояніе предлежитъ. То пожалуй только вообрази себѣ поживѣе, съ какимъ изнуреннымъ состояніемъ и безъ формальной осады все то, и къ которому времени возвратится я сколько онаго останется на поправленіе и снабженіе, ежели Татара и въ зиму покойными оставятъ. Въ противномъ же надобно будетъ и во ономъ марши дѣлать, въ чемъ и не остается другой помочи, какъ той единой Вышней Десницы, которая всѣ дѣла нашей всемилостивѣйшей Государыни предводительствуетъ во благое, и коя надобно, чтобы мнѣ въ таперешнихъ обстоятельствахъ особливо помогла. Затѣмъ же кончаю сіе партикулярнымъ увѣдомленіемъ, что по послѣднимъ письмамъ жена моя здорова и вамъ усерднѣйше кланяется.

Вамъ извѣстный подполковникъ Фелькерзамъ, брося все свое наилучшее для будущихъ временъ основаніе и съ увѣчною въ головѣ раною, прискакалъ сюда и безъ человѣка въ почтовой телѣгѣ; а свѣдавъ, что подъ Бендерами корпусъ въ дѣйствительной Ея Императорскому Величеству службѣ упражняется, не оставилъ меня въ покоѣ, такъ какъ и баронъ Паленъ, чтобъ ихъ туда верхами на перемѣнныхъ же лошадяхъ не отправить, которые теперь тамъ при моихъ егаряхъ въ самыхъ первѣйшихъ трудахъ и опасностяхъ упражняются. Таковое усердіе кажется достойно примѣчанія и уваженія, особливо въ первомъ, какъ состоящемъ уже на шестомъ десяткѣ своего вѣка. Затѣмъ, дорогой другъ, пребывай съ Богомъ, а я вамъ и своей службѣ преданъ всею душею и сердцемъ.

2.

Изъ прежняго лагеря при деревнѣ Покатиловой, 1769-го году Октября 17 дня.

Сославшись, мой любезный другъ и дорогой братецъ графъ Никита Ивановичъ, на мои предъидущія отъ 15-го числа нынѣшняго мѣсяца, сей вручитель имѣетъ представить къ вамъ тѣхъ плѣнныхъ, коихъ Запорожское войско въ подарокъ Ея Величеству и Его Высочеству у меня отправленіе испросили. Я бы удержался оными, представляя себѣ, что Ея Величеству непомѣстительно уже будетъ всѣхъ тѣхъ плѣнныхъ къ себѣ принимать, которыхъ оружіе ея теперь сча-

стливо побѣждаетъ; но за настоящее поставилъ въ разсужденіи нетвердости во основаніи сего войска, чтобы ему онымъ огорченія не сдѣлать, уважая, что не только я таперь предохраненіемъ вдали отъ незапнаго непріятельскаго попущенія отъ одного его завишу, потому (какъ вамъ извѣстно), что всѣ мои легкія войски, кромѣ однихъ худоконныхъ, кои и до меня насилу только уже таскались, таперь подъ Бендерами, а отъ меня до 300, отъ Днѣпра же до 500 верстъ находясь, возвратятся конечно не скоро; да и по нынѣшней глубокой осени съ такими совершенно лошадьми, кои не будутъ въ состояніи нѣсколько времени, слѣдовательно уже почти всю зиму, быстрыхъ разъѣздовъ и оборотовъ дѣлать на дистанціи, моему таперь охраненію болѣе 1000 верстъ предлежащей; но что оное жъ войско, надобно признаться, и во всю нынѣшнюю кампанію при здѣшней арміи одно до пріѣзду моего къ ней что нибудь въ пристойность нашего оружія дѣйствовало, если только вы изволите разсмотрѣть всѣ отъ здѣшней арміи репорты. Оно же таперь и такъ все порывается и просится у меня домой, какъ конечно необыклое зимнихъ кампаній въ полѣ держать; а здѣсь уже у насъ третій снѣгъ, и я таперь по полученному рескрипту объ ихъ жалованьи лучшаго ничего не вздумалъ, какъ имъ онаго не объявлять по самой невозможности, боясь, что оное будетъ случаемъ самаго поспѣшнѣйшаго въ домы ихъ возвращенія. И хотя дорогой мой своякъ [2]) при той депешѣ приложилъ мнѣ экстрактъ, какое прежде сему войску жалованье бывало; но въ немъ стоитъ только то прежнихъ лѣтъ, изъ-подъ котораго оно предавалось подъ скипетръ Оттоманской Порты, и то, которое ему Сенатъ утвердилъ послѣ Турецкой войны, сказавъ на мирное и военное время. Но того лишь ко оному экстракту, сказываютъ, не отыскано, которое имъ выдавалъ (какъ въ томъ же экстрактѣ значитъ) фельдмаршалъ Минихъ, въ самое теченіе Турецкой войны. Мнѣ же кажется оной только примѣръ единственно таперечному состоянію и лучшій быть можетъ; да и отыскать его не думаю жъ чтобъ нельзя было, какъ въ письмахъ отъ Миниха въ его канцеляріи оставленныхъ, такъ и въ тѣхъ извѣстныхъ мѣстахъ, гдѣ сего покойнаго мужа канцелярскія дѣла въ его несчастіи сохранялись; да, чаю, и въ комисаріатѣ какія нибудь о томъ доказательства есть. Со всѣмъ же тѣмъ я себѣ представляю, что Запорожское войско таперь, на дѣйствіи въ здѣшнихъ степныхъ мѣстахъ и противу нынѣшняго имъ больше всѣхъ другихъ во всемъ положеніи извѣстнаго непріятеля, у насъ между всѣми казаками лучшее. Основаніе же ихъ такое, что во время войны нельзя ничего отъ нихъ полезнаго имѣть

---

[2]) Т. е. графъ З. Г. Чернышовъ, тогдашній вице-президентъ Военной Коллегіи.

другими средствами, какъ нѣкоторыми приласканіями и уваженіями, или истребленіемъ всѣхъ ихъ и съ своимъ гнѣздомъ до кореня, къ чему, кажется, таперь не то время настоитъ: ибо военныя удачи бываютъ скользки и перемѣнны отъ самыхъ бездѣльныхъ небреженій и уваженій.

Впрочемъ же, дорогой другъ, я все еще мучусь родами Бендеръ. И по послѣдней отправленной отъ меня къ вамъ депеши имѣлъ я только оттуда извѣстіе, что графъ Витгенштейнъ дѣйствительно къ сему городу приступитъ и сдачи его сколько можно, нахальнымъ образомъ требовать станетъ 12 числа нынѣшняго мѣсяца; послѣ же того по сей часъ никакихъ репортовъ до меня еще не доходило. Не знаю же, буду ль я столько счастливъ, какъ князь Голицынъ; но знаю лишь то что я ничего того не упустилъ и не пренебрегъ, что̀ только было въ силахъ человѣческихъ. Затѣмъ желаю, чтобъ сіе нашло всѣхъ васъ въ лучшемъ состояніи, нежели здѣшнее наше въ землянкахъ. Прощайте.

Запорожское войско и къ вамъ, дорогой другъ, отправляло жъ съ симъ вручителемъ одного плѣннаго Татарина; но нечаянно произошло, что случился онъ братъ родной того, который отъ нихъ мнѣ присланъ, и онъ со слезами не хотѣлъ разстаться, объявя, что ихъ отецъ и мать предъ глазами ихъ умерщвлены, для чего я, мой любезной другъ, и онаго у себя вмѣстѣ съ его братомъ оставилъ, а ежель путь будетъ, то и оба они къ вашимъ повелѣніямъ.

3.

Изъ прежняго лагеря при деревнѣ Покатиловой, 1769 году Октября 19-го.

Сославшись, мой любезный другъ и дорогой братецъ, на здѣсь вложенную для поднесенія всемилостивѣйшей нашей Государынѣ мою реляцію, которая увѣдомитъ, что городъ Бендеры представилъ моему приближившемуся и врывающемуся съ побѣжденіемъ непріятеля въ форштатъ легкихъ войскъ деташаменту свою оборону, ласкаю себя, что хотя и вторичнымъ сего корпуса сильнѣйшимъ нападеніемъ не удастся быть мнѣ столько счастливу, какъ князь Александръ Михайловичъ: но Ея Императорское Величество всемилостивѣйше меня оправдать изволитъ, что въ моихъ таперечныхъ обстоятельствахъ ничего другаго способнѣе сдѣлать было невозможно и что мои представленныя реляціи учрежденія всѣ такъ соединены, что на всякой другой оборотъ, безъ дальнихъ помѣшательствъ, обращены быть могутъ. Но во всемъ томъ не достаетъ того, что̀ я сказать стыжусь (дабы не показалось трусостью, особливо при таперь увѣренномъ о непріятелѣ без-

сили и устрашеніи); надѣюсь же отъ всякаго благоразсуждающаго не укроется сдѣлать объ ономъ справедливое познаніе, взявъ циркуль съ картою передъ себя, исчисленіемъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ, съ присовокупленіемъ, того, что Татарскимъ ордамъ по теперешнему Отоманской Порты положенію ничего лучшаго и свободнаго нѣтъ (если они подъ скипетръ нашей Самодержицы нынѣшнюю зиму подвергаться предпринимать не станутъ), какъ дѣлать диверсіи и впаденія изъ своихъ гнѣздъ, по прилежащимъ къ нимъ степямъ, въ ближайшія и удобнѣйшія мѣста. Но воономъ ободряюсь тѣмъ, что неужели-то ни въ какомъ случаѣ счастливые успѣхи оружія нашей всемилостивѣйшей Государыни не будутъ и мнѣ въ чемъ нибудь способствовать?

Впрочемъ же, мой любезной другъ, я здоровъ, ко вступленію теперь же въ то тягчайшее бремя, кое съ особою заботою приноситъ пріуготовленіе войскъ къ марширoванію въ самую уже глубокую осень на такъ дальнѣйшее разстояніе, къ расположенію и прокормленію на столь пространной обширности, каковая мнѣ и съ предохраненіемъ еще отъ вѣтреннаго непріятеля [3]) и въ зиму предлежитъ. Въ чемъ да поможетъ Богъ, управляющій нашими всегда усердными и безпристрастными дѣлами и дѣйствами! Не могу жъ обойтиться, чтобы не испрашивать вашего предстательства о графѣ Витгенштейнѣ, который столько совершенно бѣденъ, имѣя насилу съ женою и дѣтьми пропитаніе отъ того, что изъ жалованья его всегда вычитался казенный долгъ, столь совершенно оказалъ въ теперешней его экспедиціи наиревнительнѣйшее онъ свое усердіе, отдаваясь съ радостію во всѣ наитруднѣйшія преодолѣнія, по таперечней здѣсь воздуха тягости, а по разоренньмъ и степнымъ мѣстамъ недостатку, посвящая всего себя единственно порученному на него дѣлу; къ чему, кажется, и порода его еще прибавляетъ свою цѣну. Здѣсь сегодня уже такой морозъ, что у мельницы прудъ замерзъ, а поле все заиндивѣло.

Пожалуй, дорогой другъ, не допускай моимъ курьерамъ многимъ у васъ съѣзжаясь останавливаться; но когда другой пріѣдетъ, то перваго (хотя безъ настоящей отъ двора депеши) отправляйте съ билетами о полученіи моихъ назадъ: ибо имъ прогоны даются съ возвратомъ, а они тамъ оными проживаютъ, между тѣмъ я по долгому времени никакого изъ Москвы ни о сестрѣ [4]), ни о дочеряхъ моихъ извѣстія не имѣю, какъ оттуда никакой другой почты до меня нѣтъ; оное жъ крайне меня огорчаетъ.

---

[3]) Т. е. отъ чумы.

[4]) Княгинѣ Александрѣ Ивановнѣ Куракиной, вдовѣ князя Александра Борисовича и бабкѣ будущаго канцлера. Она жила въ Москвѣ, на Лубянской площади, за церковью Гребенской Божьей Матери. Это было гнѣздо цѣлаго рода.

О тѣхъ 20 т. лошадяхъ, о которыхъ я писалъ, что Запорожцы при устьи Днѣстра взяли, сказываютъ, что посыланныя съ партіею 3 т. ихъ человѣкъ, раздѣляя по себѣ, досталось каждому по 12 лошадей; слѣдовательно надобно, чтобы ихъ было 36 т. Да и неудивительно! Ихъ я видѣлъ въ присланномъ ко мнѣ чрезъ графа Румянцова репортѣ; отъ генерала-поручтика Эсмона извѣстно изъ Молдавіи, что ханъ Крымской всѣ свои табуны къ устью оной рѣки по сю сторону переслалъ, то надѣюсь, они тѣ самые.

Но простите, мнѣ, что здѣсь вложу письмо отъ Витгенштейна, мною полученное, ради усмотрѣнія его ко мнѣ въ немъ просьбы, и ежели какія окрестности не могутъ много затруднять, то бы мнѣ пріятно было, чтобы онъ у меня былъ, на случай могущихъ быть съ знатными особами Французской отъ меня корреспонденціи, на которую моего Фусколя, сколько я сей языкъ разумѣю, кажется, недостанетъ. А при томъ такой человѣкъ можетъ лучше многихъ предать свѣту свидѣтельство производимыхъ дѣлъ, изъ коихъ худаго я, кромѣ развѣ несчастія, опасаться причины не имѣю; а сего ради я васъ объ немъ, если возможно, и прошу.

4.

Изъ шанца, 1769 года Ноября 5-го дня.

Предъидушее, отправленное отъ меня отъ 28-го минувшаго мѣсяца покажетъ во всей чувствительности вамъ, мой любезной другъ, сколь много меня обрадовать или, такъ сказать, оживить должна была полученная 30-го, а отправленная отъ васъ 16-го числа минувшаго же мѣсяца депеша и ваше при томъ любезное мнѣ со всѣми приложеніями письмо. Хотя же первая ничего не изъявляетъ о моихъ здѣшнихъ по слабому искусству, но по совершенному усердію, распоряженіяхъ, но возлагаетъ только то новое дѣло, которое по вашей же экспедиціи происходитъ [5]); однакоже со всѣмъ тѣмъ неописанно и она меня обрадовала, особливо, что изъ нея увидѣлъ я благополучное пребываніе той моей всемилостивѣйшей Государыни, для которой единственно я теперь остальныя обремененныя мои силы службѣ посвящаю, не будучи уже тѣмъ отягощаемъ, чтобы я недовольно ихъ на службу моего Отечества чрезъ тридцати-трехлѣтнее во оной упражненіе безъ всякой себя пощады въ наизнурительнѣйшихъ понесеніяхъ истощилъ.

Всеконечно не оставлю я сіе возлагаемое на меня дѣло по лучшему усердію и достатку моей способности производить, а о проис-

---

[5]) Т.-е. о посылкѣ въ Крымъ для склоненія Татаръ отложиться отъ Турціи.

шествіяхъ по тому въ свое время увѣдомлять. Вы, дорогой другъ, передъ симъ о призывѣ ко мнѣ изъ Кіева не Веселицкаго, а Бастевика, писали, который, по моему требованію на сихъ дняхъ, бывши отъ меня туда отпущенъ, и пріѣхалъ. О присылкѣ же ко мнѣ уже въ Харьковъ, какъ Веселицкаго такъ и секретаря Равича, я нынѣ только писалъ (но о послѣднемъ сказываютъ, будто умеръ); равнымъ образомъ и по приложеннымъ другимъ копіямъ, касательнымъ до уніатскаго народа, я надлежащія употребленія въ представляющихся иногда мнѣ къ тому случаяхъ по настоящему съ ними соображенію дѣлать не пренебрегу.

Таперь же обращусь на тотъ случай, что̀ произвело ваше положеніе съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ о возвращеніи моихъ курьеровъ. Здѣсь влагаю копію съ полученнаго отъ него съ симъ послѣднимъ моимъ отъ васъ курьеромъ постскрипта при его обыкновенномъ ко мнѣ письмѣ, изъ которой и вы, надѣюсь, какъ я, тоже самое усмотрѣть изволите, какъ тутъ продирается всегдашній замыслъ похищенія надъ всѣми (его гораздо заслуженнѣе) персональной власти военнаго министра, до которой я въ службѣ никакъ дожить не могу, и для того васъ тѣмъ братствомъ и дружбою прошу, словесно ли или и показаніемъ сего письма Ея Величеству, представить: какъ мы, будучи возращены дѣтьми тѣхъ отцовъ, которые при главныхъ ихъ командированіяхъ надъ войсками никогда ни въ чьемъ персональномъ подчиненіи кромѣ самихъ государей или учреждаемыхъ особъ изъ первыхъ степеней присутственныхъ мѣстъ, да и сами уже собственно, дослужившись сего степени, никогда въ такомъ подверженіи не бывали, то и не можетъ оное, а мнѣ наипаче, быть инако, какъ убійственно, для того, что сверхъ нашего изобыкшаго уже въ томъ отъ примѣровъ отцовъ и собственно своихъ предубѣжденія, я его сіятельства и долговременнѣе и многотруднѣе всегда служу. А и по практическому испытанію чрезъ всемилостивѣйшее меня пожалованіе нѣкоторымъ образомъ къ министерскому же и сенатскому дѣлу и по другимъ подобнымъ комисскимъ мѣстамъ, любочестіе мое не дозволяетъ мнѣ признаться, чтобъ и въ сей службѣ я равняться съ нимъ не могъ. Да и превозвышеніе его единымъ старшинствомъ въ нынѣшнемъ чинѣ доставили ему не излишнія предо мною службы, но дворскія способности, отъ которыхъ я, всегда уклоняясь, шелъ и иду моею одною настоящею по службѣ званія своею дорогою, имѣвъ то несчастливое врожденіе, что не только такому свойственнику, ни вамъ собственно, дорогой мой другъ и единоутробникъ, не въ состояніи заслуженнаго своего званія въ порабощеніе предать. А потому и нельзя мнѣ никакъ, получа счастіе предводительствовать въ полѣ при царствованіи ны-

нѣшней справедливѣйшей Монархини уже въ двугорядъ цѣлою арміею, снизвергнуться въ то, чтобы отъ коллежскихъ вице-президентовъ зависѣть, званія моего распоряженіями и должностью приходить къ его персональному въ дѣлахъ службы вспоможенію, сверхъ установленнаго въ коллегіяхъ порядка, который я и исполняю, представляя только то, что̀ до экономическаго снабженія мнѣ ввѣреннаго войска принадлежитъ въ Военную Коллегію [6]). А изъ-за онаго, кажется, и несходно мнѣ еще прибѣгать къ персональной протекціи вице-президентской. Да и ей-ей ни силъ, ни времени не достанетъ ко всѣмъ вице-президентамъ коллежскимъ по дѣламъ службы сверхъ еще узаконеннаго порядка писать; ибо я теперь по экономическимъ дѣламъ чуть не со всѣми государственными коллегіями дѣло имѣю и имѣть могу. Да и какія власти и должности есть въ другихъ государствахъ военныхъ министровъ, того по счастію Россійское войско, побѣждая большею частью министерскаго управленія войски, до сихъ поръ не знаетъ. Мое же увѣчное и страждующее здоровье на весьма уже короткое остальное службы моей теченіе конечно не можетъ далѣе продлиться, какъ до момента подчиненія новой не привыкшей еще власти военнаго министра и персонѣ меньше заслуженнѣе себя; чего я въ счастливой вѣкъ благополучнаго надъ нами царствованія правосуднѣйшей и великой Екатерины Второй никогда ужасаться съ отчаяніемъ не могу.

Полученной при продолженіи сего отъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшій рескриптъ, препровожденной вашимъ весьма короткимъ, но мнѣ всегда любезнѣйшимъ письмомъ, такъ сказать не только меня ободрилъ, но и совсѣмъ оживотворилъ высочайшую Ея Величества, по отправленію нынѣшняго моего столь важнаго званія, ко мнѣ довѣренность.

Продолженіе всеподданнѣйшаго доношенія, такъ какъ и сего къ вамъ, мой любезнѣйшій другъ, письма перервало вдругъ полученное мною гораздо задлившееся, а потому съ нетерпѣніемъ ожидаемое и въ разсужденіи того, что не вездѣ отъ пушечныхъ черезъ рѣку выстрѣловъ арміи разбѣгаться и крѣпости обставлять могутъ, довольно пріятное отъ корпусовъ здѣшней арміи, изъ-подъ Бендеръ, извѣстіе объ одержанныхъ съ достоинствомъ славы оружія нашей всемилостивѣйшей Государыни побѣдахъ, при четырехъ сраженіяхъ надъ непріятельскими подъ предводительствомъ самихъ оставленнаго въ Бендерахъ сераскира и Татарскаго хана войсками, и о безвредномъ вступленіи въ возвратный походъ отъ меня деташированныхъ корпусовъ, о чемъ я здѣсь влагаю для поднесенія всеподданнѣйшую мою обстоятельную реляцію.

[6]) Какъ это напоминаетъ князя А. И. Барятинскаго и его настоянія съ 1866 года!

Истинно столько усталъ, что не могу больше, какъ присовокупить: хотя припадки мои меня очень мучатъ, однакожъ еще не опаснѣе того, какъ при васъ безъ положенія въ постелю часто бывало. Затѣмъ же, любезнѣйшій другъ, живи съ Богомъ, а я пошелъ ужъ въ свою настоящую зимнюю квартиру; но и тамъ, такъ какъ вездѣ, съ непоколебимою дружбою, вѣрнымъ братствомъ и искренностію по смерть всѣмъ сердцемъ и душею вамъ пребуду вѣрной братъ, другъ и покорный слуга.

5.

Харьковъ, Генваря 8-го дня 1770-го году.

Съ симъ будетъ имѣть честь къ вамъ, любезнѣйшій другъ и дорогой братецъ, представиться г-нъ генералъ-порутчикъ Бергъ въ послѣдованіе насланнаго ко мнѣ давно уже всемилостивѣйшаго объ отлученіи его на время отъ своей команды дозволенія, которымъ онъ однакожъ со всѣми своими наистѣсненными обстоятельствами, по обыкновенной ревности къ службѣ, не хотѣлъ прежде пользоваться, пока по моему новому его назначенію къ предводительству корпуса, предположеннаго къ дѣйствіямъ и въ будущую кампанію на Крымской степи, не сдѣлалъ всѣхъ потребныхъ распоряженій и ко мнѣ представленій на тѣ предметы и виды, кои ему отъ меня нѣкоторымъ образомъ первоначально и нынѣ уже даны узнать о возлагаемыхъ на его корпусъ дѣйствіяхъ. Почему, такъ какъ и по всѣмъ первоизвѣстнымъ мнѣ въ немъ качествамъ, весьма способнымъ на пользу настоящихъ высокихъ Ея Императорскаго Величества нашей всемилостивѣйшей Государыни военныхъ намѣреній и повелѣній, не могу я обойтиться, чтобы въ милость вашу его не рекомендовать, какъ такого генерала, кой преисполненъ сколь отличныхъ ревности и неутомленія въ трудахъ, а мужества въ предпріимчивостяхъ на исполненіе возлагаемыхъ на него военныхъ дѣйствъ, столь же нетерпѣливо чувствителенъ на всякіе представляющіеся ему огорчительные виды, будучи однакожъ всегда готовъ за всякое приласканіе себя утѣшить и наичувствительнѣйше благодарнымъ быть, особливо отъ вышней руки. Чего ради васъ, дорогой другъ, и прошу способствовать вашимъ преставительствомъ, какъ всемилостивѣйшему его хотя нѣкоторымъ въ пріемѣ обхожденіемъ приласканію, такъ и къ пожалованію ему по отправленной моей съ нимъ реляціи столовыхъ денегъ, къ коимъ онъ, кажется, справедливое сравненіе имѣть можетъ съ подобно оныя получающими предводительми особыхъ корпусовъ и не въ такъ трудныхъ степныхъ походахъ и не между такими Азіатическими своими подчиненными.

Съ тою же реляціею я поручилъ ему на представленіе себя Ея Императорскому Величеству адресоваться къ графу Захару Григорьевичу, яко къ персонѣ, къ зависимости которой его званіе отнестись имѣетъ; не меньше онъ того дозволитъ ему къ своему выслушанію все то представить, что̀ онъ имѣетъ на лучшее поспѣшествованіе возлагаемой на него экспедиціи. А и въ прочемъ во всемъ по моему нынѣшнему состоянію и упражненію ссылаюсь на него, такъ какъ на достовѣрнаго всему оному свидѣтеля, присовокупивъ и ту еще мою просьбу, чтобъ и ко исправленію его собственныхъ дѣлъ время ему до перваго будущаго Апрѣля мѣсяца числа пожаловано было, не смѣя уже помѣщать хотя о малой нѣкоторой ему помощи на убытки сего его проѣзда въ такъ разстроенномъ состояніи.

Жестокость моей болѣзни, коя теперь однакожъ обратилась въ обыкновенное свое во мнѣ состояніе, поставила меня въ промедленность произведенія возложенной на меня о попыткѣ къ Татарскимъ ордамъ экспедиціи, въ кою я теперь какимъ образомъ уже дѣйствительно вступилъ, здѣсь приложенная о томъ моя особая записка васъ, мой дорогой другъ, достаточно на всякое потребное употребленіе увѣдомитъ. Я же буду на нее ожидать отъ васъ отповѣди съ надлежащими къ дальнѣйшему меня руководству примѣчаніями. А съ нынѣшнею моею депешею адресовался я чрезъ рапортъ на указъ Государственной Военной Коллегіи между различными ея распоряженіями и мнѣ обыкновенными канцелярскими наставленіями о истребованіи ко умножающемуся на будущую кампанію подвозному магазейну погонщиковъ изъ Украины съ такимъ въ сію коллегію представленіемъ, что сверхъ бывшихъ въ минувшую кампанію и теперь дѣйствительно при здѣшней арміи у воловъ подвижнаго магазейна состоящихъ 1285 погонщиковъ, надобно теперь получить еще оныхъ 4500 человѣкъ, кои я полагалъ въ будущую кампанію замѣнить требованными мною сверхкомплектными ко усилованію здѣшней арміи людьми. Но какъ оныхъ мнѣ получить уже нельзя, а такъ великаго числа погонщиковъ изъ Украины безъ особливаго повелѣнія Ея Императорскаго Величества мнѣ истребовать безъ великаго потерянія времени неудобно жъ: то и просилъ оную коллегію, дабы она благоволила въ надлежащія мѣста о нарядѣ оныхъ погонщиковъ повелѣніе исходатайствовать. А и васъ, любезнѣйшій другъ, прошу сношеніемъ по тому съ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ употребить ваше ко оному подкрѣпленіе и вспомоществованіе. Затѣмъ же пребывайте съ Богомъ, и вѣрь, что я всѣмъ сердцемъ и душею всегда непремѣнно братъ, другъ и слуга.

6.

Харьковъ, Генваря 25-го дня 1770-го году.

1-е. Предъидущія мои съ пріобщенными отъ графа Румянцова [7]) ко мнѣ и отъ меня къ нему письмами вамъ, надѣюсь, довольно показали, что онъ и меня, такъ какъ и васъ, осыпаетъ откровенными словами, которыя только о его точныхъ намѣреніяхъ и утвердительныхъ положеніяхъ (коихъ, думаю, и никогда нѣтъ) ничего не сказываютъ. Посему могу съ твердостію увѣрить весь вашъ совѣтъ, что оной никогда ничего не получитъ о томъ, какія онъ положитъ непремѣнныя намѣренія и возможности найдетъ отдалять непріятеля отъ осады, но оное всегда останется въ неизвѣстности къ тому концу, дабы равнымъ образомъ и на всѣхъ другихъ свои неудачи также слагать, какъ теперь слагаетъ на Штофельна, оставляя ему противъ непріятеля настоящія операціи вести съ половиною арміи; а сами два полные генерала остаются за нѣсколькими рѣками отъ онаго въ такихъ заготовленіяхъ магазеиновъ, которые еще впередъ будутъ требовать время и способовъ на перенесеніе къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ полагается намѣреніе съ непріятелемъ дѣйствовать. Собственное жъ присутствіе всякую бы медленность поправить могло.

2-е. Много еще, мой любезной другъ, и впередъ равноподобныхъ случаевъ къ расширенію помѣшательствъ представляться тамъ будетъ, какіе случились о появившемся повѣтріи, о которомъ я въ своемъ предузнаніи не ошибся: ибо его сіятельство уже меня увѣдомилъ, что оно миновалось и ничего не значило, продолжая со мною свою переписку, или возвращеніемъ отъ себя моихъ нѣсколько дней задержанныхъ курьеровъ или съ порученіемъ на проѣздѣ въ Петербургъ своимъ курьерамъ отдать письма ко мнѣ въ Кіевѣ, которыя потому же чрезъ обыкновенную почту довольно дней теряютъ; слѣдовательно не излишнее бы было и о собственной промедлительности не меньше, какъ о другихъ примѣчанія дѣлать.

3-е. Имѣю причину я удовольствіе себѣ представлять, что графу Григорью Григорьевичу [8]) не понравилась моя съ нимъ переписка, на которую я никогда никакой отповѣди не имѣю; однакожъ и послѣ того письма̀, кое вы у его сіятельства видѣли, я еще къ нему съ пространностію писалъ о нѣкоторой требующейся во отрядъ на осаду людей и пороху добавкѣ.

---

[7]) Главнокомандовавшаго первой арміею.

[8]) Генералъ-фельдцейхмейстеру Орлову, тогдашнему любимцу Государыни.

4-е. Здѣсь прилагаю къ поднесенію Ея Императорскому Величеству мою о обыкновенномъ теченіи здѣшнихъ дѣлъ реляцію, на которую сославшись заключаю сіе тѣмъ, что я и съ женою здоровы; а къ вамъ всѣмъ сердцемъ и душею прибываемъ во всемъ непремѣнны. Благодарствую, мой любезнѣйшій другъ, за пожалованіе моей Катенькѣ серегъ.

7.

Харьковъ, Февраля 5-го дня 1770-го году.

Между отправленнаго отъ меня послѣдняго въ Петербургъ курьера Сумарокова до сего подоспѣли отъ васъ, мой любезный другъ и дорогой братецъ, три письма.

Въ первомъ изъ нихъ, не по образу моего къ человѣчеству расположенія, но по образу подлыхъ и непростительныхъ ухватокъ господъ нынѣшнихъ Французовъ, много мнѣ увеселенія принесли палочные удары послу Французскому, да еще и отъ скаредной Турецкой бабы причиненные, которые, какъ бы они ни происходили, но если не въ нынѣшнія, такъ въ будущія времена, конечно сдѣлаютъ пятно святости особы въ посольской персонѣ, знаменующейся въ сей столь щекотливо въ пунктѣ чести представляющей себя націи.

По второму. Давно я, любезнѣйшій другъ, примѣтилъ и все удобовозможное раченіе обращаю на исправленіе ревнительнаго въ нашемъ ремеслѣ господина Берга отъ нѣкотораго заблужденія въ ненасытныхъ пожеланіяхъ того себѣ обогащенія, котораго нимало сберегать никакихъ способностей не имѣетъ. Но когда въ томъ не предуспѣвается, то по послѣдней мѣрѣ ко извлеченію изъ него полезной на службу государства способности легче снисходить на тѣ его онаго изъисканія, производимыя тягостію невременной своей просьбы, нежели на такія, кои происходятъ въ тѣхъ же намѣреніяхъ, но съ безпощаднымъ вредомъ всякаго вообще и каждаго особо дѣла и персоны, каковыми людьми съ такимъ расположеніемъ по несчастію наше сообщество еще болѣе изобилуетъ, нежели съ подобною малодушною въ семъ случаѣ г-на Берга слабостію.

Въ послѣдованіе счастливо послужившей къ благоволенію нашей всемилостивѣйшей Государыни записки моей о Татарскомъ дѣлѣ имѣю таперь еще сіе прибавить. Случившійся между плѣнными въ корпусѣ генерала Берга Татаринъ, начальствующій надъ однимъ кибиточнымъ совокупленіемъ (изъ тѣхъ, кои въ прежнія времена изъ-подъ Россійскаго скипетра Калмыцкаго поколѣнія, откочевавъ въ Крымъ, тамъ въ Татарскую орду присообщились, и коихъ уже немалое число те-

перь тамъ состоитъ) по нашимъ здѣсь склоненіямъ обратился къ тому, что понеже онъ до своего плѣненія слыхалъ отъ всей той орды, при начатіи нынѣшней войны, на Турецкое иго негодованіе и намѣреніе ко изысканію способовъ на возвращеніе по прежнему подъ скипетръ Всероссійской, то и взялся всѣхъ ихъ ко оному нынѣ уговорить. Посему я и его туда сверхъ первыхъ на сихъ дняхъ отправилъ; а съ какимъ основаніемъ, о томъ покажетъ вамъ, любезнѣйшій другъ, здѣсь вложенная записка съ пріобщенною копіею, и счастливъ я тогда буду, когда ко всеподданнѣйшей моей Ея Величеству благодарности за всемилостивѣйшій отзывъ по первой моей запискѣ будетъ успѣхъ сего дѣла хотя малѣйшимъ образомъ соотвѣтствовать тому моему усердію, кое я съ напряженіемъ всѣхъ моихъ силъ употребляю въ истинную вѣрность и усердіе службы и славы сей нами обожаемой Государыни.

По третьему. Я никакого письма ни съ симъ, ни съ прежнимъ курьеромъ въ отвѣтъ на мои отъ его сіятельства графа Григорья Григорьевича еще не получалъ. Чего же нѣтъ, въ томъ придется способствоваться тѣмъ только, чѣмъ будетъ по основанію обстоятельствъ времени и всѣхъ удобностей возможно. Но къ недостатку въ людяхъ меня больше всего ужасаетъ такъ дальній къ самому дѣйствію и вдругъ переходъ, на которомъ въ прежнія времена многими примѣрами испытано, что и однѣми болѣзньми и разными изнеможеніями и въ многочисленныхъ арміяхъ великой недостатокъ въ людяхъ и при маршѣ по такому отстоянію цѣлой кампаніи принялся. Но какъ въ нашемъ ремеслѣ нѣтъ ничего безъ отваги, то и сіе я на оную же отнести принужденъ.

По полученному рескрипту изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ я впередъ настоящимъ образомъ и доносить и оной исполнить въ способное время не премину. Но чтобъ отъ варварскаго командира получить въ пріемѣ письменное свидѣтельство, до того дойтить способовъ не предвижу. Вмѣсто чего и принуждено будетъ замѣниться тѣмъ свидѣтельствомъ, кое взято будетъ отъ выпровоженныхъ изъ нашихъ форпостовъ въ Турецкіе предѣлы шкипера Османа-аги и его товарищей.

Затѣмъ же и обращаюсь я таперь, любезнѣйшій другъ, со вседушевнымъ васъ объятіемъ къ наивеличайшему благодаренію за извлеченіе меня и Марьи Родіоновны изъ преглубокаго смущенія обнадеживаніемъ отправить ту бабку, которую она сама лучше всѣхъ другихъ желала. Впрочемъ пребывайте съ Богомъ; а я всегда непоколебимо пребываю во всемъ вамъ непремѣнно братъ, другъ и слуга.

Приписка графини М. Р. Паниной.

Позвольте мнѣ, батюшка, любезнѣйшій графъ Никита Ивановичъ, здѣсь изъявить вамъ чувствительную благодарность моего сердца за доставленіе мнѣ чрезъ попечительное стараніе ваше такія нужныя для меня особы, какова есть та бабка, кою вы вскорѣ прислать обѣщаетеся. Сей знакъ вашей ко мнѣ неоцѣненной милости и дружбы конечно бы еще умножилъ къ вамъ моего почтенія и преданности, еслибы до того не столь совершенно то и другое къ вамъ имѣла та, которая со всею искренностію пребывать не престанетъ вамъ всепокорная и усердная услужница

Г. М. Панина.

8.

Харьковъ, Февраля 16-го дня 1770-го году.

Имѣя случай замѣнить отправленіе обыкновеннаго курьера препровожденнымъ симъ вручителемъ, генералъ-квартирмистромъ господиномъ Каховскимъ (отпущеннымъ по его желанію въ Петербургъ на 29 дней) начально пріобщаю къ поднесенію мою всеподданнѣйшую реляцію, на кою вамъ, любезнѣйшій другъ и дорогой братецъ, сославшись, буду ожидать непродолжительной себѣ отповѣди; а при томъ съ большимъ благодареніемъ за послѣднее полученное ваше отъ 5-го числа сего мѣсяца письмо нахожу отвѣтствовать.

Здѣсь приложенныя копіи покажутъ вамъ, дорогой другъ, новое подтвержденіе справедливыхъ вашихъ проницаній о изысканіи при недостаткахъ великаго мужества и духа всякихъ такихъ раздробленій, средствъ и мѣръ, которыя бы послужить могли къ двоеобразному обращенію; ибо тутъ вы увидите завлеченіе моихъ легкихъ войскъ на тѣ безплодныя и безвременныя изнуренія, кои изъ себя ничего въ пользу нашу не предвозвѣщаютъ, но насупротивъ того съ точностью ознаменуютъ, что сею малою войною хотятъ брать непріятеля съ сильной, а себя употреблять съ слабой стороны, преподавая случай оному изъ своего невѣжества поучаться и ободряться хотя и малыми, но неминуемо при раздробленныхъ обращеніяхъ получаемыми надъ тѣми пѣхотными войсками поверхностьми, кои, гоняючись въ подкрѣпленіе своихъ легкихъ конныхъ и не бывши никогда отъ сего непріятеля побѣжденными, напослѣдокъ ввергаются въ его пораженіе къ собственному въ непобѣдимости своей духа упадку, а его отъ онаго ободренію. Отъ здѣшняго моего расположенія никакою дорогою я своихъ войскъ за Днѣстръ къ лѣвой сторонѣ доставить не могу прежде полеваго корму, какъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ оныя и отъ одного голоду

прибудутъ туда не въ лучшемъ состояніи, какъ Румянцовъ своихъ описываетъ, что намѣренъ всѣхъ на новыхъ лошадей пересадить, къ чему и было пріуготовляться ему время; а мнѣ отнынѣ онаго недостанетъ: ибо, дорогой другъ, послѣдне возвратившіеся мои для осмотра Буга и Днѣстра рѣкъ посыланные меня увѣряютъ, что въ томъ краю лошадей уже кормятъ соломою съ кровель, я и не могъ никакъ поступить на такое отъ меня графа Румянцова требованіе. Какъ же у васъ оное, если свѣдаютъ, будетъ принято и что̀ вы сами по тому искренне разсуждаете, прошу меня со всею откровенностію увѣдомить. А я въ семъ случаѣ больше всего о томъ жалѣю, что нашъ Репнинъ (какъ меня возвратившійся мой адъютантъ Ферзенъ увѣрилъ), будучи наичувствительнѣйшимъ образомъ оскорбленъ оттого, что признанныя на мѣстѣ всею арміею въ минувшей кампаніи его наивеличайшее предъ всѣми усердіе, отвага во всѣ опасности и споспѣшествованіе ко всѣмъ главнымъ бывшимъ предпріятіямъ не были ни отъ кого ни однимъ словомъ нигдѣ ни признаны, ни ознаменованы, теперь, съ отчаянностію бросавшись на все представившееся, взялся и на сію новоизобрѣтенную въ гоняніи за Татарами экспедицію и собственно просилъ меня о отправленіи требованныхъ изъ здѣшней арміи на то легкихъ войскъ. Но я онаго сдѣлать никакъ по разнымъ мнѣ непреодолѣемымъ худымъ воображеніямъ, повлекающимъ препятствія главнымъ въ будущую кампанію намѣреніямъ, не могъ, о чемъ къ нему съ тѣмъ присовокупленіемъ и отвѣтствовалъ, что мнѣ и отъ нихъ не милы подобныя изнуренія своихъ войскъ на нерѣшительныя дѣйствія, ввергающія только въ опасность и приведеніе въ безсиліе ихъ арміи на предстоящія ей противоборствія и на внѣдриваніе въ людей того вреднаго негодованія, кое съ собою приносится отъ того (какъ я слышу), что ихъ кавалеристы сѣдлы на плечахъ носятъ, а и пѣхота вмѣсто неполучаемой обуви и времени къ сдѣланію оной, ходя съ обверченными ногами въ сырой скотской кожѣ, пріучается видѣть сего непріятеля, врывающагося въ ихъ линіи и отходить безплодно отъ стѣнъ городскихъ. Кои всѣ обстоятельства, дорогой мой другъ, и поставили меня въ упорство не преклониться на преждевременную отвагу моихъ легкихъ войскъ къ подобнымъ же приключеніямъ безъ рѣшительныхъ плодовъ.

Нарушили вы, дорогой другъ, нѣсколько нашего успокоенія тѣмъ, что мы, было, по первымъ вашимъ письмамъ, вознадѣялись получить вѣрно и скоро самую ту повивальную бабку, которую моя Марья Родіоновна предпочтительнѣе всѣхъ другихъ желаетъ и на нее надѣется, сказавъ въ послѣднемъ вашемъ, что отправленіемъ ея удержались до другой недѣли, дабы по письмамъ къ вамъ сестрицынымъ не могли

здѣсь съѣхаться двѣ бабки. Но въ Москву о точной присылкѣ сюда бабокъ никому поручено не было, а давалась коммисія доктору Далю, отпущенному туда на 29 дней, навѣдываться только на случай, еслибы со всѣми удобовозможными исканіями изъ Петербурга изъ извѣстныхъ получить было невозможно, то нельзя ли бы было и оттуда какою лучшею передъ здѣшними поспособствоваться. Однакожъ сіе уже бы было къ великому насъ обремененію, отчего и утѣшаюсь я тѣмъ единымъ, что вы конечно приговоренную или отправили, или послѣ сего непремѣнно тотчасъ отправите: ибо мы уже съ полученія первой отъ васъ объ ономъ надежды писали въ Москву, что намъ оттуда никакой бабки не надобно.

Впрочемъ, любезнѣйшій другъ, позволь сіе окончить хотя мысленнымъ, но вседушевнымъ васъ моимъ объятіемъ, что вамъ на всю жизнь всемъ сердцемъ преданъ.

9.

Харьковъ, Февраля 23-го дня 1770-го году.

Любезное ваше, дорогой братецъ, послѣднее письмо, пущенное ко мнѣ отъ 12-го нынѣшняго мѣсяца, несказанно какъ меня огорчило увѣдомленіемъ той моей погрѣшности, что я отъ 5-го сего жъ мѣсяца реляцію пропустилъ своею рукою подписать, чему конечно, дорогой другъ, настоящая причина въ моихъ страдальческихъ ежевременныхъ наимучительнѣйшихъ хирагрическихъ припадкахъ, кои нынѣ уже наисильнѣйшимъ образомъ мою и голову атакуютъ, особливо при углубительныхъ размышленіяхъ и кои въ день того отправленія меня самымъ сильнѣйшимъ образомъ и такъ мучили, что я всю свою диктатуру, имѣя ее въ тотъ день въ разныя мѣста немалую, дѣлалъ съ перерывательнымъ отдыханіемъ, которая меня и вовлекла въ ту наичувствительнѣйшую теперь погрѣшность, по коей васъ всею дружбою прошу, положа меня хоть заочно предъ стопы нашей всемилостивѣйшей Государыни, именемъ моимъ всеподданнѣйше испросить всемилостивѣйшаго не единаго токмо прощенія, но ради будущаго въ актахъ свидѣтельства и высочайшаго повелѣнія оную мою неподписную реляцію перемѣнить здѣсь вложенною таковою же со подпискою; а и другую у сего къ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества рукамъ слѣдующую пожаловать поднести и на которую по теченію здѣшней моей службы я вамъ, мой любезнѣйшій другъ, сославшись, то повторяю, что она доноситъ и о нынѣшнемъ здѣшней арміи, также и границъ отъ непріятеля не только безъ всякаго поврежденія, но безъ единаго встревоженія, пребываніи, коимъ я начинаю уже себя съ нѣкоторымъ удовольствіемъ облещать въ томъ, что оно будетъ

конечно первымъ изъ всѣхъ зимъ, бывшихъ и нынѣшней съ Туркомъ войны не только безвреднымъ, но и безъ всякихъ тревогъ и помѣшательствъ въ земскихъ промыслахъ здѣшнихъ обывателей пребываніемъ, и кое однакожъ нельзя совсѣмъ отнести на сдѣланныя мои къ Татарскимъ ордамъ попытки; потому что я отъ оныхъ еще ни съ какой стороны себѣ отповѣди не только не имѣю, но насупротивъ того чрезъ одного прибывшаго въ Сѣчу Запорожскую изъ Крыма христіанскаго бѣглеца Грузинца получилъ извѣстіе, что во ономъ острову всѣ Татара были ихъ обыкновеніемъ выкликиваны на впаденіе въ здѣшнія границы и въ минувшемъ мѣсяцѣ. Но какъ они здѣсь не побывали, то знать не согласились на оное по тому порученію, которое здѣсь надъ ихъ присыланною первою для попытки партіею при нынѣшнемъ всей степи, такъ сказать, унизаніи моими постами произведено было. Но какъ оно ни есть, мой любезнѣйшій другъ, однакожъ прошлая зима здѣсь стоила до 16.000 обывательскихъ головъ и душъ, а нынѣшняя ни одного волоса.

10.

Харьковъ, Марта 4-го дня 1770 году.

При семъ слѣдующая къ поднесенію Ея Императорскому Величеству моя всеподданнѣйшая съ приложеніемъ реляція представитъ къ вашему, мой дорогой братецъ, политическому примѣчанію тѣ основанія, какимъ образомъ закинутую отъ насъ уду Татара съ нѣкоторымъ зна́комъ къ нашему обнадеживанію клевать начали и коимъ образомъ еще я мое на оную ихъ притяганіе продолжаю и какого тому себѣ спомоществованія испрашиваю, поручая все оное вашему дружескому проницанію и меня дальнѣйшему по содержанію во всемъ оной реляціи наставленію и разрѣшенію.

Позвольте жъ мнѣ, любезнѣйшій другъ, симъ попросить васъ о присылкѣ ко мнѣ съ первовозможными курьерами на необходимую мнѣ въ будущую кампанію надобность: 1) четыре замшаныхъ такихъ душегрѣйки, какія я по указанію мастера и по совѣту Григорья Николаевича Теплова въ Петербургѣ себѣ дѣлалъ и кои вы чрезъ него достать можете, только чтобъ во́роты какъ можно выше и ближе кругъ шеи лежали и они бы съ лацканами или обыкновенно сказать кроазе были. 2) Двѣ на верховыя лошади недорогія подъ степную пыль сѣтки, безъ которыхъ, какъ сказываютъ, на кургузыхъ лошадяхъ ѣздить отъ оводовъ и мухъ по той нельзя. 3) Сдѣлать чрезъ Фавинтина по моей мѣркѣ два Аглинскіе сюртука, цвѣтомъ какъ можно ближе къ пыли и съ такими жъ камзолами кроазе безъ всякаго галуну, но обложенные по борту, такъ какъ и сюртуки, такого жъ цвѣта снуркомъ, одинъ

изъ Аглинскаго драпу, а другой изъ Брюсельскаго или изъ шелковаго камлоту, который чтобъ надѣвался на кафтанъ, ради закрытія всего своего и съ рубашкою платья отъ здѣшней ужасной пыли, и для того, чтобъ у онаго были внутри обыкновенныхъ рукавовъ и обшлаговъ пристегаиные на петляхъ съ пуговицами или крючками такіе рукавчики, какъ у полукафтаньевъ Русскихъ дѣлаются, дабы оными по самыя кисти рукъ всю рубашку отъ пыли застегивать было можно и сего жъ ради, чтобъ у онаго сюртука былъ такой верхній воротникъ, которымъ бы возможно было весь галстукъ и всю подъ нимъ рубашку застегиваніемъ отъ пыли сохранять же и чтобы боковыхъ прорѣхъ у сюртука, кромѣ одной самой малой для пропуску шпаги, не было, а и задняя прорѣха имѣла бъ видъ обыкновенной накладки, но до низу столько зашита была, какъ обыкновенно у шинелей, а не у сюртуковъ дѣлается. Кои коммисіи не изволите ль положить по вашимъ суетамъ съ просьбою, при поклонѣ отъ меня, на дядю Петра Богдановича Пассека, чѣмъ усугубите вашихъ мнѣ одолженій? Марья Родіоновна моя вседушевно васъ благодаритъ за ея въ послѣднемъ письмѣ напоминаніе, а въ собственномъ неписаніи теперь извиняется тѣмъ, что стала Марьей Андреевной [9]) и всегда такъ, какъ и теперь, упражняется за вистомъ, однакожъ со всѣмъ тѣмъ обще со мною васъ наилюбезнѣйше теперь обнимая, всегда со всею искренностію пребываетъ, чѣмъ я сіе душевно кончаю.

11.

Харьковъ, Марта 12-го дня 1770 года.

От графа Григорья Григорьевича я получилъ обыкновенной канцелярской на всѣ мои съ нимъ вамъ извѣстныя разсужденіи отвѣтъ, кой можетъ быть и тотъ, на который теперь въ отдачѣ графу Чернышову ссылаются. Да сему я, мой другъ, отнюдь не удивляюсь, зная опытами, сколь разныя суетныя и забавныя упражненія отнимаютъ время порядочную и удовольственную переписку съ отсутственными вести не только въ партикулярныхъ, но и въ самыхъ тѣхъ важныхъ государственныхъ основаніяхъ, на которыхъ по всей подлинности главная безвредность каждаго заключается; но въ томъ та привычка всегда больше дѣйствуетъ, что отдаленныя и наиважнѣйшія воображенія такъ часто и сильно не встрѣчаются, какъ тѣ, кои присутственно наслаждаютъ похотѣнія людскія, хотя же ту подлинность и всякой непріятель нашъ признать долженъ, что въ бремени предводительства и пріуготовленія арміи на дѣйствы противу непріятеля все время столько

[9]) Говорится о графинѣ М. А. Румянцовой, извѣстной любительницы карточной игры.

разными упражненіями и съ размѣреніемъ всякаго дѣйствія пунктомъ всей жизни и чести занимаютъ, что конечно никакимъ другимъ упражненіемъ ни у кого больше занято быть не можетъ. Желаю единственно того только, чтобы привычка моя, какъ въ должности службы, такъ и во всякихъ обстоятельствахъ не быть нерадивымъ и притворнымъ, не навлекала хотя бъ тягости прочитывать мои отвѣтныя на всякое мною получаемое содержаніе.

На прошедшей недѣлѣ явился ко мнѣ принцъ Изенбургъ къ пребыванію волонтиромъ у здѣшней арміи, объявляя, что онъ Россійской службы подполковникъ 3-го гренадерскаго полку, состоящаго теперь въ первой арміи, и сказывая, что какъ вы, такъ и графъ Захаръ Григорьевичъ обѣщались объ немъ ко мнѣ писать, и что всемилостивѣйше отъ Ея Величества производится ему сверхъ обыкновеннаго жалованья по 2000 р. въ годъ пансіону; но не привезъ о себѣ ничего другаго, какъ подорожную за рукою князь Ѳедора Сергѣевича Голицына на почтовыя лошади, въ коей прописано только, что отправленъ сей подполковникъ отъ графа Захара Григорьевича ко второй арміи; но какой службы, къ кому и зачѣмъ и какъ отъ первой арміи отлучился, Богу свѣдущу! Онъ же зачинаетъ уже у меня просить всего къ содержанію ему по штатамъ принадлежащаго. И сколько я мало удивляюсь, что онъ со стороны моего любезнаго свояка такое отправленіе получилъ подобно многимъ другимъ, яко и послѣднее произошло о нарядѣ съ государства работниковъ къ Кременчугскому коменданту, не сказавъ ни ему, ни мнѣ, на какую работу и куда, но предписывая оному, чтобъ конечно ради пропитанія ихъ магазины заблаговременно имъ заготовлены были, кои слѣдуютъ быть въ мѣстахъ ихъ работы, ему лишь только и мнѣ никѣмъ не сказанныя. Почему сей заботной комендантъ неотступно моего объ ономъ разрѣшенія требуетъ; а я и самъ того не знаю и объ нарядѣ сихъ работниковъ прежде свѣдалъ по губерніи чрезъ штатское, нежели свое военное правленіе, которое также не знаетъ, куда оные обращены будутъ. Равномѣрно жъ на сихъ дняхъ имѣлъ я изъ сего нашего основательнаго военнаго правленія указъ, что 10 Февраля опредѣлялось въ немъ въ Петербургѣ, дабы къ крѣпостямъ Святаго Димитрія и Таганрогу провіантъ отправляемъ былъ не водою, какъ я располагалъ, а зимнимъ путемъ и до вскрытія еще рѣкъ; оной же указъ не только тамъ, но и мною здѣсь уже полученъ тогда, когда и зимній путь проминовалъ, и здѣсь всѣ рѣки недѣли двѣ прежде его вскрылись. Для чего пожалуйте хотя вы съ первымъ курьеромъ дайте мнѣ настоящее откровеніе о семъ принцѣ Изенбургѣ.

Не отяготитесь, мой любезнѣйшій другъ, таперечнимъ моимъ новымъ васъ о томъ утружденіемъ, чтобы хотя чрезъ Петра Богдановича поручить Фавинтину на мой счетъ мнѣ сдѣлать и ко мнѣ съ первыми курьерами, хотя въ маршу уже доставить два съ камзолами волана изъ двуличныхъ суконъ, буде сыскать можно, одно красное съ синимъ, а другое красное съ бѣлымъ; а буде съ бѣлымъ нельзя, то хотя съ зеленымъ, и чтобы они были по борту, съ выборомъ вами хорошенькихъ дессеиновъ, вышиты насквозь золотомъ, какъ можно недорого.

Прилагаю я здѣсь поданное прочитательное письмо отъ находящагося при мнѣ изъ Кіева вѣдомства Иностранной Коллегіи переводчика, въ которомъ, кажется, есть нѣкоторая справедливость; но какъ ихъ чины и награжденіе отъ вашей дирекціи зависятъ, онъ же человѣкъ изрядной и теперь отъ меня къ препровожденію Татарскихъ миссіонеровъ до Сѣчи посланъ, то я и прошу вашего, любезной другъ, по тому письму съ первымъ курьеромъ мнѣ разрѣшенія.

12.

Харьковъ, Марта 19-го дня 1770-го году.

Прибытіе вчерась Александра Ѳедоровича [10]) и князя Куракина [11]) несказанно какъ меня обрадовало, и я по разлученіи съ вами первые теперь столь удовольственные и пріятные сутки имѣю, въ которыхъ упражняюсь все съ ними любезнѣйшими разговорами о пребываніи въ отлучку мою и о провожденіи вашего времени, чрезъ которые коль ни чувствительно наслаждаюсь, столь не меньше отягощаетъ меня то, что вы отлучкою ихъ еще въ тягостнѣйшее опустошеніе отъ своихъ ближнихъ и привязанныхъ къ вамъ погрузились, въ чемъ подкрѣпляюсь только надеждою на нашего почтенія наидостойнѣйшаго друга г-на Салдерна [12]), у коего безпритворно дружескія въ безцѣнной его душѣ движенія во всемъ своемъ почтеніи изъявились и въ полученномъ ко мнѣ съ ними преисполненномъ прямыхъ знаковъ радѣтельной его ко всѣмъ нашимъ ближнимъ дружбы письмѣ, чрезъ представленное свое наилучшее попеченіе о нашемъ Алексашѣ [13]). Дай Богъ, чтобъ сей сдѣлалъ ему достойное за то соотвѣтствіе; а вы бы, доро-

---

[10]) Талызина.

[11]) Князя Степана Борисовича. Его отецъ, князь Борисъ Александровичъ, былъ родной племянникъ графовъ Паниныхъ.

[12]) Извѣстный Салдернъ былъ одною изъ змѣй, которыхъ графы Панины вскормили у себя за пазухой.

[13]) Вѣроятно говорится о князѣ Александрѣ Борисовичѣ, извѣстномъ впослѣдствіи канцлерѣ Россійскихъ орденовъ.

гой другъ, въ своей пустотѣ пребывали безвредны. Оное же теперь между первыми моими желаніями и заключается.

Здѣсь пріобщаю я къ продолженію вамъ потребнаго послѣдованія обстоятельную записку о послѣднихъ моихъ двухъ въ Татарскія орды отправленіяхъ, о которыхъ я къ вамъ прежде отзывался и къ чему еще присовокупить нахожу.

Маіоръ Бастевикъ, оставаючись въ Яссахъ нѣсколько и по миновапіи предписаннаго моего срока, не получилъ никакихъ отъ стороны Татаръ къ себѣ на мои письма отзывовъ и, не повстрѣчавшись съ моимъ къ нему на то его увѣдомленіемъ, нарочно отправленнымъ съ тѣмъ курьеромъ, дабы онъ, еще свое пребываніе въ томъ городѣ продолжая, послалъ новыхъ къ развѣдыванію миссіонеровъ, возвратился ко мнѣ и привезъ между прочими извѣстіями достойныя нѣкотораго примѣчанія только сіи. 1) Что будто ханъ Крымской подлинно къ визирю за Дунай отправился, либо по призыву, либо по причинѣ дошедшихъ до него отъ меня доставленныхъ въ ихъ орды писемъ и тѣхъ поколебаній, кои Татара по онымъ производятъ. 2) Что отъ Татаръ сдѣланное нападеніе предъ недавнимъ временемъ къ разоренію нѣкоторыхъ Польскихъ селеній, между Днѣстромъ и Бугомъ лежащихъ, произведено было по единому положенному ихъ отмщенію на Поляковъ за то, что одинъ ихъ шляхтичъ съ собранною шайкою изъ приближенныхъ отъ сихъ Татаръ постовъ къ Польскимъ того краю границамъ нѣсколько скотинъ отогналъ, а Татара между собою заключили, что Россіяне на нихъ огорченія своего за оное не умножатъ, какъ за наказаніе такихъ людей, между коими и самимъ Россіянамъ многіе непріятели есть. 3) Что умершаго прошлаго года хана Крымъ-Гирея сынъ сераскиръ Бахчи теперь первенствующимъ начальникомъ надъ Едисанскою ордою, перешедшею изъ-за Днѣстра къ Очакову.

Въ разсужденіи сихъ и прежде отправленныхъ вамъ отъ меня по сей матеріи обстоятельствъ, я хотя послѣ завтра и отправляю Бастевика обратно въ пребываніе въ Яссы къ продолженію всѣхъ удобьвозможныхъ въ томъ краю для меня нужныхъ развѣдываній; а главнѣе къ доставленію отъ меня особаго письма къ означенному сераскиръ-султану, къ нему я препровождаю тожъ самое, какъ и къ другимъ сочиненное у васъ письмо съ возбужденіемъ въ немъ любочестія достойнаго сына такого отца, который своею одною породою и природными дарованіями себѣ ханство доставлялъ къ неупущенію представляющаго ему наиудобнѣйшаго случая до онаго не только достигнуть, но и утвердительнѣйшее для будущихъ временъ основаніе пріобрѣсти способомъ поверженія себя со управляющею теперь ордою въ сильнѣйшую и всемилостивѣйшую протекцію столь въ свѣтѣ просла-

вившейся побѣдами, милосердіемъ и мудрымъ управленіемъ своего народа Всероссійской Императрицы. Однакожъ какъ сего Бастевика въ такой отъ меня дальности на всѣ представляющіяся иногда обстоятельства достать не можетъ, да и лучше потребно мнѣ его будетъ имѣть при себѣ въ собственное къ симъ ордамъ приближеніе и къ пересылкамъ къ корпусу, опредѣляемому отъ меня съ дикими Калмыками на загражденіе предъ самыми сими ордами Очакова: то я, вслѣдствіе сихъ и прежде представленныхъ моихъ къ вамъ основаній, предполагаю за лучшее, чтобы по самой первой просухѣ отправить въ Яссы канцеляріи совѣтника Веселицкаго, яко его графъ Румянцовъ самъ требовалъ къ правленію тамошнихъ дѣлъ и, помѣстивъ во оныя, поручить ему сію экспедицію всѣми удобьвозможными случаями доводить подъ моимъ наставленіемъ и надзираніемъ къ желаемому концу. А понеже графъ Румянцовъ опредѣлялъ уже, при требованіи его изъ Кіева туда, выдать ему на проѣздъ и содержаніе изъ экстраординарной суммы тысячу рублевъ, которой онъ случаемъ призыву ко мнѣ не только лишился, но и убытокъ претерпѣлъ, не получивъ больше на свой проѣздъ, какъ на четыре лошади прогонныя деньги: то я вашего, любезнѣйшій другъ, прошу наставленія съ первымъ ко мнѣ курьеромъ о томъ, будутъ ли таковое его туда отправленіе и выдача ему тысячи рублевъ денегъ согласны съ расположеніемъ о сей экспедиціи у васъ, дабы я по оному ни малаго времени въ надлежащемъ распоряженіи пропустить не имѣлъ, и не надобно ли на оное мнѣ получить рескриптъ.

Вотъ здѣсь еще прилагаю я къ вамъ ради поднесенія Ея Величеству одно и удивительное отъ Ѳедора Матвѣевича Воейкова письмо, которымъ онъ проситъ о дозволеніи ему въ нынѣшнюю кампанію быть при дѣйствіяхъ военныхъ волонтиромъ, а у которой арміи, покажетъ вамъ при томъ пріобщенное ко мнѣ письмо, на что̀ прошу его утѣшить, а меня отъ просительныхъ убѣжденій освободить воспослѣдовавшимъ отвѣтомъ. Другое же отъ дяди жены моей князя Кантемира съ пріобщеннымъ при немъ о княжествѣ Молдавскомъ объясненіемъ, въ коемъ, сколько я примѣтить могъ хотя больше до одной исторіи касающагося, но и нѣчто примѣчанію на нынѣшнее время подлежащаго есть. А какъ онъ меня случаемъ ближняго теперь свойства (а паче благодѣтельной дружбы къ моей Марьѣ Родіоновнѣ его княгини), наисильнѣйшимъ образомъ убѣждаетъ получить отповѣдь на прежде отправленныя отъ него чрезъ меня къ вамъ письма: то я васъ, мой другъ, обязанъ наиприлежнѣйше просить преподать ему успокоеніе, буде другимъ нельзя, то хотя министерскимъ какимъ утѣшительнымъ на оное отвѣтомъ, чѣмъ много меня одолжите.

Затѣмъ же, дорогой другъ, пребывай съ Богомъ; а я съ силами здоровья своего, кажется, собрался подъять все бремя къ достиженію исполненіемъ возложенной на меня кампаніи съ преисполненнымъ сердцемъ наивеличайшей къ оному ревности и усердія, а къ вамъ съ непремѣнною любовію и преданностію, которыя до конца жизни сохранитъ тотъ, кто васъ теперь мысленно всѣмъ сердцемъ и душею обнимаетъ.

13.

Харьковъ, Марта 29-го дня 1770-го году.

По извѣстной вамъ, любезнѣйшій другъ и дорогой братецъ, моей безпредѣльной ревности къ службѣ нашей всемилостивѣйшей Государыни, особливо въ дѣлахъ и случаяхъ прямой важности, легко вы себѣ представите, какъ чувствительно теперь поражается мое сердце отъ новаго мнѣ въ лѣвой ногѣ такого припадка, что я на нее не только наступать, ниже и обуть не въ состояніи, въ такое жъ время, когда я всю мнѣ порученную армію въ настоящее движеніе уже привожу, и конечно бъ сіе было тяжелѣ смерти, ежелибъ оно меня лишало уже совсѣмъ надежды поспѣть съ нею; но какъ на проходъ оной до рѣки Синюхи съ полагаемаго времени по теперешней здѣшней все ненастной погодѣ къ полученію полеваго корма, кажется, недѣли четыре еще считать можно: то ласкаю себя къ тому времени выздоровѣть и хотя на почтѣ ее догнать. Да и въ противномъ случаѣ развѣ уже меня въ карету втащить будетъ нельзя, и я памяти лишусь, то тогда ужъ оное не отъ моего исполненія зависѣть будетъ, чѣмъ, Боже, меня не накажи!

Отступивъ отъ такъ непріятной матеріи, позволь, любезнѣйшій другъ, прежде всего тебя всею душею облобызавъ сказать: Христосъ Воскресе! при такомъ всѣхъ чувствъ моихъ поздравленіи съ симъ наступающимъ праздникомъ, какія только совершенная любовь, искренность и усердіе съ собой приносятъ.

Алексаша нашъ пріѣхалъ сюда въ такую распутицу, какую вы себѣ конечно по заочности и по здѣшнимъ никогда нечиненнымъ, а по самой жирной землѣ дорогамъ вообразить не можете; ибо у насъ курьеровъ въ простыхъ роспускахъ и съ припряганьемъ воловъ по цѣлому дню чрезъ селенія особливо городскія провозятъ, въ чемъ и здѣшнее мѣсто имѣетъ передъ многими знатное и такое превосходство, что я нѣкоторые дни на двѣнадцати лучшихъ лошадяхъ въ простой маленькой каретѣ сквозь него ѣхать не могъ, и еслибы здѣсь волы не помогали воловьимъ же въ томъ нравомъ, то бы большую часть годоваго времени люди изъ избъ своихъ выѣзжать никакъ не могли. Въ разсужденіи чего нѣтъ мнѣ средства никакого, Алексашу не убивая,

его прежде отправить, когда хотя нѣсколько земля обсохнетъ и воды сольютъ; сего же по нынѣшней здѣсь неожидаемой худой погонѣ ранѣе полагать нельзя, какъ счастливо если на Ѳоминой недѣлѣ.

Порученнаго мнѣ отъ васъ питомца Его Высочества, пріѣзжаго съ симъ письмомъ курьера, взялъ я къ себѣ на ординарцы; но чтобъ въ военныхъ наукахъ продолжался, то поручилъ его и нашего Гагарина къ генералъ-квартирмейстру лейтенанту Броуну, въ которомъ Ея Величество можетъ съ надеждою ожидать подобнаго или еще и превосходнѣе полководца его въ нашей службѣ жизнь окончившаго дѣда и знаменитыхъ по другимъ службамъ двухъ кровныхъ фельдмаршаловъ: ибо оной ни въ чемъ не упражняется и ничѣмъ другимъ не забавляется, какъ углубленіемъ себя всѣми силами въ наше ремесло, имѣя при томъ препохвальной Аглинской карактеръ.

Марья Родіоновна моя, теперь упражняясь въ говѣньи и молитвѣ, чрезъ меня васъ всею душею обнимаетъ и благодаритъ за бабку, которая ужъ сюда пріѣхала.

Господинъ Сентмаркъ съ графомъ Разумовскимъ [14]), препровожденные вашимъ дорогимъ письмомъ ко мнѣ, пріѣхали, которое конечно умножило еще моего къ нимъ наиусерднаго обращенія, коимъ, ласкаюсь, будутъ они конечно довольны.

Билинштейна со удовольствіемъ по вашему послѣднему письму ожидаю и по послѣдней мѣрѣ надѣюсь поспособствоваться въ немъ свидѣтельствомъ на будущія времена всѣмъ упражненіемъ здѣшней арміи. Затѣмъ же, любезный другъ, ссылаюсь я на слѣдующую у сего ради поднесенія мою всеподданнѣйшую реляцію, которая изъявитъ вамъ сдѣланное отъ моихъ легкихъ войскъ тѣмъ Татарамъ поученіе, кои дѣлали впаденіе въ Польскія между Днѣстромъ и Бугомъ селенія, а онымъ въ такую графа Петра Александровича заботу поставили, что онъ отзывался ко мнѣ опасностью до прибытія моей арміи на Днѣстръ отваживаться изъ нынѣшней въ Польшѣ позиціи, дабы лѣвой арміи его флангъ онымъ не открылся столь ужасному непріятелю; а какъ означенное порученіе моею партіею произведено соединенно и съ его, то пожалуйте съ первымъ случаемъ дайте мнѣ узнать, какимъ онъ образомъ сіе опишетъ.

14.

Харьковъ, Апрѣля 3-го дня 1770-го году.

Воображая со всею живостію дружескія ваши безпокойныя движенія по послѣднему отъ меня письму о новомъ моемъ въ лѣвой ногѣ подагрическомъ припадкѣ, зачинаю сіе изъявленіемъ, что оной со

---

[14]) Львомъ Кириловичемъ.

вчерашняго дни, кажется, обратился въ такое облегченіе, что могу себя ласкать не только безопасностію худаго какого слѣдствія, но и непродолжительнаго, особливо жъ несумнительнаго къ тому времени совсѣмъ освобожденія, въ которое я могу армію свою, проводимую таперь съ 15-го числа нынѣшняго мѣсяца въ дѣйствительной и безостановочной походъ, догнать на почтѣ до рѣки еще Синюхи, прежде ея настоящаго изъ разныхъ мѣстъ совокупленія, а съ того жъ числа соединяемой теперь уже на рѣку Синюху Елисаветградской весь деташаментъ, пошедъ безостановочными маршами, возметъ постъ и утвердится за рѣкой Бугомъ, предъ мѣстечкомъ Лодыжинымъ, къ которому подъ закрытіе послѣдуетъ и вся та осадная артилерія, коя съ безостановочнымъ на продолженіе марша состояніемъ подоспѣетъ въ Умань; также и будетъ туда перевозиться оставшій отъ зимняго расходу запасъ изъ магазейновъ Грановскаго и Уманскаго, чѣмъ совокупляемая моя армія у рѣки Черной Ташлыкъ при новостроющемся Павловскомъ редутѣ станетъ своимъ маршемъ котоировать и закрывать на свое подъ мѣстечкомъ Лодыжинымъ съ тѣмъ деташаментомъ соединеніе, гдѣ и будетъ, такъ сказать всей отряженной къ осадѣ арміи и всѣхъ заготовленій главное рандеву.

Здѣсь, дорогой другъ, слѣдуетъ къ поднесенію моя всеподданѣйшая Ея Императорскому Величеству реляція, на коюю сославшись, прошу вашего предстательства о дозволеніи намъ, по собственному согласію съ графомъ Петромъ Александровичемъ, обмѣняться нѣкоторыми полками, въ чемъ, надѣюсь, вы отъ моей стороны отдадите справедливость больше настоящему попеченію о вѣрнѣйшемъ способствованіи порученной мнѣ операціи, нежели приватной какой привычкѣ, потому что всѣ резоны, да и самая практика обѣщаетъ больше надежды на главное число тѣхъ военныхъ людей, которые своего непріятеля уже самымъ дѣломъ испытали, нежели на тѣхъ, которые вовсе онаго передъ собою никогда не видали; а изъ сихъ послѣднихъ моя и весьма малочисленная армія и тремя частьми больше состоящая противъ тѣхъ, кои однакожъ не съ нынѣшнимъ, но хоть съ другимъ непріятелемъ сражались.

Весьма много благодарствую васъ, любезной братецъ, за послѣдне мною полученное ваше отъ 19-го числа минувшаго мѣсяца письмо и за всѣ ваши попечительныя раченія о моихъ возложенныхъ коммисіяхъ, за которыя прошу отъ моей стороны поблагодарить Григорья Николаевича и дядю Петра Богдановича [15]). Сожалѣю жъ только, что первому изъ нихъ я сегодня на полученное письмо по межевымъ дѣ-

[15]) Пассека, сестра котораго была тещею графа П. И. Панина.

ламъ принужденъ не въ согласіе его отвѣтствовать, на кое сославшись однакожъ, отдаюсь на вашъ разборъ, и одолжите меня, когда ваше мнѣніе по оному мнѣ скажете.

Очень мнѣ пріятно будетъ, когда отряженные отъ его Прусскаго величества, яко въ нашемъ ремеслѣ лучшаго намъ практическаго учителя, волонтеры будутъ свидѣтелемъ дѣйствъ арміи, мною предводимой. Но вы, любезной другъ, много меня одолжите, когда сдѣлаете предварительное увѣдомленіе о принцѣ Брауншвейгскомъ, яко ближнемъ его величеству, къ руководству моему, какое противъ него поведеніе вести будетъ пристойнѣе въ разсужденіи военныхъ честей и прочихъ передъ другими отличающихся пріемовъ.

Отъ графини Марьи Родіоновны.

Какъ теперь сей курьеръ отправляется почти въ самый день Воскресенья Христова, то я здѣсь мысленно васъ обнявъ и сказавъ Христосъ Воскресе, съ симъ праздникомъ напусердпѣйше отъ всего сердца поздравляю и сегодня только имѣю вамъ сказать, что та тягость моя, о коей пишетъ къ вамъ Талызинъ, не значитъ ничего, потому что только ноги нѣсколько пухнутъ, а въ прочемъ я совсѣмъ здорова, и какъ у насъ скоро опять начнутся маскарады, изъ коихъ первой будетъ на третій день праздника, то я надѣюся, что въ танцованіи пройдетъ.

15.

Харьковъ, Апрѣля 10-го дня 1770-го году.

Мой дорогой своякъ не отъ забытія (такъ какъ вы о принцѣ Изенбургѣ ко мнѣ), но конечно по перетягиванію своей военнаго министра противу насъ власти, не писалъ. Оное изволишь усмотрѣть изъ приложеннаго здѣсь ко мнѣ его отвѣта на мое о семъ принцѣ къ нему письмо. Но какъ я ни съ кѣмъ, а особливо еще съ графомъ Румянцовымъ, по тѣмъ дѣламъ службы, по которымъ нѣтъ ничего моего приватнаго, списываться партикулярными прошеніями (служащими къ его на себя раздраженію) пристойности быть не почитаю: то къ разрѣшимости о семъ принцѣ какъ въ слѣдующей у сего для поднесенія Ея Императорскому Величеству моей реляціи прошу о немъ себѣ повелѣнія, не коснувшись въ томъ моемъ представленіи никого ничѣмъ. Если же мнѣ никакого повелѣнія дано не будетъ, то я принужденнымъ найдусь его къ первой арміи препроводить.

Въ пріобщенной копіи съ ордера, даннаго отъ меня въ наставленіе о будущей кампаніи генералъ-порутчику Бергу, вы найдете несогласное тому, что мой своякъ указомъ изъ Государственной Военной Коллегіи мнѣ предписывалъ, дабы, по отбытіи моемъ отсель, сей ге-

нералъ о всемъ рапортовалъ Государственной Военной Коллегіи и зависѣлъ отъ ея указовъ: ибо я, мой любезной другъ, былъ возращенъ въ томъ вѣкѣ и службѣ, что въ Россіи и всѣ другіе государи, не только великая Екатерина, сами собственно всегда войну вели и ею распоряжали, а не матушка Военная Коллегія и не изображающійся военный министръ, котораго персональную власть Россійскіе генералы по такому воспитанію не могутъ еще не давившись проглатывать. А для того, какъ оное повелѣніе ко мнѣ не отъ Ея Величества предписано, то я и взялъ смѣлость велѣть ему быть въ то время по дѣйствіямъ своихъ операцій прямо подъ собственными Ея Величества указами и распоряженіями, а по экономіи подъ сею Коллегіею, имѣвъ же и нынѣ себѣ въ примѣръ съ довольно примѣчаемою розницею, какимъ образомъ генералъ-майоръ Медемъ состоитъ подъ собственноличными указами Ея Величества и какимъ же генералъ-порутчикъ Веймарнъ подъ инструкціею и указами матушки сей Коллегіи. Оное же все теперь относится на вашу министерскую прозорливость и соображеніе съ возвышенными достоинствами нашей великой Самодержицы.

Позвольте здѣсь приложить къ вашему любопытству полученные мною отъ г-на Штофельна два плана о произведенныхъ имъ къ Браилову и Журжѣ маршахъ и съ непріятелемъ сраженіяхъ и карту о его съ своею командою расположеніи и, пріобщая при томъ и копію съ того письма, при которомъ я отъ него оное получилъ; мнѣ же по всей справедливости представляется, что съ такою горсточкою войскъ въ содержаніи столь обширной земли и въ отвагахъ на столь превосходнаго противу себя непріятеля и на преодолѣніе всѣхъ тѣхъ намъ изъ практики извѣстныхъ очень ужасныхъ трудностей (кои происходятъ въ безперерывномъ продолженіи во всѣ четыре годовыя времена кампаніи съ дальными маршами и безъ всякихъ заблаговременныхъ къ тому заготовленій), сей генералъ дѣлалъ все то, что только человѣческими силами возможно, а главнѣе всего особою ревностію и усердіемъ къ службѣ побуждается, и что сіе гораздо больше человѣка требуетъ, нежели объ ономъ издали и генеральными только о произведеніи поисковъ надъ непріятелемъ повелѣніями распоряжать, а случившимся изъ него слѣдствіямъ такія описанія дѣлать, которыя бы возможно было обращать по угодностямъ заочныхъ вниманій. Но какъ оное въ своемъ существѣ не есть и совсѣмъ исходитъ изъ моей заботы, однакожъ не могу я предъ вами, любезной другъ, не признаться, что въ крайнее меня сожалѣніе приводитъ, что и при теперешнихъ еще скользкихъ въ отечествѣ нашемъ военныхъ обстоятельствахъ почти всѣ да хотя и не совершенные, но лучшіе между нами

генералы, какъ побывая въ первой арміи, такъ и у называющагося военнаго министра, первыя и лучшія движенія въ себя тѣ получаютъ, какъ бы найти способъ изъ нашего ремесла выйтить и изъ службы удалиться; а и безъ нихъ, право, войну оканчивать будетъ нехорошо; да и мы собственно сами, столь много о себѣ заключающіе, не столько ко всему готовы и прочны, сколько таперечная слава оружія и обстоятельства войны еще насъ требуютъ.

Не поскучь, дорогой другъ, еще прочесть здѣсь пріобщенную въ копіи мою съ графомъ Петромъ Александровичемъ переписку и, вошедъ со вниманіемъ во оную, скажите мнѣ откровенно, кто изъ насъ больше резону имѣлъ: я ли принимать заблаговременныя мѣры къ заготовленію магазейновъ изъ Польши, а не изъ Россіи, между Буга и Синюхи рѣкъ со осторожностьми, чтобъ безъ общей въ томъ съ нимъ связи не сдѣлать той или другой арміи подрыву и въ цѣнахъ возвышенія, и имѣлъ ли я тутъ прямые резоны, что нетолько дѣйствительное заготовленіе во оныхъ мѣстахъ магазейновъ, но и единое разглашеніе о томъ, что такая сила новыхъ нашихъ войскъ съ надеждою уже полагаетъ взять свое утвержденіе въ тамошнемъ краю много послужитъ въ пользу нашихъ противу непріятеля и самой Польши теперешнихъ дѣйствъ и Ея Императорскаго Величества о нынѣшней войнѣ расположеній; или на его сторонѣ остается справедливой къ тому резонъ, чтобъ заблаговременныхъ магазейновъ не заводить, ожидая расположенія оныхъ изъ слѣдствія нынѣшней кампаніи. Отступаю жъ отъ того, что и самые благополучные оной успѣхи не могутъ прибавить ни одного шагу въ такой землѣ, откуда бъ возможно было намъ новое пропитаніе къ полученію полагать, ибо теперешнее уже завоеваніе содержитъ въ своемъ распоряженіи всю ту землю, кая впереди рѣкою Дунаемъ, а съ лѣваго боку моремъ обрѣзана, а въ заду съ нашихъ собственныхъ границъ простирается. Отъ таковыхъ же несчастливыхъ отъ сей кампаніи приключеній Боже оборони себѣ и воображать, чтобъ ни которая изъ нашихъ армій не нашла возможности удержаться между рѣками Бугомъ и Синюхою; да и въ такомъ случаѣ уже потеря магазейновъ меньше будетъ стоить того ущерба, какой изъ того произойтить можетъ, когда безъ заблаговременнаго оныхъ заготовленія пресѣкутся способы ими поспѣть; а отъ того недостатокъ пропитанія заставитъ войски, покидая изъ своего загражденія завоеванныя впереди непріятельскія земли, искать себѣ пропитанія въ своемъ на дальнемъ разстояніи заду. Такъ равномѣрно, есть ли тутъ справедливое заключеніе, что въ первой арміи (какъ его сіятельство самъ въ письмѣ изъясняется) заготовленіемъ новыхъ въ минувшую зиму магазейновъ поспѣть было невозможно и при-

нуждено перевозить провіантъ чрезъ дальнее разстояніе изъ старыхъ; а старые кажется ему лучше ежелибъ заблаговременно заведены не были, слѣдовательно войско бъ его теперь было совсѣмъ безъ пропитанія и безъ возможности удержать себя и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ изволитъ онъ нынѣ находиться. При таковыхъ же его сіятельства въ разсужденіи сего со мною основаніяхъ, пожалуйте, скажите мнѣ, любезной другъ, свое мнѣніе, какъ могу я лучше въ томъ поступить, чтò бы могло меня и въ заготовленіи своему войску пропитанія въ семъ краю, куда я теперь съ нимъ отряженъ, обнадежить и отъ непріятностей съ симъ затруждающимъ всякія основанія человѣкомъ оградить.

Теперь осталось мнѣ послѣднею еще васъ, дорогой братецъ, докукою утрудить о вручителѣ сего ротмистрѣ Брынкѣ, сынѣ умершаго въ нашей службѣ генералъ-маіора, котораго жена, съ многолюдною фамиліею, оставшись безъ пропитанія, отъѣхала въ Петербургъ ради прошенія себѣ милостыни: то невозможно ли, мой другъ, хотя изъ отдѣляемой отъ его высочества ежегодной милостыни чѣмъ-нибудь оной помочь? Оное же послужитъ и къ побужденію охоты сего молодаго офицера служить подъ моимъ предводительствомъ.

Нашего Алексашу я отправилъ 13-го числа нынѣшняго мѣсяца, задержавъ по состоянію еще здѣшней распутицы на два дни ради того только, чтобы 11-го числа увидѣлъ выступающіе здѣсь полки и генеральную квартиру въ лагерь къ дѣйствительному отворенію кампаніи. Впрочемъ хотя нога моя еще и побаливаетъ, однакожъ я въ широкіе сапоги обувать и на ней ходить началъ.

16.

1770 году Іюня 10-го дня, изъ лагеря, перешедъ Бугъ у рѣки Кодимы.

Сіе къ вамъ, любезнѣйшій другъ и дорогой братецъ, вслѣдствіе моей отправленной послѣдней реляціи изъ-подъ Екатерининскаго ретраншамента, сочиняю сегодня въ здѣшнемъ лагерѣ, а пойдетъ оно со всею ко двору депешею завтра, по дѣйствительномъ уже переходѣ рѣки Кодимы, на продолженіе марша со всеудобовозможною неостановкою, къ достиженію возложенной на меня экспедиціи, и какъ сія депеша была уже послѣдняя при отступленіи отъ собственныхъ границъ, то оная и подала мнѣ случай во всемъ пространствѣ вступить въ представленія о всѣхъ мною воображаемыхъ по оной основаніяхъ, сколько для того, что усердіе мое о истинной главѣ нашей всемилостивѣйшей Государыни и пользѣ отечества иногда можетъ либо чѣмъ изъ онаго въ томъ поспѣшествовать, столько жъ по послѣдней мѣрѣ

и для того, дабы ради будущихъ временъ въ государственной архивѣ оставалась память моихъ по отправленію въ здѣшнемъ краю нынѣшняго званія всѣхъ расположеній и разсужденій, въ достовѣрный знакъ тому, что я службу государю и отечеству производилъ безъ всякаго, по примѣру большой части мнѣ подобныхъ, сокрытія своихъ способностей, на проницаніе, хотя и съ общимъ вредомъ, своихъ недостатковъ; а во всѣхъ своихъ понятіяхъ обнажался до самой точности, предпочитая всегда пользу государя и отечества больше собственныхъ. Таковымъ же образомъ опасаюсь я только теперь, чтобъ пространство сей депеши не навело у васъ кому скуки и однимъ выслушаніемъ обремененія. Но, кажется, возможно и сіе простить тому, сидя въ горницѣ и на подушкахъ, кто оную сочинялъ въ степи, провождая въ суткахъ, такъ сказать, болѣе половины, сидя на лошади, нежели и на худомъ стулѣ. Вслѣдствіе чего я вамъ, любезнѣйшій другъ, во всемъ на оную сославшись, буду ожидать хотя вашего собственнаго на нее разсужденія. А какъ при томъ поднесъ я о всемъ мною производимомъ точныя увѣдомленія, въ какомъ состояніи что за границу свою перешло, изъ чего и къ вамъ здѣсь прилагаю одну только равную жъ короткую вѣдомость со мною теперь идущихъ всѣхъ сражающихся и въ работу употребляющихся чиновъ съ расчисленіемъ о пѣхотѣ, съ какою я со всею однакожъ радостію приступаю на формальную осаду города, имѣющаго, какъ сказываютъ, двѣсти пушекъ и окруженный весь форштатъ новымъ съ надлежащею городскою профилью валомъ и рвомъ, да нѣсколько экземпляровъ напечатаннаго и мною изданнаго войску противу нынѣшняго непріятеля наставленія и увѣдомленія, изъ коихъ первое не съ тѣмъ, чтобы останавлялся я и невозможнымъ почиталъ приступать на преодолѣніе сего города, но съ тѣмъ единственно, чтобъ для всякихъ будущихъ оборотовъ было свидѣтельство, съ какою точно силою я подъ сей городъ отправленъ былъ и на формальную осаду; а второе съ тѣмъ, чтобъ у васъ, любезнѣйшій другъ, могло остаться памятью моего объ отправленіи нынѣшняго званія попеченія и образу онаго понятія и обниманія на случайное иногда въ будущія времена сравненіе съ тѣми, коихъ настоящаго чина я имѣю честь уже въ другую войну теперь должность въ полѣ отправлять и кои моложе меня лѣтами и службою распоряжаютъ моимъ званіемъ. Затѣмъ же осталось мнѣ теперь, любезнѣйшій другъ, нѣсколько съ вами побесѣдовать по послѣдне мною полученному рескрипту.

Больше всего меня по содержанію сего рескрипта безпокоитъ, что соизволилось имъ о случайномъ мнѣ легкими войсками спомоществованіи графу Петру Александровичу, коихъ онъ ежевременно, съ самой еще винтеръ-квартиры, отъ меня, не внимая никакихъ обсто-

ятельствъ, и требуетъ. Когда ему обстоятельства не дозволятъ всею своею силою непріятелю поврежденія моей осады преградить, то бъ въ такомъ случаѣ хотя отдѣлилъ ко мнѣ собственно отъ себя какой либо корпусъ, не предписавъ оному ни мѣры, ни времени, ни предѣловъ. А какъ сей генералъ сколь великъ въ своемъ ремеслѣ, столь конечно еще больше въ готовости замѣнять собственно своему званію принадлежащее отдѣленіемъ деташаментовъ: то теперь съ трепетомъ и ожидаю я, что онъ составленный предъ Рябой Могилой нынѣ деташаментъ въ командѣ бѣднаго нашего Репнина изъ полковъ либо самихъ язвою заразившихся или изъ такихъ мѣстъ выступающихъ, при первоудобномъ случаѣ на замѣну собственнаго непріятелю всѣми силами предстоянія ко мнѣ отправитъ, который и безъ заразительнаго своего приключенія не можетъ мнѣ ни на что другое послужить, какъ при случаѣ пропущенія всѣхъ многочисленныхъ непріятельскихъ силъ могу я иногда быть или побитъ или надъ онымъ подастъ счастье нашей Самодержицы одержать побѣду, чтобъ оскорбить мою славу. По причинѣ же его заразы вредительнѣе онъ мнѣ еще будетъ и самого непріятеля. Для сего пожалуйте, любезнѣйшій другъ, обратите на сіе ваше лучшее вниманіе и, входя въ проницаніе истинной души сего великаго мужа, не подавайте ему случаевъ употреблять моихъ рукъ на заграбленіе собственно принадлежащаго ему жару: ибо, дорогой другъ, когда вы внятно всю службу мою просмотрите и на память себѣ возведете, то я и такъ до пятидесяти лѣтъ моего возраста (который на нынѣшней недѣлѣ уже миновалъ) всю оную по несчастію на таковомъ основаніи веду, что успѣхи къ славѣ другихъ, а чужіе недостатки къ моему обремененію относятся. Впрочемъ я столько здоровъ, что вчерась хотя піявицы ставилъ, но сегодня въ третьемъ часу за полночь на лошади въ такомъ климатѣ, что днемъ потѣемъ, а утро и ночь въ шубахъ и шапкахъ насилу согрѣваться можемъ; но сіе ничто еще по счастію духа моего не стѣсняетъ. Здѣсь же прилагаю я съ прошеніемъ для поднесенія его императорскому высочеству благодарительное отъ меня письмо за милостивѣйшее меня поздравленіе съ сыномъ и корнетомъ [16]), съ поднесеніемъ при ономъ отъ моего Гагарина переводу на Французскій языкъ съ экземпляромъ изданнаго отъ меня войску на нынѣшнюю войну наставленія.

17.

1770 года Іюня 16-го дня, изъ лагеря при опустошенной Польской деревнѣ Недѣлькѣ, отъ Бендеръ въ прямой линіи до ста верстъ лежащей.

По степи довольное число маршей по нынѣшнее мѣсто ни одного дерева, ниже и разоренной деревни не видавши, часовъ утреннихъ и

[16]) Графъ Никита Петровичъ Панинъ родился 17 Апрѣля 1770 года, въ Харьковѣ.

вечернихъ съ наимокрѣйшими росами и со удивительною во всѣ ночи стужею и дневнымъ жаромъ, съ моимъ разореннымъ здоровьемъ и съ различнымъ ежевременно чувствіемъ разно поражающихъ меня подагрическихъ болей, однакожъ съ такою твердостію духа, благодаря Бога, сношу, что оный нимало еще не упадаетъ, хотя по вамъ извѣстному въ доходахъ недостатку (по которому я вотъ уже и проминовавъ пятьдесятъ лѣтъ возраста не дозволялъ себѣ ни малѣйшихъ въ прихотяхъ наслажденій), получилъ извѣстіемъ наивеличайшій ударъ, что въ нашей Богоявленской лучшей слободѣ двѣсти дворовъ со всѣми тамошнихъ промышленныхъ крестьянъ лавками и товарами выгорѣли, отчего жена моя съ дѣтьми назначенныхъ со оной деревни полутора тысячъ рублевъ годоваго дохода лишилась. Мнѣ же, право, по необходимому здѣсь образу жизни, удѣлять нечего; ибо чрезъ минувшую зимнюю квартиру на счетъ получаемыхъ столовыхъ денегъ впередъ тысячъ пять-шесть къ оставленному при выѣздѣ изъ Петербурга моему долгу прибавилось.

Много меня къ сему еще смущаетъ теперь, что наши внучата Лобановъ и Куракинъ такъ поздно ко мнѣ были отправлены, что еще и до сихъ поръ сюда не прибыли между всегда почти разъѣзжающаго хищнаго непріятеля. Но сіи наши, мой другъ, внучата, не думаю, чтобы возмогли послѣдовать моему примѣру, когда я въ шестнадцать лѣтъ своего возраста почтою верхами ѣзжалъ. Въ разсужденіи чего хотя я и предварилъ, если они прежде 10-го числа сего мѣсяца (о чемъ сомнѣваюсь) не проминуютъ Кременчука, то бы ихъ уже съ моего слѣду оборотить на Лодыжинъ. Но безпокоюсь, какъ и оттуда до меня доѣдутъ и гдѣ подъ упряжки лошадей по раззореннымъ мѣстамъ достать имъ могутъ. По коему обстоятельству Нелединскому, который еще изъ Москвы не выѣхалъ, велѣлъ уже я тамъ остановиться на время моей лучшей съ непріятелемъ къ безопасному его проѣзду раздѣлки.

18.

1770 года Іюня 23-го дня, изъ лагеря между мѣстечка Балты и деревни Меретчи.

Дорогóй мой своякъ въ своемъ ко мнѣ письмѣ, при обнадеживаніи о спомоществованіи по моей просьбѣ подполковнику Тутолмину, не оставилъ отозваться своимъ сожалѣніемъ, что я со оною пошелъ не чрезъ Военную Коллегію, почему и не возмогъ онъ тотчасъ докладу своего объ ономъ сдѣлать, а осталось сіе отъ зависимости Совѣта. Но мнѣ тутъ видится, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ я мимо сей коллегіи по нынѣшнему отправленію моего званія съ представленіями съ своему Монарху прихожу, изволитъ онъ препятствіями своими вмѣшиваться; а какъ въ ономъ я отнюдь ничего собственнаго никогда

не помѣщаю, то тѣмъ наипаче никоимъ образомъ того носимаго на себѣ таперь званія (о коемъ въ нашемъ военномъ государственномъ актѣ предписано, что оно представляетъ важность достоинства самого Государя) не попущу къ тому униженію, чтобы искать протекціи въ коллегіи къ воздаянію справедливости за заслуги порученныхъ въ мое предводительство подчиненныхъ. И чтоже бы при веденіи войны самимъ Государемъ приходить къ кому-либо другому мимо его съ представленіями о чинахъ, изъявляющихъ въ войнѣ отличныя заслуги и достоинства, подающія способы на самое поощреніе настоящихъ дѣйствъ! Слѣдовательно, когда онъ въ ономъ можетъ предуспѣвать (а я конечно отъ преположеннаго себѣ сего правила ни для чего не отступлю), то симъ не мнѣ, но одной только службѣ вредъ, мнѣ же единое совершенное отвлеченіе отъ нея произойдетъ.

Касательно же до князя Щербатова, можетъ статься, что онъ случайнымъ отъ вина разгоряченіемъ своего нрава въ чемъ и погрѣшилъ; но какъ я его знаю еще отъ капитана своего полку и имѣлъ во все бывшее мирное время генераломъ въ своей дивизіи, то со всею справедливѣйшею точностію могу засвидѣтельствовать, что онъ отнюдь не пьяница, но ко отправленію своего нынѣшняго званія гораздо многихъ способнѣй и отлично радѣтельнѣй и никогда кромѣ своего настоящаго радѣнія о службѣ ничѣмъ другимъ не происходилъ. Насупротивъ же того, г-нъ Самаринъ, мнѣ почти столько жъ отъ самаго нижняго офицерства крайне знакомый, никакой способности, ни раченія къ службѣ не имѣющій, а все свое происхожденіе получилъ одними ухищренными въ знатныхъ людяхъ происками и клеветами собственно собою, а еще и больше чрезъ весьма искусную къ тому свою жену. Но какъ, любезнѣйшій другъ, хорошіе и дурные нравы приносятъ пользу и вредъ собственно только себѣ самимъ и нѣкоторымъ отъ нихъ зависящимъ, а къ службѣ государственной и государской паче всего полезны способности и радѣнія, вредны жъ нерадѣніе и неспособность: то, наипаче при настояніи самаго случая, требующаго наиважнѣйшаго въ ономъ различія, можетъ послужить къ великому сожалѣнію, если сей генералъ-маіоръ принужденъ будетъ какое-нибудь претерпѣніе понести отъ единаго отъ его нрава партикулярнаго происшествія, а думаю конечно клеветникомъ весьма увеличеннаго. Въ семъ, если вамъ помочь возможность допуститъ, сдѣлаете вы многое способствованіе настоящей службѣ, нынѣ весьма нужно требующейся. Я же съ сожалѣніемъ начинаю сомнѣваться, чтобы и кто-нибудь изъ моихъ представленныхъ генераловъ возмогъ желаемою мною милостію воспользоваться. Но кажется, что данно уже пора мнѣ къ тому попривыкнуть и перестать, по подражанію почти общихъ правилъ, без-

корыстно заботиться не о собственно своемъ. Однакожъ оное не прежде изъ меня можетъ быть вынужено, какъ самая собственная служба, при которой я теперь только однимъ волосомъ уже и держусь.

Одинъ изъ моихъ возвратившихся отъ васъ курьеровъ мнѣ сказывалъ, что его сіятельство графъ Григорій Григорьевичъ отзывался къ нему намѣреніемъ пріѣхать къ обѣимъ воюющимъ арміямъ. Каковому гостю и очевидному свидѣтелю моихъ дѣлъ я, будучи весьма радъ, къ вашему, любезный мой другъ, вниманію ссылаюсь только на сегодняшнее въ реляціи моей представленіе, на особливыя распоряженія проѣзжающихъ чрезъ дальнюю степь въ слѣдъ моей арміи персонъ, инако нежели верхомъ на казачьихъ лошадяхъ. По основанію сего я очень обрадовался, когда поручикъ Каморъ, наѣхавъ съ Нелединскимъ въ тѣхъ затрудненіяхъ при Бугѣ Лобанова и Куракина не въ дальнемъ еще моемъ съ арміею отъ сей рѣки отстояніи, пріѣхалъ со всѣми ими самъ-четвертъ на одной маленькой покоевой коляскѣ; ихъ же настоящія коляски и отправленныя на нихъ деньги съ людьми, гдѣ теперь съ поручикомъ Писаревымъ пребываютъ, и по сѣхъ поръ я еще не знаю.

Несказанно вы, любезнѣйшій другъ, думаю нечаяннымъ образомъ, востревожили и опечалили нѣжность души Марьи Родіоновны моей тѣмъ, что объявили ваши желанія Катинькѣ остаться не въ ея, но въ рукахъ сестрицыныхъ, изъ чего она выводитъ весьма оскорбительныя и противныя настоящему души ея противу Катиньки расположенію ваши о ней заключенія; почему, а особливо, что Катинька, уже еще до того вашего письма, по ея къ ней незабвенной привязанности, сама съ радостію въ ея руки возвратилась, не прогнѣвайтесь, что я не могу согласиться, чтобы Катинька въ иное время къ сестрицѣ отдана быть могла, какъ тогда развѣ только, когда Марья Родіоновна вдаль отъ Москвы поѣдетъ.

Пожалуйте, любезнѣйшій другъ, возблагодарите отъ меня за объявленіе чрезъ васъ мнѣ поклоновъ Григорью Николаевичу; а господину и любезному моему другу Салдерну и за первую пересылку Зельцерскихъ водъ, извинивъ сему послѣднему, что теперешнія мои заботы и упражненія не допускаютъ къ нему особо писать, отъ которыхъ я уже нѣсколько недѣль не разуваючись, да и только часа по четыре въ сутки, сплю; и третьяго дни такъ было мои припадки въ голову зашли, что думалъ тотчасъ ударъ получить, и хотя на ночь принялъ слабительное, но поутру, сѣвъ на лошадь, съ арміею маршировалъ. Изъ чего, любезнѣйшій другъ, можете съ достовѣрностію заключить, что нынѣшнихъ моихъ обремененій и тѣлесныхъ изнуреній развѣ только работавшіе на каторгѣ превосходить могутъ. Но дай только Боже, чтобъ силы продлиться могли!

19.

1770 году Іюня 29-го дня, изъ лагеря съ праваго берега Днѣстра, противъ бывшаго мѣстечка Ягорлыка.

Сегодня отправленная отъ меня реляція довольно вамъ, любезнѣйшій другъ и дорогой братецъ, покажетъ какъ то, что я получилъ счастіе первый еще изъ Россійскихъ генераловъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ не только съ раззоренною, но сколь съ малою, столь наилучшею, ничѣмъ не ослабѣвшею арміею перейтить рѣку Днѣстръ въ пятидесяти верстахъ отъ непріятельской крѣпости, изъ зимней позиціи лѣвымъ своимъ флангомъ отъ Бахмута, до котораго тѣ войски въ прежнюю войну, коимъ къ Днѣстру дѣйствовать было надлежало, никогда не достигали; какъ и то, въ какихъ я теперь въ наивеличайшихъ трудахъ, распоряженіяхъ и заботахъ упражняюсь, кои всеконечно и не оставляютъ мнѣ больше времени, какъ васъ, мой любезнѣйшій другъ, всею душею обнявъ, сказать еще то, что я при всемъ ономъ довольно здоровъ и ѣзжу часовъ по двѣнадцати, не сходя съ лошади. А прямо счастливымъ себя тогда только поставить могу, когда возложенную на меня экспедицію съ такимъ успѣхомъ исполню, съ какимъ превозмогъ прежде непреоборяемыя трудности достигнуть не только не съ раззоренною, но ниже нимало не ослабѣвшею арміею изъ дальнѣйшаго передъ всѣми прежними краю до здѣшнихъ предѣловъ. И чтобъ хотя кто нибудь поставилъ за достойное сдѣлать на сіе настоящее воззрѣніе и примѣчаніе съ тѣмъ присовокупленіемъ, что оное производится человѣкомъ не имѣющимъ ни на одно мгновеніе ока во всякіе сутки спокойствія отъ страдальческихъ во всѣхъ членахъ болей и что ни отъ кого другаго онъ своему ремеслу и другимъ познаніямъ не учился, какъ за отцовскіе въ годъ сто рублевъ отъ Герварта!

Пожалуй, дорогой другъ, у сегоднишняго драгоцѣннаго нашего имянинника [17]) цѣлуй за меня милостивую руку и поздравь и отъ меня съ его Ангеломъ. Затѣмъ же пребывай съ Богомъ; а я сегодня, вставъ въ 3 часа за полночь, таперь вышелъ изъ церкви и иду къ столу.

20.

1770-го году Іюля 3-го дня, лагерь при деревнѣ Марковицѣ, между рѣкъ Днѣстра и Реута.

Къ свѣдѣнію вашему нынѣшнихъ моихъ обстоятельствъ прилагаю къ вамъ у сего, дорогой другъ и любезнѣйшій братецъ, копію какъ съ отправленной отъ меня съ нынѣшнимъ курьеромъ къ Ея Величе-

[17]) Т. е. великаго князя Павла Петровича.

ству реляціи, такъ и тѣхъ показаній, кои чрезъ посланныхъ отъ меня въ Бендеры и оттуда возвратившихся Волоховъ я получилъ для поднесенія вами послѣдняго въ руки Ея Величества съ употребленіемъ всякой предосторожности. Я же впрочемъ сношу всѣ сіи обстоятельства съ довольнымъ терпѣніемъ; но только не знаю, не постоянная ли здѣшняя иногда въ великой зной, а иногда въ великую съ дождями и градомъ стужу перемѣняющаяся погода возобновляетъ во мнѣ обыкновенные мои хирагрическіе припадки, отъ коихъ и теперь чувствую такую въ головѣ и въ шеѣ боль, что кромѣ сего не могу ни въ чемъ болѣе къ вамъ теперь распространяться. Затѣмъ же прошу васъ принести отъ меня его императорскому высочеству подданнѣйшую благодарность, поцѣловавъ его руку за милостивѣйше пожалованные тремъ команды моей генераламъ ордена своего ленты.

21.

1770-го году Іюля 12-го дня, изъ лагеря предъ рѣкою Тагатинъ, въ 16-ти верстахъ отъ Бендеръ.

Сегодня отправленная моя реляція вамъ, любезнѣйшій другъ, скажетъ всѣ мои теперешнія обстоятельства и что я уже въ 16-ти верстахъ отъ Бендеръ въ такихъ заботахъ, которыя не оставляютъ мнѣ больше времени, какъ, сославшись на оную и васъ, любезнѣйшій другъ, всею душею обнявъ, возблагодарить за полученное ваше послѣднее отправленное изъ Петербурга прошедшаго мѣсяца 25-го числа письмо, заключивъ тѣмъ, что я довольно здоровъ, и что сколь присланный отъ васъ уксусъ ни полезенъ, но меня отъ трехъ приготовляемыхъ приключеній, яко отъ ядеръ съ пулями, отъ подагрическихъ на открытомъ воздухѣ ежевременныхъ припадковъ и отъ ближнихъ случаевъ съ моровою язвою довольно охранить кромѣ особливой Десницы Вышней конечно не можетъ, на кою единую полагаясь, предаюсь своему жребію. Желая только хотя единымъ признаніемъ себѣ воздаянія, вамъ до послѣдняго издыханія всегда во всемъ пребуду сердцемъ и душею непоколебимо вѣрный братъ, другъ и слуга.

22.

Изъ лагеря предъ стѣнами Бендеръ, 1770-го года Іюля 17-го дня.

Непріятель, какъ мнѣ отъ выходцовъ извѣстно, уже знаетъ о разбитіи своихъ войскъ первою арміею [18]), а не оставляетъ однакожъ еще безъ употребленія здѣсь всей возможности на свою оборону.

Я по благости Господней хотя вчерашній день и весь дождемъ промокъ, а и въ полночь подъ онымъ же принужденъ былъ на лошади

[18]) Знаменитыя побѣды Румянцова при Ларгѣ и Кагулѣ.

предъ арміею выѣзжать, сношу все сіе безъ поврежденія возложенныхъ на меня званій въ сносномъ здоровьѣ.

Всѣ мои возможныя силы употребляю, чтобы какъ можно скорѣе зачать по городу бомбардированіе и канонаду; но малое число пѣхоты, требующей по мѣрѣ ея ужасно великихъ работъ, къ большому моему сожалѣнію, не можетъ соотвѣтствовать моимъ желаніямъ и радѣнію.

Здѣсь прилагаю къ просмотрѣнію и удобному по вашему званію употребленію полученное мною письмо отъ нашего князя Репнина вамъ довольно извѣстнаго, столь много и безпредѣльно радѣтельнаго и усерднаго человѣка къ славѣ нашей всемилостивѣйшей Государыни и прямой пользѣ отечества съ проницательною его во всѣхъ дѣлахъ прозорливостію.

Мои возвратившіеся отъ первой арміи наинадежнѣйшіе довѣренные утверждаютъ заподлинно, что ея уже кавалерія совсѣмъ не въ состояніи и не смѣетъ такъ непріятельской казаться, что нѣсколько токмо человѣкъ опровергаютъ цѣлые эскадроны, и что отъ меня прибывшей пикинерный полкъ состояніемъ своихъ лошадей и силою непріятельскаго пораженія поставилъ всю сію армію и чужестранныхъ въ удивленіе, что̀ и прибывшій ко мнѣ, знаемый вами волонтиръ, безпристрастный баронъ Штейнъ подтвердилъ. Сія армія гораздо претерпѣваетъ въ недостаткѣ пропитанія, котораго больше и не ожидаетъ къ себѣ съ прямою надеждою, какъ подвозимаго къ ней на одинъ только мѣсяцъ.

Графъ Петръ Александровичъ изволилъ мнѣ въ совѣтъ предложить, чтобы мнѣ по покореніи Бендеръ съ арміею по краю Чернаго моря достигать до Дуная собственнымъ себя пропитаніемъ до будущаго Марта мѣсяца. Сего мнѣ, какъ вы сами, мой другъ, надѣюсь, согласитесь, сдѣлать еще меньше, нежели его сіятельству, возможно; потому что я пропитаніе своей арміи на нынѣшнюю кампанію заготовлять и подвозить былъ принужденъ не отъ Днѣстра, какъ его сіятельство, но отъ Днѣпра, что́ и не доставило мнѣ больше возможности, какъ заготовиться на произведеніе своихъ за Днѣстромъ операцій только Сентября по 1-е число, а не далѣе. Да и на Бугѣ, по извѣстнымъ вамъ моимъ стараніямъ, его жъ сіятельство своими о Польшѣ отказами столько воспрепятствовалъ, что отъ онаго много во времени и надеждѣ упущено, дабы возможно было и тамъ такъ скоро и толикимъ количествомъ исправляться, чтобъ поспѣвать имъ на подвозъ и къ Днѣстру, не только за Днѣстръ, особливо жъ въ мѣсяцахъ самой распутицы и худаго въ полѣ скоту пропитанія. Почему, любезнѣйшій другъ, совсѣмъ не извольте заключать того, чтобъ мнѣ

своею арміею и пропитаніемъ возможно было недостатки первой арміи поспѣть замѣнить и чтобъ армія моя возмогла здѣсь за Днѣстромъ и послѣ Сентября мѣсяца оставаться безъ того какъ развѣ получитъ она въ Бендерахъ великіе провіантскіе и фуражные магазейны, да и безъ опасности заразиться моровою язвою, чѣмъ однакожъ я нимало васъ обнадеживать не могу.

По тѣмъ же обстоятельствамъ, какія мнѣ о первой арміи привезли съ присовокупленіемъ еще и того, что будто и визирь съ своею арміею обратился въ Морею и что въ тѣхъ мѣстахъ Польши, гдѣ первая армія свое зимнее положеніе имѣла, конечно будто моровая язва перенеслась и большое пораженіе дѣлаетъ, смущаюсь я многими себѣ худыми такими воображеніями, которыхъ да сохрани насъ Боже! Особливо при случаѣ, когда первая армія отъ недостатка провіанта чрезъ мѣсяцъ уже принуждена будетъ, въ Польшу возвращаясь, съ сею пагубною болѣзнію по тѣмъ мѣстамъ встрѣчаться, откуда лучшимъ себѣ пропитаніемъ была обнадежена. Да и здѣсь подтверждается, что сколько въ Бендерахъ будто язва сокращается, или уже и совсѣмъ прекратилась, столько жъ оная объявляется по деревнямъ внизъ Днѣстра.

23.

1770-го году Іюля 21-го дня, изъ лагеря предъ стѣнами Бендеръ.

Безъ ошибки узнали вы, мой любезный другъ и дорогой братецъ, что ваше отправленное письмо 9-го числа нынѣшняго мѣсяца, найдетъ меня уже въ самомъ огнѣ подъ Бендерами. Причемъ, сославшись на сегодня поднесенную мою реляцію и обстоятельной при томъ журналъ, имѣя предъ глазами пламя пылающихъ непріятельскихъ форштатовъ и звукъ изъ его орудій по моимъ траншеямъ, спѣшу теперь сѣсть на лошадь и ѣхать отворить весь пріуготовленный отъ меня на его крѣпость огонь. Затѣмъ мнѣ и недостаетъ времени больше, какъ, всею душею васъ обнявъ, поблагодарить какъ за то ваше письмо, такъ и за присланный при немъ камзолъ и сказать при томъ: пребывайте съ Богомъ, а я на таперешнее время не вашъ, но Его.

24.

Изъ прежняго лагеря предъ стѣнами Бендеръ, 1770 году Іюля 27-го дня.

Препровождаемая симъ моя ко двору депеша (съ тѣмъ присовокупленіемъ, что я какъ оную такъ и къ Татарамъ, а сверхъ того еще отправленную къ графу Румянцову, самъ сегодня сочинялъ, а между тѣмъ и, нѣсколько разъ садясь на лошадь, выѣзжалъ къ бомбардированію города) довольно извинитъ меня въ томъ, что не осталось, право, больше силъ, какъ васъ, любезнѣйшій другъ, мысленно обнявъ, сдѣ-

лать симъ съ вами очень сокращенную бесѣду, кая въ томъ только и состоитъ:

1-е. Я, слава Богу, довольно здоровъ, и сколь непріятель въ городѣ ни упрямъ, а состояніе въ немъ заразительной болѣзни ни критическо, но я конечно всѣ силы свои употреблю его преодолѣть. Между тѣмъ же ввѣренное мнѣ, а совсѣмъ новое къ осадѣ войско, сколь полезной способъ, столь и хорошій успѣхъ имѣетъ таперь себя и къ сей части нашего ремесла практикою испытать и просвѣтить.

2-е. Изъ приложеній къ негоціаціи съ Татарами прошу, любезнѣйшій другъ, съ первымъ курьеромъ дать мнѣ узнать, благоугодно ли Ея Величество соизволитъ принять мой сдѣланной на Татарскій отзывъ отвѣтъ и высочайшую волю о дальнѣйшемъ моемъ по оному продолженіи. При томъ же долженъ признаться, что, за неполученіемъ ничего изъ испрашиваемой мною на подарки симъ людямъ рухляди, ничѣмъ не нашелъ я здѣсь въ арміи другимъ сихъ присланныхъ ко мнѣ подарить, какъ мундирнымъ тонкимъ сукномъ.

3-е. Прости, пожалуй, что прискорбіе мое видѣть во всѣхъ военныхъ трудахъ и опасностяхъ своихъ и благотворителя нашего князя Александра Борисовича внучатъ родныхъ ундеръ-офицерами (когда нѣтъ же у одного здѣшняго генерала гораздо съ худшимъ воспитаніемъ, нежели они, и въ равныхъ съ ними лѣтахъ, никакой родни меньше порутчика) вывело меня изъ того отеческаго намъ завѣщанія, чтобы у государей ничего для себя и для ближнихъ своихъ не выпрашивать, но все выслуживать и что я взялъ смѣлость въ нынѣ отправленной съ Нелединскимъ [19]) реляціи всеподданнѣйше испрашивать къ нимъ высочайшаго милосердія, соотвѣтствующаго какъ монаршей къ намъ съ вами милости, такъ нашимъ Имперіи заслугамъ и ихъ усердію къ службѣ. Причемъ признаюсь, что въ моемъ огорченномъ о ихъ тапершнемъ положеніи состояніи большебъ всего меня утѣшило, еслибъ они всемилостивѣйше пожалованы быть могли чинами офицеровъ гвардіи съ пребываніемъ при дѣйствующихъ въ нынѣшнюю войну арміяхъ волонтирами; я же ласкаю себя надеждою получить въ нихъ Ея Величества войску достойныхъ со временемъ офицеровъ.

4-е. Письмо отъ Татаръ, мною полученное, въ переводѣ ли недостаточнаго моего переводчика, или и въ настоящемъ его глупомъ слогѣ, столько неразумительно, что больше уже изъ словъ посланца можно стало вразумиться, что желаніе ихъ въ томъ состоитъ, дабы дать имъ позволеніе и доставить безопасность перейти на часть Очаковской степи, принадлежащей скипетру нашей всемилостивѣйшей Государыни,

---

[19]) Юрьемъ Александровичемъ, извѣстнымъ впослѣдствіи поэтомъ.

на что, когда они мнѣ подадутъ требованныя письмомъ моимъ удостовѣренія, я и полагаю дать имъ свободной переходъ съ тѣмъ намѣреніемъ, что надѣюся такой отъ сихъ поступокъ подастъ наиближайшее руководство и всѣмъ прочимъ скорѣе отторгнуться отъ Турецкаго подданства и обратиться подъ защищеніе нашей всемилостивѣйшей Государыни. Но ежелибъ и того паче чаянія отъ другихъ не воспослѣдовало, то при томъ случаѣ могутъ сіи перешедшіе остаться подданными Ея Императорскаго Величества съ полученіемъ пустыхъ степей къ ихъ обитанію, которымъ они въ теперешней войнѣ особливо поспособствуютъ наиудобнѣйшимъ закрытіемъ отъ настоящихъ Крымцовъ нашего Украинскаго краю.

25.

Изъ прежняго лагеря, 1770-го году Іюля 31-го дня.

Хотя я несказанно какъ теперь стражду моими подагрическими по всему корпусу болями (да инако и быть нельзя, ибо рѣдкую здѣшнюю холодную съ большими росами и туманами ночь, чтобы по нѣскольку разъ садясь на лошадь не принужденъ былъ выѣзжать ко учрежденіямъ противу вылазокъ), однакожъ, Богу благодареніе, сношу сіе еще безъ того, чтобы совсѣмъ лечь въ постелю и ни о чемъ, право, столько Бога не прашивалъ, какъ только чтобъ Онъ допустилъ меня окончить сію трудную экспедицію, не ввергнувъ въ постелю. Впрочемъ же и то смущеніе, кое сверхъ того происходитъ отъ приключеній въ здѣшнемъ мѣстѣ моровой язвы, не можетъ, какъ вы сами, мой другъ, разсудите, оставлять меня въ покоѣ; я же невѣдомо сколько времени отъ двора ничего, а и отъ васъ послѣ 8-го числа нынѣшняго мѣсяца, въ полученіи не имѣю. Но право, дорогой другъ, не совсѣмъ бездѣлица и безъ того службу свою проводить на ножевомъ востріи отъ моровой язвы, отъ ядеръ и пуль, кои ежеминутно либо мимо ушей летаютъ, либо отъ коихъ мертвыми и увѣчными передъ глазами людей носятъ и возятъ, имѣя притомъ всю свою честь и репутацію ко оному волосомъ привязанными. Затѣмъ же пребывай съ Богомъ! Но если кто у васъ сыщется говорить, для чего я крѣпости не штурмую, то на то надобно себѣ представить, что когда изъ девяти тысячъ пѣхоты что-нибудь знатнаго потеряется, то уже не останется съ чѣмъ послѣ удержаться передъ стѣнами и что крѣпость имѣетъ конечно свои мины и что штурмомъ въ нее вбѣжавъ неминуемо забѣжишь и въ моровую язву. Однакоже если непріятель и при изгнаніи его изъ покрытаго пути останется въ томъ же упорствѣ, то тогда уже не останется мнѣ больше какъ отважиться и на штурмъ.

26.

Изъ прежняго лагеря, Августа 4-го дня 1770-го году.

Комнатныя заключенія о нашихъ противу непріятеля обращеніяхъ совсѣмъ, любезнѣйшій другъ, неправедныя и фальшивыя: потому что можетъ ли уже быть тутъ какое сбереженіе по болѣзненнымъ припадкамъ отъ воздуха, гдѣ непріятель, въ крѣпости будучи почти ровенъ своею пѣхотою осаждающему силою, вотъ уже дней съ шесть сряду какъ по нѣскольку разъ, въ различные часы, въ каждые сутки, при ночной темнотѣ и при избираніи въ который часъ удачнѣе изыскать незапностію удобный способъ разогнать все мое войско, дѣлаетъ самыя отчаянныя вылазки и заставляетъ меня къ предохраненію отъ такого пагубнаго приключенія садиться на лошадь по нѣскольку разъ во всякую ночь и метаться по всей своей необходимо весьма пространно держанной, но только десятью пѣхотными полками позиціи, изъ которыхъ на содержаніе и работу въ траншеи входятъ не меньше дву тысячъ пяти сотъ человѣкъ, да по толикому же числу при наступленіи ночи на смѣну онымъ, кои обыкновенно производимыми вылазками задерживаются отъ возвращенія въ лагерь? Слѣдовательно твой братецъ, будучи главнымъ командиромъ, почти всякую ночь и изъ генеральной своей квартиры рѣдко больше къ сраженію противу непріятеля самъ собою выводитъ какъ до тысячи человѣкъ пѣхоты; почему перестань, мой другъ, пенять ему за нерадѣніе о здоровьи своемъ. Право, ему не до того и нѣтъ никакихъ способовъ не только здоровье, ниже и жизнь сберегать; а счастливъ будетъ, когда соблюдетъ свою прежде купленную весьма дорого честь и репютацію и ежели доставитъ безвредный примѣръ впередъ расположенія на непріятеля размѣрять не заключеніями о слабости своего непріятеля, но установленными въ военномъ ремеслѣ правилами и науками съ тѣми примѣрами, что часто случается и при заключеніяхъ о слабостяхъ непріятельскихъ встрѣчаться съ неожидаемымъ отъ него сопротивленіемъ и отчаяніемъ, въ коемъ казусѣ я теперь и нахожусь и изъ коего надобно, чтобы Десница Вышняя меня съ честію вывела, а конечно не искусство нашихъ совсѣмъ не практикованныхъ инженеровъ, кои ничего новаго зачать не умѣютъ безъ того, чтобъ себя въ старомъ и кровію купленномъ напередъ совсѣмъ не ослабить. Впрочемъ же долженъ предъ тобою признаться, что я и здоровьемъ своимъ таперь такъ стражду, какъ, кажется, никогда не страдалъ; но Богу споспѣшествующу ввѣреннымъ мнѣ дѣламъ по счастію не въ наружныхъ частяхъ моихъ нужныхъ ко употребленію членовъ (отчего и не

всегда въ постели), но во внутренности и періодически изъ одного мѣста въ другое. При чемъ то еще новаго, что иногда приключаемая нылость во всѣхъ костяхъ ввергаетъ меня въ такую слабость, что люди снимаютъ съ лошади и на нѣкоторое время кладутъ въ постелю. Когда же та минуется, то жестокія боли вступятъ по разнымъ частямъ въ тѣло и, тѣсня оными становыя жилы, стѣсняютъ и голову. А непріятель не даетъ времени не только пробыть цѣлые сутки хотя въ палаткѣ, ниже и отважиться принять слабительное, почему все мое теперь состояніе единственно зависитъ отъ руки Господней, объ обстоятельствахъ котораго ссылаюсь на сегодняшнюю реляцію и журналъ, поручая содержаніе оной въ ваше, любезнѣйшій другъ, предстательство и объясненіе.

Вотъ, дорогой другъ, въ подтвержденіе вышепрописаннаго, то еще прибавить нахожу, что когда сія депеша пріуготовилась къ вечорошнему отъѣзду, то ко мнѣ пришли сказать сперва, что непріятель въ правомъ флангѣ своего покрытаго пути во множествѣ собирается и съ новымъ копьями и косами оружіемъ; а въ началѣ 9-го часа уже я и услышалъ отъ онаго при нападеніи на мою траншею величайшій крикъ жестокой изъ крѣпости и никогда столь неслыханной мушкетной изъ покрытаго пути сильной и безперерывной огонь, который болѣе часа продолжаясь хотя нашими и опроверженъ былъ, но онъ потомъ въ полночь, а послѣ того еще въ три часа за полночь равныя же нападенія на опроверженіе моихъ траншейныхъ работъ дѣлалъ, отъ которыхъ хотя подобно всѣмъ прежнимъ нашими людьми отогнанъ былъ, но однакожъ, дорогой другъ, поставилъ меня не въ состояніе ни сію депешу прежде теперешняго утра выпроводить, ни уберегать такъ своего здоровья, какъ вы желаете, ниже поспѣшить во взятьѣ такъ обороняемаго города столь скоро и столь легко какъ пріуготовленіе ко оному располагаемо было, и какъ графъ Румянцовъ изъ своихъ двухъ побѣдъ оному быть заключаетъ, въ чемъ можетъ достовѣрное свидѣтельство подать приложенная здѣсь равно какъ и къ моей реляціи вѣдомость о происшедшемъ уже въ моей арміи до вчерашняго еще дни уронѣ, который по препорціи ея противу первой арміи онаго имѣетъ уже буде не больше, то конечно не меньше, и особливо въ томъ разсужденіи, что та хотя важными генеральными баталіями, но дважды только непріятеля разбивъ, онаго уже больше передъ собою не имѣетъ; а я, разбивая его всякую ночь, нахожу еще всегда передъ собою крѣпость, а за валами оной остатки его, которыхъ и не нахожусь въ состояніи ни совсѣмъ истребить, ни разогнать безъ раззоренія валовъ, потому что онъ ко убѣганію своему за оные имѣетъ только отъ меня разстоянія въ свой покрытый путь съ небольшимъ

сорокъ саженъ. На штурмъ же отваживаться не могу, отъ котораго конечно еще больше въ пѣхотѣ произойдетъ уропу, нежели было въ вылазкѣ противу покойнаго Лебеля; когда же второе онаго быть случится, то не останется съ чѣмъ уже и продолжать осаду.

27.

1770 года Августа 9-го дня, изъ прежняго лагеря.

Важность сегодня отправленной отъ меня всеподданѣйшей депеши, сочиненной въ тѣхъ обстоятельствахъ, что городъ обороняется до отчаянности, что оный атакуется осмью тысячами пѣхоты, что извѣстія дошли, яко ханъ Крымской въ заду такого расположенія въ шестидесяти только верстахъ набралъ изъ разсыпныхъ Турковъ до двадцати тысячъ и, со всѣми своими ордами совокупляясь, намѣревается впасть въ мой задъ, а при томъ что и мои обыкновенныя повсемѣстно въ корпусѣ подагрическія боли мучатъ меня несказанно, извинятъ меня передъ вами, любезнѣйшій другъ, что я не могу особенно къ вамъ по внесенной во оной Татарской экспедиціи ничѣмъ другимъ распространиться, какъ, сославшись на оную, только просить отъ васъ какъ можно съ первымъ курьеромъ точнѣйшаго увѣдомленія, не ввели-ль меня сіи обстоятельства въ какое-либо упущеніе, однакожъ со всѣмъ тѣмъ могу ли я себя хотя малою въ томъ услугою обласкать, что и симъ первоначальнымъ производствомъ конечно уже много пріобрѣли безпечности на будущую зиму, какъ во удержаніи новыхъ завоеваній, такъ и въ сохраненіи собственныхъ границъ. А и къ предположенному на будущія времена о Татарахъ намѣренію, кажется, дорога уже проложилась довольно изрядная. Счастливъ же я буду, когда сей успѣхъ хотя нѣсколько тому усердію и заботамъ моимъ соотвѣтствовать можетъ, какія по оному я употреблялъ: ибо въ самое то время, когда ханъ, по разбитіи визиря, побывавъ у него въ Исакчѣ, возвращаясь къ собирающимся отъ проигранныхъ баталій Турецкимъ войскамъ въ Измаилѣ и въ Киліи, подтверждалъ тамъ удерживаться со обнадеживаніемъ присоединиться къ нимъ со всѣми своими силами; но прежде возвращенія его къ своимъ ордамъ подоспѣли мои нарочно присланные съ новыми письмами плѣнные, по которымъ орды успѣли уже и сдѣлать между собою присягу о отступленіи отъ Порты, а въ присоединеніе подъ протекцію моей всемилостивѣйшей Государыни. Посему, вмѣсто чтобы слѣдовать за своимъ ханомъ, всѣ они пошли къ Днѣстру, а ко мнѣ стали отправлять депютацію, съ которою чтò я основалъ, вы, любезнѣйшій другъ, все съ точностію усмотрите изъ отправленной отъ меня съ симъ вручителемъ моимъ адъютантомъ княземъ

Гагаринымъ депеши. Такъ же изъ оной и изъ приложеннаго журнала увидите и продолженіе моей городу атаки, которая потолику въ разсужденіи самой упорной непріятельской обороны впередъ подвигается, поколику нашей силы и возможности только достаетъ, кою однакожъ не ослабѣвая надѣюся счастіемъ Ея Императорскаго Величества привести къ желаемому концу. Но жалѣю только о томъ, что вижу пропадаетъ время поспѣвать нынѣшнею еще кампаніею не только къ Очакову, но и къ устью Днѣстра; ибо по здѣшнимъ степямъ не предвижу себѣ ближе винтеръ-квартиръ какъ на Бугѣ, до котораго и отсель уже марошировать требуется времени не меньше трехъ недѣль.

Несказанно какъ, любезнѣйшій другъ, по извѣстному вамъ въ Азіатическихъ народахъ корыстолюбію, затрудняло меня то, что не могъ получить по представленію моему никакихъ вещей на подарки прибываемымъ ко мнѣ посланцамъ, что̀ и принужденъ былъ замѣнять червонными и почти всѣ изъ арміи выкупить неволею золотые часы, коимъ сіи дураки несказанно какъ лакомы и коихъ я раздарилъ уже одиннадцать; но какъ надѣюсь, что и впередъ многіе еще ко мнѣ отъ сего народа присылаемы будутъ, а на первое приласканіе ихъ безъ подарковъ, кажется, обойтиться нельзя, то не дурно бы было, еслибы что-нибудь отъ васъ подоспѣть на то могло.

28.

1770-го года Августа 22-го дня, изъ прежняго лагеря.

Препровождаемыя симъ отъ меня всеподданнѣйшая къ Ея Императорскому Величеству реляція и всѣ въ копіяхъ при ней приложенія по моихъ съ Татарами распоряженіямъ и обращеніямъ васъ, любезнѣйшій другъ, о всемъ по касательному для отправленія здѣсь моей службы и по сей негоціаціи съ подробностью увѣдомятъ и въ познаніе приведутъ. Не остается мнѣ больше теперь какъ, обнявъ васъ всею душею, отнести все ваше вниманіе и проницательное мнѣ вспоможеніе ко оному и сколько еще не совсѣмъ вступившихъ, столько уже и дѣйствительно видъ вступленія оказавшихъ въ нашу протекцію Татаръ неразумныхъ желаніе (а коварныхъ происки были и теперь настоятъ), чтобъ я ихъ тотчасъ перепустилъ чрезъ Днѣпръ въ ближайшее соединеніе со всѣмъ Крымомъ. Но и то не неправда, что я всѣми силами и удобною возможностью предостерегаюсь до онаго ихъ допустить. Необходимое желаніе мое въ томъ уже предуспѣло, что препровожденныя всѣ Татарскія силы съ ихъ ханомъ и болѣе нежели съ 20000 разбитыхъ Турокъ его сіятельствомъ новымъ господиномъ генералъ-фельдмаршаломъ безъ всякаго котоированія чѣмъ либо отъ

своей арміи изъ заду моей самой миніатурной арміи (завязанной осадою и обложеніемъ на пространствѣ болѣе 10-ти верстъ) извлечены въ междуусобный разрывъ, и по окруженіи тѣхъ моихъ войскъ заведены, которыя къ окончанію моей осады сколько потребны быть ни могутъ, столь больше еще способствуютъ на загражденіе отъ сихъ еще колеблющихся народовъ нашихъ собственныхъ границъ. Тѣмъ же не только я собственно остался безъ всякаго помѣшательства отъ сей саранчи (коя бъ и не дала продолжать по всей моей возможности свою осаду), но кажется уже не безнадежный предположенъ путь если еще не совсѣмъ нынѣ привести весь сей народъ и сію державу въ желаніе и намѣреніе нашей всемилостивѣйшей Государыни, то по последней мѣрѣ чрезъ нѣкоторое время впередъ. На зимнее же наше съ ними расположеніе не безъ основанія уже можно намъ принять за выигранную весьма знатную надъ непріятелемъ баталію, если только другая, превосходная въ своемъ видѣ, между симъ не подоспѣетъ.

Не знаю, любезнѣйшій другъ, не сдѣлалъ ли я обыкновеннымъ военнымъ людямъ въ справедливыхъ дѣлахъ откровеніемъ излишняго, что какъ хану и сераскиръ-султану, такъ и всѣмъ адресующимся изъ ихъ ордъ ко мнѣ персонамъ и народамъ точно въ отвѣтахъ своихъ сказалъ, что Россія и я самъ только тѣмъ изъ нынѣ подданныхъ и зависимыхъ Турецкаго скипетра людямъ и народамъ могутъ быть друзьями и обѣщать протекцію нашей всемилостивѣйшей Государыни, кои торжественно и со обязаніемъ по закону своему клятвою отторгнутся отъ подданства и всякой зависимости скипетра Турецкаго, съ присланіемъ тотчасъ ко мнѣ въ залогъ тому вѣрности отъ себя аманатовъ; а на тѣхъ, кто еще подъ онымъ пребываетъ, не имѣю и не буду ничего другаго обращать, какъ оружія на покореніе ихъ въ плѣнъ и рабство Всероссійской Императрицѣ, что́ кажется мнѣ внятнѣе и лучшимъ образомъ всѣхъ ихъ въ теперешнемъ расположеніи совсѣмъ разрѣшитъ вступать съ нами хотя и въ союзъ дружбы, но чтобъ при томъ и сохраниться съ Портою, особливо ханъ и его братъ, кои, какъ видно по всему ихъ обыкновенно-крестьянскому воспитанію, ничего въ свѣтѣ лучшаго быть не поставляютъ, какъ своихъ земелекъ и деревнишекъ, съ скареднымъ съ тѣхъ доходомъ. Но совсѣмъ тѣмъ, другъ мой сердечный, долженъ признаться, что таперь почти несносное лежитъ на моихъ раменахъ бремя, лаская и обращаясь, да еще и въ лагерѣ, яко въ самомъ ближнемъ сообществѣ и почти съ безперерывнымъ звукомъ либо артилеріи либо ружья и со усмотрѣніемъ таскаемыхъ либо битыхъ либо раненыхъ людей, съ самыми гнуснѣйшими по образу невѣжества и всего вообще обращенія варварскими крестьянами. Почему и прости, любезнѣйшій другъ, если усмотришь по сей

моей экспедиціи что недостаточное и что же я долѣ и обстоятельнѣе симъ распространяться ни силы ни времени не имѣю, а ожидаю хоть отъ васъ къ своему успокоенію безпромедлительнаго увѣдомленія, какъ та наша великая Государыня, въ угодность которой единственно я всѣ при моемъ вамъ извѣстно разоренномъ здоровьи теперешнія бремена еще сношу, нынѣшнюю мою службу принимать изволитъ.

29.

1770-го году Августа 28-го дня, изъ прежняго лагеря.

Ссылаясь на препровождаемую симъ отъ меня къ Ея Императорскому Величеству депешу, прибавляю теперь только обстоятельства мои съ графомъ Петромъ Александровичемъ, по вашему желанію предузнать расположенія о наступающихъ винтеръ-квартирахъ. Въ слѣдствіе чего здѣсь слѣдуетъ копія съ полученнаго отъ него ко мнѣ о томъ письма, о коемъ уже я и въ предъидущемъ къ вамъ отзывался съ пріобщеніемъ къ ней мною сочиненнаго въ отвѣтъ его сіятельству о будущихъ обѣихъ армій расположеніяхъ на винтеръ-квартиры разсужденія, по переводѣ на Нѣмецкій языкъ ради разсмотрѣнія съ присланнымъ ко мнѣ отъ него и теперь здѣсь пребывающимъ господиномъ генералъ - квартирмейстромъ Боуромъ, который однакожъ уже и завременно въ разговорахъ предо мною изъяснялся, что графъ Петръ Александровичъ отнюдь не съ тѣми предположеніями о винтеръ-квартирахъ его ко мнѣ отправлялъ, и еслибы оныя надѣялся имѣть въ отправленномъ съ нимъ письмѣ, то онъ, яко человѣкъ совсѣмъ некоéchoварный, конечно бы съ такою притворною коммиссіею ко мнѣ не поѣхалъ: ибо онъ знаетъ достовѣрно, что и первой арміи въ тѣхъ мѣстахъ, кои онъ къ расположенію второй передаетъ, удержаться будетъ никакъ не можно, да и его сіятельству ни прямаго намѣренія, ни возможности отнюдь нѣтъ главными своими силами удерживаться между Прутомъ и Серетью. По коему основанію препоручаю вамъ, любезнѣйшій другъ, во внимательное и удобное заблаговременное употребленіе сего моего разсужденія и присовокупляю, что хотя я съ твердостію увѣренъ, что какъ дряхлость моего здоровья отнимаетъ всю мою надежду продолжать больше службу, такъ и ласкаю себя, что образъ продолженія до сихъ поръ оной и высочайшая милость къ намъ нашей всемилостивѣйшей Государыни совсѣмъ изъемлютъ меня изъ той опасности, чтобъ быть мнѣ когда - нибудь подъ командою сего великаго полководца, ниже и стражемъ и отвѣтчикомъ за неудобность удержанія тѣхъ мѣстъ. Онъ изволитъ, по необоронѣ непріятельской, въ степь, а не въ то мѣсто распространиться, гдѣ тре-

бовалось его собственною силою непріятеля еще съ берега Дунайскаго выжить и на ономъ утвердиться къ загражденію завоеванныхъ жилыхъ, а въ подданство Ея Величества (слѣдовательно и къ защищенію присягою утвержденныхъ провинцій). И какъ къ снабженію оныхъ военною аммуниціею, такъ и пропитаніемъ не изволилъ онъ изобрѣсти способовъ въ тѣхъ ближайшихъ мѣстахъ запастись, откуда только натуральная удобность и предъявлялась и гдѣ имѣлъ должность на все продолженіе войны всѣмъ онымъ запасаться и учреждаться. Честь и человѣчество отъ меня требуютъ вашего предстательства къ тому испрашивать, чтобъ какъ возможно никого особливаго не допустить въ сей опустошенный и степями отдѣленный край завязывать къ содержанію его на собственномъ попеченіи и отвѣтѣ, а не подъ подчиненствомъ самого его сіятельства, яко по самой существительной справедливости принадлежащее тому нераздѣльно, кто ведетъ операціи завоеваній въ разрѣзанной отъ нашей собственной земли посторонними владѣніями и въ одномъ ничѣмъ нераздѣляемомъ же краю. Ежели жъ нынѣшнихъ его силъ къ тому признается быть недостаточно, то конечно по таперешней способности и по взятіи города Бендеръ такое точное число въ его собственную команду изъ второй арміи можно будетъ прибавить, сколько дозволитъ остатокъ ея за окончательнымъ ко взятью сего города урономъ и за удѣленіемъ въ его гарнизонъ, кой кажется съ тѣмъ городомъ въ его же сообщеніе больше нежели къ оборонительной арміи принадлежать будетъ, съ тѣмъ чтобы въ замѣнъ того уже весьма слабый остатокъ сей второй арміи наградить сколько можно скорѣй изъ какихъ другихъ удобнѣйшихъ мѣстъ по внутреннему основанію нынѣшняго нашего расположенія. Ибо, любезнѣйшій другъ, мои воображенія мнѣ представляютъ, что въ нынѣшнюю зиму, по таперешнимъ основаніямъ Татаръ, требуется коли не больше, то конечно не меньше прошлогодскаго въ силахъ надзиранія или къ защищенію ихъ собственно и удержанію въ нашихъ видахъ, или же отъ нихъ, если они отъ оныхъ отступить будутъ принуждены. По требованію моему приближать отъ него полковъ (на случай, если я пѣхотою къ продолженію осады совсѣмъ ослабѣю) отрядилъ онъ лишь въ мѣстечко Фальчу четыре полка, которые при послѣдней баталіи были Турками въ карѣ господина Племянникова съ великимъ урономъ порублены и разорваны, слѣдовательно кои всѣхъ слабѣе и кои больше всѣхъ другихъ отъ непріятеля испужаны на способнѣйшее употребленіе къ штурмованію крѣпости.

Копія съ письма генерала графа Петра Александровича Румянцова къ генералу графу Панину, отъ 18-го числа Августа 1770-го года.

Въ отвѣтъ на всепочтеннѣйшее вашего сіятельства отъ 14-го сего мѣсяца имѣю честь донесть: Николая Михайловича г-на Панина по дружбѣ его ко мнѣ и по обязательству съ вами родства надежнѣйшимъ я считаю увѣрителемъ быть васъ, сколько я усерденъ, кромѣ долгу службы, изъ отличной и искреннѣйшей моей преданности, ко всякому вамъ способствованію отъ моей стороны.

Я теперь отправляю г-на генералъ-квартирмистра Боура, который вашему сіятельству подробнѣе изъяснитъ мои мысли въ разсужденіи настоящаго и будущаго положенія, что́ я предполагаю для войскъ моему предводительству ввѣренныхъ и чему я желалъ бы быть исполнену съ вашей стороны. Съ нимъ также ѣдетъ при сей арміи находившійся волонтеромъ Прусской службы инженерный маіоръ г. Гасъ, офицеръ весьма извѣстнаго искусства по своимъ успѣхамъ въ практикѣ, что́ онъ въ прошедшую Прусскую и Брабантскую войну показалъ въ инженерной и артилерійской наукѣ къ отличенію себя. Его я честь имѣю по симъ талантамъ рекомендовать вашему сіятельству въ милость и ко употребленію по мѣрѣ оныхъ, если заблагоразсудить изволите въ продолжаемомъ на крѣпость дѣлѣ.

Ваше сіятельство изъ предъидущаго моего изволите знать, что я генерала-поручика князя Репнина съ корпусомъ отправилъ къ Киліи на тотъ единственно конецъ, чтобы сею экспедиціею отвлечи отъ васъ Татарскія и Турецкія силы, могущія иногда пробраться въ озабочиваніе вашего дѣла. Князь Репнинъ противъ чаянія, какъ мы считали Килію небольшимъ только за̀мкомъ, нашелъ ее крѣпостью подобною Хотину и съ преимуществомъ еще тѣмъ предъ послѣднею, что къ защищенію своему имѣетъ сія внутрь каменныхъ стѣнъ водяной ровъ. Непріятель, зарѣвъ его приходъ, форштатъ выжегъ и, засѣвъ въ крѣпости, защищается и по сей день, съ толикою твердостью, что намъ, не имѣвъ, какъ вамъ извѣстно, никакихъ къ атакѣ такого рода снабденій, не только трудность, но и невозможность оказывается къ овладѣнію сею крѣпостію. Но еще однакожъ князь Репнинъ всѣхъ способовъ къ тому отвѣдываетъ.

Ваше сіятельство снисходительно изволите войтить въ счетъ моихъ войскъ. Я ихъ чуть имѣю столько, сколько предлежитъ мнѣ дѣлъ, кои объяты неупускно должны быть ими. Всему однакожъ предпочитая удовлетвореніе вашихъ требованій, хотя я не могу шесть полковъ отдѣлить, но четыре полка изготовлю я въ помощь вамъ; изъ нихъ одни отъ Киліи, а другіе отсюда въ составленіе сего деташамента пойдутъ съ такимъ размѣромъ ихъ пути, что они соединятся и въ одно время къ вамъ прибудутъ. Я однакожъ ласкаю себя, поколику извѣстны мнѣ наиудостовѣрительные и персональные вашего сіятельства подвиги, прилагаемые къ трудамъ вашей арміи, что съ Божіею помощію не постоятъ долго сопротивляющіяся стѣны, но паденіемъ своимъ вознесутъ трудъ вашъ и славу,

чего я вседушевно желаю и нетерпѣливо жду къ совершенному своему обрадованію.

По положенію настоящихъ моихъ обстоятельствъ сообщу я вашему сіятельству мои мнѣнія съ перемѣною прежняго плана и со испрошеніемъ вашего къ тому согласія. Если Богъ даруетъ взять вамъ Бендеры, то вся сторона между Днѣстромъ и Прутомъ до Дуная принадлежать будетъ стражѣ вашихъ войскъ, коимъ тутъ тогда и водвориться слѣдуетъ. Какъ, напротивъ, моей арміи предостанется обнять весь край, что между Прута и Серета даже до рѣки Олты, куда я не могу перенесть еще дѣйствій военныхъ, покудова ваше сіятельство не овладѣете Бендерами, чтобъ съ сей стороны не сдѣлать отверстія непріятелю, имѣющему довольно судовъ на томъ берегу Дуная; а тамъ должно укрѣпиться намъ совсѣмъ не тѣмъ примѣромъ, какъ въ прошедшую зиму раздроблялись войски.

Ради заведенія магазейновъ и споспѣшествованія комуникаціи прошу я вашего сіятельства оставить въ мою часть край Польши отсюда съ лѣвой стороны отъ Бара чрезъ Браиловъ, Винницу, Прилуки, Погребище и до Бѣлой Церкви, поелику въ околичностяхъ Львова мѣста недостаточны въ фуражѣ, а прочія всѣ мѣста вправо вамъ остаются.

*

Копія съ рапорта поручика Заводовскаго, отправленнаго для препровожденія мурзъ къ Буджацкимъ и Едисанскимъ ордамъ и для раздачи имъ подарковъ, отъ 2-го числа Септября 1770-го года.

По отправленіи моего рапорта къ вашему сіятельству, Ужанъ-Мамбетъ-бей со многимъ числомъ мурзъ пріѣзжалъ къ Мамаю-мурзѣ, гдѣ я квартиру имѣлъ, чтобы окончить уже самимъ дѣломъ всѣ ихъ предпріятія. Я прежде собранія вручилъ ему письмо съ посылкою, которую онъ съ великимъ удовольствіемъ принялъ и, радуясь тѣмъ, нѣсколько разъ повторялъ, что онъ вѣчный пріятель вашему сіятельству и все во угожденіе вашего сіятельства станетъ дѣлать, пѣняя при томъ какъ не умѣли разобрать сего: кому не надобно и не слѣдуетъ дарить, тотъ много получилъ гостинцовъ отъ вашего сіятельства. Я и самъ примѣтилъ: которые имѣли кредитъ при султанѣ, тѣ понижены, а другіе имѣютъ теперь случаи у сего новаго повелителя. И такъ въ назначенномъ мѣстѣ ничего твердаго не положили, и самъ Мамбетъ-бей, покоряя себя несогласію нижняго степени мурзъ, со всѣми оными и меня взялъ съ собою на Березань. Всѣ вмѣстѣ сегодня пріѣхали прямо къ Темиръ-султану и Ару-Мамбету, который и теперь кредиту не теряетъ и по прежнему напусильно старается. Татары съ ихъ обозы стоятъ на Телигулѣ, и прочіе обозы назадъ съ Березани возвращены его сіятельствомъ княземъ Прозоровскимъ на Березань и Ужанъ-Мамбетъ-беемъ, какъ онъ теперь у нихъ почитается почти самимъ Богомъ. Татаръ пришло тысячъ до трехъ, да прежнихъ, оставшихся отъ султана, тысячъ до двухъ есть безъ обозовъ. На Березани я засталъ г-на маіора Ангелова. Донской и Малороссійской Лубенской полки къ Очакову за Березань верстъ шесть стоятъ впереди, чтобы не пропустить какъ въ Очаковъ, такъ и съ Очакова никого. Отъ г-на маіора я увѣдомился, что

султанъ немедля съ Очакова водою ушелъ, а ханъ близъ Очакова лагеремъ стоитъ. Темиръ-султану я отдалъ письмо съ посылкою; онъ не меньше радъ былъ, какъ и Мамбетъ-бей. Завтрашній день Ужанъ-Мамбетъ-бей со многими мурзами и меня съ собою взявъ для нѣкоторой ихъ надобности къ его сіятельству князю Прозоровскому ѣдутъ, а больше затѣмъ, чтобы чѣмъ подарилъ, къ чему они очень лакомы; отколь возвратясь, намѣрены меня къ вашему сіятельству скоро отправить. Основавъ все свое дѣло, Ужанъ-Мамбетъ-бей мнѣ сказывалъ, что сколько я здѣсь вижу Татаръ, столько его стороны есть въ Крыму; только на все надобно времени, а вскорѣ нельзя сдѣлать ничего. Я, видя его хорошія намѣренія, сколько разъ поздравлялъ его ханомъ, къ чему онъ видно охотно стремится. Съ разговоровъ его и Темиръ-султана я примѣчалъ, что они еще желаютъ отъ вашего сіятельства получить гостинецъ для подкрѣпленія ихъ дружбы; я обнадежилъ ихъ всѣмъ. Съ Турками видно они дружбу прекратили. На сихъ дняхъ лошадей до двухъ сотъ Турецкихъ съ подъ Очакова отогнали. Имъ теперь никто не мѣшаетъ. Всѣ мурзы рады побѣгу султанскому. Я неотступно скучу Ужанъ-Мамбетъ-бею объ отправленіи меня съ основательнымъ дѣломъ къ вашему сіятельству. Клянутся небомъ и всѣмъ, чѣмъ можно, что они вѣчные друзья вашему сіятельству, если это надолго продлится.

30.

1770-го года Сентября 5-го дня изъ прежняго лагеря.

Съ симъ отправленная моя ко двору депеша вамъ, любезнѣйшій другъ и дорогой братецъ, покажетъ во всей точности всѣ мои тапершнія наизаботливѣйшія упражненія, удостовѣряя самою истиною, что рѣдкопримѣрная отчаянная непріятельская продолжаемая оборона поставила бы всеконечно всякую осаду въ большое затрудненіе, которой бы составленіе и отправленіе было и по точному размѣриванію всѣми принятыми на то правилами безъ воображенія встрѣчаться съ непріятельскою самою слабою обороною, а съ настоящимъ соблюденіемъ и соображеніемъ, что учреждается осада на такое дальное отстояніе не только отъ собственныхъ своихъ заготовленій и запасовъ, но и отъ всякаго по степенному [20]) и безлѣсному отдаленію изъ людскихъ обитаній способствованія. Но когда таперь, по несчастію, будучи она въ своемъ расположеніи отправлена и снаряжена на слабую непріятельскую оборону, и встрѣтилась съ такою, какая рѣдко и въ самомъ регулярномъ непріятелѣ бываетъ, да и съ тѣмъ еще прибавленіемъ, что сей варварскій и въ невѣжествѣ погруженный непріятель не воображаетъ себѣ заблаговременно никакихъ опасныхъ приключеній и, не чувствуя своихъ бѣдствій прежде самаго въ немъ дѣйствія, слѣдуетъ

[20]) Т. е. степному.

одному только своему отчаянію: то представьте же себѣ, мой любезный другъ, сколько бы я ни бодрствовалъ, но какъ можетъ духъ мой быть и по таперешнее уже время безъ крайняго встревоженія? А наипаче что не только мнѣ всѣ способы къ помощи изъ дальнихъ нашихъ отстояній, но и отъ первой арміи, яко изъ ближайшаго мѣста, пресѣчены, какъ изволите усмотрѣть изъ приложенной къ реляціи копіи съ письма отъ графа Румянцова. За сими обстоятельствами и не остается мнѣ во всемъ ономъ, а наипаче въ сохраненіи своей невинной, а весьма дорого купленной репютаціи, какъ только ожидать развѣ по одной своей справедливости помощи отъ Вышней Десницы, будучи въ томъ состояніи, что, отнимая отъ отчаяннаго непріятеля крѣпость, видѣть и ежеминутно ожидать отповѣди, что ни людей, ни пороху, ни ядеръ совсѣмъ уже не достаетъ, для чего во всемъ ономъ и быть принужденнымъ больше сберегаться, нежели на непріятеля усиливаться. Но и въ томъ случаѣ продолженіе времени угрожаетъ какъ издержаніемъ остальнаго своего заготовленнаго пропитанія, такъ и наступленіемъ ненастной погоды, коя въ разсужденіи пребыванія въ апрошахъ и продолженія земляныхъ работъ не меньше препятственна, какъ и прекращеніе всего вышепрописаннаго. Такимъ же образомъ въ нынѣшнемъ, яко послѣднемъ, мѣсяцѣ и ожидайте вы отъ меня или конечнаго взятія сего города, или потерянія подъ нимъ столько людей что съ остаткомъ отъ оныхъ невозможно уже будетъ удержаться въ продолженіи осады. Я радуюсь и тому, что хотя отъ васъ однихъ, любезнѣйшій другъ, пріобрѣтаю въ партикулярныхъ письмахъ извѣстія о неиеблагоугодности Ея Величества къ моей таперичной столь важной службѣ, не имѣя никакого настоящаго отзыва ни на одну мою по переходѣ Днѣпра реляцію, слѣдовательно и не имѣя жъ ничѣмъ отъ высочайшаго ея имени своимъ подчиненнымъ ко ободренію весьма трудной и уронной экспедиціи отозваться: ибо не только у графа Румянцова въ нынѣшнія побѣдительныя баталіи, но думаю, что и съ прошлогодскою кампаніею не имѣли наши войски ни столь частыхъ, ни такихъ кровопролитныхъ съ непріятелемъ сраженій, какъ здѣшнія таперь, такъ сказать, ежедневно имѣютъ и уронъ въ себѣ претерпѣваютъ, особливо по мѣрѣ своего числа.

Касательно же до публичнаго указа изъ Государственной Военной Коллегіи о учрежденіи карантиновъ на предохраненіе съ тѣми войсками, кои въ извѣстные заразою мѣста зашли, то бы я желалъ, чтобы лучше оному оставаться на моей одной довѣренности, кою я конечно не оставляю во всей силѣ предостерегать. И для того почта до Петербурга отъ меня и прежде еще была учреждена все степями, а таперь еще гораздо далѣе оными отъ всякаго жила по совершенной

уже отъ Татаръ безопасности отъ Бендеръ прямо на Екатерининской шанецъ перенесена; да и конечно бы я при такомъ сомнѣніи никогда бъ не отправилъ отъ себя прямо курьера въ Петербургъ.

31.

Сентября 12-го 1770-го году изъ прежняго лагеря.

Не выпускаю я изъ всечаснаго моего стремленія, да не пропускалъ и впредъ конечно всѣхъ удобнѣйшихъ случаевъ не пропущу домогаться, сколько возможно поспѣшнѣе, пріобрѣтать на Крымскомъ островѣ нашей всемилостивѣйшей Государынѣ утвердительнаго способнаго мѣста на укрѣпленіе къ содержанію морской гавани, такъ какъ и къ занятію Ея Величества гарнизонами сколько можно удобнѣйшихъ мѣстъ на свободные проходы нашему мореплаванію и сколько на защищеніе отъ Турецкаго нападенія, столькожъ и на надзираніе самаго сего острова, вслѣдствіе чего уже всѣхъ прибывающихъ ко мнѣ изъ преклонившихся ордъ мурзъ и старшинъ разными внушеніями приводилъ и приводить стану на согласіе къ тому, что въ Крымъ необходимо въ вышеизъявленныя мѣста надобно принять Россійскіе къ защищенію собственной вольности гарнизоны и уступить мѣсто на заведеніе Россійскому флоту гавани. Но Крымское вступленіе въ намѣряемыя Ея Императорскаго Величества предположенія требуетъ еще нѣкотораго времени, а, можетъ быть на первой случай и остаться будетъ принуждено при тѣхъ однихъ выгодахъ, чтобъ Едисанскія, Буджацкія, Джамбулацкія и Едикульскія орды, связавъ въ одно совокупное правительство, хотя ужъ отдѣленно отъ Крыма, утвердить въ Ея Величества намѣреніяхъ. На тотъ случай, когда Крымцы еще останутся въ нынѣшнемъ ихъ положеніи, я прошу васъ, любезнѣйшій другъ, отобравъ отъ Ея Величества высочайшую на такой случай волю, дать мнѣ съ первымъ курьеромъ по оному основанію наставленіе, дабы я въ немъ, сколько возможно и удобности дозволятъ, лучшимъ образомъ не упустилъ предположить дороги къ настоящему достиженію всего намѣренія хотя чрезъ нѣкоторое время впередъ.

Изволите, мой другъ, увидѣть, съ какимъ все добросердечіемъ происходитъ и какимъ образомъ мнѣ можно взять на свое предохраненіе весь безобороннымъ завоеваніемъ весьма распростертый пустой край отъ Буга къ Днѣстру, между Прутомъ и Чернымъ моремъ лежащій, что ни пропитанія я онымъ войскамъ (ежели въ Бендерахъ магазейна не найду) доставить ни откуда не могу, да и счастливъ буду, когда по взятіи сего города и по положеніи въ него потребнаго числа гарнизона найдусь въ состояніи вывесть остаткомъ изъ своей пѣхоты здоровыми тысячъ до семи человѣкъ. А что до легкаго войска

принадлежитъ, о коемъ его сіятельство не перестаетъ твердить, то у меня уже таперь и всей кавалеріи состоитъ карабинеръ два полка по три эскадрона, а по два за убылью лошадей помѣщены въ комплектъ на мѣста убитыхъ пѣхотныхъ гранадеръ; да гусарскихъ два полка, а и казачьихъ тысячи двѣ человѣкъ; прочіе же всѣ по таперешнему Крымскаго хана подъ Очаковымъ обстоятельству отправлены въ усиливаніе князя Прозоровскаго, яко Калмыки не только отъ него, но и отъ Берга давно уже домой порываются, и совсѣмъ не надѣюсь, чтобы оные и нынѣшній мѣсяцъ при насъ остались. По симъ основаніямъ таперь и совсѣмъ не знаю, что̀ за лучшее съ отправленнымъ ко мнѣ корпусомъ князя Репнина дѣлать; а какъ надѣюсь, что мой глобъ-декомпресіонъ[21]) сутки чрезъ трои своимъ взорваніемъ конечно поставитъ меня въ разрѣшимость, брать ли сей деташаментъ къ себѣ иль нѣтъ, то избралъ я остаться на сіи дни въ молчаніи. А между тѣмъ оный деташаментъ своими маршами не успѣетъ еще отдалиться отъ того прежняго на Акерманъ предмета, на который будто бы онъ его употребить хотѣлъ. Но не знаю, какъ быть совсѣмъ безъ кавалеріи; ибо въ припискѣ онъ требуетъ, чтобы я свои легкія войски ко оному на встрѣчу выслалъ.

Но, къ сожалѣнію, не знаю я еще, могла ли что нибудь моя просьба поспособствовать о осиротѣвшихъ отъ покойнаго генералъ-маіора Лебеля и маіора Бастевика домахъ.

Въ самое сего окончаніе прибыли ко мнѣ и ожидаемые съ отвѣтомъ на мои требованія отъ Едисанскихъ и Буджацкихъ ордъ присланные и, кажется, со удовольственнымъ по нашимъ желаніямъ расположеніемъ. Но какъ привезенныя съ ними письма къ Ея Величеству и ко мнѣ собственно еще перевесть не могли, то принужденъ обстоятельное по онымъ увѣдомленіе оставить до другаго курьера.

32.

1770-го году Сентября 19-го дня[22]).

Не возмогши еще собрать всѣхъ обстоятельствъ къ подробному доношенію Ея Императорскому Величеству о благополучно произведенномъ крѣпости Бендерской штурмѣ, препровождаю къ вамъ между

---

[21]) Globe de compression (сдавленный шаръ)—подкопъ въ 400 пудовъ пороха, имѣющій назначеніе взорванною землею завалить ровъ осаждаемой крѣпости и по образовавшемуся сплошному помосту войти въ крѣпость.

[22]) Бендеры взяты въ ночь съ 15 на 16 Сентября 1770 году. Одному маркитанту досталась въ добычу молодая Турчанка съ прекрасными задумчивыми глазами; онъ отвезъ ее въ подарокъ своему помѣщику въ село Мишенское подъ городомъ Бѣлевымъ. Это была мать В. А. Жуковскаго.

онымъ сего вручителя, Датской службы бывшаго въ первой арміи волонтира подполковника г-на Анжелини, прибывшаго къ здѣшней арміи предъ нѣсколькими днями штурма, оставшагося до ожиданія рѣшительнѣйшаго съ крѣпостію дѣйствія и похвально въ сіе время себя при мнѣ на всѣ принадлежащія искусному и прилежному офицеру примѣчанія употреблявшагося. Войско Ея Величества мнѣ ввѣренное въ своей пріобрѣтенной таперь славѣ все благополучно, а я здоровъ; о прочемъ же по превеличайшему моему таперь недосугу слѣдующимъ только сократиться принужденъ.

1) Какъ во время штурма, за нѣсколько только часовъ предъ онымъ, по требованіямъ отъ насъ привезенными изъ Кіева каркасами городъ былъ въ трехъ мѣстахъ зажженъ, такъ и въ продолженіе онаго на преодолѣніе засѣвшаго непріятеля съ свирѣпѣйшею обороною во всякія удобныя строенія принуждено и приказано было всѣ ихъ зажигать, и какъ сраженіе до конца настоящаго преодолѣнія продолжалось 12 часовъ сряду, то пламя уже столько усилилось, что и по сегоднишній день еще совсѣмъ утушено быть не могло, слѣдовательно весь безъ остатка Бендеръ обратился въ пепелъ; а мнѣ таперь сдѣлалась почти неодолѣемая забота, какъ своему гарнизону въ здѣшнемъ безлѣсномъ мѣстѣ составить хотя землянками жилище.

2) Сераскиръ, именемъ Мехметъ-Эминъ, который послѣ прежде умершаго всю главную команду имѣлъ, человѣкъ, какъ видно, великой знати и почтенія, у меня со всѣми ихъ знатными офицерами и чиноначальниками, а съ многолюдными по ихъ Азіатскимъ обычаямъ свитами, плѣнными здѣсь въ лагерѣ, да спасенныхъ въ зàмкѣ отъ меча и огня плѣнниковъ мужеска и женска полу таперь въ нашемъ лагерѣ состоитъ конечно, думаю, не меньше 10,000 человѣкъ; а тѣлъ непріятельскихъ въ крѣпости и на мѣстахъ сраженія (на кои нѣкоторые изъ нихъ выбѣгали), безъ увеличиванія сказать, болѣе тысячъ семи было. Почему и вѣроятно, какъ сераскиръ самъ утверждаетъ, что у него состояло оруженосцевъ со дня моего прибытія подъ крѣпость 30,000, а наканунѣ штурма 15,000. Мы же сію крѣпость съ такимъ числомъ гарнизона и съ имѣющимися въ ней гораздо болѣе двусотъ пушками атаковали 14-ю пѣхотными полками и 60-ю орудіями, а по лѣстницамъ штурмомъ взяли только [23]) тысячью человѣками наличной своей пѣхоты, оставивъ уже во всемъ лагерѣ однихъ больныхъ и раненыхъ на караулахъ и часахъ. Да и Богу благодареніе, потеряли мы на семъ преужасномъ и кровопролитномъ сраженіи своихъ людей не больше какъ побитыми 686, ранеными 1875, о чемъ при обстоятельной реля-

---

[23]) Пропущено число.

ціи дня черезъ два еще найдусь въ состояніи отправить курьера съ ключами и съ пріобрѣтенными трофеями.

3) Не могу, любезнѣйшій другъ, описать сего ужаснаго воображенія въ какомъ глазамъ моимъ представляется таперь сей несчастливый городъ, разграбленный, побѣдительной [24]), сожженный весь безъ остатку огнемъ, покрытый тѣлами, мечемъ умерщвленными и обожженными. А въ плѣнъ попались люди, особливо многочисліе женщинъ и невинныхъ младенцевъ, въ худыхъ одеждахъ и безъ всякой пищи, а я безъ возможности ихъ всѣхъ столько потребнымъ снабдить, сколько того человѣчество отъ меня требуетъ, что̀ понудило меня взять смѣлость самому сераскиру, мужу почтеніемъ и лѣтами украшенному и неимѣющему ни одной у себя копѣйки, отъ высочайшаго милосердія Ея Императорскаго Величества дать на первонужные себѣ къ отъѣзду въ Россію пріуготовленія 500 червонныхъ, о чемъ прошу заблаговременно меня предъ Ея Величествомъ извинить, особливо ежели я принужденнымъ найдусь оныхъ по нѣскольку дать пашамъ и знатнымъ офицерамъ, коихъ все имѣніе погибло или огнемъ или попалось въ руки нашихъ храбрыхъ гранадеръ и прочихъ рядовыхъ, которые свой трудъ конечно тѣмъ довольно себѣ заплатили, и вся моя армія обратилась въ ярмарку, что̀ таперь несказанно жъ какъ меня безпокоитъ.

4) Графъ Петръ Александровичъ напослѣдокъ преклонился съ назначеннымъ къ подкрѣпленію меня деташаментомъ отправить князя Репнина и дозволилъ ему напередъ сюда поспѣшить, кой хотя чрезъ полутора сутки ко мнѣ пріѣхалъ, однакожъ сутками не засталъ уже штурма, но споспѣшествовалъ мнѣ обще съ ихъ господиномъ Боуромъ войти со всею подробностію въ разсмотрѣніе остатковъ моей весьма миніатурной арміи и, сообразя на предметахъ истинной только и настоящей пользы службы нашей всемилостивѣйшей Государыни общее со мною разсужденіе, основать такое предположеніе къ удобовозможнымъ утвержденіямъ всѣхъ наступательныхъ завоеваній, по коему твой братецъ, не вострепетавъ, попустился остаться при арміи въ своей таперешней наличности меньше уже и 5000 остающейся. Боже только сподоби перейти столь же благополучно и сію высоту стѣнъ и глубину рвовъ, какую онъ съ малымъ и неслыханнымъ числомъ войскъ перешелъ въ Бендерахъ, и чтобъ оное хотя нѣкоторою частію только Великой Екатеринѣ благоугодно, а скипетру ея полезно было, колико онъ по единому истинному усердію къ ея славѣ во все то своею жизнію посвящается и предается всѣмъ трудамъ и отвагамъ.

5) Отъ мороваго повѣтрія по всѣмъ симъ основаніямъ и что все Бендерское, имѣющее въ себѣ отъ онаго зараженіе имѣніе таперь

---

[24]) Т. е. побѣжденный.

пошло во всѣ разныя руки моей арміи, а плѣнные помѣщались со всѣми нашими людьми (яко оныхъ число буде не превосходитъ, то конечно равнятся моей таперешней наличности) надобно чтобъ спасла только меня и сію армію таже Вышняя Десница, которая толиками благополучными и неслыханными успѣхами благословляетъ оружіе Великой Екатерины. Къ возможной же предосторожности не оставилъ я распорядить: 1-е, всѣ непріятельскія взятыя вещи возможныя всякому по нѣскольку разъ мыть, а невозможныя развѣшать на вѣтеръ; 2-е, всѣхъ ихъ плѣнныхъ поведутъ степью къ Екатерининскому ретраншаменту со всесильнымъ и принадлежащимъ наблюденіемъ о сей пагубной заразѣ и съ выдерживаніемъ карантина. Вотъ уже 4-й день, какъ мы въ сіе смѣшеніе вступили, но Богу благодареніе еще ничего о сей болѣзни не отозвалось, и Турки увѣряютъ, что она пресѣклась въ нихъ назадъ тому болѣе уже шести недѣль. Только больше всего смущаютъ, обременяютъ меня таперь и въ неразрѣшимость приводятъ весьма знатное число между сими злосчастными плѣнными состоящихъ раненыхъ, престарѣлыхъ и изнеможенныхъ своими силами мущинъ и женщинъ. Не знаю, куда ихъ дѣвать и не имѣю способу ни здѣсь яко на степи покинуть, ни куда въ другое мѣсто кромѣ собственныхъ границъ съ пропитаніемъ препроводить; и не вижу другаго средства, какъ остаться при послѣднемъ, или развѣ удастся сдѣланною мною попыткою Аккерманъ пріобрѣсть, то выпроводить ихъ туда съ дозволеніемъ имѣющимъ способы и за Дунай перебраться, а не имѣющимъ пребывать тамъ, яко въ неопустошенномъ еще мѣстѣ. Словомъ, мой любезный другъ, сказать, что таперь мнѣ еще на нѣкоторое время стало больше заботы и труда, нежели я во всю кампанію имѣть могъ. Наконецъ, пожалуй повергни меня къ стопамъ нашей побѣдительной и великиѣ Государыни, а самъ пребывай съ Богомъ.

33.

1770-го году Сентября 22 дня, изъ лагеря подъ Бендерами.

Соблюдая въ жизни своей, любезнѣйшій другъ и дорогой братецъ, больше всего при всякихъ случаяхъ справедливость, поставилъ я за обязательство себѣ первоначальную о взятіи Бендеръ реляцію къ Ея Императорскому Величеству отправить съ генералъ-квартирмистромъ лейтенантомъ господиномъ Броуномъ, яко съ такимъ офицеромъ, изъ котораго истинная польза службы требуетъ, чтобы ему предпочтительнѣе другихъ скорѣе быть поставлену на дорогу генералитетскаго званія и что дѣдъ его родной, покойный генералъ-фельдмаршалъ Лессій, былъ первоначальный руководецъ моего собственнаго постанов-

ленія на счастливую дорогу военной моей службы, сдѣлавъ отправленіемъ ко двору съ реляціею о взятіи города Фридрихсгама во мнѣ избраніе (какъ онъ тогда сказывалъ) способности къ предводительству Россійскихъ войскъ, а тѣмъ и поостривъ до вышней степени мои къ тому тѣ стремленія и любочестія, кои и преподали способъ мнѣ доставлять государямъ и отечеству тѣ заслуги, въ которыхъ я таперь себя счастіе имѣю видѣть. Равномѣрно и симъ препровожденную вторую мою обстоятельную реляцію съ городскими ключами отправляю я съ Александромъ Ѳедоровичемъ Талызинымъ, а знамена и булавы съ нашимъ княземъ Куракинымъ по той признательной же мною справедливости въ первомъ, что онъ и изъ самаго дворскаго мѣста и службы и изъ такого собственнаго въ домѣ положенія, кои наисовершеннѣйшимъ образомъ услаждаютъ и питаютъ всѣ выгодности жизни человѣческой, отправясь съ разлученіемъ отъ оныхъ въ самую величайшую военную опасность и отдавъ себя во всѣ безъ изъятія трудности и отваги сей службы, конечно преподалъ въ пользу ея примѣръ и поощреніе всѣмъ знатнѣйшимъ нашимъ безстыдно прежде задолжающимъ себя въ роскошной и праздной дворской службѣ, на подражаніе и послѣдованіе его столь похвальнаго, а непослѣдующимъ пресудительнаго примѣра. Сверхъ же того отецъ родной супруги его [25]) былъ тотъ, кой между прочими оказываемыми ко мнѣ разными благотвореніями отправленіемъ меня съ реляціею о одержанной первой надъ Прусскимъ королемъ побѣдѣ, поставилъ на превосходной пунктъ военнаго моего счастія и ознаменованія. А и князь Куракинъ—внукъ родной самаго того, кто и обоимъ намъ съ вами, любезнѣйшій другъ, отворилъ первыя дороги къ достиженію того, чѣмъ мы не только сами отъ отечества своего, но и оное отъ насъ таперь пользуется, а Ея Величество пріобрѣтаетъ заслуги. Вслѣдствіе сего я, обнявъ васъ, драгоцѣнной мой другъ, всею душею, поручаю всѣхъ ихъ трехъ въ ваше собственно отъ себя и отъ имени моего у Ея Величества предстательство, которое могло бы быть настоящимъ удовлетвореніемъ такихъ моихъ о нихъ расположеній; а равномѣрно и по всей моей съ симъ слѣдующей обстоятельной реляціи пожаловать приложить такое о всѣхъ ввѣренныхъ мнѣ, а въ ней ознаменованныхъ чинахъ предстательство, которое бъ достойно соотвѣтствовало ихъ наиусердному способствованію въ пріобрѣтеніи предъ Ея Величествомъ и отечествомъ такой заслуги и славы, которой всѣ безпристрастные люди, да и са-

---

[25]) А. Ѳ. Талызинъ, одинъ изъ пособниковъ Екатерины при ея воцареніи, женатъ былъ на Марьѣ Степановнѣ, дочери фельдмаршала Апраксина.

мые завистники (какъ то, надѣюсь, скоро услышите изъ всѣхъ чужестранныхъ мѣстъ) отдадутъ ту справедливость, что подобнаго преодолѣнія непріятелю въ самомъ крѣпкомъ городѣ съ такимъ малымъ числомъ людей и орудій и съ такими твердостію и храбростію во увеличиваніе славы своего государя не только въ нынѣшнемъ вѣкѣ конечно не бывало, но и въ прежніе рѣдко случалось: ибо случившіеся при моемъ штурмѣ чужестранцы, службы Прусской, бывшіе при славнѣйшемъ штурмѣ въ нынѣшнемъ вѣкѣ и взятьѣ Бергамсома, чистосердечно предъ всѣми признавались, что Бендерской онаго превзошелъ несравненно. А конечно я еще счастливѣе буду, когда завистники мои не отвратятъ же примѣтить и допустятъ присовокупить ко всѣмъ прежнимъ моимъ наисовершеннымъ радѣніямъ и необходимо происходящимъ изъ онаго прочимъ побужденіямъ къ достиженію въ нынѣшнюю кампанію столь славныхъ для Ея Величества военныхъ прогрессовъ и того, что я и въ самую величайшую разстройку своей столь безсильной, а совсѣмъ несходной отправленію нынѣшняго моего званія арміи однакожъ на другой уже день обратилъ все мое радѣніе къ тому, какъ подкрѣпить и удержать пріобрѣтенную Ея Величеству славу, хотя и другою, а не мною предводимою арміею, къ пользѣ чего не ужаснулся и не поставилъ за прискорбіе и стѣсненіе моего званія остаться при арміи, теперь уже состоящей не болѣе какъ въ 5000 человѣкъ наличныхъ и здоровыхъ, слѣдовательно сходствующей больше деташаменту генералъ-маіора, нежели моему таперешнему званію, коего хотя я существительно еще на себѣ и не ношу, однако вотъ уже вдругоредъ отправляю его дѣйствительно въ полѣ съ пользою и съ честію службы въ царствованіе счастливо владѣющей нами всемилостивѣйшей Государыни! Ожидаю хотя того справедливаго признанія, что гораздо выгоднѣе фельдмаршаламъ, да еще и здоровымъ, сидя на покойномъ мѣстѣ, получать сего чина честь, жалованье, а нѣкоторымъ пансіонъ, нежели съ дряхлостью водить войски и развѣшивать свою честь и репутацію однимъ волосомъ. Но да будетъ въ томъ воля Создавшаго мя!

Таперь же не могу пропустить, чтобъ о вашемъ особомъ, любезнѣйшій другъ, предстательствѣ не попросить въ пользу принца Изембурга, который, право, по знати своего рожденія все здѣсь сдѣлалъ достойное къ полученію себѣ выгоднаго достоянія; а какъ никогда незабвенной по наиотличнѣйшей храбрости и честному поведенію положившій жизнь на приступѣ моего предводительства покойный баронъ Штейнъ съ радостію посвящалъ оную во всѣхъ безъ изъятія представляющихся случаяхъ по истинно-усердной привязанности къ службѣ нашей всемилостивѣйшей Государыни съ тѣми еще заочно обо мнѣ отзывами, что всякой тотъ недостоинъ будетъ соб-

ственно своей чести, кто въ способствованіе моего совершеннаго о славѣ и чести Россійской службы раденія не будетъ съ радостію посвящать во оную жизни своей и что онъ за главное себѣ счастіе поставляетъ, ежели ее жертвуетъ подъ такимъ предводительствомъ, до чего онъ по несчастію, хотя и съ достойною славою, но къ незабвенному моему сожалѣнію и величайшей прискорбности, и достигнулъ. А какъ я съ генералъ-квартермистромъ Боуромъ, кой конечно нелицемѣрною жъ ко мнѣ привязанностію по единому къ службѣ нашей усердію обратился, снесся: то можетъ послужить знатнымъ и щедрымъ отъ Ея Величества сему покойному воздаяніемъ, если всемилостивѣйше пожалуется Александровскій орденъ брату его родному барону Штейну, имѣющему чинъ камергера Вѣнскаго двора, о чемъ я вашего, любезнѣйшій другъ, предстательства у Ея Величества нашей справедливѣйшей Государыни и прямо отъ имени моего испрашиваю.

Плѣнный сераскиръ со взятыми столь многочисленными (какъ вы изъ вѣдомости изволите увидѣть) плѣнными, ограбленными и разоренными случаемъ штурма столько, что многіе изъ нихъ, особливо подлые и малолѣтные, при таперешнемъ уже холодѣ безъ платья и босы и многіе жъ увѣчные и раненые, поставили меня таперь въ наивеличайшее сердечное содроганіе и заботу. Не имѣю никакого способу ни въ выжженномъ городѣ, ни здѣсь гдѣ на степи кого изъ нихъ оставлять, то и отправляю ихъ дни черезъ два, воздая благодареніе Богу, что вотъ уже седьмой день однакожъ никакого отзыву о заразительной болѣзни здѣсь не оказывается, по Польской границѣ, не касаясь заповѣтренныхъ мѣстъ чрезъ Лодыжино на Грановo и Умань къ сторонѣ Кіева, гдѣ, если востребуется, будутъ они карантинъ держать. Жду указу, куда сераскира и всѣхъ знатныхъ везти; но первый, какъ утверждаютъ, весьма благороднаго поколѣнія, можетъ привозомъ въ Петербургъ украсить тріумфъ нашей великой Побѣдительницы.

Какъ никоимъ образомъ таперешнее мое положеніе не допустило мнѣ сдѣлать къ Ея Величеству всеподданнѣйшаго удостоиванія моихъ подчиненныхъ къ полученію военнаго ордена на основаніи того предписанія, какъ своеручно она соизволяла мнѣ повелѣвать: то чѣмъ я во ономъ предъ Ея Величествомъ извиняюсь, къ вашему дружескому усматриванію, при семъ прилагаю копію съ отправленнаго моего о томъ при реляціи письма.

Нельзя мнѣ, любезнѣйшій другъ, оставить безъ побужденія вашего жалостнаго человѣчества о радѣтельномъ предстательствѣ по содержанію моей реляціи въ пользу повергнутаго въ наивеличайшую бѣдность и вовлеченнаго въ сиротство убитаго подъ моимъ предводи-

тельствомъ покойнаго, храбраго и радѣтельнаго полковника Миллера дому.

Какъ не думаю я, чтобъ по такому развлеченію мнѣ ввѣренной арміи могло бъ что воспрепятствовать получить дозволеніе при введеніи малаго ея остатка въ движеніе къ расположенію за Бугъ пріѣхать видѣть очи своего отлученнаго уже цѣлый годъ Монарха, то прошу къ сему не только внушенія, но если случай не воспрепятствуетъ, то отъ имени моего и докладъ сдѣлать, а о высочайшемъ отзывѣ меня съ первымъ курьеромъ увѣдомить: ибо конечно не вижу я въ состояніи безъ того предстательствомъ разбора о всѣхъ тѣхъ, кто какимъ образомъ въ реляціи и въ приложенномъ спискѣ описанъ, и кое описаніе старался я всеконечно по всеудобовозможнымъ моимъ освѣдомленіямъ основывать безпристрастно и на сущей справедливости. Ежели жъ сей орденъ и чужестраннымъ даваться можетъ, то конечно заслужили его Датскіе офицеры, подполковникъ Дирингъ, маіоры Калтенборнъ и Моргенштернъ, а и принцъ Изембургъ. Также и князь Одуевской, употребляющій себя въ такіе опасности и труды, безъ службы, конечно между всѣми прочими въ отличныхъ дѣйствіяхъ, мною ознаменованныхъ, приличествуетъ сей Ея Величества милости; да и прочіе всѣ совокупно обращаютъ по справедливости то на себя вниманіе, что они имѣли восемь недѣль сряду ежедневныя съ непріятелемъ сраженія, и такой штурмъ и всю кампанію, что чрезъ оное урону въ нихъ больше произошло и увѣчными осталось, нежели у графа Румянцова во обоихъ славныхъ баталіяхъ.

Татарская моя негоціація хотя сими послѣдними хлопотами въ остановку пришла, что Веселицкой еще къ нимъ отправиться не могъ, однакожъ вотъ здѣсь прилагаю копію, какое къ нимъ отъ меня письмо уже почти переводомъ готово, и онъ съ онымъ на сихъ дняхъ туда поѣдетъ. Мое же съ ними положеніе, кажется, отъ времени до времени еще въ лучшее, а не въ поврежденіе обращается; да и плѣнные мои знатные Турки столько жъ меня, какъ и оные полюбили.

Копія съ письма, отправленнаго Ея Императорскому Величеству, отъ 22-го числа Сентября 1770.

Всеподданнѣйше испрашиваю не подвергнуть меня монаршему Вашего Императорскаго Величества неудовольствію, что не нашелся я еще таперь въ состояніи, по точному высочайшему мнѣ повелѣнію и всемилостивѣйшей довѣренности (преподанной своеручнымъ писаніемъ при начатіи нынѣшней кампаніи) о удостоиваніи собственно Вашему Императорскому Величеству ко всемилостивѣйшему полученію за отличныя заслуги ордена Святаго Георгія порученныхъ въ пред-

водительство мое чиновъ: затѣмъ, всемилостивѣйшая Государыня, что дѣйствіе штурма происходило большою частію въ такую темность ночи и такими частными внутри строеніевъ обращеніями, что никоимъ образомъ ни собственно мнѣ, ни другимъ вѣры достойнымъ командирамъ, самимъ всѣхъ отличающихся примѣчать было возможно, а и подробно отъ другихъ получать освѣдомленіе и точное разсмотрѣніе сдѣлать время и забота разныхъ многотрудныхъ упражненій не допустили. Сего ради и принужденнымъ я нашелся о генералитетѣ и штабъ-офицерахъ дознанные мною при семъ случаѣ поступки, достойные къ разсмотрѣнію на всемилостивѣйшее награжденіе военнаго ордена, описать и принести въ нынѣ поднесенной всеподданнѣйшей моей реляціи и пріобщенномъ при томъ спискѣ на собственное всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества ихъ къ тому удостоиванію разсмотрѣніе и избраніе. Что же касается до оберъ-офицеровъ, ко оному жъ свои достоинства при семъ военномъ дѣйствіи ознаменовавшихъ, то принужденъ же я, по вступившимъ ко мнѣ отъ многихъ ихъ начальниковъ разнообразнымъ и многочисленнымъ представленіямъ, оставить впередъ на удобнѣйшее и ближайшее изъ онаго разобраніе, по которому и не помѣшкаю о истинно заслужившихъ сію монаршую милость Вашему Императорскому Величеству во особомъ о нихъ спискѣ принести, заключивъ сіе глубокимъ подобострастіемъ, съ коимъ имѣю счастіе на всю жизнь пребывать.

34.

1770 году Сентября 24-го дня изъ лагеря подъ Бендерами.

Вообрази теперешнее счастливое положеніе своего братца! Онъ, по преодолѣніи всеконечно рѣдко-примѣрныхъ трудностей и недостатковъ, минувшій день коронаціи своей Государыни (для которой единственно все собственное посвящалъ) напослѣдокъ торжествовалъ такимъ образомъ, что по валу крѣпости, побѣжденной его предводительствомъ подъ скипетръ и въ славу сей великой своей героини, поставлены были его предводительства побѣдительныя войски, а онъ къ сей крѣпости приближался, будучи препровождаемъ многолюдною, какъ своихъ подчиненныхъ и конвоемъ свитою, такъ по одной сторонѣ плѣнными нашими, а по другой пріобрѣтенными его негоціаціею изъ враговъ въ друзья и подъ покровительство сей же своей великой героини отъ знатнаго и прежде опаснаго его отечеству Татарскаго народа посланцами и аманатами; а въ приближеніе произведена была изъ завоеванной же имъ непріятельской артилеріи изъ двухъ сотъ шестидесяти пушекъ пальба. Во вратахъ же крѣпости, коя только тотъ день освободилась отъ пламени его пораженія и очистилась отъ труповъ уби-

тыхъ, освященные чины христіанской церкви съ крестомъ Спасителя предходили ему до церкви нашего закона, поставленной на первомъ бастіонѣ, гдѣ, по принесеніи благодаренія Господу силъ, столь милосердо благословившему оружіе Россійское побѣдами и всю имперію возложеніемъ въ сей день освященной короны на главу столь въ свѣтѣ славной и боготворимой въ своемъ отечествѣ самодержицы Великой Екатерины Второй, была въ честь ея освященнаго имени произведена изъ великаго числа сихъ отъ непріятеля отнятыхъ орудій, а изъ ружья, устроеннаго на валахъ покоренныхъ крѣпости побѣдоноснаго ея войска троекратная уже пальба съ восклицаніемъ «да здравствуетъ Великая Екатерина»! Изъ чего не сомнѣваюсь, что и ты, любезнѣйшій другъ, единодушно со мной въ томъ согласишься, что недостойно будетъ братцу вашему больше жить, ежели припужденъ онъ будетъ жизнь свою вести несоотвѣтственно сему счастливому его возведенію. Затѣмъ же выслушайте отъ меня здѣсь и отвѣтъ на вечоръ только полученное ваше любезное мнѣ письмо, пущенное отъ 10-го числа нынѣшняго мѣсяца съ капитаномъ Фонъ-Визинымъ [26]).

Невозможно мнѣ было ничего еще во увѣдомленіе приносить по повелѣнію мнѣ данному о освѣдомленіи о судахъ, по Днѣстру или по Днѣпру отъ Сѣчи по берегу Чернаго моря къ сторонѣ Дуная употребляемыхъ; потому что съ тѣхъ мѣстъ съ верховья Днѣстра, отъ коихъ войски мои движеніями касались, до здѣшняго города прежде меня уже было опустошено, а здѣшній городъ взятъ еще не былъ; съ верховья жъ Днѣстра не только чаю отъ графа Петра Александровича, но и въ мою бытность отъ князь Александра Михайловича уже извѣстно было, что по сей рѣкѣ (да и то во времена только умноженія въ ней воды) проходятъ одни самые плоскодонные суда и плоты, слѣдовательно совсѣмъ невозможные ко употребленію, хотя и близъ берега, но морскаго, а еще меньше чрезъ рѣку Дунай, коя должна почитаться при ея устьѣ и до всего нынѣшняго нами одного берега на ней обладанія за заливъ морской, такъ что и у Запорожцевъ совсѣмъ никакого водянаго промыслу по берегу Чернаго моря, а еще меньше до самаго Дуная никогда не бывало. Сего ради и оставлялъ увѣдомленіе о семъ до взятья здѣшняго города, гдѣ потому же нашелъ, что не только сей городъ таперь до подошвы и со всякими судами въ пепелъ обращенъ, а отъ жителей опустошеннымъ затѣмъ оставаться припужденъ, но и что оные никогда никакими судами промысловъ своихъ по краю берега Чернаго моря и въ Дунай не имѣли, для чего и оставилъ я положенное на меня объ ономъ увѣдомленіе до того времени пока Аккерманъ взятъ будетъ. Развѣ не можетъ ли тамъ, яко

[26]) Братомъ славнаго писателя.

въ лежащемъ у самаго устья Днѣстра мѣстѣ, что нибудь способствующее къ предполагаемымъ изъ сихъ освѣдомленій намѣреніямъ открыться? Однакожъ и съ тѣмъ совсѣмъ долгъ моей въ дѣлѣ истинныхъ пользъ государственныхъ непорочной до сихъ поръ откровенности заставляетъ меня на точное употребленіе и отъ моего имени вамъ сказать сіе.

Ей-ей, теперешнее наше положеніе не позволяетъ ни о чемъ другомъ напередъ ни разсуждать, ни располагать и никакими другими предпріятіями возможностей своихъ не ослабѣвать, какъ единственно въ томъ не упустить ни самаго малѣйшаго времени, чтобъ завязавшіяся чрезъ счастливые военные, но скользкіе успѣхи наши войски въ столь великомъ отдаленіи отъ способовъ снабженія изъ собственныхъ границъ и къ надежному удержанію завоеванныхъ отъ непріятеля на толикомъ пространствѣ всѣхъ мѣстъ, снабдить и усилить всѣми на то потребными снабженіями и усиливаніями, такъ и преодолѣть то угроженіе и отъ него сберечься, кое таперь предлежитъ между сими войсками и собственными границами пораженіемъ моровой язвы. Весьма нужно сдѣлать основательной такой планъ операціи (если обстоятельства востребуютъ еще войну продолжать), коимъ бы выступленіемъ изъ сихъ государственныхъ и обширныхъ собственныхъ границъ не вывесть себя изъ невозможности всего того за собою удержать, что̀ нынѣшними славными завоеваніями пріобрѣтено и къ чему благоуспѣшная съ Татарами негоціація надежной уже путь предположила.

Касательно же до пріобрѣтенія въ Крымѣ намъ настоящаго къ морскому проходу утвержденія, то вы уже изъ предъидущихъ моихъ хотя видѣли, однакожъ и симъ подтверждаю, что нельзя себя ласкать, чтобы съ Крымомъ въ желаемыхъ намѣреніяхъ прежде будущей зимы, а можетъ быть еще и будущей кампаніи расположиться, а особливо утвердиться совсѣмъ было возможно и чтобъ оный самъ и при приступленіи къ нашимъ желаніямъ нашелся въ состояніи отъ себя Турецкіе гарнизоны вынудить, а еще меньше отъ нападенія на себя чрезъ море защищаться безъ помощи нашихъ войскъ. Посему слабыя мои воображенія мнѣ и представляютъ, что требуется таперь на будущую кампанію пріуготовляться на Дунай къ сильной оборонительной, а на Очаковъ и въ Крымъ къ наступательной уже войнѣ, къ которымъ обоимъ мѣстамъ неописанно какъ надобно не потерять время заблаговременными заготовленіями въ потребныхъ мѣстахъ магазейновъ и снабженіями всего того во всѣ дѣйствующія таперь арміи, что̀ у нихъ отъ нынѣшней кампаніи исчезло и съ чѣмъ еще въ первую армію и къ прошлогодней не поспѣли.

35.

1770-го году Сентября 26-го дня изъ лагеря при Бендерахъ.

Вотъ сіе, мой любезнѣйшій другъ, препровождаетъ къ вамъ увѣдомленіе и о покореніи уже города Акермана изъ тѣхъ слѣдствій и способовъ, коими я по взятіи Бендеръ тому споспѣшествовать, не пропустя ни одной минуты, успѣлъ. Но чтобы мнѣ вѣдомости сей нимало не задержать, то ссылаюсь на предъидущія мои послѣ уже господина Броуна, первое съ Датскимъ подполковникомъ Анжелини, второе съ Александромъ Ѳедоровичемъ, а третье съ старшиною Запорожскаго войска Головатымъ. Затѣмъ же пребывай, любезный другъ, съ Богомъ и не забывай того, кто о васъ всякую минуту помнитъ.

36.

1770-го году Ноября дня изъ Кременчука.

Принцъ Изембургъ, вручитель вамъ, любезнѣйшій другъ и дорогой братецъ, сего, извѣстный по всѣмъ обстоятельствамъ бытности его волонтиромъ при здѣшной арміи, возжелалъ нынѣ отпущенъ быть въ Санктъ-Петербургъ, коего я симъ въ покровительство ваше, отозвавшись въ Военную Коллегію съ прочими таковыми же объ отпускѣ его рапортомъ, и поручаю съ тѣмъ присовокупленіемъ, что онъ во всю свою здѣсь бытность обращался ко мнѣ съ знаками прямаго усердія, довѣренности и привязанности, которой и можетъ быть вамъ очевиднымъ обо всемъ моемъ состояніи увѣдомителемъ. А какъ нельзя мнѣ было отказать, чтобъ не вспомоществовать ему четырьмя стами рублями на проѣздъ до Петербурга денегъ со обѣщаніемъ отъ себя возвратить вамъ, то и прошу съ пристойностію ихъ отъ него получа переслать ко мнѣ на возвращеніе въ экстраординарную сумму, откуда они ему выданы.

37.

1770-го года Ноября 27-го дня.

Нынѣ отправлена моя реляція въ отвѣтъ учиненнаго разбора по моимъ о отличившихся подчиненныхъ представленіямъ, дѣланнымъ съ полною довѣренностію вамъ извѣстнаго полученнаго мною равнаго съ графомъ Румянцовымъ своеручнаго письма и съ такими по всей истинѣ справедливостью и безпристрастіемъ, непорочнѣе которыхъ я собственно противу себя ни отъ Бога, ни отъ государя, ни отъ жены, ни отъ дѣтей никогда на свѣтѣ видѣть и имѣть не желаю. Потому же сами вы разсудите, сколь весьма трудно удерживать себя въ велико-

душіи, видѣвъ оное все попраннымъ ногами, а преодолѣннымъ тѣми людьми, которые всю свою службу ведутъ на однихъ коварствахъ и на вмѣщеніяхъ собственныхъ своихъ выгодъ, видовъ и корысти, и коихъ конечно Господь Богъ съ тѣмъ на свѣтѣ и не производилъ, чтобъ дать имъ душевныя дарованія допускать себя собственнымъ обозрѣніемъ видѣть опаснѣйшія другихъ людей въ сраженіяхъ заслуги, но попустилъ обращать имъ свои коварства на прикрытіе тѣхъ природныхъ собственныхъ недостатковъ, безъ закрытія которыхъ невозможно бъ было имъ оставаться. Для чего и принуждено послѣдовать вамъ извѣстному господина Визина сему стиху, что *«вселенной Творецъ Себѣ на похвалу изволилъ насъ пустить какъ куколъ по столу; иной скачетъ, иной пляшетъ, иной смѣется, а иной плачетъ»*, съ тѣмъ прибавленіемъ, что иной въ своихъ робостяхъ домогается себя и подобныхъ себѣ коварно прикрывать знаками храбрости. Въ чемъ да и будетъ воля Создавшаго насъ!

Жена моя за наступившею распутицею и за зубными сыну припадками отъ выѣзду изъ Москвы удержалась. Какъ здѣсь продолжается еще погода, по моимъ припадкамъ несносная и распутица непреодолѣемая, да и требованіе распоряженія всѣхъ по моему нынѣшнему званію дѣлъ такого существа, что я конечно не вижу способа попуститься въ толь дальную дорогу прежде какъ развѣ съ половины будущаго мѣсяца, то возьму ее чрезъ Бѣлгородъ, дабы иногда отъ стороны Кіевской дороги въ карантинъ не попасться. Вы же, любезнѣйшій другъ, много меня одолжите, когда между тѣмъ доставите узнать: кому положатъ мое мѣсто при здѣшней арміи занимать? Или на каковомъ другомъ учрежденіи здѣшній край расположенъ будетъ, подъ чью однакожъ команду? Признаюсь, не представляется никакой возможности моему дорогому свояку увѣриться и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не командировать арміею въ полѣ, особливо какъ слышно, что и графъ Петръ Александровичъ пріуготовляется уклониться отъ службы; да и не знаю, какъ ему возможно будетъ во оной остаться, не оправдавъ себя въ виду всей публики противу разглашенія г-на Боура.

Преодолѣлъ „дорогой своякъ", т. е. президентъ Военной Коллегіи графъ З. Г. Чернышовъ. Графу Панину присланъ орденъ св. Георгія первой степени, но при рескриптѣ столь сухомъ, что онъ подалъ въ отставку, которую и получилъ 27 Ноября, того же 1770 года. Подмосковную свою онъ назвалъ Бендерами и устроилъ въ ней подобье взятой имъ крѣпости. Онъ жилъ тамъ и въ Москвѣ (на Мясницкой, нынѣ домъ Липгарда) въ теченіи четырехъ лѣтъ, пока гроза Пугачовщины (вызванной отчасти также канцелярствомъ Военной Коллегіи) понудила Екатерину пригласить его снова на службу. П. Б.

МНѢНІЕ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА ОБЪ ОБМУНДИРОВАНІИ ВОЙСКЪ.

(Представлено Императрицѣ Екатеринѣ II въ 1783 году при докладѣ слѣдующаго содержанія):

Исполняя Высочайшую Вашего Императорскаго Величества волю объ обмундированіи кавалеріи наивыгоднѣйшимъ образомъ для солдата, я употребилъ всю мою возможность къ избѣжанію излишества и, облача человѣка, далъ однакоже ему все, что̀ можетъ служить къ сохраненію здоровья и къ защитѣ отъ непогоды. Представя сіе на Высочайшую апробацію, могу увѣрить Ваше Императорское Величество, и самое время покажетъ, что таковое Ваше попеченіе будетъ вѣчнымъ свидѣтельствомъ материнскаго Вашего милосердія. Армія Россійская, извлеченная изъ муки, не престанетъ возносить молитвы. Солдатъ будетъ здоровѣе и, лишась щегольскихъ оковъ, конечно поворотливѣе и храбрѣе.

—

Въ прежнія времена въ Европѣ, когда всякъ, кто могъ, долженъ былъ ходить на войну и, по образу тогдашняго боя, сражаться бѣлымъ оружіемъ, каждый, по мѣрѣ достатка своего, тяготилъ себя желѣзными бронями; защиты таковыя простирались даже и до лошадей. Потомъ, предпринимая дальніе походы и строясь въ эскадроны, начали себя облегчать. Полныя латы перемѣнились на половинныя, а наконецъ и тѣ уменьшились такъ, что въ конницѣ осталось отъ сего готическаго снаряду только передняя часть и каскетъ на шляпѣ, а въ пѣхотѣ знакъ, и то только у офицеровъ. Какъ тогда болѣе сражались по одиночкѣ, то защиты таковыя немало обороняли, особливо же отъ копій; почему не напрасное имѣли къ нимъ уваженіе, которое, превратясь въ нѣкоторое военное педантство, поставило цѣну и амуниціи вовсе не обороняющей. А какъ все казалось легко въ разсужденіи желѣзнаго снаряда, то, при перемѣнѣ амуниціи, ввели множество вещей излишнихъ и нескладныхъ.

Въ Россію, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные, съ педантствомъ тогдашняго времени; а наши, не зная прямой цѣны вещамъ военнаго снаряда, почли все священнымъ и какъ будто таинственнымъ. Имъ казалось, что регулярство состоитъ въ

косахъ, шляпахъ, клапанахъ, обшлагахъ, ружейныхъ пріемахъ и проч. Занимая же себя таковою дрянью, и до сего еще времени не знаютъ хорошо самыхъ важныхъ вещей, какъ-то: маршированія, разныхъ построеній и оборотовъ. А что касается до исправности ружья, тутъ полированіе и лощеніе предпочтено добротѣ; стрѣлять же почти не умѣютъ. Словомъ, одежда войскъ нашихъ и амуниція таковы, что придумать почти нельзя лучше къ угнетенію солдата, тѣмъ паче, что онъ, взятъ будучи изъ крестьянъ, въ 30 почти лѣтъ возраста узнаётъ узкіе сапоги, множество подвязокъ, тѣсное нижнее платье и пропасть вещей вѣкъ сокращающихъ.

Красота одежды военной состоитъ въ равенствѣ и въ соотвѣтствіи вещей съ ихъ употребленіемъ: платье чтобы было солдату одеждою, а не въ тягость. Всякое щегольство должно уничтожить; ибо оно есть плодъ роскоши, требуетъ много времени, иждивенія и слугъ, чего у солдата быть не можетъ.

На семъ основаніи предложу, по порядку, о вещахъ составляющихъ амуницію.

Шляпа — уборъ негодный: она головы не прикрываетъ и, торча концами во всѣ стороны, озабочиваетъ навсегда солдата опасностію, чтобъ ея не измять, особливо мѣшаетъ положить голову и, будучи треугольникомъ, препятствуетъ ей поворачиваться, да и не закрываетъ также отъ морозу ушей.

Кафтанъ и *камзолъ съ рукавами*: какъ сихъ вещей вдругъ не носятъ, то которая нибудь и есть излишняя. Покрой кафтана подаетъ много поводу дѣлать его разнообразнымъ; слѣдовательно уравненія быть не можетъ.

Штаны въ конницѣ лосинныя, которымъ срокъ положенъ весьма дологъ, такъ, что сберегая ихъ, солдатъ долженъ на свои деньги дѣлать другую пару суконныхъ: убытокъ несносный, коего требовать отъ него несправедливо; при томъ много заботятъ чищеньемъ и трудностію надѣванія. Зимою отъ нихъ холодно, а лѣтомъ жарко; подъ ними же нельзя имѣть полотняной одежды. Нынѣ лосинная одежда не нужна; въ старину ее носили для того, что употребляли желѣзныя латы, и какъ лосина больше могла сносить нежели сукно, потому и предпочиталась.

Сапоги дѣлаютъ такъ узки, что и надѣвать трудно, а скидывать еще труднѣе, особливо когда они намокнутъ; при томъ сколько подвязокъ, чтобъ они гладки были и сколько лакированія, чтобы лоснились!

Для пѣхотнаго *шпага* лишняя тягость: оружіе неудобоупотребительное, о которомъ главное стараніе у всѣхъ какъ бы ловчѣе надѣть, чтобы

маршировать свободнѣе, также и ворочаться. Многія арміи шпагъ въ пѣхотѣ не употребляютъ, а носятъ штыки.

Сѣдло Венгерское лучше всѣхъ сѣделъ. Доказательствомъ тому, что всѣ націи ѣздящія верхомъ такія употребляютъ: Венгеры, Татары, Черкесы, Казаки и Поляки. Онѣ легки, лошадей вовсе не саднятъ; дѣлать ихъ въ полкахъ можно, и онѣ дешевле старыхъ.

О уборѣ волосъ.

Завивать, пудриться, плесть косы, солдатское ли сіе дѣло? У нихъ камердинеровъ нѣтъ. На что же пукли? Всякъ долженъ согласиться, что полезнѣе голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, саломъ, мукою, шпильками, косами. Туалетъ солдатской долженъ быть таковъ, что всталъ, то готовъ. Если бъ можно было счесть, сколько выдано въ полкахъ за щегольство палокъ, и сколько храбрыхъ душъ пошло отъ сего на тотъ свѣтъ! Простительно ли, чтобы стражъ цѣлости отечества удрученъ былъ прихотьми, происходящими отъ вертопраховъ, а часто и отъ безразсудныхъ?

Употребленіе солдатами пуколь и косъ сопряжено съ слѣдующими невыгодами:

1) Уноситъ у нихъ понапрасну время и изнуряетъ ихъ; ибо когда бываетъ отрядъ на караулѣ, то обыкновенно 6, а когда эскадрону или цѣлому полку назначается строй, то до 12 часовъ употребить имъ непремѣнно должно для убиранія себѣ взаимно волосъ, и препроводить цѣлую ночь въ семъ безпокойствѣ, безъ сна, отъ чего неминуемо должно послѣдовать неизбѣжное упущеніе въ другихъ нужныхъ исправленіяхъ, тѣмъ, что, препроводивши такимъ образомъ ночь въ изнуреніи, не имѣютъ они ни времени, ни силы исправить другихъ своихъ дѣлъ, какъ напримѣръ: вычистить и накормить своихъ лошадей, или ежели въ семъ упущенія не сдѣлаютъ, то, не будучи подкрѣплены сномъ, бываютъ слабы, нерасторопны и малоспособны къ такимъ дѣйствіямъ, гдѣ потребны бодрость, живость и сила.

2) Требуетъ раззорительнаго иждивенія для бѣдныхъ солдатъ, которые, нуждаясь и такъ во многомъ по малости своего жалованья, должны еще изъ того употребить на пудру, помаду и косныя ленты въ годъ каждый по меньшей мѣрѣ по 1 рублю 5 копѣекъ.

Суконныя лосинныхъ штановъ выгоднѣе тѣмъ:

Что суконныя полагаются только на одинъ, а лосинныя на 4 года, почему нижніе чины принуждены бываютъ замѣнять оныя суконными, покупая ихъ на счетъ своего жалованья, что составитъ въ годъ каждому не дешевле 60 коп. Во время осеннихъ и дождливыхъ погодъ лосинныя причиняютъ великое безпокойство, а паче вновь приверстаннымъ; зимою же онѣ нимало не грѣютъ. Лосинныя суконныхъ убы-

точнѣе для солдатъ, поелику не только потребно ихъ часто вохрить, на что̀ въ годъ изойдетъ по меньшей мѣрѣ 20 коп., но надлежитъ еще имѣть къ нимъ пары три штибель-манжетъ, что̀ будетъ стоить въ годъ по крайней мѣрѣ 30 коп., а суконныя по новому образцу ничего того не требуютъ.

Просторные сапоги предъ узкими и онучи или портянки предъ чулками имѣютъ ту выгоду:

1) Что въ случаѣ, когда ноги намокнутъ или вспотѣютъ, можно при первомъ удобномъ времени тотчасъ ихъ скинуть, вытереть портянкою ноги и, обвертѣвъ ихъ опять сухимъ уже оной концомъ, въ скорости обуться и предохранить тѣмъ ихъ отъ сырости и ознобу. Въ узкихъ же сапогахъ и чулкахъ того учинить никакъ не можно, которыхъ ни удобно скинуть, ни свободно опять надѣть нельзя; да и чулки не всегда бываетъ возможность перемѣнить или высушить, чрезъ что̀ бѣдные солдаты, имѣя безпрестанно ноги мокрыя, подвергаютъ себя нерѣдко простудѣ и другимъ болѣзнямъ.

2) Что, не имѣя нужды, такъ какъ при узкихъ сапогахъ, подвязывать крѣпко своихъ ногъ, солдаты могутъ и свободнѣе ходить и болѣе переносить путеваго труда, да и обращеніе крови не останавливается.

Ежели всѣ сіи, столь очевидныя въ теперешнихъ мундирахъ и другихъ вещахъ, неудобства исправить, то солдатъ, сверхъ другихъ многихъ выгодъ, будетъ имѣть еще отъ своего жалованья въ остаткѣ, противъ теперешнихъ издержекъ, до 2-хъ рублей.

Каска, сверхъ выгоды и способности въ употребленіи своемъ, предъ шляпою и ту предпочтительность имѣетъ, что видъ даетъ пригожій солдату, и есть нарядъ военный характеристическій.

Предположеніе князя Потемкина, удостоившееся высочайшаго утвержденія и касавшееся собственно кавалеріи, въ послѣдствіи было распространено и на всѣ остальныя части войскъ. Введенная по его проекту каска очень много походила на существующую нынѣ въ л.-гв. Конногренадерскомъ полку, но имѣла сзади не одну, а двѣ лопасти, во время зимы застегивавшіяся на плечевыя пуговицы и служившія наушниками.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ МАТВѢЯ ИВАНОВИЧА МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА.

1793 года отецъ мой написалъ Русскую комедію: «Ошибки или «Утро вечера мудренѣе». Комедія имѣла нѣкоторый успѣхъ и въ 1814 году, когда гвардія возвратилась изъ за-граничныхъ походовъ, она представлялась въ Петербургѣ. Въ 1793 году, служа въ Измайловскомъ полку, отецъ получаетъ пригласительный билетъ въ Эрмитажный театръ. Комедія его представлялась. По окончаніи представленія, Государыня подзываетъ отца и благодаритъ за удовольствіе, которое его комедія доставила ей. Государыня назначила отца моего кавалеромъ при двухъ ея старшихъ внукахъ.

Въ годъ смерти Екатерины II-й, батюшка былъ дежурнымъ кавалеромъ при Константинѣ Павловичѣ. Однажды великому князю вздумалось проѣхать верхомъ по Петербургу. Дежурный кавалеръ обязанъ былъ сопутствовать въ прогулкѣ великихъ князей. На Царицынскомъ лугу они встрѣчаютъ конногвардейскій полкъ. Константинъ Павловичъ подскакиваетъ къ полку, беретъ надъ нимъ начальство и производитъ полное полковое ученіе. Великій князь былъ уже женатъ. Кавалерамъ предписано было Государынею не допускать ея внуковъ вмѣшиваться въ дѣла гвардейскихъ полковъ, въ которыхъ они числились. На другой день, смѣнившись съ дежурства, отецъ сообщаетъ Салтыкову, воспитателю старшихъ внуковъ Государыни, о случившемся на его дежурствѣ. Салтыковъ говоритъ отцу, что Государыня будетъ очень недовольна, что ея приказанія не исполняются. Въ самое то время, когда батюшка выслушиваетъ это замѣчаніе, его приглашаютъ въ Гатчину къ Наслѣднику. Только что батюшка пріѣзжаетъ въ Гатчину, тотъ же часъ онъ введенъ въ кабинетъ Наслѣдника. Павелъ Петровичъ, подходя къ батюшкѣ, три раза касается рукою до паркета, говоря: «Благодарю, что вы не хотите сдѣлать изъ моихъ сыновей пустыхъ людей». По вступленіи Павла I-го на престолъ старшіе внуки покойной Императрицы вступили въ дѣйствительную службу, а отецъ былъ назначенъ министромъ-резидентомъ въ Гамбургъ.

При тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ Гамбургское посольство служило нашему правительству дипломатическимъ аван-

постомъ. Первые переговоры нашего правительства съ Французской республикой велъ отецъ мой. Профессоръ Гейдельбергскаго университета въ своей исторіи Европы въ XIX-мъ вѣкѣ отзывается съ похвалой о дѣятельности на дипломатическомъ поприщѣ отца моего въ Гамбургѣ.

Большая часть Французскихъ эмигрантовъ съѣхалась въ Гамбургѣ. Многіе изъ нихъ, бѣжавъ изъ отечества, лишились всего своего состоянія, взялись за торговлю, за ремесла. Помню, какъ по утрамъ у насъ въ домѣ про маркиза-де-Романса говорили, что онъ, сынъ Людовика XV, ходилъ въ рабочей курткѣ, съ фартукомъ, а потомъ въ кафтанѣ сидѣлъ за обѣдомъ съ нами. Этотъ маркизъ сдѣлался обойщикомъ. Сынъ его, по ходатайству отца, былъ опредѣленъ въ первый кадетскій корпусъ, выпущенъ изъ него офицеромъ въ Александрійскій гусарскій полкъ, которымъ начальствовалъ эмигрантъ графъ Ламбертъ. Полкъ прославился подъ его начальствомъ. Братъ графа Ламберта совершилъ съ Бугенвилемъ кругосвѣтное плаваніе и былъ въ Мадритѣ при батюшкѣ секретаремъ при нашемъ посольствѣ. Молодой маркизъ-де-Романсъ былъ убитъ подъ Аустерлицемъ.

Революціонное правительство Французское требовало выдачи одного эмигранта, проживавшаго въ Гамбургѣ. Сенатъ Гамбургскій готовился выдать жертву обреченную на смерть. Отецъ взялъ эмигранта подъ покровительство Россіи и выпроводилъ его въ Петербургъ. Въ инструкціяхъ данныхъ батюшкѣ объ эмигрантахъ не было вовсе о томъ упомянуто. За свое заступничество отецъ ждалъ быть отозваннымъ или получить наистрожайшій выговоръ. Отецъ имѣлъ Анненскую ленту, единственный орденъ, который онъ имѣлъ. Павелъ остался совершенно доволенъ заступничествомъ оказаннымъ эмигранту. «M. Mouraviff a agi comme un Dieu» [1]: вотъ какъ выразился Павелъ о поступкѣ отца моего.

Пятилѣтній мальчикъ въ красной курткѣ, изображенный на нашей семейной картинѣ [2]), былъ ярый роялистъ. Эмигранты разсказами своими о бѣдствіяхъ претерпѣнныхъ королемъ, королевой, королевскимъ семействомъ и прочими страдальцами, жертвами кровожадныхъ терористовъ, его сильно смущали. Отецъ его садится бывало за фортепіяно и заиграетъ «la Marseillaise», а мальчикъ затопаетъ ногами, расплачется, бѣжитъ вонъ изъ комнаты, чтобъ не слушать ненавистные звуки, которые сопровождали къ смерти жертвъ революціи.

---

[1]) Г-нъ Муравьевъ дѣйствовалъ побожески.

[2]) Т. е. самъ М. И. Муравьевъ-Апостолъ.

Начальствующій Французскими войсками въ Голландіи Дюмурье бѣжалъ и прибылъ въ Гамбургъ. Батюшкѣ поручено было отъ нашего правительства не приглашать его официальнымъ образомъ въ Россію, но дать уразумѣть, что у насъ его ждетъ благосклонная встрѣча. Чтобы успѣшно исполнить это порученіе, батюшка угощалъ обѣдами генерала. Во время званыхъ обѣдовъ, насъ дѣтей приводили въ гостинную, и гости вставали изъ за стола. Дюмурье хотѣлъ взять за руки мальчика, чтобъ его приласкать. Мальчикъ отскочилъ съ негодованіемъ и сказалъ: «je déteste, monsieur, un homme qui est traître envers son roi et sa patrie!» [3]) Можно себѣ представить неловкое положеніе дипломата при неожиданной выходкѣ сынка своего.

Въ бытность свою въ Петербургѣ нѣсколько дней сряду Дюмурье не былъ у развода. Павелъ неотлагательно требовалъ отъ всѣхъ генераловъ, своихъ и чужихъ, чтобы они являлись ежедневно къ разводу. Когда наконецъ Дюмурье явился, Павелъ, подозвавъ его, сказалъ гнѣвнымъ голосомъ: Général, il y a plusieurs jours que je ne vous ai vu à la parade.—Sire, j'ai fait ma cour aux grands de votre empire.—Général, apprenez qu'il n'y a de grands chez moi que ceux aux quels je parle et dans le moment seul où je leur parle [4]).

Монье, живописецъ Людовика XVI-го, находился между эмигрантами проживавшими въ Гамбургѣ. Помню, какъ съ матушкой и съ сестрою Екатериной Ивановной [5]) я ѣздилъ къ нему, и онъ снималъ съ насъ портреты. Больше еще впечатлѣло въ моей памяти эти посѣщенія слѣдующее обстоятельство: въ одинъ изъ нашихъ пріѣздовъ онъ угостилъ насъ земляными грушами, привезенными не задолго передъ тѣмъ въ Европу изъ Америки. Монье былъ въ Петербургѣ, снялъ портреты съ дядюшки Михаила Никитича, тетушки Екатерины Ѳедоровны, брата Никиты Михайловича и со многихъ другихъ. Портретъ отца моего, писанный знаменитою Анжеликою Кауфманъ, сгорѣлъ въ Московскомъ пожарѣ 1812 года, гравюры не было сдѣлано, и портретъ погибъ безвозвратно.

---

[3]) Я ненавижу, милостивый государь, человѣка, который измѣнилъ своему королю и своему отечеству.

[4]) Генералъ, я нѣсколько дней не видалъ васъ на парадѣ.—Государь, я навѣщалъ вельможей вашей Имперіи.—Генералъ, знайте, что вельможами у меня только тѣ, съ кѣмъ я говорю и только на то время, пока я съ ними говорю.

[5]) Крестницею Екатерины Великой, впослѣдствіи супругою Иларіона Михайловича Бибикова. П. Б.

Помню, съ какимъ восторгомъ въ Гамбургѣ праздновались побѣды Суворова въ Италіи. Помню дамскій головной уборъ, въ родѣ каски, съ Французскою надписью надъ козырькомъ: «Vive Souvoroff!»

Когда, по настоянію Вѣнскаго кабинета, Павелъ вызвалъ Суворова изъ ссылки, чтобъ его назначить главноначальствующимъ надъ нашими и Австрійскими войсками въ Италіи, недоброжелатели звали Суворова: *старикомъ сумасшедшимъ*. Павелъ хотѣлъ дать въ дядьки Суворову генерала Германа, который начальствовалъ надъ нашими войсками, высаженными на островъ Джердзей. Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ долженъ былъ замѣнить Германа. М. И. Кутузовъ пріѣхалъ въ Гамбургъ, узналъ о пораженіи Германа въ Голандіи, провелъ шесть недѣль въ нашемъ домѣ и возвратился въ Россію. Всю свою жизнь онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ отцомъ моимъ.

Гатчинцы, эти опричники въ царствованіе Павла I-го, много хлопотъ надѣлали отцу; часто приходилось краснѣть за нихъ. Назначенные къ нашимъ войскамъ, высаженнымъ на островъ Джердзей, они на перепутьи останавливались въ Гамбургѣ, гдѣ узнавали, куда имъ ѣхать. Одинъ изъ этихъ Гатчинцевъ просилъ батюшку, чтобъ онъ его представилъ Гамбургскому королю; просилъ, чтобъ дано было знать на съѣзжей, что крѣпостной человѣкъ его, котораго онъ прибилъ, бѣжалъ. Когда батюшка сказалъ, что въ Гамбургѣ нѣтъ съѣзжей, Гатчинецъ воскликнулъ: «хорошъ городъ, въ которомъ нѣтъ ни короля, ни съѣзжей!» Другой Гатчинецъ хотѣлъ доѣхать до острова Джердзей сухимъ путемъ. Батюшка намъ говорилъ, что мы никогда не поймемъ громаднаго переворота, совершившагося у насъ въ Россіи со вступленіемъ Павла I-го на престолъ. Наши начальствующіе генералы 1812 года принадлежали царствованію Екатерины II-й; обхожденіемъ и познаніями они рѣзко отличались отъ Александровскихъ генераловъ.

По возвращеніи въ Россію, батюшка разсказалъ представителю Иностранной Коллегіи графу Ростопчину продѣлки Гатчинцевъ въ Гамбургѣ. Графъ Ростопчинъ отвѣчалъ, что и на его долю досталось немало хлопотъ отъ нихъ. Одинъ изъ этихъ Гатчинцевъ, откланиваясь Государю предъ своимъ отъѣздомъ, плѣнилъ Павла своею наружностью, изображавшею неподражаемо вѣрно Прусскаго генерала во время Семилѣтней войны, за что̀ пожаловано было ему пятьдесятъ червонцевъ. Гатчинецъ опять къ Ростопчину съ просьбой быть вновь представленнымъ Государю, чтобъ благодарить за оказанную щедрость. « Этихъ денегъ вамъ недостанетъ, чтобъ доѣхать до мѣста» [6]), замѣчаетъ Ростоп-

---

[6]) Т.-е. въ какое нибудь отдаленное мѣсто Россіи. П. Б.

чинъ.—Помилуйте, графъ, возражаетъ Гатчинецъ: всякій извощикъ довезетъ меня за десять рублей; я знаю городишко, я въ немъ стоялъ съ ротой». Гатчинецъ принималъ уѣздный городъ Ямбургъ за Гамбургъ.

Нашъ первый кадетскій корпусъ славился, какъ лучшее учебное заведеніе въ Европѣ. Фельдмаршалъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, нѣкогда объѣхавшій всю Европу, помѣстилъ внука своего, котораго онъ усыновилъ, князя Николая Григорьевича Волконскаго въ первый кадетскій корпусъ, гдѣ онъ кончилъ свое воспитаніе. Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ своимъ образованіемъ служилъ лучшею похвалою воспитанію, которымъ отличались наши офицеры. Прусская муштровка, соблюдаемая Павломъ, Александромъ и Николаемъ, окончательно убила первый кадетскій корпусъ. Изъ него стали выходить офицеры, которые едва умѣли подписать имя свое. Именованіе Павловскимъ перваго кадетскаго корпуса напоминаетъ слова, сказанныя отцемъ нашимъ о громадности переворота, совершившагося у насъ со вступленіемъ Павла I-го на престолъ, переворота столь рѣзкаго, что его не поймутъ потомки.

Муравьевъ-Апостолъ.

Въ Москвѣ
28 Октября 1869 г.

(Сообщено Августою Павловной Сазановичъ).

Эти разсказы относятся къ картинѣ, на которой изображено все семейство Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола. Они записаны покойнымъ декабристомъ по желанію его молодыхъ родственниковъ и, къ сожалѣнію, только начаты. Необыкновенная отзывчивость ко всему современному препятствовала Матвѣю Ивановичу заняться спокойнымъ изложеніемъ своихъ воспоминаній. А сколько онъ могъ передать любопытнаго и достопамятнаго, онъ, перевидавшій на своемъ долгомъ вѣку множество замѣчательныхъ людей отъ Гамбурга и Парижа до рудниковъ Сибирскихъ. Вышенапечатанные разсказы писаны уже въ глубокой старости. П. Б.

ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА КЪ Р. С. СТУРДЗѢ (ГРАФИНѢ ЭДЛИНГЪ).

1.

Que vous êtes bonne, madame, d'avoir pensé à un malade, et surtout de lui avoir parlé ce langage qui lui fait toujours tant de bien. Ne craignez jamais d' aller trop loin: mon âme comprend si bien la vôtre chaque fois. Dites vous que si quelque chose peut adoucir *ces peines d'affection*, dont vous me parlez et dont effectivement je souffre depuis quelque tems, ce n'est que des consolations provenant d'une âme comme la vôtre. Je regrette bien vivement d'être privé du plaisir de vous voir, et vous recevoir chez moi m'aurait assûrement fait oublier mon indisposition. Cependant je ne voudrais pas acheter ce plaisir à un prix aussi terrible que celui de vous voir tout-à-coup atteindre soixante ans [1]). Veuillez m'envoyer la lettre dont vous me parlez; je crois que c'est le plus simple, et recevez encore une fois l'expression de ma reconnaissance pour votre charmant billet, dont certainement personne au monde n'apprendra l'existence. C'est le premier moment de libre que j'ai pu trouver pour vous tracer ces lignes: étant couché, je me trouve même assez embarassé pour écrire.

Переводъ.

Какъ вы добры, сударыня, что подумали о больномъ и, особенно, что поговорили съ нимъ тѣмъ языкомъ, который всегда такъ облегчаетъ его. Никогда не бойтесь зайти слишкомъ далеко: моя душа такъ хорошо каждый разъ понимаетъ вашу. Скажите себѣ, что если что-нибудь можетъ смягчить *эти муки привязанности*, про которыя вы мнѣ говорите и которыми я дѣйствительно страдаю съ нѣкоторыхъ поръ, такъ это только утѣшенія, исходящія изъ души подобной вашей. Я очень жалѣю, что лишенъ удовольствія васъ видѣть, и возможность принять васъ у себя конечно заставила бы меня забыть мое нездоровье; но, несмотря на то, я не желалъ бы пріобрѣсти это удовольствіе цѣною столь ужасною,—увидѣть васъ внезапно шестидесятилѣтнею [2]).

---

[1]) M-lle d. S. se plaignait dans son billet de n'avoir pas soixante ans pour pouvoir servir l'auguste malade, sans craindre la médisance.

[2]) Р. С. Студзда сожалѣла въ своей запискѣ, что ей нѣтъ шестидесяти лѣтъ и что поэтому она не можетъ ходить за августѣйшимъ больнымъ, не боясь злословія.

Соблаговолите прислать мнѣ письмо, о которомъ вы говорите; я думаю, что это самое простое, и примите еще разъ выраженіе моей благодарности за вашу прелестную записку, про существованіе которой, конечно, не узнаетъ никто на свѣтѣ. Пользуюсь первою свободною минутою, чтобы писать вамъ сіи строки; будучи въ постелѣ, я даже съ затрудненіемъ могу писать.

2.

Pardonnez moi, madame, d'avoir tardé si longtems à vous répondre. La vie que j'ai menée y a été un obstacle continuel. Cependant ce fatras de besogne de tant de genres différens ne m'a pas empêché de sentir tout le bien que votre lettre était faite pour produire sur mon âme. Elle a apprécié toutes les vérités que vous me tracez et se glorifie d'appartenir à cette nation inconnue au monde, mais dont le triomphe avance à grands pas. Mon séjour à Paris, excédant sous tous les autres rapports, a été d'un intérêt immense quant à celui de l'avancement de l'oeuvre du Seigneur. Combien je Le bénis à chaque instant du jour de m'avoir mis sur cette voie de vérité et de véritable vie si différente, si supérieure à cette autre vie misérable dont on apprend toujours plus à connaître le néant. J'accepte avec plaisir la dédicace de l'ouvrage dont vous me parlez, madame, et vous remercie mille fois de la peine que vous avez bien voulu prendre de me traduire le mémoire qui en donne l'apperçu. Je suis toujours charmé de m'associer à des oeuvres pareilles. Laissez moi aussi vous exprimer toute ma gratitude pour les sentimens personnels que vous m'énoncez dans votre aimable lettre. Persuadez vous bien que je vous aime aussi du fond de mon âme et que ces sentimens vous sont voués pour toujours. De coeur et d'âme tout à vous pour la vie.

Переводъ.

Простите меня, сударыня, что я такъ долго вамъ не отвѣчалъ. Образъ жизни, который я велъ, былъ мнѣ въ этомъ постояннымъ препятствіемъ. Между тѣмъ куча всяческихъ работъ не помѣшала мнѣ почувствовать то благо, которое ваше письмо произвело на мою душу. Она оцѣнила всю правду, которую вы мнѣ начертали, и гордится тѣмъ, что принадлежитъ къ той невѣдомой свѣту націи, торжество которой приближается большими шагами. Мое пребываніе въ Парижѣ, утомительное во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, было чрезвычайно интересно относительно успѣха въ Божіемъ дѣлѣ. Какъ я Его благословляю каждую минуту, что Онъ меня поставилъ на самый путь истины и настоящей жизни, столь иной и превосходящій ту жалкую жизнь, ничтожество которой обнаруживается все больше и больше. Съ удовольствіемъ принимаю посвященіе труда, о которомъ вы говорите, сударыня, и тысячу разъ благодарю васъ за то, что вы потрудились перевести для меня записку, составляющую краткое обозрѣніе его. Я всегда радъ принять участіе въ подобныхъ дѣлахъ. Позвольте мнѣ также заявить всю мою благодарность за личныя чувства, которыя вы мнѣ выражаете

въ вашемъ любезномъ письмѣ. Будьте твердо увѣрены, что я васъ также люблю отъ глубины души и что эти чувства посвящены вамъ на всегда. Отъ всей души и сердца весь вашъ на всю жизнь.

3.

J'ai tardé jusqu'à aujourd'hui pour vous répondre, madame, espérant pouvoir vous demander la permission de venir vous voir ce soir; mais comme je dois y renoncer par le nombre d'occupations qui me sont survenues, je veux du moins par écrit vous exprimer combien je suis sensible à tout ce que vous voulez bien me dire, ainsi que m-me votre mère. Avoir pu vous être utile a été une jouissance pour moi. Dans deux ou trois jours j'espère pouvoir me présenter chez vous et vous exprimer de bouche toute la peine que j'éprouve de ce que vous nous quittez, ainsi que tout l'attachement bien sincère que je vous ai voué pour la vie. Recevez en même tems mes hommages respectueux.

Переводъ.

Я до сего дня медлилъ моимъ вамъ отвѣтомъ, сударыня, надѣясь быть въ состояніи просить у васъ позволенія посѣтить васъ сегодня вечеромъ; но такъ какъ я долженъ отказаться отъ этого, по причинѣ многочисленныхъ занятій, встрѣтившихся мнѣ, то я хочу по крайней мѣрѣ письменно выразить вамъ, какъ я чувствую все, что̀ вы хотите мнѣ сказать, равно какъ и ваша матушка. Возможность быть вамъ полезну была для меня наслажденіемъ. Черезъ два или три дня я надѣюсь быть въ состояніи явиться къ вамъ и словесно выразить вамъ всю скорбь, которую я испытываю отъ того, что вы насъ покидаете, а также искреннюю привязанность, которую я вамъ посвятилъ на всю жизнь. Примите въ тоже время изъявленіе моего глубокаго почтенія.

4.

La première de vos demandes, madame, est si juste et si facile à remplir que je vous prie de l'envisager comme l'étant déjà; quant à la seconde, je tiens trop moi-même à vous voir chez vous avant votre départ pour que je ne profite avec empressement de votre permission. Je sens le besoin de vous exprimer tous les voeux que je forme pour votre bonheur dans tous les sens, en même tems les regrets que j'éprouve de vous voir vous éloigner de chez nous. Recevez en attendant l'assurance de l'attachement sincère que je vous porte.

P. S. Je profite de cette occasion pour vous dire que votre frère ne perdra certainement rien de son ancienneté, et je vous prie d'être sans inquiétude à ce sujet.

Переводъ.

Первая изъ вашихъ просьбъ, сударыня, такъ справедлива и легко исполнима, что я прошу васъ считать ее какъ бы исполненною; что́ касается до второй, то мнѣ самому слишкомъ хочется видѣть васъ у васъ передъ вашимъ отъѣздомъ, чтобы я съ поспѣшностью не воспользовался вашимъ позволеніемъ. Я чувствую потребность выразить вамъ всѣ мои пожеланія счастья во всѣхъ отношеніяхъ, въ тоже время и сожалѣніе, которое я испытываю при мысли, что вы удаляетесь отъ насъ. Примите пока увѣренность въ моей искренней привязанности къ вамъ. P. S. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сказать вамъ, что братъ вашъ не потеряетъ старшинства, и я прошу васъ не безпокоиться на счетъ этого.

5.

Zarsco Selo, le 28 avril (10 mai) 1817.

Je ne puis résister au besoin de vous exprimer, madame, combien j'ai pris de part au malheur qui vient de frapper votre frère et à la douleur que vous devez en éprouver. Il est impossible dans des cas pareils d'offrir des consolations. Telle a été la volonté divine; la nôtre doit être de savoir nous y plier et nous résigner avec patience à ses décrets. Des coups pareils sont des épreuves par lesquelles notre éducation spirituelle avance vers son véritable but. Je parle à un être qui me comprend bien. Qui mieux que vous connaît toute la profondeur des intentions et des décrets de ce Dieu-Sauveur! Rien ne se fait par hasard ou sans but. Que de réflexions cela ne doit-il pas faire naître en nous! Votre frère et toute votre famille peuvent servir de modèles de pieuses résignations. Celle qu'ils ont déployée dans cette circonstance cruelle est vraiment admirable. C'est la véritable foi seule qui peut la faire naître, et il est consolant de voir des êtres parvenus à ce dégré.—On nous fait espérer votre prochaine arrivée ici. Vous ne doutez pas, je l'espère, du plaisir avec lequel je vous reverrai; l'absence n'a rien diminué du tenrdre et sincère attachement que je vous ai voué pour toujours. Recevez, je vous prie, mes hommages les plus respectueux.

Переводъ.

Царское Село, 28-е Апрѣля (10 Мая) 1817 г.

Я не могу устоять противъ желанія выразить вамъ, сударыня, какое я принялъ участіе въ несчастьи, поразившемъ вашего брата *), и скорби, которую вы должны испытывать. Въ подобныхъ случаяхъ невозможно предлагать утѣшенія. Такова была воля Божія; наша должна заключаться въ томъ, чтобы умѣть покоряться ей и предаваться съ терпѣніемъ ея по-

*) Кончина первой супруги Александра Скарлатовича Стурдзы, урож. Сѣверпной. П. Б.

велѣніямъ. Подобные удары суть испытанія, посредствомъ которыхъ наше духовное воспитаніе подвигается къ своей настоящей цѣли. Я говорю съ существомъ, хорошо меня понимающимъ. Кто лучше васъ знаетъ про глубину начертаній и опредѣленій Господа-Спасителя? Ничто не совершается случайно или безцѣльно. Сколько размышленій должно это порождать въ насъ! Вашъ братъ и вся ваша семья могутъ служить лучшими примѣрами благочестивой покорности. Та, которую они выразили въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, по истинѣ удивительна. Одна истинная вѣра можетъ возбудить ее, и утѣшительно видѣть существа, у которыхъ она достигла такой степени. Намъ подаютъ надежду на вашъ близкій пріѣздъ сюда. Надѣюсь, вы не сомнѣваетесь въ удовольствіи, съ которымъ я васъ опять увижу; отсутствіе ничуть не уменьшило мою нѣжную и искреннюю привязанность, посвященную вамъ навсегда. Примите, прошу васъ, свидѣтельство моего глубокаго почтенія.

*

Эти и нижеслѣдующія письма суть случайныя, но въ тоже время наглядныя свидѣтельства тѣхъ возвышенныхъ отношеній, въ которыхъ находилась графиня Р. С. Эдлингъ къ императору Александру Павловичу и его супругѣ. Читатели конечно не позабыли ея удивительныхъ Записокъ, появившихся въ прошломъ году „Русскаго Архива“ и потомъ вполнѣ изданныхъ во Французскомъ подлинникѣ. Эти письма служатъ подтвердительнымъ дополненіемъ этихъ Записокъ. Они напечатаны со списковъ, за сообщеніе которыхъ мы обязаны признательностью племянницѣ графини Эдлингъ, княгинѣ Марьѣ Александровнѣ Гагариной. П. Б.

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ КЪ Р. С. СТУРДЗѢ (ГРАФИНѢ ЭДЛИНГЪ).

1.

Le regret de ne pas vous avoir vuê, ma chère comtesse, pendant mon séjour en Allemagne se joint à tous ceux que j'emporte en quittant ce pays. Vous ayant dévancée à Weymar, et n'y repassant plus, je ne pouvais plus m'attendre à vous voir. Je sais que vous ne pouvez pas quitter m-me votre mère, et que vous remplissez vos devoirs dans toute leur étendue. J'ai été bien sensible à la manière dont vous me dites ce que vous éprouvez à cet égard, et vous prie de recevoir d'aussi bon coeur les voeux que je forme pour vous et les vôtres.

La douleur et le deuil qui cette fois ont marqué mon séjour en Allemagne me rendent peut-être plus propre à partager les peines que vous avez éprouvés récemment, et c'est une raison de plus pour regretter de ne vous avoir pas vue. Quand même je devrais y renoncer pour toujours, il n'est pas nécessaire, j'espère, de vous assurer, ma chère comtesse, que mes sentimens pour vous et l'intérêt sincère que je vous porte sont à jamais invariables.

Переводъ.

Сожалѣніе о томъ, что я не видѣла васъ, моя дорогая графиня, во время моего пребыванія въ Германіи присоединяется ко всему, что я испытываю, покидая эту страну. Перегнавъ васъ въ Веймарѣ и болѣе не возвращаясь туда, я не могла болѣе ожидать васъ видѣть. Я знаю, что вы не можете оставить вашу матушку, и что вы исполняете ваши обязанности во всемъ ихъ объемѣ. Я была очень чувствительна къ тому, какъ вы мнѣ выразили ваши чувства по этому поводу, и прошу васъ принять также хорошо мои пожеланія вамъ и вашимъ.—Скорбь и трауръ, ознаменовавшіе на этотъ разъ мое пребываніе въ Германіи [1]), дѣлаютъ меня, можетъ быть, болѣе способною раздѣлять горе, которое вы недавно испытали, и это еще болѣе заставляетъ меня жалѣть, что я не видѣла васъ. Еслибы я должна была отказаться отъ этого навсегда, то надѣюсь, нѣтъ надобности увѣрять васъ, моя дорогая графиня, что мои чувства къ вамъ и искреннее участіе, приносимое вамъ, неизмѣнны на вѣки.

---

[1]) Императрица Елисавета Алексѣевна лишилась въ то время своего родителя герцога Баденскаго.

2.

Vous avez été la première, ma chère comtesse, à m'informer du projet de souscription [2]) que vous avez remis entre les mains du prince Galitzin. Je lui reproche de ne m'en avoir pas parlé. Il m'a allégué des raisons que je n'admets pas, mais je ne puis lui en vouloir, parce que j'aime mieux que ce soit vous qui m'ayez ouvert la voie par laquelle je puis contribuer au soulagement des malheureuses victimes d'une aussi belle et bonne cause. Soyez convaincue que toutes les fois que vous me mettrez à même de réaliser par quoique ce soit le vif intérêt que j'y porte, vous me causerez de la satisfaction, et recevez, je vous prie, tous mes remerciements de ce que vous avez pensé à moi dans cette occasion-ci.

Je vous en dois aussi pour m'avoir envoyé la traduction de l'oraison funêbre du patriarche de Constantinople. L'émotion dont on ne peut se défendre en la lisant prouve pour la beauté et la vérité des sentiments qui y règnent. On m'a dit que m-r de Stourza s'occupe à en faire une traduction allemande; oserais je vous prier de me la communiquer lorsqu'elle paraîtra. Je serai charmée de devoir la même impression aux sons de cette langue. Je communiquerai à la société des dames, dès que cela sera possible, le prospectus que vous désirez leur faire parvenir. Elle est dissoute momentanément par l'absence de plusieures dames, et ne se réunira que dans un mois. Je souhaite de pouvoir faire passer dans leurs âmes un zèle actif pour cet objet.

En attendant je remettrai au prince Galitzin, comme il me l'a indiqué, ma propre contribution. Croyez moi toujours, ma chère comtesse, votre bien affectionnée.

É.

Переводъ.

Вы первая, моя дорогая графиня, извѣстили меня о проектѣ подписки [3]), которую вы передали въ руки князя Голицына. Я его упрекаю въ томъ, что онъ мнѣ не говорилъ объ этомъ; онъ привелъ причины, которыхъ я не допускаю; но я не могу на него за это сердиться, потому что мнѣ пріятнѣе, чтобы вы указали мнѣ средство, которымъ я бы могла способствовать облегченію несчастныхъ жертвъ столь славнаго и хорошаго

---

[2]) Ce projet de souscription, jetté au hasard sur le papier dans le fond d'une province, produisit entre les mains du prince Galitzin plus d'un million de roubles.

[3]) Этотъ проектъ подписки, наброшенный случайно на бумагу въ глуши провинціи, принесъ въ рукахъ князя Голицына свыше милліона рублей.

дѣла [4]). Будьте убѣждены, что каждый разъ, какъ вы мнѣ дадите возможность доказать чѣмъ-нибудь живое участіе, съ которымъ я отношусь къ этому, вы мнѣ принесете удовлетвореніе, и примите, прошу васъ, мою живѣйшую благодарность за то, что вы подумали обо мнѣ въ этомъ случаѣ. Я вамъ также одолжена тѣмъ, что вы мнѣ прислали переводъ рѣчи на погребеніе Константинопольскаго патріарха. Волненіе, отъ котораго нельзя отдѣлаться, читая ее, служитъ доказательствомъ красоты и правды чувствъ, господствующихъ въ ней. Мнѣ говорили, что г. Стурдза занимается переводомъ ея на Нѣмецкій языкъ; смѣю ли я просить васъ сообщить мнѣ его, когда онъ появится: я буду рада имѣть тоже впечатлѣніе, но въ звукахъ этого языка. Я сообщу обществу дамъ [5]), какъ только это будетъ возможно, объявленіе, которое вы желаете имъ доставить. Оно не собирается нѣкоторое время по причинѣ отсутствія нѣсколькихъ дамъ, и соберется только черезъ мѣсяцъ. Я желаю быть въ состояніи вселить въ ихъ души дѣятельное усердіе по этому предмету. А пока я отдамъ князю Голицыну, какъ онъ мнѣ указалъ, мой собственный взносъ. Вѣрьте мнѣ всегда, моя дорогая графиня, что я ваша благосклонная Е.

3.

Taganrog, 21 avril 1826 [6]).

Je ne puis me refuser la satisfaction de vous remercier avant mon départ d'ici du contenu de votre dernière lettre et de la complaisance que vous avez eu de vous charger de la distribution des secours qui m'avaient été demandés. La pensée que ce soin appartenait de préférence à votre coeur m'a, peut-être, fait commettre une indiscrétion et doit me servir d'excuse.

Vous savez trop bien lire dans le mien, ma chère comtesse, pour que je ne vous parle pas de moi, en réponse aux sollicitudes que vous m'exprimez. Ma santé a beaucoup affaibli depuis cet hiver mais jamais je ne me suis refusée aux secours des médicins: je les regarde comme les instruments aveugles de la volonté divine; je me soumets à leurs prescriptions et ne crois qu'en Dieu et ne veux que ce qui sera Sa volonté. On m'assure que je supporterai bien le voyage d'ici à Kalouga et je compte partir demain. Partout où je serai, je penserai toujours avec émotion et reconnaissance aux moments où je vous ai vue ici et à ce que vous m'avez témoigné

---

[4]) Т. е. вспоможеніе жертвамъ Турецкаго изувѣрства на Греческихъ островахъ. П. Б.

[5]) Это общество, устроенное императрицею Елисаветою Алексѣевною въ 1812 году для пособія жертвамъ тогдашней войны. Имъ основанъ нынѣшній Патріотическій Институтъ въ Петербургѣ. П. Б.

[6]) Écrite douze jours avant sa mort.

depuis. Si ma vie se prolonge, j'espère vous revoir. Mes voeux pour vous et pour tout ce qui vous est cher dureront autant qu'elle, et peuvent même aller au delà. Veuillez, ma chère comtesse, les croire aussi sincères que mon amitié pour vous.

Переводъ.

Таганрогъ, 21-е Апрѣля 1826 г. [1]).

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи поблагодарить васъ, передъ моимъ отъѣздомъ отсюда, за содержаніе вашего послѣдняго письма и за любезность, съ которой вы взялись раздать пособія, у меня просимыя. Мысль, что эта забота преимущественно принадлежитъ вашему сердцу, заставила меня, быть можетъ, совершить нескромность и должна служить мнѣ извиненіемъ.

Вы слишкомъ хорошо умѣете читать въ моемъ сердцѣ, моя дорогая графиня, чтобы я вамъ не сообщила о себѣ въ отвѣтъ на заботы, которыя вы мнѣ выражаете. Мое здоровье очень ослабѣло съ этой зимы, но никогда я себѣ не отказывала въ помощи врачей; я смотрю на нихъ, какъ на слѣпыхъ орудій воли Божіей, подчиняюсь ихъ предписаніямъ, но вѣрю только въ Бога и хочу только того, что̀ будетъ Его волею. Меня увѣряютъ, что я хорошо перенесу путешествіе отсюда въ Калугу, и я намѣреваюсь отправиться завтра. Гдѣ бы я ни была, я всегда буду думать съ умиленіемъ и благодарностью о тѣхъ минутахъ, когда я васъ видѣла здѣсь и о томъ, что̀ вы мнѣ выражали съ тѣхъ поръ. Если жизнь моя продолжится, я надѣюсь васъ увидѣть. Мои пожеланія вамъ и всему, что̀ вамъ дорого, будутъ продолжаться столько, сколько и жизнь моя и могутъ перейти за ея предѣлы. Считайте ихъ, моя дорогая графиня, такими же искренними, какова моя дружба къ вамъ.

---

[1]) Писано за 12 дней до ея кончины.

ЧАСТНОЕ ПИСЬМО НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПО ВСТУПЛЕНІИ ВЪ ПАРИЖЪ.

Отъ Н. А. Дивова къ его брату въ Россію.

Paris, ce 20 mars (1 d'avril) 1814.

C'est hier matin, mon cher ami, qu'à la fin nous sommes entrés à Paris aux aclamations des habitants de la ville de voir Alexandre et Louis XVIII.

Il me sera difficile de t'exprimer le bonheur que nous éprouvons dans ce moment de nous voir dans cette capitale et la joie que nous remarquons sur les visages des Parisiens. Et ce qui est bien flatteur pour nous, c'est que c'est véritablement le succès de nos armes qui nous ont portés jusqu'ici; car c'est la victoire d'avant-hier qui nous a ouvert les portes de Paris. Notre compagnie a eu aussi le bonheur d'être du nombre des combattants, et c'est sur notre batterie que le premier parlamenteur est arrivé pour annoncer à Sa Majesté l'Empereur que la ville de Paris se rendait. Quelques moments après l'Empereur est arrivé chez nous et a eu la bonté de nous dire qu'il avait été très content de nous. Nous étions sur la montagne de Belle-Ville en face de Mont-Martre, d'où nous dominions toute la ville. Nous y avons couché la nuit, et hier matin en grande parade nous sommes entrés par la porte S-t Martin, avons passé les boulevards et sommes sortis par les Champs-Élisées aux Bois de Boulogne, où nous sommes aux bivouaques.

Une fois que la compagnie s'est trouvée placée, je suis allé à Paris pour m'amuser. J'ai trouvé toutes les boutiques ouvertes et la ville très brillante. J'ai dîné chez Very au Palais-Royal et après le café que j'ai bu à la Rotonde, je me suis dit à quel spectacle irai-je, et c'est le Grand-Opéra que j'ai choisi de préférence. J'ai entendu chanter... et vu danser madame Gardel et le fameux Vestris. Non, jamais je n'ai eu dans ma vie une journée comme celle d'hier: je croyais que c'était un songe. Les habitants tâchent de deviner ce qui peut nous faire plaisir. Après demain je compte aller de nouveau à Paris.

Il y a bien longtemps, mon cher ami, que je n'ai reçu de tes nouvelles, ni de celles de papa; j'espère que c'est aux courriers qu'il faut en attribuer la cause. La dernière lettre est du 13 decembre, et depuis je n'en ai pas reçu une seule. Je ne peux pas concevoir ce que font les courriers de tes lettres. Si tes finances te le permettent, je te prie de m'envoyer 50 à 60 ducats et de les adresser au général Ermoloff qui commande le corps des gardes. Je te demande cette somme, car je manque d'argent; je serai obligé dans ce moment d'emprunter 25 à 30 ducats pour me faire différentes choses qui me manquent: du tabac et du thé etc.

Adieu, mon cher ami; je t'embrasse comme je t'aime et suis pour la vie ton meilleur frère et ami

N. Divoff.

Переводъ.

Парижъ, 20 Марта (1 Апрѣля) 1814.

Вчера, наконецъ, милый другъ мой, вступили мы въ Парижъ при кликахъ жителей города, провозглашавшихъ Александра и Людовика XVIII. Мнѣ трудно выразить тебѣ удовольствіе, которое мы испытываемъ, видя себя въ этой столицѣ, и радость, написанную на лицахъ у Парижанъ. И что̀ всего болѣе лестно для насъ, такъ это то, что дѣйствительно успѣхъ нашего оружія привелъ насъ сюда; потому что наша побѣда третьяго дня открыла намъ ворота Парижа. Нашъ отрядъ тоже имѣлъ счастіе быть въ числѣ сражавшихся, и именно на нашу батарею явился первый парламентеръ объявить Его Императорскому Величеству, что Парижъ сдается. Нѣсколько минутъ спустя, прибылъ за нами Государь и милостиво сказалъ, что очень доволенъ нами. Мы стояли на горѣ Бельвю противъ Монмартра и господствовали оттуда надо всѣмъ городомъ. Тамъ же провели мы ночь, а вчера утромъ въ полномъ парадѣ вступили въ ворота Сенъ-Мартенъ, прошли бульвары и вышли Елисейскими полями въ Булонскій лѣсъ, гдѣ расположились на бивуаки. Какъ только отрядъ расположился, я отправился въ Парижъ повеселиться. Всѣ лавки я нашелъ отпертыми и городъ очень блестящимъ. Обѣдалъ я у Вери въ Пале-Роялѣ и когда послѣ кофе, который пилъ въ Ротондѣ, я задалъ себѣ вопросъ, въ какой бы пойти театръ, мой выборъ палъ на Большую Оперу. Я слушалъ тамъ . . . . *) и видѣлъ танцы г-жи Гардель и знаменитаго Вестриса. Нѣтъ, во всей моей жизни не было такого дня, какъ вчерашній: казалось, это былъ сонъ. Жители стараются угадать, что̀ можетъ доставить намъ удовольствіе. Послѣ завтра я думаю опять поѣхать въ Парижъ.

---

*) Пропускъ въ подлинникѣ.

Вотъ уже давно, милый другъ мой, что я не получаю вѣстей ни отъ тебя, ни отъ отца. Надѣюсь, что это по винѣ курьеровъ. Послѣднее письмо отъ 13 Декабря, и съ тѣхъ поръ не было ни одного. Не могу понять, что дѣлаютъ курьеры съ твоими письмами. Если тебѣ позволяютъ средства, пришли, пожалуйста, мнѣ 50—60 червонцевъ и адресуй ихъ на имя генерала Ермолова, который командуетъ гвардейскимъ корпусомъ. Прошу у тебя этихъ денегъ, потому что въ нихъ нуждаюсь. Мнѣ необходимо будетъ занять теперь 25—30 червонцевъ, чтобы обзавестись различными вещами: табакомъ, чаемъ и т. д.

Дорогой, мой милый другъ, обнимаю тебя, какъ и люблю. Твой на вѣки лучшій братъ и другъ

Н. Дивовъ.

*

Письмо это нѣкогда сообщилъ намъ самъ Николай Адріановичъ Диновъ, по кончинѣ брата своего Александра Адріановича, къ которому оно писано. На немъ—отраженіе великихъ дней нашей всемірной славы. Читатели припомнятъ разсказъ Н. А. Дивова о дѣлѣ на Шомонскихъ высотахъ и сдачѣ Парижа, напечатанный въ „Русскомъ Архивѣ“ 1878 года, I, 127. Намъ положительно извѣстно, что Н. А. Дивовъ велъ подробныя записки на Французскомъ языкѣ; но гдѣ находятся эти тетради, не знаемъ. Если онѣ сохранились, въ нихъ должно быть немало замѣчательнаго, такъ какъ Дивовъ, человѣкъ весьма образованный, любознательный и въ разсказахъ своихъ правдивый, на долгомъ вѣку своемъ много видѣлъ и близко зналъ событій и людей достопамятныхъ. П. Б.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1825-й годъ [1]).

(Начато въ Манглисѣ близъ Тифлиса, во время командованія седьмымъ карабинернымъ полкомъ).

16-го Генваря. Привезли сюда въ совершенной исправности полковую музыку мою, которую Алексѣй Петровичъ уже полтора года какъ выписываетъ изъ Вѣны.

6-го Февраля былъ у меня балъ по случаю масляницы, на коемъ присутствовали всѣ офицеры, въ штабъ-квартирѣ находящіеся, и полковыя дамы.

14-го я пріобщался Святыхъ Таинъ.

22-го Марта я написалъ письмо къ Ник. Мих. Мордвинову [2]), въ коемъ я излагалъ мысли свои о женитьбѣ на дочери адмирала, съ коими вѣроятно онъ не будетъ согласенъ, но безъ исполненія коихъ не приступлю къ сему дѣлу; ибо я никакъ не располагаю съ супружествомъ лишиться независимости и поступить въ другое семейство, не хочу даже оному быть ничѣмъ обязаннымъ: я полагаю, что жена должна зависѣть единственно отъ мужа. Поступить же въ домоправители адмирала я не намѣренъ и потому мало надѣюсь видѣть когда либо исполненіе сего давнишняго намѣренія моего.

29-го былъ праздникъ Воскресенія Христова. Выпавшій со вчерашняго дня снѣгъ устлалъ показавшуюся уже въ нѣсколькихъ мѣстахъ зелень на $^3/_4$ аршина; а сегодня присоединилась къ тому еще такая мятель, что, поѣхавши на саняхъ къ монастырю и выѣхавъ изъ рощи, я принужденъ былъ возвратиться, потому что духъ захватывало и ничего не было видно передъ собою отъ мятели.

Сегодня разослалъ я къ маіору Гладкому-Сацкому и шести ротнымъ командирамъ, участвовавшимъ въ праздникѣ, данномъ мнѣ 13-го Декабря прошлаго года въ память возвращенія моего изъ Хивы, по одному экземпляру моего путешествія на восточные берега Каспійскаго моря при письмѣ къ каждому, располагая завтра еще разослать шесть экземпляровъ сей книги нѣкоторымъ офицерамъ.

23-го Апрѣля, былъ ротный праздникъ въ 1-й караб. ротѣ, въ коей образъ Святаго Георгія. Поутру было у меня въ домѣ по сему случаю молебствіе, на коемъ присутствовали всѣ офицеры и вся рота 1-я ка-

---

[1]) См. выше, стр. 193.

[2]) Если не ошибаемся, это былъ родной дядя Н. Н. Муравьева, по матери. П. Б.

раб., уставившаяся весьма просторно въ три шеренги около стѣнъ зала, въ коемъ происходило служеніе. Послѣ сего былъ у меня званый обѣдъ, на коемъ были всѣ офицеры, въ штабъ-квартирѣ находящіеся.

8-го Мая я поѣхалъ въ Тифлисъ по случаю прибытія изъ Петербурга полковника барона Фридрикса для выбора людей въ гвардію. Пробылъ тамъ до 11-го.

Манглисъ. 26-го числа пріѣхалъ сюда, противъ всякаго чаянія моего, Измайловскаго полка шт.-кап. Мухановъ, родственникъ мой, который воспитывался и учился въ домѣ отца моего. Будучи адъютантомъ у Раевскаго, онъ былъ теперь смѣщенъ во фронтовые офицеры (потому что генералъ Раевскій, находясь въ отпуску, уже не командовалъ болѣе корпусомъ) и, не желая служить въ Петербургѣ, онъ пріѣхалъ сюда, дабы повидаться съ двоюродною своею сестрою княгинею Мадатовой и искать мѣста адъютанта у Ермолова до полученія имъ капитанскаго чина, для того, чтобы перейти ко мнѣ въ полкъ подполковникомъ. На сей случай привезъ онъ и письмо отъ генерала Раевскаго къ Алексѣю Петровичу; но ему было отказано.

8 Іюня. Дни три тому назадъ я всталъ поутру безпокоенъ; мрачныя мысли занимали меня, и причиною сего былъ слѣдующій сонъ.

Я видѣлъ, что былъ обокраденъ и между тѣмъ какъ занимался отысканіемъ пропажи (то было ночью), пришли ко мнѣ со всѣхъ сторонъ гости, въ числѣ коихъ были пріѣзжіе изъ Тифлиса и всѣ наши полковыя жены офицерскія. На спросъ мой, зачѣмъ они пришли, отвѣчали мнѣ, что, видя въ окно горящую свѣчу въ моей комнатѣ, полагали, что я еще не ложился спать и пришли провести вечеръ со мною. Вскорѣ явилась среди нихъ молодая дѣвица, прекрасная собою, но которую я не зналъ. Желая доставить удовольствіе гостямъ своимъ, я послалъ за музыкантами и пригласилъ ихъ танцовать; всѣ приняли сіе предложеніе съ удовольствіемъ и начали танцовать, а я одѣлся. Молодая незнакомка мнѣ весьма нравилась, я искалъ расположенія ея и самъ танцовалъ съ нею; она была отлична отъ всѣхъ красотою, ловкостью и воспитаніемъ; но никакъ не могъ я узнать кто она такая. Одинъ молодей офицеръ, похожій на капитана Далена, у меня въ полку служащаго, также старался ей нравиться и успѣвалъ болѣе меня, что̀ мнѣ было очень досадно видѣть. Но вдругъ все исчезло, и балъ, и освѣщеніе, и гости, и незнакомая красавица. Невольнымъ образомъ сонъ сей меня два дни безпокоилъ: я ожидалъ какого либо непріятнаго извѣстія или происшествія, тѣмъ болѣе, что мнѣ помнилось во снѣ, будто кто-то, утѣшая меня, говорилъ, что это сонъ; но я, различая ясно предметы, увѣрялъ, что сіе не можетъ быть сонъ, и что я истинно видѣлъ сихъ людей и сіе происшествіе въ своей комнатѣ.

Но такъ какъ со мною ничего особеннаго не случилось въ теченіи сихъ трехъ дней, то я вчера и успокоился, забывъ о снѣ совершенно.

Вчера пріѣхалъ изъ Тифлиса Цинамсваровъ. Адъютантъ мой звалъ меня на чай къ себѣ. Я пришелъ къ нему съ Цинамсваровымъ, и принесли почту изъ Тифлиса пришедшую. Письмо отъ Н. М. Мордвинова возвѣстило мнѣ, что 29-го числа Апрѣля Н. Н. Мордвинова вышла за мужъ за отставнаго полковника Львова [1]). И такъ сбылся сонъ мой: ибо въ то самое время, какъ я читалъ письмо сіе, собрались къ адъютанту моему тѣ самыя особы, которыхъ я во снѣ видѣлъ у себя на вечеринкѣ; онѣ входили ко мнѣ изъ двухъ дверей, нѣкоторыя изъ оружейной комнаты или съ восточной стороны, другія же, женщины большею частью, съ малаго крыльца или съ западной стороны. Не знаю почему, но во снѣ мнѣ было это очень замѣтно; нынѣ же случилось тоже самое и на яву, ибо особы сіи съ тѣхъ сторонъ именно сходились къ адъютанту въ домъ, съ которыхъ я видѣлъ ихъ приходящими ко мнѣ.

И такъ рѣшилось теперь дѣло, тянувшееся съ самаго начала своего 18 лѣтъ, а со времени даннаго родителями ея обѣщанія 10. Извѣстіе сіе меня оскорбило, огорчило очень сильно, ибо я не лишался надежды получить ее, коль скоро бы отецъ мой только согласился дать мнѣ чѣмъ жить въ Россіи, и я имѣлъ вѣрныя извѣстія о томъ, что родители ея расположены были вступить вновь въ сношенія со мною по сему предмету, и она сама была къ сему расположена. Но теперь все кончилось, и судьба моя должна воспріять совсѣмъ иной оборотъ. Не я прервалъ первый связь сію; я былъ постояненъ до конца. Теперь же осталось мнѣ только ожидать обстоятельствъ и слѣпо повиноваться судьбѣ, которая да управитъ участью моею по своему произволу. Сбылось и замѣчаніе мое, подтверждавшееся нѣсколько лѣтъ сряду, что около 10-го числа Іюня должно встрѣчаться со мною какое нибудь необыкновенное происшествіе.

15-го числа встрѣтился слѣдующій непріятный случай на Манглисѣ. Поутру донесли мнѣ, что бѣжало 10 человѣкъ солдатъ, въ числѣ коихъ пять изъ первой карабинерный роты. Той же роты унтеръ-офицеръ Козловскій съ двумя рядовыми нашелъ ихъ въ балаганѣ за завтракомъ въ лѣсу. Испуганные внезапнымъ пришествіемъ его, они выскочили и, какъ говоритъ унтеръ-офицеръ, выстрѣлили по немъ, но не попали; онъ также далъ по нимъ залпъ и ранилъ одного, ко-

[1]) Александръ Николаевичъ Львовъ, очень образованный и достойнѣйшій человѣкъ сынъ извѣстнаго при Екатеринѣ и Павлѣ Н. А. Львова, пріятель С. Т. Аксакова. Супруга его Наталья Николаевна, предметъ столь долгой страсти Н. Н. Муравьева, кончила жизнь въ Москвѣ въ маститой старости. Замѣчательно, что бывшій искатель руки ея, будучи уже престарѣлымъ генераломъ по видимому суроваго закала, краснѣлъ при встрѣчѣ съ нею. Такъ цѣльна была его могучая природа. П. Б.

торый и остался на мѣстѣ; прочіе же бѣжали. Опасаясь съ такимъ малымъ числомъ людей оставаться въ лѣсу, онъ возвратился. Въ слѣдъ за нимъ послалъ я маіора Кашутина съ двумя офицерами и 40 солдатами для отысканія бѣжавшихъ. Онъ ходилъ три дни по лѣсамъ, былъ на Цалнѣ, но никого не нашелъ и вчера ввечеру возвратился. Раненаго принесли въ самый день его отправленія, и онъ на другой день умеръ, сознавшись въ своемъ преступленіи.

Въ исходѣ прошлаго мѣсяца прибыли ко мнѣ деньщикъ мой Морозовъ, остававшійся въ Москвѣ, и мальчикъ, присланный ко мнѣ батюшкою; они привезли съ собою книги мои и разныя вещи, которыя оставались въ Москвѣ.

18 Іюля. Теперь занимаетъ меня день и ночь одна мысль: возвращеніе на родину. Служа въ Грузіи безъ всякой цѣли, нынѣ, со времени замужства дочери адмирала, я сталъ помышлять о спокойствіи, котораго вѣрно здѣсь не найду никоимъ образомъ. Къ тому еще служатъ мнѣ поводомъ обстоятельства, которыя, какъ кажется, вынуждаютъ Алексѣя Петровича выѣхать отсюда и оставить совсѣмъ Грузію. Будучи любимъ и уважаемъ имъ, я долженъ ожидать гоненій отъ преемника его; а лучше не дождаться ихъ, тѣмъ болѣе когда служба и обманчивыя прелести ея мнѣ давно уже надоѣли.

26-го числа Іюля я поѣхалъ въ Гори для обозрѣнія дорогъ, ведущихъ въ Карталинію. Долина Куры населена многими деревнями; изъ нихъ въ каждой почти есть замки, въ коихъ живутъ помѣщики, а всѣ вообще имѣютъ большіе виноградные сады; но жаркій климатъ тѣхъ мѣстъ причиною, что вся земля въ поляхъ совершенно выгорѣла, и кромѣ горъ, покрытыхъ зеленымъ лѣсомъ, природа въ семъ мѣстѣ мертвая. Переправился я въ бродъ черезъ Куру и проѣхалъ въ Гори, гдѣ остановился у полковника Попова, командира Херсонскаго гренадерскаго полка.

Видъ города Гори прекрасенъ; старинная крѣпость занимаетъ вершину скалы довольно обширной, находящейся на самой равнинѣ; городъ же расположенъ у подошвы сей скалы, имѣетъ нѣкоторыя строенія порядочныя, но вообще тѣсенъ, впрочемъ изъ уѣздныхъ городовъ Грузіи можетъ быть въ числѣ лучшихъ. Тамъ выстроены католическая церковь и Армянская весьма хорошо.

На другой день пріѣзда моего я ходилъ съ Поповымъ къ царевнамъ. Одна изъ нихъ—дочь бывшаго Грузинскаго царя Ираклія; ея дочь замужемъ за княземъ Эристовымъ и имѣетъ также дочь лѣтъ 18-ти, хорошую собою и весьма любезную по здѣшнему, по крайней мѣрѣ скромную. Мнѣ жаль было видѣть, что Поповъ, содержа ихъ въ надеждѣ, что онъ женится на внучкѣ царевны, не упуститъ перваго

случая, если оный только представится, воспользоваться ея цѣломудріемъ, что легко можетъ статься отъ легковѣрія бабки, не умѣющей видѣть въ Поповѣ качества развратныя. Хотя онъ въ другаго рода дѣлахъ вѣроятно иначе повелъ бы себя; но что до сего касается, то нельзя похвалить его правилъ, и царевна повидимому слѣпо ему вѣритъ и надѣется, ожидая брака сего какъ благополучія для своей внучки, тогда какъ Поповъ, дѣлая сіе для своей забавы единственно, вредитъ дѣвицѣ и можетъ ее сдѣлать навсегда несчастною.

Другая царевна изъ фамиліи князей Андрониковыхъ; она была замужемъ за братомъ послѣдняго Грузинскаго царя Георгія. Обѣ онѣ весьма почтенныя дамы, имѣютъ ордена Св. Екатерины, ласковы въ обращеніи, и кровь ихъ или происхожденіе замѣтны только изъ благороднаго обхожденія ихъ, нисколько же отъ свойственной Азіатцамъ гордости, коей въ сихъ нѣтъ нисколько.

Дни черезъ два послѣ моего пріѣзда въ Гори, Поповъ дѣлалъ балъ у себя, на коемъ присутствовали царевны съ своею внучкою и Горійскіе чиновники съ женами и дочерьми своими. Балъ сей былъ въ родѣ полковыхъ баловъ моихъ, которые я давалъ прошлою зимою; мнѣ жаль было только видѣть, что бѣдную внучку Елену Эристову, которая могла бы быть счастлива, вышедъ за мужъ за Грузина, обманывали надеждой, что она будетъ супругою Попова.

Я провелъ время свое въ Гори совершенно противно моему образу мыслей; ибо ночи проводили мы въ питьѣ, ходили съ музыкою по всему городу, а днемъ спали.

1-го Августа, въ день выѣзда моего изъ Гори, я пріѣхалъ поздно ввечеру въ селеніе Ностицу, лежащее у самой подошвы горъ, принадлежащее маршалу уѣздному дворянства въ Гори, князю Тарханову. Старикъ принялъ меня со всевозможною вѣжливостію и гостепріимствомъ; тутъ я нѣсколько отдохнулъ отъ пребыванія моего въ Гори. Замокъ его окруженъ стѣною съ башнями; видъ съ галереи его прекрасный, онъ обозрѣваетъ всю долину, на которой разсѣянныя деревни со своими замками и башнями напоминаютъ времена феодализма, въ которомъ точно и жили Грузины до пришествія Русскихъ. Хозяинъ мой пользовался особеннымъ уваженіемъ всѣхъ помѣщиковъ въ окрестностяхъ. Собралось до 15 человѣкъ князей, и все Тархановыхъ, изъ коихъ всякій старался чѣмъ могъ угодить и услужить мнѣ. При всей вѣжливости ихъ я не могъ не замѣтить озлобленія ихъ на правительство наше или, лучше сказать, на своего окружнаго начальника маіора Петрова, произведшаго сіе негодованіе. Человѣкъ сей служилъ при Ладинскомъ въ моемъ полку и былъ извѣстенъ мошенничествами своими, коими онъ пріобрѣлъ ненависть всего общества офицеровъ;

онъ по видимому нынѣ притѣсняетъ самыми низкими средствами подчиненныхъ своихъ и не пріобрѣлъ отъ нихъ ни малѣйшаго уваженія. По слухамъ онъ пускается въ самые подлые поборы. Вообще я замѣтилъ весьма дурное расположеніе духа въ Гори, и при первомъ удобномъ случаѣ оно вѣроятно окажется съ невыгодою для насъ. Удивительно еще смиреніе и повиновеніе сихъ людей, выведенныхъ изъ терпѣнія.

Манглисъ, 14 Августа. Передъ выѣздомъ моимъ изъ Ностицы, хозяинъ мой сдѣлалъ угощеніе, послѣ котораго князья, подвеселившись нѣсколько виномъ, стали плясать, вывели и племянницу его лѣтъ 14-ти дѣвочку, весьма хорошую собою, которая плясала погрузински, и праздникъ сей не кончился бы съ вечера, еслибы я не поспѣшилъ выѣхать; всѣ провожали меня около версты. По прибытіи сюда я засталъ только что пріѣхавшими казначея Майвалдова, чиновника изъ канцеляріи корпуснаго командира Закревскаго и аудитора Молочнаго. Майвалдовъ разсказалъ мнѣ въ подробности о случившемся на линіи въ Чечнѣ. Генералъ-маіоръ Грековъ, командовавшій оною, имѣлъ извѣстіе, что между ними явился нѣкій пророкъ, предвѣщавшій сего года совершенную гибель всѣхъ Русскихъ и имъ возвращеніе свободы. Святой сей или пророкъ явился еще въ прошедшемъ году, какъ я слышалъ отъ другихъ, и нынѣшнія происшествія давно уже готовились. Узнавъ, что въ извѣстный день и почти часъ, Чеченцы, собравшіеся въ значительномъ количествѣ изъ нашихъ мирныхъ деревень, переселенныхъ послѣ послѣдней войны на равнину, и изъ горъ никогда нами непокоренныхъ, собираются напасть на Амираджи-юртское укрѣпленіе и Аксаевскую деревню, также укрѣпленную, онъ былъ въ обоихъ сихъ мѣстахъ и далъ наставленія начальникамъ сихъ крѣпостей, какъ имъ распорядиться въ случаѣ ожидаемаго нападенія. Сіе говорилъ Майвалдовъ, пріятель Грекова; вотъ какъ я слышалъ начало сіе отъ другихъ.

Грековъ, коему поручено было управленіе Чеченцами, переселившимся на равнины, многими поборами и несправедливостями ожесточилъ ихъ такъ, что они вынуждены были взбунтоваться и, вступивъ снова въ союзъ съ единоземцами своими, оставшимися непокоренными въ горахъ, рѣшились сдѣлать нападеніе на насъ подъ предводительствомъ явившагося среди нихъ пророка. Какъ бы то ни было, послѣдствія сего дѣла слѣдующія. Чеченцы напали на укрѣпленіе Амираджи-юртское въ расплохъ, ворвались въ крѣпость и вырѣзали всю роту тамъ находившуюся, взяли двѣ полевыя пушки и около восьми гарнизонныхъ тамъ находившихся; осталось только нѣсколько человѣкъ безъ оружія и два офицера. Захвативши тутъ все оружіе

и снаряды, отправились они къ Аксаевской деревнѣ и укрѣпленію, гдѣ, найдя болѣе осторожности, расположились около крѣпости осаждать ее. Грековъ, освѣдомившись о семъ происшестіи, собралъ сколько было можно войскъ, около двухъ ротъ, пошелъ освобождать подполковника Сарочана, находившагося въ осадѣ, и былъ настигнутъ дорогой генералъ-лейтенантомъ Лисаневичемъ, спѣшившимъ къ нему въ семъ случаѣ, но безъ войскъ. Чеченцы, осаждавшіе Аксай, увидя приближающееся войско, разбѣжались, и Лисаневичъ съ Грековымъ вступили въ крѣпость и освободили Сарочана. Тутъ Лисаневичъ сталъ вызывать изъ толпы людей подозрительныхъ въ семъ заговорѣ и вредныхъ правительству нашему вліяніемъ, которое они имѣли въ народѣ; ихъ было человѣкъ до 10. Двухъ вызвали и взяли подъ стражу; позвали третьяго, и онъ, отозвавшись на зовъ, вынимаетъ кинжалъ и въ присутствіи всего народа и войскъ убиваетъ на мѣстѣ Грекова, бросается въ слѣдъ за симъ на Лисаневича и ранитъ двумя ударами кинжала (отъ коихъ онъ черезъ нѣсколько дней умеръ), за симъ кидается на пристава Филатова и наноситъ ему также кинжаломъ рану, но не смертельную (ибо стоявшее тутъ войско не дало ему довершить своего намѣренія). Лисаневичъ, упадая, закричалъ солдатамъ: въ штыки! Всѣ бросились, убійцу въ мигъ закололи; а за симъ солдаты, остервенившись, въ ярости стали колоть предстоящій народъ. Чеченцы, испугавшись, оставили дома свои и городъ и укрылись въ горы.

Въ семъ положеніи находились Чеченскія дѣла, когда Алексѣй Петровичъ, отлагавшій со дня на день поѣздку свою на линію, вынужденъ былъ поспѣшить туда. Онъ выѣхалъ, но больной, и послѣднія извѣстія были, что онъ остановился за болѣзнію во Владикавказѣ; между тѣмъ въ Чечнѣ уже сбирался отрядъ изъ пяти батальоновъ. Неизвѣстно еще, какія послѣдствія были сему дѣлу и чѣмъ оно кончилось.

Будучи въ послѣдній разъ въ Тифлисѣ, я познакомился короче съ Сергѣемъ Николаевичемъ Ермоловымъ, отъ котораго узналъ о состояніи дѣлъ нашихъ съ Персіею. Споръ о границахъ, который уже три года продолжается, до сихъ поръ еще не конченъ. Съ нашей стороны были сдѣланы большія уступки, но Персіяне еще ими не были довольны и не умѣрялись въ требованіяхъ своихъ; это было причиною, что произошло у Алексѣя Петровича съ Абазъ-мирзою неудовольствіе, и послѣдній, кажется, грозился вторженіемъ въ границы наши. Алексѣй Петровичъ, досадуя на расположеніе Государя, не позволяющаго ни подъ какимъ видомъ войны, писалъ къ нему передъ выѣздомъ своимъ письмо, почти убѣждая его допустить военныя дѣйствія съ Персіянами. Въ семъ письмѣ, излагая свою преданность Государю, онъ давалъ чувствовать въ сильныхъ выраженіяхъ, сколько

ему прискорбно видѣть уменьшеніе довѣренности, которую къ нему имѣли и прибавилъ, что, въ случаѣ уступки Персіянамъ требуемаго ими, Государь можетъ прислать для исполненія его воли другаго начальника, но что онъ никогда на сіе не рѣшится. Письмо это было писано, какъ говорятъ, въ выраженіяхъ довольно дерзкихъ. По видимому, онъ не располагаетъ здѣсь долго остаться, или его не хотятъ здѣсь долѣе имѣть. По сему случаю я посылалъ Сергѣя Ермолова къ нему спросить, уѣзжаетъ ли онъ отсюда, дабы самому взять мѣры къ отъѣзду своему. Отвѣтъ его былъ, что еще не сбирается отсюда выѣхать, и во всякомъ случаѣ онъ долженъ съ линіи возвратиться въ Тифлисъ. Я же не располагаю здѣсь болѣе остаться, и всѣ помышленія мои клонятся къ отъѣзду, который полагаю предпринять въ началѣ будущаго года, почему и готовлю полкъ свой къ сдачѣ. Мнѣ здѣсь нечего болѣе дѣлать, и пора уже возвратиться домой, послѣ долгаго странствованія и потерь невозвратныхъ! Тамъ, можетъ быть, найду я еще покой и счастіе, въ достиженіи коего провелъ я тщетно лучшіе года моей жизни и всѣ моей молодости безъ успѣха.

Въ ночь съ 16-го на 17-е Августа мѣсяца, въ полную луну, я видѣлъ слѣдующій сонъ. Я умиралъ въ тяжкой болѣзни, старанія лѣкарей и собравшихся родственниковъ не помогли мнѣ; я умеръ, и меня положили въ каменный гробъ, изъ цѣлаго камня высѣченный, отнесли въ старую церковь и поставили тамъ гробъ на ноги, такъ что я, находясь въ немъ, такъ же стоялъ, но не могъ только двигаться, видѣлъ только нѣсколько въ малое отверстіе, оставленное для глазъ. Лѣкаря удивились, видя меня ожившаго въ гробу; я сталъ говорить, но только двигаться не могъ. Усмотрѣвъ, что мнѣ роютъ могилу въ самой церкви, я сожалѣлъ, что не хотѣли меня похоронить въ открытомъ мѣстѣ или въ рощѣ и съ гробомъ своимъ подвинулся къ могилѣ. Въ это самое время она провалилась, и подъ церковью открылся большой погребъ, въ коемъ находились гроба похороненныхъ тутъ въ старые годы знатныхъ фамилій Грузинъ. Чувствуя приближающуюся смерть, я просилъ бумаги, чтобъ написать свое завѣщаніе, началъ писать, но, замѣтивъ улыбку присутствующихъ, спросилъ ихъ о причинѣ оной: мнѣ отвѣчали, что я такъ неразборчиво пишу, что совершенно ничего нельзя прочесть. И такъ я чувствую смерть свою снова приближающуюся. Я слабѣлъ и просилъ Молочнова писать за меня. Въ это время увидѣлъ я мать свою на смертномъ одрѣ, въ другомъ углу лежащую. Штабъ-лекарь моего полка говорилъ, что напрасно такъ заблаговременно и въ моемъ присутствіи рыли могилу, что̀ могло ускорить мою смерть и тревожить меня. Лѣкарь же, ощупавъ пульсъ, объявилъ, что есть надежда къ выздоровленію. Симъ

все кончилось, и я проснулся. Могилу же рылъ Ведёней, мой человѣкъ, который былъ очень огорченъ и плакалъ, роя могилу.

24-го Августа. Причиною сна сего была вѣроятно пещера, которую мы недавно открыли близъ Манглискаго монастыря. Она въ двухъ саженяхъ подъ землею и состоитъ изъ нѣсколькихъ ходовъ, выточенныхъ сводами, идущими въ разныя стороны; въ сихъ ходахъ есть ниши въ стѣнахъ, въ коихъ поставлены большіе кувшины, аршина въ три величины. Теперь мы трудимся надъ изслѣдованіемъ одного хода, который нѣсколько завалился. Вѣроятно пещера сія служила убѣжищемъ жителямъ во времена набѣговъ, и весьма немудрено, что мы въ ней найдемъ, если не сокровище, то по крайней мѣрѣ мѣдную посуду: ибо, по словамъ жителей, монастырь Манглискій и окрестъ лежавшія деревни были оставлены внезапно по нападеніи Лезгинъ, которые разгромили ихъ и всѣхъ монаховъ побили. Съ тѣхъ поръ, тому 70 лѣтъ, мѣста сіи служили убѣжищемъ Лезгинамъ, которые ѣздили къ Тифлису грабить; цѣлыя шайки ихъ жили въ самомъ монастырѣ, но не открыли сіи пещеры; надобно полагать, что жители, уже много разъ встревоженные набѣгами, скрыли въ нихъ имущество свое.

Тифлисъ, 25 Сентября. Выѣздъ мой изъ Манглиса (3-го числа) былъ точно въ неблагополучный часъ предпринятъ; ибо,когда я пріѣхалъ сюда, Вельяминовъ объявилъ мнѣ, что 19-го числа ѣдетъ ко мнѣ. Сіе понудило меня собраться опять въ Манглисъ. Возвратившись отъ него, я сталъ распоряжаться къ отъѣзду, какъ въ сосѣдственной комнатѣ поднялся визгъ и плачъ. Причиною сего была кончина жены хозяина моего Бебутова, которая уже девять лѣтъ лежала разбитая параличемъ и, впавши въ болѣзнь за нѣсколько дней до пріѣзда моего, умерла сейчасъ. Дочь ея была также при смерти больна и, такъ какъ хозяину негдѣ было помѣститься съ плакальщицами и покойницею, то онъ просилъ меня уступить ему мою комнату, въ которую и помѣстили покойницу. Къ счастью случился у меня въ это время Майвалдовъ, который пригласилъ меня ночевать къ себѣ, и я перешелъ къ нему.

Дѣла наши съ Персіей принимаютъ видъ войны. Мазаровичъ, нашъ повѣренный въ дѣлахъ, возвратился оттуда. Абазъ-мирза, не получая земель, принадлежащихъ ему по трактату Гюлистанскому въ 1812 году, при Ртищевѣ сдѣланному, которыя мы на границѣ заняли, и получивши личныя оскорбленія отъ Алексѣя Петровича, наговорилъ множество дерзостей и ругательныхъ словъ въ отвѣтъ на оныя на счетъ главнокомандующаго Мазаровичу и грозилъ войною съ жалобою Государю на обиды имъ понесенныя и грубости сдѣланныя ему Алексѣемъ Петровичемъ; между тѣмъ не упустилъ упомянуть и о всѣхъ безпорядкахъ происходящихъ здѣсь въ управленіи Грузіи, которое ему

совершенно и во всей подробности извѣстно, говоря, что первое его вторженіе будетъ сопряжено съ повсемѣстными возмущеніями въ нашихъ ханствахъ и даже въ самой Грузіи отъ жителей, озлобленныхъ грабежемъ и несправедливостью чиновниковъ, ими управляющихъ, въ чемъ онъ совершенно правъ. Между тѣмъ конница Персидская уже вступила во владѣнія спорныхъ земель и согнала съ оныхъ наши обывательскіе караулы. Неизвѣстно и любопытно знать, чѣмъ кончится все сіе происшествіе, въ коемъ виноватъ повидимому Алексѣй Петровичъ своею запальчивостью: ибо, зная мысль Государя, не желающаго войны, онъ не долженъ бы разстраивать союза съ Персіей и оскорблять самыми неприличными выраженіями наслѣдника Персидскаго престола, за то только что онъ требуетъ возвращенія ему принадлежащаго. Вслѣдствіе послѣднихъ дѣйствій Персіянъ, которыя политика вѣроятно научаетъ приписывать самоуправству Эриванскаго сардаря, Алексѣй Петровичъ предписалъ Вельяминову жаловаться письмомъ о семъ Абазъ-мирзѣ, съ изложеніемъ мнѣнія своего, что не должно и несовмѣстно приступать къ мѣрамъ такого рода, когда еще не конченъ и не рѣшенъ споръ о пограничныхъ земляхъ.

27 Сент. Вельяминовъ поѣхалъ на Бѣлый Ключъ, гдѣ онъ выкрестилъ сыновей Алексѣя Петровича; 29-го онъ возвратился. Я поспѣшилъ къ нему, дабы объявить ему объ узнанномъ мною здѣсь, что маршалы дворянства на дняхъ, собравшись къ губернскому предводителю дворянства, хотѣли написать прошеніе съ жалобою Государю и послать съ онымъ депутатовъ, почему и сбирали они деньги съ прочихъ дворянъ. Я счелъ обязанностью предупредить свое начальство о семъ, но скрылъ людей, доведшихъ сіе до свѣдѣнія моего и самыя подробности сего обстоятельства, какъ то предметъ жалобъ, не полагая, чтобы сіе до меня касалось, и предоставилъ начальству самому взять мѣры къ дознанію сего и прекращенію.

Алексѣй Петровичъ повидимому ѣдетъ съ линіи для свиданія съ Государемъ въ Астрахань или въ Таганрогъ. Государь, узнавъ объ убіеніи Лисаневича и Грекова и дѣлахъ на линіи, назначилъ по представленію его князя Горчакова дивизіоннымъ командиромъ на линію; въ присылкѣ же войскъ сюда отказалъ ему. Изъ рескрипта сего замѣтно только хорошее расположеніе къ нему Государя; но о дѣлахъ Персидскихъ Государь ничего не пишетъ, и одно свиданіе ихъ должно рѣшить дѣло сіе.

5-го Октября я пріѣхалъ въ Манглисъ. Персидская конница, занявшая, по вытѣсненіи безъ драки нашихъ обывательскихъ карауловъ, спорныя пограничныя мѣста, расположилась лагеремъ въ сихъ мѣстахъ и привела земледѣльцевъ, которые и начали ихъ запахивать.

По приказанію Вельяминова полковникъ князь Севарсемидзевъ ходилъ туда съ ротою и съ орудіемъ. Персіяне, издали увидѣвшіе ихъ, бѣжали, оставя весь лагерь намъ. Но Саварсемидзевъ послалъ ихъ воротить и отдалъ имъ все брошенное, велѣвъ очистить мѣста сіи, что они и исполнили немедленно.

9 Ноября. Я получилъ изъ Тифлиса письмо отъ Майвалдова, коимъ онъ увѣдомляетъ меня, что посланныя на границу войска усмирили нѣсколько надменность Персіянъ, которые стали миролюбивѣе и что повидимому все обойдется безъ шума (по крайней мѣрѣ такъ кажется до весны). Извѣстія сіи согласны и съ извѣстіями, получаемыми мною отъ Флиге, который пишетъ, что Персидскихъ войскъ весьма мало на границѣ, а регулярныхъ и совсѣмъ нѣтъ. Не менѣе того мѣры сіи неизлишни, дабы показать Персіянамъ, что расположеніе наше не уступать имъ. О пріѣздѣ Государя въ Астрахань ничего болѣе не слышно. Алексѣй Петровичъ все еще въ Амираджъюртѣ и не скоро оттуда тронется. Начальникъ же штаба, собравъ отрядъ, по словамъ Майвалдова, стѣснилъ Кабардинцевъ въ одномъ ущельѣ, такъ что они принуждены будутъ съ наступленіемъ зимы положить оружіе или погибнуть. По сему случаю и потребовали 1000 человѣкъ пѣхоты изъ Тифлиса на линію, дабы занять посты, изъ коихъ выведены были войска для стѣсненія Кабардинцевъ, и войска сіи должны тамъ остаться до окончанія похода противъ Кабардинцевъ.

26-го. Пріѣхалъ сюда Цинамсваровъ, который ѣздилъ въ Амамлы къ двумъ ротамъ моимъ, тамъ находящимся. По словамъ его подтверждаются всѣ извѣстія, даваемыя мнѣ Флигемъ о ничтожности дѣлъ на границѣ съ Персіянами. Эриванскій сардарь отвѣчалъ посланному къ нему отъ князя Севарсемидзева, что подданные его никогда не осмѣлятся нарушить миръ, а что князю вольно дурачиться сколько ему угодно. Отъ Цинамсварова также узналъ я, что въ Караклисъ прибылъ изъ Персіи ханъ, который ѣдетъ къ Государю и который теперь долженъ быть уже въ Тифлисѣ.

Къ 6-му Декабря я созвалъ сюда офицеровъ своихъ изъ Тифлиса и сдѣлалъ балъ, на которомъ всѣ веселились безъ притворнаго удовольствія.

Но наши дѣла не въ лучшемъ состояніи. Закубанцы разграбили еще одну станицу неподалеку отъ Ставрополя. Главнокомандующій выѣхалъ изъ Чечни въ Екатериноградъ для свиданія и вѣроятно для совѣщанія съ Горчаковымъ и начальникомъ штаба, послѣ чего, какъ говорятъ, должна начаться экспедиція для усмиренія горцевъ. Чеченцы ожидали его въ проѣздѣ его въ числѣ 300 человѣкъ, но опоздали и напали уже на возвращающійся конвой его, изъ ста казаковъ состо-

явшій. Послѣ небольшой перестрѣлки одинъ Чеченецъ былъ взятъ, коему, какъ говорятъ, главнокомандующій приказалъ отрубить уши и пустить обратно къ его единоземцамъ.

Манглисъ, 14-го Декабря. Собрались изъ Тифлиса офицеры наши и сдѣлали мнѣ праздникъ по случаю возвращенія моего въ сей день изъ Хивы: былъ обѣдъ, балъ и ужинъ; во время бала я былъ вызванъ на дворъ и увидѣлъ изготовленную иллюминацію: впереди стоялъ щитъ съ моимъ вензелемъ, а по бокамъ происшествія изъ путешествія моего въ Хиву, срисованныя въ большомъ видѣ съ картинъ моего путешествія, а именно первая ночь на берегу, крѣпость Ильгельди и пріемъ, сдѣланный мнѣ ханомъ; къ нимъ присоединенъ еще четвертый видъ, изображающій мое возвращеніе къ берегу изъ Хивы, что́ сдѣлали по словамъ священника. Картины сіи, изъ коихъ двѣ написаны весьма порядочно, были освѣщены сзади плошками, такъ какъ и всѣ строенія, на площади находящіяся, и подъ ними были написаны стихи, приличные изображеннымъ случаямъ. При выходѣ моемъ была сдѣлана пальба выстроенными для сего по обѣ стороны щитовъ солдатами. Послѣ же того по обыкновенному начались попойка и качаніе.

12-го числа маіоръ Кашутинъ привезъ сюда извѣстіе о смерти Государя. 11-го числа въ Тифлисѣ всѣ военные и народъ присягнули императору Константину Павловичу.

16-го приводилъ я къ присягѣ на вѣрность службѣ новому императору Константину Павловичу при штабъ-квартирѣ находящихся воинскихъ чиновъ.

24-го выѣхалъ я изъ Манглиса въ Тифлисъ, гдѣ намѣревался узнать о расположеніи Алексѣя Петровича остаться служить или нѣтъ въ Грузіи, расположить по сему и дѣйствія и, въ случаѣ, если только обстоятельства мнѣ позволятъ, не замедлить поданіемъ въ отпускъ или отставку. Не думаю однакожъ, чтобъ мнѣ удалось исполненіе желанія моего въ семъ случаѣ, ибо домашнія обстоятельства, и отца, и братьевъ, въ весьма дурномъ состояніи.

1826-й годъ.

(Начато въ Манглисѣ, 2 Января 1826).

Будучи въ Тифлисѣ, я обдумывалъ свое положеніе и то на что̀ мнѣ теперь рѣшиться надобно: идти въ отставку или остаться. Дабы ѣхать въ Россію, увидѣлъ я только одну причину—мое желаніе, и я нашелъ оную недостаточною, если она не поддержана доводами, доказывающими пользу сего. Пріѣхавъ въ Россію, я найду недостатокъ въ домѣ отца и братьевъ и слѣдовательно не буду въ состояніи при-

ступить къ единственному намѣренію моему—жениться; тѣмъ болѣе что батюшка нисколько не расположенъ помочь мнѣ. Уѣзжая отсюда, я теряю генеральскій чинъ, до коего мнѣ уже немного служить осталось, и тогда мнѣ будетъ легко уѣхать, не имѣя на рукахъ полка, который уже будетъ сданъ. Между тѣмъ, я не считаю на женитьбу въ Россіи, коей лишатъ меня независимости мною пріобрѣтенной многими трудами и безпокойствомъ: ибо захотятъ, чтобъ я сіе сдѣлалъ не по своему выбору, а по выбору родственниковъ. Я пріѣхалъ сюда вчера въ намѣреніи заняться опять полкомъ и оставить оный со службою не прежде какъ когда понудятъ меня къ сему какія нибудь непріятныя обстоятельства.

Февраля 2-го я приказалъ Артемовскому изготовить приказъ о назначеніи на мѣсто его другаго, въ должность адъютанта, а именно прапорщика Потебню 2-го, который до сихъ поръ управлялъ работами; я пробовалъ образовать сего молодаго офицера, имѣющаго отличныя способности и доставить симъ ему счастье. На прошлой недѣлѣ начались у меня классы для офицеровъ.

Третьяго дня узналъ я о несчастномъ происшествіи, случившемся въ Черниговскомъ полку, коего однимъ батальономъ командовалъ Сергѣй Муравьевъ. Мнѣ не могло не быть прискорбно слышать о несчастіи, постигшемъ всѣхъ трехъ братьевъ и все семейство ихъ.

Тифлисъ, 20 Февраля. Вчера былъ у меня Мазаровичъ, который передалъ мнѣ извѣстіе, полученное княземъ Мадатовымъ изъ Петербурга и которое онъ мнѣ третьяго дня еще сказалъ, что князь Менщиковъ ѣдетъ въ Персію на мѣсто Мазаровича. Въ такомъ случаѣ я не думаю, чтобъ Алексѣй Петровичъ остался долѣе въ Грузіи, и я долженъ буду брать мѣры, дабы удалиться отсюда.

Манглисъ, 29 Марта. Вчера получилъ я письмо отъ батюшки, коимъ онъ увѣдомляетъ меня, что братья Александръ и Михайло находятся въ Петербургѣ и что жены ихъ туда же поѣхали, не объясняя причинъ сего потому я имѣю сильный поводъ безпокоиться о томъ, что ихъ взяли въ Петербургъ по подозрѣнію въ участіи въ недавно случившихся тамъ возмущеніяхъ. Получивъ письмо сіе вчера послѣ обѣда, я легъ спать и видѣлъ во снѣ старшаго брата, пріѣхавшаго въ Грузію, который говорилъ мнѣ, что онъ былъ увезенъ въ Петербургъ скованный, но оправдался, присовокупивъ, сколько онъ меня считаетъ счастливымъ, что я живу въ Грузіи, гдѣ только и можно найти покой.

Тифлисъ, 3 Апрѣля. Я ѣздилъ являться и былъ у Менщикова, который не могъ мнѣ никакихъ свѣдѣній о братьяхъ дать, кромѣ того, что ему извѣстно было, что старшаго взяли въ Петербургъ къ допросу; онъ же говорилъ мнѣ что Никита Муравьевъ содержится въ тайнѣ и потому о немъ

ничего неизвѣстно. Менщиковъ по видимому извѣстенъ о всѣхъ дѣйствіяхъ здѣшнихъ и старался отъ меня узнать также объ оныхъ; но я счелъ обязанностью уклониться отъ подобныхъ объясненій. Я былъ также у княгини Мадатовой, которая сказала мнѣ, что получила письмо отъ брата своего, коимъ извѣщаетъ ее, что братья мои освобождены, но что Александръ не хотѣлъ выдти изъ подъ ареста, требуя наказанія за то что онъ, различными разговорами и внушеніями въ молодости своей, вовлекъ многихъ молодыхъ лѣтъ въ возникшее возмущеніе и содѣлалъ ихъ чрезъ сіе несчастными.

Манглисъ, 27-го Апрѣля. По извѣстіямъ, полученнымъ мною отъ Севарсемидзева о намѣреніи Турокъ вторгнуться въ границы наши, я выѣхалъ отсюда 24-го числа для осмотра дорогъ ведущихъ по хребту Карталинскихъ горъ прямо къ Тифлису и проѣхалъ верхомъ на Цалну, гдѣ пробылъ 25-го числа для осмотра роты 8-ой егерской, тамъ стоящей, и 26-го возвратился сюда по прямой дорогѣ.

30-го Мая. Мѣсяцъ сей почти весь прошелъ въ суетахъ и заботахъ. 17-го числа пріѣхалъ бригадный командиръ[1]), который смотрѣлъ полкъ и выѣхалъ отсюда 20-го; въ тотъ же день, по требованію начальства, я долженъ былъ явиться къ нему въ казачій Иловайскаго полкъ. 21-го онъ ѣздилъ къ Леонову, а я поѣхалъ на Цалну, дабы приготовиться къ пріему, но 22-го онъ прибылъ на Цалну, гдѣ 23-го дневалъ за дурной погодой; 24-го пріѣхалъ онъ въ Манглисъ, гдѣ былъ 25 и 26, а 27-го поѣхалъ въ Тифлисъ (куда ожидали прибытія корпуснаго командира) ночевалъ на Пріютинѣ, а 28 оттуда выѣхалъ. Я провожалъ его почти до Нѣмецкой колоніи по новой дорогѣ вправо; оттуда я возвратился въ Пріютино, гдѣ и ночевалъ, и вчера пріѣхалъ сюда. Сегодня же собираюсь ѣхать въ Тифлисъ съ поручикомъ Коцебу, котораго я привезъ съ собой сюда [2]).

Путешествіе Вельяминова имѣло въ предметѣ осмотръ Турецкой границы, Цалны, Бѣлаго Ключа, Манглиса или, лучше сказать, имѣло предлогомъ осмотръ мѣстъ сихъ; но по видимому настоящая цѣль его состояла въ томъ, чтобы сдѣлать прогулку, въ коей бы онъ могъ провести время свое самымъ для него пріятнымъ образомъ, въ полномъ наслажденіи тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, т. е. проводить время въ созерцаніи, ѣсть и пить безъ всякой помѣхи, въ чемъ ему и удалось совершенно. Полковые командиры по введенному порядку должны себѣ за счастье ставить угостить такого дорогаго по его мнѣнію гостя; они должны были предугадывать малѣйшія прихоти его

---

[1]) Вельяминовъ.

[2]) Дальнѣйшее писано уже года черезъ полтора, въ Тифлисѣ, 8 Декабря 1827. П. Б.

и заниматься одними только ими. Безъ сомнѣнія умный человѣкъ сей въ бесѣдѣ былъ очень пріятенъ; но не менѣе того посѣщенія его были тяготительны, и я по званію своему полковаго командира долженъ былъ вести себя согласно съ изложенными правилами.

Статью сію, описанную вкратцѣ прошлаго года, я распространилъ съ тѣмъ, чтобъ продолжать подробныя записки свои ежедневно, желая помѣстить въ оныя всѣ обстоятельства похода противъ Персіянъ, которыя я не имѣлъ времени записывать. Желалъ бы также подробно писать и обо всемъ со мною случившемся, ибо происшествія въ теченіи сего времени слишкомъ важны. Я женился, сдалъ полкъ, былъ исправляющимъ должность начальника штаба въ корпусѣ; на мнѣ лежало управленіе всей арміи при начальствѣ безпокойномъ и своенравномъ. Я видѣлъ паденіе Ермолова, возвышеніе Паскевича, коего главныя свойства сейчасъ назвалъ, видѣлъ поступки Дибича, исполнителя воли царской, видѣлъ ненависть, слабость, хитрость, безуміе въ самыхъ сильныхъ степеняхъ ихъ, служилъ въ то время при всѣхъ трехъ начальникахъ, слыхалъ временами ихъ отзывы другъ о другѣ, видѣлъ взаимное обхожденіе ихъ, скорбѣлъ о подавленной справедливости, объ ошибкахъ человѣка, чтимаго великимъ, о восторжествованіи глупца, о происках людей тупыхъ, хотѣлъ удалиться отъ всѣхъ суетъ сихъ; но меня не отпустили, я остался, исполнялъ обязанность свою и наблюдалъ.

Не менѣе того я не вздумалъ бы еще продолжать записокъ сихъ; но меня побудилъ къ сему приступить слѣдующій случай. Паскевичъ не переставалъ во все время похода нынѣшняго года дѣлать мнѣ самыя большія неудовольствія и упрекать меня въ тайныхъ связяхъ съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ съ намѣреніемъ, какъ онъ говорилъ, помрачить мнимую его славу. Однажды, видя хладнокровіе, съ коимъ я принимаю обидные и несправедливые упреки его, увѣнчалъ онъ поступки свои противъ меня, открывшись, что онъ понимаетъ цѣль мою написать о немъ книгу, дабы замарать его славные подвиги. Выраженіе сіе показалось мнѣ весьма смѣшнымъ, мысль странная; но возвратившись въ палатку, я воспользовался ею и подумалъ, что точно было бы жалко не передать потомству или лучше сказать не сообщить ближнимъ моимъ и друзьямъ всѣхъ поступковъ его, странностей, ошибокъ, непріятнаго нрава и обхожденія съ подчиненными. Вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось мнѣ оставить безъ замѣчаній и войны съ Персіянами, столь занимательной многоразличными обстоятельствами ее сопровождавшими; не хотѣлось мнѣ также не описать и происшествій лично со мною случившихся, главнѣйшихъ обстоятельствъ жизни моей. А потому я въ тоже время началъ составлять подробную програму, въ коей помѣстилъ все что могъ припомнить съ того дня какъ пересталъ вести

записки сіи и продолжалъ програму сію до сего дня, выжидая свободнаго времени, дабы распространить статьи оную составляющія. Нынѣ приступаю къ сему.

Корпусный командиръ, находившійся на линіи, пріѣхалъ въ Тифлисъ.

Слухи о войнѣ съ Персіянами уже давно носились, и правительству уже два года было извѣстно о приготовленіяхъ, ими дѣланныхъ, для начатія сей войны. Послѣ заключенія Гюлистанскаго мира Ртищевымъ должно было сдѣлать разграниченіе между обѣими державами; ибо до сихъ поръ граница сія никому не была извѣстна настоящимъ образомъ. Большею частію граница сія шла по вершинѣ горъ, отдѣляющихъ наши области отъ Персидскихъ; но сіе не было опредѣлительно. Притомъ же мирный трактатъ не пояснялъ границы сей, которую тогда не осматривали. Между тѣмъ кочевые народы наши пасли стада свои на мѣстахъ притязаемыхъ Персіянами. Полковникъ князь Саверземидзевъ занялъ даже въ 1818 году при Балыкчаѣ военный постъ въ земляхъ, которыя Персіяне называли своими. Въ томъ же году я былъ посланъ съ двумя ротами, дабы препятствовать жителямъ Тамшадилской дистанціи уклониться къ Персіянамъ, какъ о томъ носились слухи. Слѣдуя по берегу озера Гёкъ-чая, я не нашелъ удобнѣе мѣста, какъ устье рѣки Гили, впадающей въ сіе озеро съ юговосточной стороны, что̀ выходило на противуположной сторонѣ занятаго Саверземидзевымъ урочища, называемаго Шіакъ-Майданомъ. Мѣсто, мною открытое, было чрезвычайно выгодно тѣмъ, что самое озеро составляло уже природную преграду намѣревавшимся бѣжать за границу, и что съ малымъ числомъ войскъ можно было удержать большое количество Татаръ въ повиновеніи; при томъ же мы пріобрѣтали большую половину береговъ озера сего богатаго рыбною ловлею; но Гиль была уже за цѣпью горъ и далеко за оною. Персіяне въ томъ же году начали селить на Южномъ берегу сего озера Караканахскаго Начи-хана и не переставали ежегодно просить отъ главнокомандующаго возвращенія мѣстъ сихъ и назначенія чиновниковъ для размежеванія границы. Главнокомандующій всячески уклонялся отъ сего; но наконецъ были назначены д. ст. сов. Могилевскій и полковникъ Ермоловъ. Они употребили цѣлое лѣто для объѣзда границы сей, отъ Арпачая до Каспійскаго моря, видѣлись съ чиновниками Персидскими и не согласились ни въ чемъ.

Для окончанія дѣла сего былъ присланъ отъ Персидскаго двора уполномоченный чиновникъ Тавризскій бегляръ-бекъ или губернаторъ Фетъ-Али-ханъ. Онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ, былъ принятъ весьма хорошо и согласился на всѣ наши требованія, но согласіе его не

было признано правительствомъ Персидскимъ, и дѣло сіе опять осталось нерѣшенымъ. Между тѣмъ, осенью 1825-го года, извѣстіе о намѣреніи Персіянъ сдѣлать вторженіе въ границы наши уже совсѣмъ обнаружилось. Тогда послали двѣ роты моего полка въ Караклисъ для удержанія, въ случаѣ нападенія, непріятеля; ибо Тифлисскій полкъ, занимавшій линію сію, былъ такъ разстроенъ командиромъ своимъ полковникомъ княземъ Севарземидзевымъ, что онъ едва могъ выставить нѣсколько войскъ: люди были всѣ развлечены по хозяйству и частнымъ работамъ, такъ что они были болѣе похожи на поселянъ, чѣмъ на воиновъ. Упущеніе сіе по всей границѣ было, конечно, причиною блистательныхъ успѣховъ непріятеля въ началѣ сей войны; оно непростительно начальникамъ и болѣе всего главнокомандующему. Правленіе его было уже такъ слабо, и частные начальники столько пользовались сею слабостію, что послѣдствія отъ сего, какъ и оказалось, должны были произойти самыя пагубныя.

Обхожденіе корпуснаго командира съ Абасъ-мирзою и Персидскимъ правительствомъ было самое оскорбительное и возбуждало въ нихъ желаніе ко мщенію. Абасъ-мирза долго не рѣшался на сіе; онъ приготавливалъ исподволь всѣ мусульманскія области наши къ возмущенію, имѣлъ съ значительнѣйшими изъ оныхъ переписку; золото его, обѣщанія и письма разсыпались даже въ Дагестанѣ и дѣйствовали въ Чечнѣ, гдѣ народъ давно уже былъ озлобленъ злоупотребленіями правителей нашихъ, также какъ и въ ханствахъ. Между тѣмъ онъ самъ готовился сдѣлать вторженіе, коимъ онъ едва не лишилъ насъ всей Грузіи. Ему извѣстно было слабое и разстроенное состояніе войскъ нашихъ. Англійскіе офицеры, находящіеся въ службѣ его, пріѣзжали въ Тифлисъ подъ различными предлогами и доставляли ему самыя вѣрныя свѣдѣнія и, посылая уполномоченнаго своего Фетъ-Али-хана, бекляръ-бега Тавризскаго, для переговоровъ о границѣ, онъ нисколько не располагалъ привести дѣло сіе къ окончанію по желанію нашему, и потому, какъ было слышно, по возвращеніи его, Абасъ-мирза ограбилъ и наказалъ его палками по пятамъ за сдѣланныя имъ уступки.

Обхожденіе Севарземидзева съ Ериванскимъ сердаремъ было также весьма невѣжливое; но причиною сего были, можетъ быть, счеты, которые онъ имѣлъ по закупкѣ провіанта въ деревняхъ, Еривани подвѣдомственныхъ.

Когда, въ исходѣ 1825-го года, Персіяне подвинули войска свои къ Балыкъ-чаю, оставался въ Грузіи намѣстникомъ И. А. Вельяминовъ, который велъ частую переписку съ сердаремъ Ериванскимъ. Получивъ отъ него, наконецъ, весьма оскорбительное письмо, онъ испугался и, не смѣя открыть военныхъ дѣйствій, велѣлъ уступить имъ нѣкоторое

пространство земли; кажется даже, что при семъ случаѣ былъ у насъ одинъ раненый. Но покойный Государь ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ слышать о войнѣ, и дѣло сіе осталось безъ возмездія. Въ тоже почти время Севарземидзевъ ходилъ съ отрядомъ въ холодную зиму берегомъ озера Гёкъ-чая въ Гили, дабы прогнать оттуда селившихся Курдовъ; сожгли загороды, въ коихъ они держали барановъ своихъ. Но когда увидѣли войска ихъ, то также не осмѣлились дойти до предположеннаго мѣста и возвратились послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, ничего не сдѣлавши и оставивъ у нихъ въ рукахъ спорныя мѣста.

Въ 1826 году А. П. Ермоловъ началъ помышлять о мѣрахъ для защиты нашей границы; но кажется, что нынѣшній Государь болѣе вѣрилъ донесеніямъ его о приготовленіяхъ, дѣланныхъ непріятелемъ къ войнѣ, и располагалъ по первому требованію его увеличить число войскъ здѣшняго корпуса. Мѣры, имъ взятыя, были слишкомъ недостаточны. Вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на войска, коихъ по истинѣ было весьма достаточно, онъ предоставилъ полковымъ командирамъ дѣйствовать по прежнему, не переставая занимать людей работами, въ Тифлисѣ и штабъ-квартирахъ, такъ что, при вторженіи непріятеля, не стало вообще въ полѣ болѣе половины того, что̀ могло быть въ ружьѣ. Въ иныхъ полкахъ вышло не болѣе третьей доли людей, въ другихъ болѣе половины; но кругомъ считая, вѣрно не вышло много болѣе половины: всякій мыслилъ о своемъ имуществѣ, о своемъ хозяйствѣ и ничего не щадилъ, дабы спасти до послѣдней бездѣлицы собственности своей. Вмѣсто того, чтобъ предпринять самыя строгія и дѣятельныя мѣры для искорененія зла сего, Ермоловъ предписалъ, самъ будучи на линіи въ совершенномъ бездѣйствіи, г.-л. Вельяминову построить укрѣпленія при Миракѣ, что̀ совершенно было въ Персидскихъ границахъ. Дѣло сіе поручили инженеръ-полковнику Литову; выборъ мѣста и все распоряженіе сіе соотвѣтствовали совершенно мѣрамъ предпринимаемымъ главнымъ начальствомъ.

Тогда же предполагали еще укрѣпить старую Лорійскую крѣпость, и я видѣлъ чертежи предположенныхъ укрѣпленій сихъ у начальника штаба, но къ исполненію сего не приступили; и можно ли было заботиться о семъ надлежащимъ образомъ, когда главныя статьи, необходимыя для войны сей, остались безъ вниманія: магазейны были пусты по всей границѣ. Сему служила поводомъ въ иныхъ мѣстахъ безразсудная бережливость не во̀-время; ибо начальство полагало сберечь выгоды казны, заготовляя только годовую потребность хлѣба въ магазейнахъ и ожидая новаго урожая для новыхъ закупокъ провіанта, и мѣра сія, не совсѣмъ позволительная по дурному расчету своему

въ мирное время, не должна бы имѣть мѣста въ такое время, когда могла встрѣтиться внезапная надобность въ большомъ количествѣ хлѣба по случаю ожидаемой войны. Въ Палебанской и Шурачевской дистанціяхъ, хотя и назначались пристава для управленія народомъ, но Севарземидзевъ, издавна владѣющій деревнями сими, коихъ большую часть онъ выселилъ изъ за границы, не допускалъ никогда приставовъ до своего правленія. Представленія губернаторовъ по жалобамъ приставовъ никогда не были уважаемы, и хотя злоупотребленія производимыя Севарземидзевымъ были извѣстны корпусному командиру, но онъ оставлялъ управленіе сихъ областей въ прежнемъ порядкѣ, будучи увлеченъ вселяемыми въ него понятіями, что Севарземидзевъ одинъ могъ только управляться съ сими народами. Севарземидзевъ же ничего не упускалъ изъ вида для пріобрѣтенія себѣ всѣхъ возможныхъ выгодъ: онъ уже нѣсколько лѣтъ имѣлъ полкъ свой на своемъ продовольствіи, т. е., получивъ изъ коммисіи провіантныя деньги и наполнивъ самъ магазейны свои хлѣбомъ, сбираемымъ имъ съ жителей сихъ двухъ дистанцій, которыхъ онъ сдѣлалъ своими данниками, ссужалъ имъ заимообразно при переселеніи ихъ за границу хлѣба и разныхъ хозяйственныхъ потребностей. Кромѣ того онъ завелъ свои собственные посѣвы, которые обрабатывались сими жителями и частью нижними чинами. Въ исходѣ 1825 года явился на торги для поставки хлѣба коммиссіонеръ Шароевъ, который обязался доставлять хлѣбъ въ Тифлисской полкъ по цѣнамъ дешевле тѣхъ, которыхъ требовалъ Севарземидзевъ. Ему была поручена сія закупка, и онъ успѣлъ бы въ дѣлѣ семъ, еслибы Севарземидзевъ не воспретилъ жителямъ продавать ему хлѣбъ. Шароевъ хотѣлъ доставить хлѣба изъ Еривани; но Севарземидзевъ, имѣя тамъ связи, также воспрепятствовалъ сему съ тѣми видами, чтобы казна опять возложила на него продовольствіе полка, по предлагаемымъ имъ цѣнамъ. Дѣло сіе завязалось на перепискѣ; доказывали, что Севарземидзевъ продавалъ хлѣбъ изъ деревень сихъ въ Ериванъ тогда, когда уже показывался недостатокъ въ ономъ въ нашихъ границахъ. Начальство разбирало дѣло сіе и, кажется, ничего не кончило. Когда же оказался явный недостатокъ, тогда Севарземидзеву послали деньги, которыя онъ, кажется, зачелъ за долги жителей ему, хотѣлъ въ счетъ долга сего еще собирать съ нихъ хлѣбъ и послѣ раззоренія ихъ; но сіе было невозможно, и недостатокъ сей въ провіантѣ былъ причиною весьма важныхъ и непріятныхъ послѣдствій во время военыхъ дѣйствій. Дѣло сіе мнѣ не было извѣстно по бумагамъ; но довольно извѣстно по тому, что̀ говорили люди, коимъ можно было вѣрить, и потому, что̀ я самъ могъ замѣтить.

Такого же почти рода дѣло завязалось въ Карабахѣ, гдѣ поставщикомъ провіанта былъ г.-л. Мадатовъ, оставившій крѣпость Шушу и войска безъ провіанта. Мадатова обвиняютъ въ корыстолюбивыхъ расчетахъ въ семъ случаѣ, и сему можно, кажется, повѣрить.

Не менѣе того, войскъ на границѣ не было достаточно; всѣ вообще были совершенно распущены, безпорядокъ въ правленіи чрезвычайный, злоупотребленія безъ мѣры, неудовольствіе жителей на правителей и правительство превосходило всякую мѣру, хлѣба не было, крѣпости не исправлялись; малодушіе, корысть знаменовали и осѣняли всѣ части правленія, всѣхъ почти начальниковъ, каждаго соотвѣтственно свойствъ его и способностей.

Смерть покойнаго Государя и возникшія въ Россіи возмущенія еще болѣе склонили Персіянъ къ начатію войны, отъ коей они ожидали и въ правѣ были ожидать самыхъ блистательныхъ выгодъ, а именно изгнанія насъ изъ Грузіи, или разграбленія оной. Первыя выгоды, ими получаемыя при вторженіи, были неоспоримо послѣдствіемъ безпорядковъ и слабости правленія нашего въ Грузіи.

Въ то время князь Меншиковъ былъ посланъ въ Персію, дабы окончить спорныя статьи по границѣ. Извѣстіе о назначеніи его поразило старика Вельяминова; ибо безпорядки, происходившіе въ Грузіи, были извѣстны Государю. Давно уже располагали смѣнить по симъ причинамъ главнокомандующаго, и намѣреніе сіе было здѣсь всѣмъ извѣстно. Начальники наиболѣе опасались перемѣны сей, и Вельяминовъ, хотя и не подалъ никогда умышленно повода ни къ какому злоупотребленію, но по преданности къ Алексѣю Петровичу, коего онъ былъ намѣстникъ, онъ не могъ воздержаться, чтобъ не вскрикнуть въ присутствіи многихъ при полученіи извѣстія о скоромъ пріѣздѣ Меншикова: «Какъ это можно? Да его Алексѣй Петровичъ въ Грузію не пуститъ!» Не менѣе того князь Меншиковъ пріѣхалъ въ его отсутствіе. Кажется, онъ съ нимъ видѣлся на линіи, и говорили, что онъ имѣетъ повелѣніе отъ Государя дѣйствовать по наставленіямъ Алексѣя Петровича.

Меншиковъ поѣхалъ въ Персію въ 1826-мъ году. Пріемъ ему былъ сдѣланъ несоотвѣтственный порученности его и важности посланія: ибо онъ долженъ былъ также извѣстить Персидскій дворъ о воцареніи нынѣшняго Государя. Кажется, что и переговоры его не были приняты, какъ надобно. Первымъ условіемъ оныхъ было то, чтобы прекратили работу Миракскаго укрѣпленія; сіе было немедленно исполнено, но войска наши занимали мѣсто сіе. Отъ сего не подвинулись переговоры, и онъ не получалъ никакихъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Между тѣмъ Персидскія войска подвигались къ границамъ. Онъ послалъ съ

извѣстіями о семъ курьера къ главнокомандующему; курьера арестовали въ Эривани, бумаги задержали и, какъ говорятъ, распечатали. Сіе было уже передъ самымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, и въ слѣдъ за симъ Персіяне вторглись въ границы наши.

Но дабы не прервать порядка происшествій и не отклониться отъ цѣли сихъ записокъ, въ коихъ я располагалъ помѣстить и все до меня лично касающееся, перехожу снова къ тому времени, какъ я прибылъ въ Тифлисъ и видѣлся съ корпуснымъ командиромъ, который пріѣхалъ съ линіи, вѣроятно, по извѣстіямъ о намѣреніи непріятеля (ибо полковникъ Реутъ давно уже писалъ о семъ и извѣщалъ подробно о движеніи Персидскихъ войскъ на Карабахской границѣ).

Въ то время, двѣ роты полка моего находились въ распоряженіи Севарземидзева; одна изъ нихъ (3-ья карабинерная) находилась въ Амамлахъ, другая же (9-ая егерская) занимала съ ротою Тифлисскаго полка укрѣпленіе Миракъ. Въ ротахъ сихъ открылись побѣги: лучшіе солдаты уходили по два и по три, однажды бѣжалъ и унтеръ-офицеръ. Г.-м. Мерлинъ, ѣздившій туда для смотра войскъ, старался узнать о причинахъ побѣговъ сихъ, но не могъ ничего открыть. Севарземидзевъ также самъ опрашивалъ людей; въ первой показали сильное уныніе и негодованіе на товарищей своихъ, уклонившихся къ Персіянамъ; въ другой же принесли жалобу на баталіоннаго командира, маіора Хомутскаго и на ротнаго шт.-кап. Колпинскаго. Но жалобы сіи всѣ были неосновательны. Севарземидзевъ не изслѣдовалъ сего дѣла, по извѣстной его безпечности, оставилъ сіе безъ вниманія, и побѣги не прекращались, такъ что, во время пребыванія на границѣ сихъ двухъ ротъ, бѣжало изъ оныхъ до 27-ми человѣкъ. Одна изъ причинъ неудовольствія ихъ было ученіе, коими занимали ихъ въ теченіи зимы, и хотя занятія сіи продолжались съ умѣренностію и безъ всякихъ совершенно наказаній, по людямъ сіе казалось обидно, потому что они имѣли предъ глазами примѣръ самаго опущеннаго по службѣ полка Тифлисскаго, гдѣ всѣ занятія состояли только въ хозяйствѣ, гдѣ не было почти никакого повиновенія начальникамъ и едва ли видъ какого либо устройства. При томъ же, какъ я послѣ дознадъ, 9-я егерская рота болѣе одного раза выходила изъ повиновенія у баталіоннаго и ротнаго командировъ; а именно, когда отправляли одно отдѣленіе оной въ Гумры, то рота, по предложенію ротнаго командира своего, не послала туда артельныхъ лошадей и, когда маіоръ Хомутскій, собравъ ее, уговаривалъ людей къ сему, то нѣсколько человѣкъ выскочили и отвѣчали ему грубо, говоря, что лошади ихъ собственность и что ею распоряжаться никто не имѣетъ права. Другой разъ, когда рота сія стояла въ Шушѣ, и одно отдѣленіе оной находилось въ Амамлахъ,

рота также отказалась прислать лошадей своихъ въ Амамлы для возки дровъ на сіе отдѣленіе и отзывалась самымъ грубымъ образомъ ротному командиру. Однажды же, когда онъ хотѣлъ наказать артельщика за нерадѣніе и пьянство, то вся рота вступилась за него, и во время наказанія кричали, что онп всѣ бѣгутъ въ Персію. Таковые поступки оставались безъ надлежащаго наказапія. Маіоръ Хомутскій по видимому оробѣлъ, и безпорядокъ и неповиновеніе усиливались, такъ что боялись даже съ глазъ спустить солдата, когда его куда либо посылали, дабы онъ не бѣжалъ. Впослѣдствіи осенью, когда я имѣлъ случай въ Джелалъ-оглу войти въ разсмотрѣніе дѣла сего, я получилъ еще разныя жалобы отъ людей, но самыя несправедливыя. Во время опросовъ сихъ выискалось только четыре старыхъ солдата, которые, вопреки всѣхъ, вышли впередъ и сказали мнѣ, что никто не имѣетъ причинъ быть недовольнымъ, что людей мутятъ только нѣсколько солдатъ дурнаго поведенія и что конца не будетъ расказамъ ихъ, не имѣющимъ никакого основанія. Когда я замѣтилъ, что между людьми совершеннаго согласія не было, я отдѣлилъ тѣхъ, которые отозвались, что не жаловались съ прочими, и остались только одни недовольные. Я изложилъ имъ всю несправедливость ихъ жалобъ, уличилъ во лжи и тѣмъ заставилъ молчать. Но среди ихъ я замѣтилъ людей, мнѣ прежде указанныхъ баталіоннымъ и ротнымъ командирами, какъ первыхъ возмутителей спокойствія; люди сіи были взяты подъ караулъ, наказаны передъ всею ротою и переведены въ другія роты. Сіе подѣйствовало весьма хорошо, ибо всѣ люди роты сей стыдились показываться, признавали вину свою и въ послѣдствіи были прощены. Рота сія точно была изъ лучшихъ въ полку; но корень неповинованія и грубости въ оной давно хранился. Еще въ Имеретинской походъ оказывались въ оной подобные случаи, которые, по слабости и неумѣнію начальниковъ, оставались безъ должнаго вниманія и произвели самое вредное дѣйствіе на нравственность людей. Не находя однако и начальниковъ, допустившихъ таковые безпорядки, правыми, я сдѣлалъ замѣчаніе баталіонному командиру, ротнаго арестовалъ за слабое смотрѣніе, отказалъ ему отъ командованія; но впослѣдствіи времени простилъ его и далъ другую роту. И такъ, дѣло сіе совершенно засмирилось, и рота была исправлена; но сіе случилось, какъ я выше сказалъ, осенью, и я для того описалъ теперь конецъ дѣла сего, дабы его не забыть, говоря о другихъ предметахъ, или дабы не прервать нити происшествій, о коихъ буду говорить. Теперь же перейдемъ опять къ тому времени, какъ я былъ въ Тифлисѣ, въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1826 года.

Маіоръ Хомутскій писалъ ко мнѣ въ Іюнѣ мѣсяцѣ о сихъ побѣгахъ, представляя въ письмѣ своемъ, какой опасный духъ господствовалъ

между людьми 9-ой егерской роты. Я сбирался уже нѣсколько времени ѣхать къ симъ ротамъ для осмотра оныхъ. Получивъ письмо сіе, я поспѣшилъ исполнить свое намѣреніе; но, предвидя непріятное происшествіе, я показалъ прежде письмо сіе Алексѣю Петровичу, прося разрѣшенія его въ такомъ случаѣ поступить по обстоятельствамъ, смотря по могущей встрѣтиться надобности. Онъ мнѣ разрѣшилъ прогнать виновныхъ безъ суда сквозь строй, и я выѣхалъ немедленно изъ Тифлиса въ Манглисъ, гдѣ мнѣ надобно было еще косчто устроить съ тѣмъ, чтобы оттуда отправиться въ Караклисъ.

Сіе случилось около половины Іюля мѣсяца, т. е. 17-го или 18-го числа; ибо, пробывъ едва день въ Манглисѣ, получилъ я предписаніе отъ корпуснаго командира слѣдующаго содержанія.

„Если ваше высокоблагородіе находитесь еще на Манглисѣ, предписываю тотъ часъ отправиться въ Караклисъ, гдѣ найдете мои предписанія, посланное съ нарочнымъ линейнымъ пятидесятникомъ Егоровымъ, № 123, и теперь туда отправляемое № 129, по точности которыхъ имѣете дѣлать надлежащее исполненіе, по случаю сдѣланнаго на наши посты отъ Персіянъ нападенія. Генералъ Ермоловъ. № 136, 19 Іюля 1826, Тифлисъ.“

Вмѣстѣ съ симъ, или нѣсколько часовъ спустя, получилъ я другое слѣдующаго содержанія.

„Весьма нужное. Командиру 7-го карабинернаго полка, г. полковнику и кавалеру Муравьеву, или за отсутствіемъ его, заступающему его мѣсто.

По открытіи Персіянами военныхъ дѣйствій спущены изъ строительнаго отряда бывшія въ немъ три роты ввѣреннаго вашему высокоблагородію полка, кои и должны прибыть въ полковую штабъ-квартиру завтра, т. е. 20-го сего мѣсяца. Давъ одинъ только день роздыха, имѣете изъ нихъ откомандировать обѣ роты, въ коихъ было бы въ каждой не менѣе 250 рядовыхъ съ приличнымъ числомъ оберъ и унтеръ-офицеровъ, при отличномъ и храбромъ штабъ-офицерѣ. Имъ дадите вы направленіе на Бѣлый Ключъ для присоединенія къ таковымъ же двумъ ротамъ 41-го егерскаго полка, откуда они возмутъ направленіе къ Каменной рѣкѣ. Роты ваши на Бѣлый Ключъ должны прибыть непремѣнно 22-го числа сего мѣсяца. Люди должны быть въ полной походной амуниціи, только безъ киверовъ, а въ фуражкахъ, и имѣть при себѣ комплектное число боевыхъ патроновъ. Обозъ долженъ состоять изъ патронныхъ ящиковъ и провіантскихъ повозокъ, въ коихъ бы умѣщался шестидневный провіантъ; на четыре же дня люди должны имѣть на себѣ. Объ исполненіи сего повелѣнія имѣете мнѣ донести. Генералъ Ермоловъ. № 137, г. Тифлисъ, 19 Іюля 1826-го года.“

По симъ предписаніямъ я немедленно потребовалъ изъ Тифлиса маіора Кашутина (ибо другаго оберъ-офицера у меня не было), сдѣ-

лалъ распоряженіе на счетъ прибытія и выступленія ротъ, которое предоставилъ къ исполненію подполковнику Гладкому-Сацкому, а самъ (помнится мнѣ, 20-го числа Іюля), т. е. на другой день полученія сихъ предписаній, пустился на разсвѣтѣ въ путь на легкахъ, верхомъ, взявъ съ собою въ должность адъютанта-прапорщика Потебню и въ конвой 6 или 8 человѣкъ конныхъ солдатъ до казачьяго полка Иловайскаго.

Того жъ еще числа пріѣхалъ я на Гуссейнъ-ханской постъ, гдѣ и остановился ночевать. Казачій Леонова полкъ занималъ бывшую штабъ-квартиру Сергѣева полка, Шиндляры, что̀ въ 8-ми верстахъ отъ Гуссейна-хана. Полковникъ Леоновъ просилъ меня переночевать къ себѣ; но, опасаясь промедлить къ своему назначенію, я не рѣшился къ нему ѣхать, а просилъ его пріѣхать ко мнѣ, что̀ онъ и сдѣлалъ въ тотъ же вечеръ. До него дошли уже слухи о вторженіи Персіянъ и о разграбленіи Малаго Караклиса, и онъ весьма любопытствовалъ узнать отъ меня что либо о семъ, не будучи, какъ онъ уже имѣлъ славу сію, изъ числа храбрѣйшихъ. Онъ чрезвычайно опасался нападенія непріятеля на его штабъ-квартиру, и потому оставшихся у него казаковъ, человѣкъ до 200 слишкомъ, разставилъ по всѣмъ возвышеніямъ отъ Гуссейна-хана до Джилки, такъ что нельзя бы точно непріятелю прокрасться къ нему скрытнымъ образомъ. Онъ самъ весьма много безпокоился. Служа съ нимъ въ продолженіе войны сей, я имѣлъ болѣе одного раза случай замѣтить его не въ числѣ самыхъ смѣлыхъ, и потому ставилъ его на лагеряхъ съ полкомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нужно было имѣть болѣе осторожности, и я имѣлъ удовольствіе видѣть, что посты у него были всегда заняты съ потребною осмотрительностію.

21-го числа, передъ выѣздомъ моимъ съ Гуссейнъ-ханскаго поста, получилъ я отъ Алексѣя Петровича слѣдующее письмо.

„Николай Николаевичъ.

„По расчету моему ты уже въ Караклисѣ, чему я весьма радъ; ибо не могло быть болѣе вд̀-время. Ты слѣдовательно все уже знаешь, что̀ Персіяне дѣлаютъ. У меня въ виду одинъ безтолковый рапортъ маіора Варламова, изъ котораго даже не вижу, гдѣ Севарземидзевъ. Отъ вѣроломства подлѣйшихъ мошенниковъ всего можно ожидать, и быть можетъ, что онъ уже не существуетъ; въ такомъ случаѣ ты принимаешь команду надъ войсками и остаешься въ Бамбашахъ. Получишь о семъ бумагу. Надѣюсь на храбрость; будь чрезвычайно остороженъ и не разсѣевай силъ. Впрочемъ Богъ благословитъ. Посмотри послѣднее предписаніе мое Саварземидзеву. Прощай. Душевно любящій Ермоловъ. 18 Іюля 1826 Тифлисъ.“

Нельзя было не безпокоиться корпусному командиру; ибо донесенія, имъ получаемыя, были такъ безтолковы, что едва ли можно было что нибудь изъ нихъ понять. При томъ же не оставалось ни одного начальника на сей границѣ, который бы сохранилъ присутствіе духа. Подобныя же извѣстія получались имъ изъ Карабаха и Ленкорана. Я помню, что, за нѣсколько дней еще до выѣзда моего, были имъ получены съ той стороны донесенія, кои его весьма встревожили. Онъ сѣлъ немедленно заниматься съ Вельяминовымъ и предписывалъ о какомъ-то движеніи войскъ и орудій; но какое было содержаніе сихъ бумагъ, мнѣ не было извѣстно. Знаю однакоже, что въ нихъ упоминалось о начатіи военныхъ дѣйствій Персіянъ, и сего недостаточно еще было для него, дабы взять по всей границѣ мѣры предосторожности. Мнѣ показалось, что онъ уже тогда потерялъ нѣсколько присутствіе духа и опасался войны сей, коей онъ былъ главнымъ виновникомъ.

21-го поутру я выѣхалъ съ Гуссейнъ-ханскаго поста въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ и сотника Грекова. Вездѣ встрѣчалъ я посты, выставленные полковникомъ Леоновымъ. Я переправился черезъ рѣку Мушьяверу при бывшихъ Башкегетскихъ мельницахъ по мосту, мною построенному, ѣхалъ черезъ Мокрую гору мимо бывшихъ Джилкинскихъ постовъ, гдѣ и нашелъ по прямой дорогѣ, ведущей черезъ Карагачъ къ Гумрамъ, послѣдній постъ Леонова, наблюдавшій равнину сію, на которой за два дня передъ симъ ворвавшаяся непріятельская партія разбила обывательскій Грузинскій транспортъ съ солью, шедшій изъ за границы. Хищники, кажется, были Турецкіе подданные, люди Шерафъ-аги, владѣтеля Манубарта въ Карскомъ пашалыкѣ. Человѣкъ сей былъ прежде въ большой связи съ Севарземидзевымъ, но по какимъ-то счетамъ разсорился съ нимъ и во все время войны не переставалъ дѣлать набѣги въ наши границы и грабить вмѣстѣ съ Персіянами. Транспортъ сей съ солью разбили, часть людей побили и быковъ угнали.

День былъ очень жаркій; я отдохнулъ нѣсколько на семъ посту и, поворотя влѣво, переѣхалъ черезъ небольшой хребетъ горъ и прибылъ послѣ полдня на Джилку, гдѣ была выстроена штабъ-квартира казачьяго полка подполковникомъ Сысоевымъ, а нынѣ занималъ ее съ полкомъ подполковникъ Андреевъ. Надобно было отдохнуть въ семъ мѣстѣ, ибо лошади очень устали. Андреевъ воспользовался симъ временемъ, чтобы пригласить меня къ себѣ обѣдать. Глухой старикъ сей былъ весьма тяжелъ въ разговорѣ; онъ любилъ много говорить, кричалъ безъ пощады и умолку, требовалъ отвѣтовъ и, не слыша ихъ, заставлялъ ихъ по нѣскольку разъ повторять, сознаваясь въ глухотѣ своей, что́ однакоже нисколько не утѣшало. Любопытство

его было непомѣрное; я не имѣлъ однакоже желанія ему расказывать и рѣшился выслушивать съ терпѣніемъ его расказы. Онъ началъ повѣствованія свои и расказалъ, что нѣсколько командъ его полка вырѣзаны въ разныхъ мѣстахъ, въ другихъ лошади отогнаны, лошадямъ казачьимъ большой разгонъ, лошади всѣ сморены, провіантная коммисія ему фуражныя деньги не по положенію отпускаетъ, онъ наканунѣ отправилъ семейство свое въ Тифлисъ, опасаясь нападенія Персіянъ, онъ одинъ остался въ штабъ-квартирѣ со знаменами и 6 казаками; онъ едва ли наберетъ двухъ казаковъ мнѣ въ конвой и, наконецъ, онъ меня самъ проводитъ въ Джелалъ-оглу, чего мнѣ впрочемъ весьма не хотѣлось, ибо онъ меня совершенно истребляетъ. Изо всѣхъ словъ его я могъ замѣтить, что вторженіе Персіянъ сдѣлало на него сильное впечатлѣніе, что̀ совершенно подтверждало догадки мои и корпуснаго командира о страхѣ, наведенномъ симъ нашествіемъ на всѣхъ начальниковъ. Андреевъ имѣлъ предоброе семейство; жена его старуха и двѣ дочери впослѣдствіи, когда мы осенью стояли при Джегалъ-оглу, составляли сборное мѣсто офицеровъ, которые не переставали посѣщать его и волочиться за старшею дочерью его. У нея было тогда много жениховъ изъ ихъ числа, и между прочими мой лекарь Соколовъ, который по ней съ ума сходилъ и которому я отсовѣтовалъ на ней жениться. Сынъ его есаулъ былъ очень простъ, дерзокъ противъ отца, но храбрый малый, какъ и отецъ его. Самъ же старикъ выслужился изъ простыхъ кузнецовъ войска Донскаго; онъ умеръ нынѣшнею весною въ Ериваии, и семейство его уѣхало на Донъ. Старикъ Андреевъ былъ хлѣбосолъ и любимъ всѣми, но неумѣренъ на гуляньяхъ и пиршествахъ, и сіе, какъ кажется, было причиною его смерти. Сына я зналъ еще въ 1813 году, т. е. видѣлъ его въ сраженіи подъ Бауценомъ, гдѣ онъ командовалъ двумя орудьями Донскими и велъ себя отлично храбро; ему было тогда не болѣе 13 или 14 лѣтъ отъ роду.

Тогоже 21-го числа выѣхалъ я послѣ обѣда изъ Джилки, въ сопровожденіи Андреева, который проѣхалъ со мною около 10 верстъ. Тутъ меня нагналъ козакъ, который привезъ ко мнѣ слѣдующее собственноручное предписаніе отъ корпуснаго командира.

„Секретно.“

„Артилеріи г. подполковникъ Флиге доноситъ, что на Гамзачиманскомъ посту отогнали Персіяне лошадей, изрубивъ нѣсколько человѣкъ солдатъ, вѣроятно бывшихъ въ прикрытіи; что третій былъ уже день, какъ не доходило никакого извѣстія, гдѣ полковникъ князь Севарземидзевъ, и что есть слухъ будто около Гумры было сильное сраженіе, и что оттуда до Беканта отрѣзано сообщеніе. Г. подполковникъ Флиге изъясняется такъ:

„Я нахожу необходимымъ съ частью войскъ идти на выручку своихъ, гдѣ находятся полковникъ Фридриксъ и подполковникъ Долгово-Сабуровъ и, какъ здѣсь говорятъ, одинъ изъ послѣднихъ двухъ раненъ".

„Весьма неясное донесеніе сіе заставляетъ думать, что кромѣ прерваннаго пути между Гумры и Бекантомъ должны быть атакованы и другіе пункты; ибо не говоритъ онъ, что полковникъ Фридриксъ или подполковникъ Сабуровъ тамъ находились, а одинъ изъ нихъ раненъ. Онъ говоритъ, что идетъ на выручку сихъ двухъ, но ничего не предпринимаетъ для выручки князя Севарземидзева.

„Я предписываю вашему высокоблагородію, собравъ тотчасъ сколько возможно войскъ, употребить всѣ усилія для освобожденія постовъ, которые обложилъ непріятель. Вы немедленно оставите Миракъ, если еще не преодолѣли его Персіяне; и я нахожу, что полковникъ князь Севарземидзевъ напрасно весьма упорствовалъ въ защитѣ его, когда несравненно выгоднѣйшій пунктъ могъ избрать въ цѣпи горъ Бамбакскихъ. Столько же безполезенъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ и самый пунктъ Гумры, по удаленію своему и затрудненію въ сообщеніи съ нимъ.

„Полезнѣе войска, защищающія его, присоединить къ числу дѣйствующихъ и на первый разъ ограничиться обороною Бамбакской провинціи, гдѣ по роду мѣстоположенія съ удобностію можно удерживаться, имѣя главнѣйшею цѣлью не пропустить непріятеля черезъ Безобдалъ.

„Сосредоточившись въ Бамбакахъ, надобно удерживать Балыкчайскій постъ, если онъ еще въ рукахъ нашихъ.

„Казахскому приставу поручилъ я, немедленно собравъ людей, идти съ ними на Гамзачи открыть сообщеніе съ постомъ Балыкчай и Караклисомъ, имѣя часть конницы готовой дѣйствовать по вашему востребованію.

„Въ конницѣ вообще имѣемъ мы недостатокъ; на Татарскую же отнюдь полагаться невозможно, и потому болѣе необходимымъ нахожу оставить Шурагель, представляющую безконечную равнину, и предпочитаю Бамбакъ, гдѣ Персіяне не могутъ употребить своей конницы.

„При извѣстной мнѣ вашей заботливости и неусыпности, я нужнымъ почитаю поставить вамъ на видъ, что если вамъ выгодно не раздроблять силы, то въ теперешнихъ обстоятельствахъ это одно можетъ противустать превосходству силъ непріятельскихъ. Излишнее самимъ вамъ подтверждать объ осторожности; но невозможно достаточно требовать оной отъ подчиненныхъ вамъ, на что и прошу имѣть вниманіе.

„Здѣсь собираю я отрядъ, который вскорѣ выступитъ. До того старайтесь собрать всѣхъ разсѣянныхъ людей, и чтобы ни одного празднаго не было. Давайте мнѣ извѣстія, коль скоро оныя сколько нибудь важны. Генералъ Ермоловъ. № 129, 19 Іюля 1826. Тифлисъ."

Флиге считалъ нужнымъ идти на выручку своихъ, какъ онъ писалъ къ генералу, но между тѣмъ не шелъ. Такъ писать было весьма необстоятельно, и такъ дѣлать было недѣльно. Генералъ безпокоился; но между тѣмъ въ предписаніи его я нахожу также вещи

недѣльныя. Не должно было оставлять Гумры и всю Шурагень, тогда какъ онъ зналъ, какое сильное сіе сдѣлаетъ вліяніе на войска и жителей, какія онъ черезъ сіе доставитъ выгоды непріятелю, сколько сіе ободритъ Персіянъ, и если такому повелѣнію поводомъ служила неизвѣстность силъ непріятельскихъ и состоянія дѣлъ, то онъ долженъ былъ писать: Соображаясь съ обстоятельствами, оставить Гумры въ такомъ только случаѣ, если не предвидится возможности удержать сей постъ, а также всю линію; но отнюдь не оставлять оныхъ, если есть возможность удержать сіи посты, дабы не вселять въ начальникахъ и мысли объ уступкѣ мѣстъ сихъ; но разрѣшать ихъ на сію мѣру только въ крайности. Никто впрочемъ не признавалъ сего нужнымъ, и линія сія была оставлена по настоятельному требованію его, вопреки мнѣнія и самаго Севарземидзева, который впрочемъ старался сохранить Гумры изъ однихъ расчетовъ своихъ, дабы не лишиться посѣвовъ, которые онъ тамъ имѣлъ. Гумры закрывали весьма важную дорогу черезъ Карачай во внутренность Грузіи и препятствовали свободному сообщенію Персіянъ съ Карскими Турками, участвовавшими въ грабежахъ, произведенныхъ въ нашихъ границахъ, въ теченіи похода сего. Персіяне весьма воспользовались сею дорогою въ набѣгахъ своихъ.

По такимъ же причинамъ не должно было оставлять и Балыкчая, дабы закрыть всю Казахскую дистанцію и побуждать жителей оной къ покорности. Сіе предписывалъ корпусный командиръ. Если же онъ опасался, что войска наши подвергались частнымъ нападеніямъ черезъ раздѣленіе ихъ, то на сіе можно сказать, что ему должны были быть извѣстны силы непріятельскія, а всего болѣе духъ Персіянъ; но онъ хотѣлъ сего тогда даже, когда мы уже были подкрѣплены и весьма въ состояніи все удержать. Воля его была исполнена: Гумры, Бекантъ и Амамлы были впослѣдствіи времени оставлены, и мы, кромѣ многихъ невыгодъ, лишились черезъ сіе и богатыхъ жатвъ въ сихъ мѣстахъ, необходимыхъ въ то время для войскъ, нуждавшихся въ провіантѣ. Но должно полагать, что къ сей мѣрѣ понудили его обстоятельства другаго рода: генералъ былъ уже извѣстенъ о вторженіи Абасъ-мирзы въ Карабахъ и о быстромъ движеніи Персидскихъ войскъ къ Елисаветполю. Онъ также вѣроятно хотѣлъ сосредоточить войска съ тѣмъ, чтобы имѣть ихъ ближе къ защитѣ Тифлиса. И въ самомъ дѣлѣ, еслибы Абасъ-мирза былъ предпріимчивѣе, то бы онъ могъ быть у воротъ Тифлиса, и тогда отрядъ нашъ былъ бы въ самомъ затруднительномъ положеніи, отрѣзанъ отъ главныхъ силъ, окруженъ и безъ провіанта; ибо тогда нельзя уже бы заниматься уборкою хлѣба,

когда всѣ поля были наводнены непріятельскими всадниками, къ коимъ бы присоединились и наши Татары, ожидавшіе только случая сего.

Въ пути моемъ къ Джелалъ-оглу, Андреевъ все увѣрялъ меня, что самъ корпусный командиръ проѣхалъ въ Караклисъ; но извѣстіе сіе было несправедливое и основанное на томъ, что наканунѣ моего прибытія проѣхали по большой дорогѣ изъ Тифлиса въ Караклисъ Сергѣй Николаевичъ Ермоловъ съ адъютантомъ Вельяминова Цебриковымъ, коимъ велѣно было спѣшить къ Севарземидзеву, дабы дать по крайней мѣрѣ обстоятельныя свѣдѣнія о случившемся въ Караклисѣ и на всей линіи.

Наконецъ, отъѣхавъ со мною 10 верстъ, Андреевъ возвратился въ свою штабъ-квартиру. Смеркалось, было опасно одному и почти безъ прикрытія; но я поспѣшилъ и прибылъ въ сумерки въ Джелалъ-оглу.

Флиге многое поправилъ въ Джелалъ-оглу въ свое командованіе: онъ выстроилъ весьма порядочныя казармы, поправилъ домъ свой, исправилъ конюшню и проч. Я нашелъ на посту семъ всю возможную военную осторожность; 60 человѣкъ пѣхоты, высланныхъ изъ Гергеръ, занимали караулы; постъ былъ окруженъ палисадомъ, дѣлались рогатки, копались рвы; работами же сими управлялъ артилеріи подпоручикъ Бѣлецкій, который со всевозможною бдительностію охранялъ постъ, выставилъ по разнымъ сторонамъ маяки и готовился выдержать ежечасно нападеніе: ибо извѣстно было о силахъ непріятельскихъ, и не имѣли причины думать, чтобы онъ не перешелъ Балабайскихъ горъ и не напалъ бы на окрестъ лежащія Армянскія селенія, а можетъ быть и на самый постъ.

Я немедленно обошелъ все укрѣпленіе съ Бѣлецкимъ и показалъ ему нѣкоторыя мѣста, на которыя должно было обратить особенное вниманіе, приказалъ ему зарыть порохъ, находившійся за укрѣпленіемъ на форштатѣ и проч., и послѣ того, возвратясь на квартиру Флиге, отдохнулъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Отдыхъ сей былъ для меня нуженъ, ибо я въ сей день много проѣхалъ, много ходилъ и трудился и былъ занятъ мыслію объ обязанности, на меня возложенной корпуснымъ командиромъ, и о томъ, что́ предприиму пріѣхавши въ Караклисъ.

22-го числа утромъ я выѣхалъ изъ Джелалъ-оглу. Пріѣхавши въ Гергеры (поселеніе женатой роты Тифлисскаго полка, отлежащее отъ перваго мѣста на 9 верстъ прямою дорогою и у подошвы почти горы Безобдала), я остановился на короткое время, дабы взять конвой черезъ гору до Караклиса, ибо непріятельскіе всадники уже нѣсколько дней показывались на вершинахъ горъ сихъ и по дорогѣ ведущей ущельемъ къ селенію Кишлату и Караклису. Я нашелъ въ Гергерахъ самую не-

простительную безпечность со стороны начальниковъ; да и заботиться было некому, ибо въ полку семъ весьма мало, или и почти совсѣмъ нѣтъ надежныхъ и заботливыхъ офицеровъ, а если и имѣетъ кто изъ нихъ способность распоряжаться, то способности сіи обращались къ усовершенствованію своего собственнаго хозяйства, къ пріобрѣтеніямъ самымъ непозволительнымъ для военнаго человѣка, посредствомъ трудовъ нижнихъ чиновъ. Симъ послѣднимъ во уваженіе сего дѣлалось совершенное послабленіе по службѣ. Всѣ занимались хозяйствомъ, оставя обязанности свои.

Я встрѣтилъ въ Гергерахъ адъютанта Севарземидзева, поручика Чиляева, который, собравъ нѣсколько пшеницы съ жителей или въ женатой ротѣ, везъ оную въ Караклисъ, гдѣ былъ совершенный недостатокъ въ хлѣбѣ. У него уже было наряжено 25 человѣкъ пѣхоты въ прикрытіе, и я отправился съ ними. Видя однако, что люди шли въ разбродъ, разсыпавшись по всей горѣ, и вьюки съ провіантомъ тоже, я замѣтилъ сіе Чиляеву; но по видимому мое требованіе ему показалось страннымъ: ибо онъ не привыкъ видѣть порядокъ, да и людей трудно было собрать, ибо никто не понималъ чего отъ него требуютъ. Чиляевъ вскорѣ уѣхалъ впередъ, а я продолжалъ ѣхать съ 4-мя казаками, которыхъ я въ предосторожность взялъ съ собою изъ Гергеръ.

Въ Караклисѣ я немедленно явился къ Севарземидзеву, который былъ старѣе меня въ чинѣ полковника; но въ какомъ я его засталъ положеніи! Будучи издавна со мною хорошо знакомъ, онъ смутился пріѣздомъ моимъ. Онъ вѣрно догадывался о порученіи моемъ, но не спрашивалъ объ ономъ; онъ вытаращилъ глаза и ничего почти не говорилъ. Дѣло Миракское произвело въ немъ сильную перемѣну: онъ былъ какъ потерянный, считалъ себя съ полкомъ (и со всѣмъ хозяйствомъ своимъ въ особенности) пропадшимъ, видѣлъ себя окруженнымъ непріятелемъ. Безпокойство Арминъ, наполнявшихъ домъ его, наполняло ослабѣвшій умъ его самыми робкими вымыслами. Измѣна Татаръ, которыхъ считалъ онъ себѣ преданными, прерванное сообщеніе со всѣми постами, истребляющіяся огнемъ жатвы, прибытіе штабсъ-капитана Ермолова, Цебрикова, мое, все сіе сдѣлало столь сильное вліяніе на него, что онъ едва могъ у меня спросить, скоро ли войска будутъ. Такъ онъ увѣренъ былъ, что нужны войска для защиты его квартиры и его полка, впрочемъ безъ мѣры храбраго, но безтолковаго и нынѣ совсѣмъ вдавшагося въ хозяйство. Видя его въ такомъ положеніи, я вышедъ и, нашедъ Цебрикова съ Ермоловымъ, поговорилъ съ ними и узналъ слѣдующее.

Іюля 16-го Персіяне атаковали въ одно время Миракъ, Малый Караклисъ и Гамзачиманской постъ. Въ тотъ самый день полк. князь Северземидзевъ находился въ Миракѣ съ подполк. Долгово-Сабуровымъ и полк. барономъ Фридрихсомъ. Извѣстія о намѣреніи Персіянъ напасть на Миракъ, дошли уже до князя; но онъ, можетъ быть, не обращалъ на сіе должнаго вниманія, вопреки того, что Армяне просили его неотступно взять мѣры для защиты ихъ. Въ Миракѣ находились тогда рота Тифлисскаго полка, рота карабинернаго и одно или два орудія легкихъ. Нападеніе было сдѣлано на разсвѣтѣ. Прежде всего схватили нѣсколько казаковъ на пикетахъ, угнали лошадей казачьихъ (къ счастію артилерійскія лошади были взяты наканунѣ въ лагерь на коновязь, потому что Сабуровъ хотѣлъ ихъ на день осмотрѣть, безъ чего бы онѣ были неминуемо отогнаны, и орудій не на чѣмъ было бы везти), и непріятельская конница въ большихъ силахъ окружила Миракской постъ. Северземидзевъ, какъ говорятъ, совершенно остолбенѣлъ отъ сего внезапнаго нападенія; онъ велѣлъ запрячь орудія и повозки и началъ отступленіе къ Гумрамъ (съ тѣмъ вѣроятно, чтобы защитить главное хозяйство свое, которое тамъ находилось). Пѣхота, коей было около 350 человѣкъ, построила родъ разсыпной неправильной каре и отстрѣливалась на походѣ, нѣсколько же разъ сбивала непріятеля съ высотъ, по дорогѣ лежащихъ. Пушечные выстрѣлы способствовали къ удержанію его въ нѣкоторомъ разстояніи; у Персіянъ же были одни только фальконеты на верблюдахъ. 15 верстъ шли такимъ образомъ; наконецъ Персіяне отстали, и Северземидзевъ продолжалъ пусть свой къ Гумрамъ. Во время отступленія сего раненъ пулею въ ногу подполк. Сабуровъ, убитъ одинъ рядовой Тифлисскаго полка и ранена собака поручика Бржезинскаго (моего полка). Столь малый уронъ доказываетъ, что непріятель не нападалъ очень сильно; да при томъ же онъ не употребилъ въ дѣло и двухъ баталіоновъ сарбазовъ, которые тутъ были. Иные говорятъ, что сарбазы не поспѣли за нами, потому что мы очень скоро съ мѣста поднялись; но всего вѣроятнѣе, что главная цѣль Персіянъ не простиралась на сей отрядъ и что они гораздо болѣе ожидали отъ нападенія сдѣланнаго ими на селеніе Малый Караклисъ, вступить же въ дѣло съ пѣхотою опасались и не находили въ томъ выгоды, ибо сарбазы ихъ были очень близко нашихъ.

Северземидзевъ показалъ въ молодости своей, сколько онъ храбръ, получивъ пять жестокихъ ранъ и находившись на штурмахъ; но когда я его видѣлъ въ сраженіяхъ, то могъ замѣтить, что онъ, не уклоняясь отъ огня, совершенно терялся: на него находилъ какой-то столбнякъ, и онъ не въ состояніи уже былъ ни слова выговорить,

дабы отдать приказаніе или сдѣлать какое либо распоряженіе. Въ такомъ случаѣ онъ готовъ былъ слушаться всякаго, кто бы ему ни подалъ какой бы то ни былъ совѣтъ. Пришедши съ отрядомъ своимъ къ Малому Караклису, онъ нашелъ большое селеніе сіе, лежащее въ 8 верстахъ отъ Гумровъ, совершенно разграбленнымъ: жители, старики, женщины, дѣти были частію побиты, частію уведены въ плѣнъ. Нападеніе сіе сдѣлалось слѣдующимъ образомъ.

На разсвѣтѣ 16-го числа непріятель показался около селенія Малаго Караклиса въ большихъ силахъ. Армяне, составлявшіе большую часть жителей, изготовились къ защитѣ, а между тѣмъ дали знать объ угрожавшей имъ опасности въ Гумры, гдѣ находился съ тремя или четырьмя ротами Тифлисскаго полка подполк. Дехтеревъ, человѣкъ робкій, нерѣшительный, корыстолюбивый, занимавшійся уже давно однимъ только своимъ хозяйствомъ и не обращавшій ни малѣйшаго вниманія ни на обязанность свою, ни на подчиненныхъ; словомъ, человѣкъ безъ правилъ и поведенія и совсѣмъ не военный. У него было и нѣсколько орудій, а въ числѣ пѣхоты одна рота моего полка. Первый отвѣтъ его посланнымъ былъ повременить: онъ еще не одѣлся и не пилъ чаю и не полагалъ, можетъ быть, извѣстія сего основательнымъ. Затѣмъ, когда отъ него всѣ, въ томъ числѣ и подчиненные, стали настоятельно требовать, чтобъ онъ подалъ помощь Малому Караклису, въ коемъ находилось 10 человѣкъ солдатъ съ офицеромъ, то онъ совершенно оробѣлъ, велѣлъ собрать нѣсколько пѣхоты и одно орудіе, медлилъ и напослѣдокъ, вмѣсто того чтобъ идти къ сторонѣ, гдѣ въ виду его дѣлалось нападеніе, онъ обратился въ лѣво по дорогѣ къ Баканту и, отошедъ нѣсколько, остановился при мельницахъ ему собственно принадлежащихъ, съ коихъ онъ получалъ значительный доходъ и коихъ онъ опасался лишиться. (Мельницы его на сей разъ остались цѣлы, но послѣ были сожжены, и часть скота его угнана непріятелемъ, что его приводило въ отчаяніе). Около полдня, когда уже жители Малаго Караклиса были почти всѣ истреблены, онъ подвинулся къ несчастному селенію и остановился отъ отступившаго непріятеля на весьма дальное разстояніе, сдѣлавъ по немъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, коихъ ядра не долетали; но непріятель увелъ добычу свою и уклонился, не будучи даже преслѣдуемъ, а Дехтеревъ возвратился въ Гумры.

Когда Персіяне ворвались въ селеніе и начали производить неслыханныя неистовства, закалывая младенцевъ, стариковъ, насильствуя дѣвъ и производя всѣ ужасы сродные звѣрскому и безчеловѣчному нраву ихъ, тогда десять семействъ Армянскихъ, укрывшись въ нѣсколько домовъ, защищались и удержались до самаго прибытія

Дехтерева, побивъ у непріятеля много людей. Ими предводительствовалъ Армянинъ Саркизъ, человѣкъ отважный, но простой. Онъ находился при мнѣ все почти время похода 1827-го года; я доставилъ ему медаль, и онъ недавно умеръ въ своемъ селеніи. Въ Маломъ Караклисѣ побито также нѣсколько солдатъ изъ находившейся тамъ команды. Остальные 5 или 6 человѣкъ съ офицеромъ своимъ укрылись въ церковь, изъ коей и отстрѣливались и удержались до прибытія Дехтерева. Селеніе наполнилось трупами, которые были искажены кинжалами злодѣевъ, ничего не щадившихъ; между прочими была найдена полковн. Фридрихсомъ дѣвка лѣтъ 18-ти, въ разстояніи полуверсты отъ селенія, съ вырѣзанною грудью.

Гассанъ-ханъ, братъ сардаря Ериванскаго, предводитествовалъ войсками на сей границѣ и сдѣлалъ сіе неожиданное для насъ вторженіе. Извергъ сей, ненасытный кровью, давно уже былъ извѣстенъ жестокостію своею, въ нынѣшней же войнѣ не уронилъ онъ славы своей; но вмѣстѣ должно отдать полную справедливость быстротѣ его, рѣшительности и дѣятельности. Имѣя подъ начальствомъ своимъ только нерегулярную конницу, не могъ онъ ничего предпринять важнаго; но нападенія на селенія съ Курдами производилъ онъ съ неимовѣрною быстротою и съ видимымъ знаніемъ и опытностію въ военномъ дѣлѣ, особливо въ войнѣ партизанской: ибо онъ всегда дѣйствовалъ среди пѣхоты нашей, съ коей умѣлъ избѣгать дѣла и получалъ полный успѣхъ въ своихъ намѣреніяхъ.

Правда, Гассанъ-ханъ имѣлъ въ свою пользу всѣхъ Татаръ Бамбакской и Шулигельской дистанцій, которые съ самаго начала военныхъ дѣйствій перешли на его сторону, служили у него въ войскѣ и, зная совершенно мѣстоположеніе въ границахъ нашихъ, служили ему самыми вѣрными проводителями и лазутчиками. Въ числѣ измѣнниковъ сихъ не находилось только нѣсколько Татаръ Гумринскихъ, которые даже выѣзжали въ бой съ непріятелемъ; нѣкоторые были убиты, другіе ранены и, наконецъ, когда мы покину Гумры, тогда они, какъ мѣстные жители, остались въ рукахъ Персіянъ, нисколько не измѣнивъ своимъ обязанностямъ.

Отъ сего вторженія непріятеля болѣе потерпѣли Армяне, коихъ били и истребляли безпощадно. Такимъ образомъ ихъ погибло до 300 семействъ въ Маломъ Караклисѣ; у жителей же другихъ Армянскихъ селеній угнали скотъ. Всего Армянъ пропало въ первое вторженіе непріятеля до 1200 душъ.

Севарземидзевъ, оставленный Персіянами, пришелъ въ тотъ же день, т. е. 16 Іюля, къ Караклису, а оттуда въ Гумры. Въ первомъ мѣстѣ нашелъ онъ ужасные слѣды нападенія непріятеля на мирныхъ

жителей. Въ Гумрахъ все было въ большомъ смущеніи. Тамъ оставилъ онъ одну изъ прибывшихъ съ нимъ ротъ; всего было тамъ пять ротъ подъ командою полков. Фридрихса съ четырьмя орудіями и нѣсколько казаковъ, у коихъ было угнано до 30 лошадей при нападеніи на Малой Караклисъ, а нѣсколько человѣкъ взято въ плѣнъ. Сіе составляло около тысячи человѣкъ; подъ ружьемъ считалось до 700, а на лице не выходило и 500: потому что роты Тифлисскаго полка, имѣя по 250 и 270 по спискамъ людей, выводили только по 90 человѣкъ, прочіе же были заняты частными работами и находились при хозяйствѣ или въ прислугахъ у офицеровъ. Роты сіи поддерживались моею ротою, тамъ находившеюся, которая несла и службу, и выводила больше людей. Севарземидзевъ, оставя въ Гумрахъ означенное количество войскъ безъ провіанта, самъ пришелъ съ одною ротою въ Караклисъ, гдѣ я его засталъ въ томъ смутномъ положеніи, въ которое ввергли его непріятныя происшествія, оплошность и корыстолюбіе.

На Гамзачиманѣ, отлежащемъ отъ Большаго Караклиса въ 18-ти верстахъ къ сторонѣ Балыкчая, непріятель сдѣлалъ такое же внезапное нападеніе 16 Іюля. Команда Тифлисскаго полка, находившаяся на покосѣ, была также безъ всякой предосторожности, хотя при оной находился и офицеръ. Непріятель побилъ косарей и обезглавилъ 15 человѣкъ; прочіе укрылись въ лѣса. Персіянъ было не болѣе 200 человѣкъ, они угнали до 450 штукъ полковыхъ подъемныхъ и ротныхъ артельныхъ лошадей.

Въ тотъ же самый день были сдѣланы нападенія на небольшіе обывательскіе посты по разнымъ пограничнымъ мѣстамъ въ Шамшадильской дистанціи на рѣкѣ Гили, въ небольшихъ силахъ. Посты наши всѣ были сбиты съ потерею нѣсколькихъ человѣкъ изъ жителей, а также и казаковъ. Цебриковъ и Ермоловъ извѣщали Вельяминова отъ 23-го Іюля, что Персіяне намѣрены дѣлать нападеніе въ границы наши, но неизвѣстно въ которое мѣсто; что сардарь Ериванскій, злобствующій на Севарземидзева, грозится не пощадить 5,000 человѣкъ, дабы истребить Караклисъ; что князь Меншиковъ былъ отправленъ въ Россію изъ Персіи черезъ Астрахань за карауломъ съ тѣмъ, чтобы правительство наше не узнало о приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ Персіянами для нападенія на насъ и не успѣло изготовиться къ оборонѣ; что полковникъ Бартоломей, находившійся при Меншиковѣ, былъ отправленъ на Карабахъ. (Сіи послѣднія извѣстія однако были несправедливы). Далѣе они извѣщали Вельяминова, что Тифлисскаго полка капитанъ Раставановъ, будучи посланъ Севарземидзевымъ къ Ериванскому сердарю, не былъ принятъ имъ и просидѣлъ нѣсколько дней въ погребѣ; ему хотѣли отрубить голову, но удовольствовались тѣмъ, что

совершенно ограбили его и отпустили. Правительство Персидское послало возмутителей въ Дагестанъ и въ наши Татарскія провинціи; народъ былъ въ нерѣшимости и отвѣчалъ Персіянамъ, что самъ собою ничего предпринять не можетъ, но не будетъ противиться успѣху ихъ и послѣ съ ними соединится.

Въ самый день пріѣзда моего въ Караклисъ, Персіяне напали на Чебонксарцевъ, кочевавшихъ въ Бамбакской провинціи, около Амамловъ, и угнали ихъ въ Персію, почему и было отправлено 80 человѣкъ Казахской конницы изъ числа 200 прибывшихъ въ Караклисъ съ приставомъ Снѣжевскимъ, но ихъ уже не настигли. Слухи носились, что Александра-царевича хотѣли послать въ Кахетію черезъ Елисаветполь и Чары, для возмущенія Кахетинскихъ жителей. Казахскимъ жителямъ было приказано выставить податной хлѣбъ свой въ Караклисъ; но они отозвались, что не могутъ исполнить сего прежде Сентября мѣсяца. Севарземидзевъ хвалился хлѣбомъ, который онъ имѣлъ въ Гумрахъ; но между тѣмъ онъ послалъ туда еще 22-го числа транспортъ, разсчитывая только на хлѣбъ находившійся на корню (за который онъ надѣялся выручить деньги изъ казны); а между тѣмъ нужда въ провіантѣ вездѣ оказывалась.

18-го числа Іюля Персіяне сдѣлали также нападеніе на постъ Балыкчай, въ числѣ 300 человѣкъ. Находившійся тамъ отрядъ, состоявшій изъ 2-хъ ротъ Тифлисскаго полка, съ однимъ или двумя орудіями, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, отступилъ и, какъ говорятъ, въ самомъ большомъ безпорядкѣ. Капитанъ Бржетовскій, командовавшій тутъ, былъ человѣкъ робкій и глупый, и, какъ говорятъ, въ чемъ не могу утверждать, пьяный. Онъ бѣжалъ вопреки негодованія всѣхъ солдатъ и, говорятъ, даже бросилъ орудіе, къ которому, сказываютъ, воротился фельдфебель съ нѣсколькими солдатами. Потери никакой не было, но въ тоже время показался на высотахъ, около Балыкчая лежащихъ, приставъ Снѣжевскій съ конницею Казахской; Персіяне поспѣшно побѣжали. Снѣжевскій хотѣлъ со всѣми силами своими пуститься за ними въ погоню; но Татары его, готовые уже къ измѣнѣ, не послушались его. Онъ черезъ то не потерялся и, взявъ съ собою шесть изъ самыхъ отважныхъ всадниковъ, бросился въ слѣдъ и занялъ Балыкчай, послѣ чего возвратилась туда и пѣхота, оставившая постъ сей. Затѣмъ Снѣжевскій, оставя 150 человѣкъ конницы въ Гамзачиманѣ для сообщенія съ Балыкчаемъ, самъ съ остальными людьми своими прибылъ въ Караклисъ, гдѣ и явился къ князю Севарземидзеву, исполнивъ обязанность свою какъ нельзя лучше. Сей Снѣжевскій (Василій Васильевичъ) былъ еще въ томъ же 1826-мъ году исправникомъ Тифлисскаго уѣзда. Человѣкъ онъ расторопный, дѣятельный и усердный

къ службѣ; но, имѣя много пріятелей, любилъ и пожить въ свое удовольствіе. Онъ надѣлалъ много долговъ въ Тифлисѣ, наконецъ, промоталъ хранившіяся у него деньги, слѣдуемыя въ раздачу жителямъ за покупаемый у нихъ въ казну хлѣбъ, что̀ составляло довольно значительную сумму. Опасаясь послѣдствій отъ сего поступка, онъ бѣжалъ изъ Тифлиса и скрывался около двухъ недѣль въ лѣсахъ Манглисскихъ; наконецъ, его сыскали и привели въ Тифлисъ. Дворянство и жители, во уваженіе справедливости его и хорошаго съ ними обхожденія, уступили ему охотно долгъ. Сборъ денегъ, сдѣланный между его знакомыми, наконецъ, избавилъ его отъ суда и взысканія, и Алексѣй Петровичъ, уваживъ его прежнюю службу, простилъ ему проступокъ и помѣстилъ приставомъ въ Казахскую дистанцію, гдѣ онъ себя велъ весьма хорошо, хотя и провелъ тамъ самое короткое время, ибо онъ въ томъ же году былъ смѣненъ.

Впрочемъ снисхожденіе такого рода къ чиновнику, впавшему черезъ игру и мотовство въ такой проступокъ, я готовъ осудить. Можно было спасти его отъ суда, но ввѣрять ему столь важное мѣсто не должно было. Кто тогда не зналъ, что на пиршествахъ Снѣжевскаго участвовали Чубаревъ и Талызинъ, которые, будучи виною его ошибокъ, и поддержали его.

Казахскіе Татары были готовы намъ измѣнить; но, будучи весьма осторожны, они дожидались конца, дабы увидѣть, къ которой сторонѣ имъ будетъ выгоднѣе пристать. Между тѣмъ сардарь Ериванскій не упущалъ ничего изъ вида, что̀ могло бы служить къ взолнованію ихъ. Онъ послалъ къ нимъ возмутительныя письма; но письма сіи, попавшись въ руки одного Казахца, намъ преданнаго, были доставлены къ Снѣжевскому въ Караклисъ, и переводъ съ оныхъ былъ немедленно посланъ къ корпусному командиру въ Тифлисъ.

23-го числа, по извѣстію, что Татары, переведенные Севарземидзевымъ на Безобдалъ, хотѣли бѣжать, онъ подвинулся со 100 человѣками пѣхоты къ селенію Кишлакъ; но тревога сія оказалась ложною, какъ и многія другія, которыя произведены были Армянами, показывавшими необыкновенную робость. Мнѣ вскорѣ дали замѣтить, что князь находился подъ совершеннымъ вліяніемъ трехъ Татаръ: письмоводителя своего мирзы-Юсуфа, одного старшины Мансуръ-аги и третьяго Татарина Касима, также изъ старшинъ. Флиге замѣтилъ ихъ уже въ частыхъ сношеніяхъ съ Персіянами и письмоводителя сего или мирзу въ перепискѣ даже съ ними. Многія доказательства служили къ обвиненію сихъ людей; но князь не хотѣлъ внять имъ и не разставался съ ними, до тѣхъ поръ пока самыя непріятныя послѣд-

ствія отъ измѣны ихъ не понудили меня съ Цебриковымъ и Ермоловымъ настоять, чтобы людей сихъ арестовали, что̀ будетъ ниже описано.

Въ Караклисѣ было болѣе 700 человѣкъ пѣхоты, и ни одной роты. Люди сіи были со всего полка, жили либо по своимъ надобностямъ, либо по надобностямъ частнымъ, нисколько не занимаясь службою. Правда, что въ числѣ семъ считалось три роты; но сіи три роты едва могли вывести 150 или до 200 человѣкъ неустроенныхъ, безъ офицеровъ и безъ исправнаго вооруженія; прочіе люди жили по своимъ домамъ, или на квартирахъ офицерскихъ, или при хозяйствахъ ихъ, такъ что ихъ трудно было и собрать, и въ тревогу каждый выходилъ на свою землянку съ ружьемъ; собрать же ихъ на площадь было почти невозможно. Счета симъ людямъ не было, и полковой адъютантъ не могъ и наряды дѣлать; но для сего предмета употреблялся унтеръ-офицеръ, который назывался нарядчикомъ, какъ въ деревняхъ. Онъ былъ одѣтъ въ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ и ходилъ безъ всякой аммуниціи съ палкою выбивать людей; въ нѣсколькихъ случаяхъ, въ тревогахъ и въ нарядахъ, попадались съ ружьями въ мнимый строй и фурлейты, и музыканты, и становился, кто гдѣ хотѣлъ. Офицера призывали перваго, кто по площади проходилъ, если онъ не успѣвалъ уклониться подъ какимъ нибудь предлогомъ. Безъ сомнѣнія, что не было ни ранжира между людьми, ни даже не становились по-ротно; словомъ самая безпорядочная, разстроенная милиція. Но то были храбрые люди, примѣрной неустрашимости. Десятидневныхъ сухарей давно уже въ полку не было, да едва и знали, что они должны быть; патроновъ не доставало большое количество, и тѣ которые имѣлись ни къ чему почти не годились, старые, подмятые, вытершійся порохъ. Полковой обозъ былъ выкрашенъ; но давно уже не испытывали, могутъ ли его лошади возить. Баталіонные командиры не имѣли никакого права мѣшаться въ управленіе своихъ баталіоновъ и были совершенно посторонніе лица въ полку; они довольствовались тѣмъ, что имъ позволялось безпрепятственно заниматься скотоводствомъ и огородами.

Жители были въ ужасной тревогѣ и собирались толпами къ князю, который не умѣлъ употребить ихъ съ пользою. Приставъ ихъ, надворный совѣтникъ Загобель, человѣкъ пожилой, имѣлъ всегдашнія неудовольствія съ княземъ, не допущавшимъ его до исполненія его обязанностей, что̀ и было причиною, что онъ не могъ и жителей съ пользою употребить. Офицеры оставались безъ всякаго дѣла, и никто изъ нихъ не находился при своей командѣ и не зналъ за что̀ ему приняться.

Въ сихъ обстоятельствахъ я написалъ къ Алексѣю Петровичу слѣдующее письмо.

„Іюля 23-го. По полученіи предписанія в. в., я немедленно распорядился на счетъ выступленія изъ штабъ-крартиры ротъ и, сдавъ командованіе полка подполк. Гладкому-Сацкому, самъ отправился въ Караклисъ, куда прибылъ вчера поутру. Изъ донесенія моего и другихъ, вѣроятно до сего еще вами полученныхъ, вы уже извѣщены о происшествіяхъ здѣсь случившихся. Сергѣй Николаевичъ и Цебриковъ сообщили мнѣ свѣдѣнія вамъ доставленныя. Болѣе того до сихъ поръ я не могъ еще ничего узнать. Если в. в. позволите мнѣ изложить мнѣніе свое о происшествіяхъ здѣсь случившихся, то смѣю доложить вамъ, что уронъ большею частью претерпѣнный жителями довольно значителенъ, и можно ежедневно ожидать подобныя вторженія въ границы наши отъ Персіянъ. Оставшіеся жители могутъ еще пострадать; но войска, при настоящей бдительности и расторопности постовыхъ начальниковъ и небольшомъ подкрѣпленіи, должны удержаться по всей линіи отъ Гумровъ до Балыкчая, если непріятель болѣе не усилится; ибо повидимому болѣе двухъ извѣстныхъ вамъ Ериванскихъ баталіоновъ, сарбазовъ и пяти тысячъ конницы противъ нихъ теперь не имѣется“.

„Я полагаю при подкрѣпленіи насъ однимъ баталіономъ и шестью орудіями можно даже приступить къ нападенію на Персидскія войска съ надеждою на вѣрный успѣхъ; съ тѣмъ же количествомъ, которое сюда идетъ, какъ говорилъ мнѣ г. Цебриковъ, тремя тысячами, вторгнувшись въ Ериванское ханство, главныя силы Персіянъ, обратившіяся повидимому на Карабахъ, немедленно будутъ оттоль отвлечены“.

„Постъ Балыкчай нынѣ вновь занятъ войсками нашими съ помощью Казахской конницы, доселѣ еще служащей намъ, или лучше сказать через отважность и дѣятельность пристава г. Снѣжевскаго“.

„Объ оставленіи Гумровъ и всѣхъ постовъ кромѣ Караклиса и Балыкчая, я говорилъ князю Севарземидзеву. Онъ справедливо находитъ, что теперь еще не предстоитъ въ томъ крайности; но желательно, чтобы Гумрійской постъ былъ нѣсколько ослабленъ, дабы имѣть посредствомъ сего подвижной отрядъ, коимъ бы можно при удобныхъ случаяхъ дѣйствовать иногда наступательно до прибытія большаго количества войскъ, или подкрѣплять посты, на которые непріятель сталъ бы нападать. По крайней мѣрѣ желательно бъ было, чтобъ всѣмъ постамъ по правую сторону отъ Караклиса до Гумровъ находящимся было дано заблаговременно надлежащее направленіе въ крайности, еслибъ непріятель значительно усилился. Около Караклиса можно бы сдѣлать легкое полевое укрѣпленіе, и мѣсто сіе было бы неприступно для Персіянъ“.

„О своемъ назначеніи осмѣливаюсь покорнѣйше просить в. в., дабы вы снабдили меня вашимъ повелѣніемъ, ибо я теперь нахожусь здѣсь безъ всякаго занятія“.

Я не могъ описать корпусному командиру всѣхъ безпорядковъ и злоупотребленій, найденныхъ мною въ Караклисѣ, не обвинивши своего сослуживца и стараго знакомаго Севарземидзева; но обязан-

ность моя требовала, дабы я далъ понятіе его высокопревосходительству о происходящемъ, а потому и писалъ я, что войска не должны терпѣть урона при настоящемъ бдѣніи начальниковъ, писалъ о недостаткѣ въ хлѣбѣ и давалъ понять, сколько мало можно было надѣяться на жатву; ибо Севарземидзевъ не переставалъ обнадеживать симъ средствомъ въ намѣреніи получить за сей хлѣбъ деньги. Цебриковъ и Ермоловъ также затруднялись писать, ибо никто не хотѣлъ быть донощикомъ, и потому я просилъ другаго назначенія. Могло ли мнѣ быть пріятно и то, что меня отдѣлили отъ полка моего, въ то время когда командованіе имъ было самое лестное? Но въ отвѣтъ на письмо мое я получилъ слѣдующее.

«25 Іюля 1826. Тифлисъ. Сію минуту получилъ письмо твое, любезный Николай Николаевичъ и, не вставая со стула, отвѣчаю. Я во многомъ согласенъ съ тобою, и въ доказательство прочти письмо мое къ князю Севарземидзеву, съ полученія отъ тебя писанное. Тамъ обо всемъ упомянуто. Ему сообщилъ я, чтобы тебѣ прочелъ оное, и ты требуй того. 3,000 человѣкъ я послать не могу, и негдѣ взять ихъ; но по мнѣнію моему чрезмѣрно достаточно посылаемаго мною баталіона и четырехъ орудій, а я еще прибавляю къ тому гренадерскую роту. Оставя Гумры, войска растянуты не будутъ. Прочтите непремѣнно письмо мое. Требуйте отъ князя Севарземидзева, чтобы карабинеры собраны были вмѣстѣ и составляли баталіонъ. Несчастная привычка всѣхъ здѣшнихъ начальниковъ перемѣшивать войска, хотя весьма не трудно знать, что въ такомъ состояніи они непремѣнно хуже драться будутъ».

«Останься нѣкоторое время въ Бамбакахъ и какъ храбрый офицеръ помогай Севарземидзеву отъ чистаго сердца и за своими между тѣмъ посмотри. Поклонись барону Фридриксу. Ермоловъ».

Онъ настаивалъ, чтобы напремѣнно остивили Гумры. Онъ ошибался въ семъ случаѣ, если не брать ничего въ соображеніе кромѣ нашего отряда и непріятеля передъ нами находившагося; но онъ имѣлъ можетъ быть въ виду и главное движеніе Персидскихъ войскъ подъ начальствомъ самаго Абасъ-мирзы, которыя быстро шли по дорогѣ къ Тифлису изъ Карабаха. Онъ опасался, можетъ быть, чтобъ насъ не отрѣзали; онъ не надѣялся, можетъ быть, удержать и Тифлиса съ имѣвшимися у него силами. И онъ, можетъ быть, и вѣроятно, имѣлъ въ виду уже тогда оставить Бамбаки и Караклисъ, дабы, отступя къ Джевалъ-оглу, сблизиться и съ Тифлисомъ. Но робость уже овладѣла имъ, и по извѣстіямъ, мною полученнымъ съ вѣрной стороны отъ людей ему преданныхъ, онъ совершенно потерялся въ сіе время и оставался въ бездѣйствіи въ Тифлисѣ, не знавъ къ

чему и къ кому прибѣгнуть, дабы выдти изъ того затруднительнаго положенія, въ которое ввергла его собственная безпечность. Личныя дѣйствія человѣка сего, коего я люблю и уважаю, будутъ ниже описаны; не буду и щадить его въ поступкахъ не дѣлающихъ ему чести и доказавшихъ его малодушіе, не взирая на всѣ высокія качества и достоинства, въ коихъ ему отказать нельзя. Теперь же остается сказать, что, по вторженіи Персіянъ въ границы наши, онъ немедленно писалъ къ Государю, представивъ ему дѣла въ самомъ дурномъ и опасномъ видѣ и прося у него войскъ и, какъ говорятъ, помощника. По первому требованію назначено было 20 пѣхотныхъ и одна уланская дивизіи съ ихъ артилеріями; кромѣ сего 5 казачьихъ полковъ и рота Донской артилеріи; по второму требованію былъ присланъ генералъ-адъютантъ Паскевичъ. Между тѣмъ Государь показывалъ Алексѣю Петровичу полную довѣренность, готовъ былъ во всемъ слѣдовать его совѣтамъ и распоряженіямъ; но ссора, происшедшая между обоими начальниками и дѣйствія старика, показывавшія совершенно пристрастіе его и ненависть, для удовлетворенія коей онъ готовъ былъ жертвовать и всеобщимъ благомъ, при томъ же нелѣпые, ложные и кляузные доносы младшаго, привели къ тѣмъ обстоятельствамъ, по коимъ перваго отрѣшили отъ должности и мѣсто сіе дали человѣку другому...

Алексѣй Петровичъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ жалуется на привычку здѣшнихъ начальниковъ перемѣшивать войска, тогда какъ онъ одинъ, вопреки плачу и жалобамъ всѣхъ, дѣлалъ сіе, но безъ всякой цѣли, а отъ одной безпечности, дабы не взять труда сообразить расположеніе войскъ. Начальникъ же штаба его ничѣмъ не занимался. Это правда, что полковые командиры перемѣшивали у себя батальоны и роты; но сіе дѣлалось не столько отъ небреженія, какъ отъ видовъ, дабы менѣе заниматься службою, болѣе получать выгодъ и избѣгать строгости инспекторскихъ смотровъ; инспекторы, не находя людей въ ротахъ, не могли и сдѣлать надлежащихъ смотровъ, не смѣли представить о безпорядкахъ сихъ, опасаясь самаго корпуснаго командира, назначавшаго полковыхъ. Ермоловъ вѣроятно зналъ о семъ безпорядкѣ, но можетъ быть не приписывалъ онаго къ настоящей причинѣ, отъ коей оный происходилъ.

Изъ письма его я видѣлъ, что мнѣ нескоро отдѣлаться отъ Севарземидзева, на котораго онъ полагалъ мало надежды. Мнѣ прискорбно было не служить вмѣстѣ съ полкомъ своимъ, но помочь сему я не могъ. Я видѣлъ, сколь трудно было мнѣ управиться въ должности дядьки при безтолковомъ Севарземидзевѣ, но надѣялся, что скоро пріѣдетъ къ намъ начальникъ изъ штаба, и что тогда я буду свобо-

день, а потому вооружился терпѣніемъ и принялся за свою новую должность.

Я видѣлъ, что пока у него остается управленіе войсками, то не можетъ существовать порядокъ, а потому и уговорилъ его отдать въ приказѣ по отряду, коимъ онъ же командовалъ, что я начальствую войсками, въ Караклисѣ находящимся. Такимъ образомъ оставался онъ начальникомъ всей линіи, а уже въ Караклисѣ мнѣ были руки развязаны для дѣйствія. Севарземидзевъ болѣе сего уже приказовъ не отдавалъ, а я завелъ вечернія приказанія, которыя по сложности своей требовали непремѣнно, чтобъ ихъ отдавали письменно и, замѣнивъ слово приказъ приказаніемъ, я распоряжался какъ за благо находилъ. Между тѣмъ войска, собираясь все къ Караклису, поступали въ мою команду, и такъ я вездѣ сдѣлался начальникомъ всего и соблюдалъ только съ Севарземидзевымъ ту вѣжливость и тѣ обязанности, которыхъ требовали отъ меня лѣта его и старшинство въ службѣ. Но и тутъ мнѣ не всегда удавалось дѣйствовать какъ слѣдовало. Онъ имѣлъ совѣтниками Армянъ и вышеупомянутыхъ трехъ Татаръ; отъ него нельзя было добиться путнаго отвѣта; онъ ничего не приказывалъ, а предоставлялъ всякому дѣлать и распоряжаться, заботясь самъ только о сохраненіи своей собственности; приказывалъ, и адъютанты его слушались Степки, деньщика его, который иногда и орудіе потребуетъ и велитъ стрѣлковъ выслать. Степка ѣздилъ обыкновенно за Севарземидзевымъ въ голубомъ бурлетномъ сюртукѣ, и я не могу вспомнить сію оборванную, но дерзкую фигуру, чтобъ не посмѣяться и не пожалѣть о слабости правленія, допущенной Алексѣемъ Петровичемъ: ибо сіе было отголоскомъ въ маломъ видѣ того что̀, говорятъ къ стыду его, происходило у него въ домѣ, гдѣ являлись также всякаго рода совѣтники, коихъ слушали и слушались.

Я началъ съ формированія трехъ сводныхъ ротъ, въ кои и назначены были капитаны; но каждая рота заключала въ себѣ людей всѣхъ 12 ротъ. Порядокъ строя не умѣлъ я и не могъ ввести; но по крайней мѣрѣ сбирались по сбору или тревогѣ или по наряду, за исключеніемъ небольшаго числа людей, которыхъ добиться не могли. Какъ бы то ни было, главные въѣзды въ Караклисъ занимались исправными караулами; ночью выходилъ резервъ, который становился на главную площадь; при орудіяхъ соблюдалась вся возможная исправность. Въ распоряженіяхъ сихъ помогалъ мнѣ много подп. Флиге, коего дѣятельностію и усердіемъ я былъ весьма доволенъ. Желая завести 10-ти дневный провіантъ въ ротахъ и дать тѣмъ средства и къ перевозкѣ магазейна (когда уже отъ насъ требовалъ корпусный командиръ, чтобы мы Караклисъ оставили), я раздалъ находившіеся въ магазейнѣ

сухари въ роты; но не было казенныхъ лошадей возить сухари сіи. Я отдалъ въ роты обывательскія подводы; но вмѣсто того чтобъ ихъ употребить на сей предметъ, наложили на нихъ имущество офицеровъ, когда оставляли Караклисъ, а провіантъ съѣли или оставили. Я тогда же завелъ дѣланіе патроновъ. Я показалъ, какъ за сіе приняться, выдалъ порохъ изъ артилерійскаго гарнизона, въ Караклисѣ имѣвшійся; но не положили въ патроны должнаго количества пороху, и патроны не вышли какъ должно. Вездѣ встрѣчая препоны такаго рода, я всячески старался поддержать дѣятельность, тогда мною введенную, и трудами своими и стараніемъ далъ нѣкоторый видъ сему несчастному и разстроенному полку. Иногда, внушая мысли Севарземидзеву, я находилъ его такъ безтолковымъ, или упрямымъ, или недѣятельнымъ, или преданнымъ своимъ видамъ корыстолюбія, что выходилъ изъ терпѣнія; и тогда я отправлялъ къ нему Цебрикова, который съ хладнокровнымъ своимъ видомъ имѣлъ даръ увѣрить его и согласить къ сдѣланію того что̀ было нужно.

Тогда войска расположены были слѣдующимъ образомъ.

Въ Гумрахъ было до 700 человѣкъ пѣхоты, состоящей частью изъ людей моего полка, частью же изъ людей Тифлисскаго съ 4 орудіями. Тамъ командовалъ полк. Фридриксъ. Въ Бегкяшѣ было 120 человѣкъ карабинеровъ и одно орудіе; въ Амамлахъ до 200 человѣкъ карабинеровъ и одно орудіе, подъ командою маіора Хомутскаго; въ Джелалъ-оглу 75 человѣкъ Тифлисскаго полка, 20 артилеристовъ съ ружьями и одно орудіе; на Гергерахъ женатая рота Тифлисскаго полка; въ Караклисѣ болѣе 300 человѣкъ Тифлисскаго полка и 3 орудія; въ Балыкчаѣ также болѣе 300 человѣкъ и 2 орудія.

Персіяне занимали слѣдующія мѣста. На озерѣ Гёкъ-чаѣ подъ командою Наги-хана болѣе 1,000 челов. конницы; противъ Балыкчая до 1,000 челов. конницы Караканахской подъ начальствомъ Суанъ-кули-хана, коменданта Ериванскаго; туда же ожидали и сарбазовъ. Въ Миракѣ находился самъ сардарь Ериванскій съ 2 баталіонами пѣхоты, 6 орудіями и 3 тысячами конницы. Гассанъ-ханъ (братъ сардаря) находился въ Адаміанѣ противъ Гумровъ, съ нимъ конницы: Мекинская, Курдинская, Талышинская и Шерифъ-ага (сей послѣдній хотя и считался Турецкимъ подданнымъ, владѣя уѣздомъ и замкомъ Магубертъ въ Карскомъ пашалыкѣ, но не переставалъ производить грабительства обще съ Персіянами). Силы Гассанъ-хана простирались до 5,000 конницы. Какъ сей, такъ и сардарь, по носившимся слухамъ, намѣревались прежде напасть на Гумры.

Непріятель часто показывался около селенія Кишлакъ, вѣроятно желая схватить какіе-либо подводы, которыя къ намъ шли черезъ Безоб-

далъ. Сіе служило поводомъ къ частымъ тревогамъ, и тогда Севарземидзевъ отправлялся со 100 человѣками туда и чаще всего ничего не находилъ, или видѣлись только отдаляющіеся хищники Курдовъ. Такимъ образомъ подъѣхало ихъ однажды человѣкъ 50 къ самому Караклису и стали зажигать хлѣба, поставленные въ снопахъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ караула, стоявшаго у заставы. Прибывшіе къ намъ въ недавнемъ времени 50 чел. Демургасальской конницы съ пашеюбекомъ были отряжены для преслѣдованія ихъ, и пѣхота вслѣдъ за ними подвинулась. Непріятель поспѣшно отступилъ за Кишлакъ, и какъ пѣхота перестала его преслѣдовать, то Курды остановились и вступили въ перестрѣлку съ нашими Татарами, но на такое большое разстояніе, что едва-ли пули долетали отъ однихъ къ другимъ, отъ чего и перестрѣлка, продолжавшая около получаса, кончилась безъ всякой потери. Курды, услышавъ выстрѣлы въ смежномъ лѣсу, гдѣ нечаянно случилось нѣсколько Армянъ, остановились, и одна граната, пущенная изъ единорога, привезеннаго съ пѣхотою въ Кишлакъ, совершенно разсѣяла непріятеля. Сія первая перестрѣлка, при мнѣ случившаяся, была кажется 23 Іюля, на другой день пріѣзда моего въ Караклисъ.

Въ первыхъ дняхъ пріѣзда моего въ Караклисъ, прибылъ туда изъ Гумровъ артилеріи поручикъ Трубниковъ, который былъ туда отправленъ съ провіантомъ подъ прикрытіемъ 100 человѣкъ пѣхоты. Онъ прошелъ благополучно и видѣлъ только нѣсколько всадниковъ непріятельскихъ, содержавшихъ на высотахъ наблюдательные пикеты. Между тѣмъ изъ Гумровъ приходили самыя непріятныя извѣстія. Полковникъ Фридриксъ, которому предписано было отъ Севарземидзева прислать одну роту въ Караклисъ, доносилъ, что онъ не можетъ сего сдѣлать, потому что ожидалъ ежедневно нападенія на Гумры, что непріятель выжигалъ хлѣба около селенія и что люди ему нужны были и для жатвы хлѣба и дабы молоть оный (ибо на жатву и на мельницу всегда посылали роту съ орудіемъ въ прикрытіе, и никогда почти не обходилось сіе безъ стычки съ непріятелемъ). Слухи о намѣреніи Персіянъ штурмовать Гумры распускались самими жителями Армянами. Провіанта ни зерна не было тамъ, и довольствовались тѣмъ, который съ бою снимали съ полей и мололи: то на что̀ расчитывалъ Севарземидзевъ и за что̀ онъ деньги получалъ; почему онъ и желалъ, чтобы Гумры за нами остались. Гумры очень обширны, а потому для защиты сего селенія потребно и много людей. Людей было много въ Гумрахъ; но безпорядокъ, поселившійся въ Тифлисскомъ полку, какъ я выше описывалъ, былъ причиною, что ихъ весьма мало на службу выходило. При томъ же Фридриксъ имѣлъ помощникомъ человѣка самаго пустаго и даже вреднаго, а имянно подполк. Дехте-

рева. Сіе ставило его конечно въ затруднительное положеніе, и совершенный недостатокъ въ хлѣбѣ тѣмъ болѣе его затруднялъ. Въ семъ случаѣ надобно отдать ему справедливость, что онъ умѣлъ себя вести: онъ всегда уговаривалъ жителей, содержалъ ихъ сколько возможно въ бодрости, сформировалъ даже изъ нихъ родъ земскаго войска, которое употреблялъ для карауловъ и между коимъ онъ старался ввести возможный порядокъ.

Въ такомъ же видѣ находились и прочіе отдѣльные посты; кромѣ того сообщенія между постами были прерваны, даже съ самимъ Тифлисомъ, куда посылались черезъ Безобдалъ въ Гергеры бумаги въ малыхъ пакетахъ, различными сторонними дорогами черезъ пѣшихъ Армянъ. Часто люди сіи попадались въ плѣнъ, ихъ убивали, и черезъ сіе трудно было найти людей, которые соглашались за деньги доставить бумаги.

Трубниковъ привезъ съ собою полковника Сабурова, который былъ раненъ при отступленіи изъ Мирака и оставался въ Гумрахъ. Онъ былъ раненъ пулею въ ляжку снутри и страдалъ отъ своей раны. Лежа въ Караклисѣ, онъ видѣлъ изъ окна своего непріятельскихъ всадниковъ, разъѣзжающихъ около Караклиса. Ему говорили о маломъ числѣ войскъ, которыя находились у насъ для защиты, о выжиганіи хлѣба на поляхъ, о смѣлости Персіянъ, о намѣреніяхъ ихъ напасть на Караклисъ, и онъ даже не имѣлъ средства уйти. Въ такомъ отношеніи положеніе его было незавидное. Онъ вскорѣ уѣхалъ въ Тифлисъ и до сихъ поръ еще ходитъ съ костылемъ. На дняхъ онъ получилъ крестъ Св. Георгія за осаду Аббасъ-Абада, гдѣ онъ себя велъ дурно и постыдно по засвидѣтельствованію всѣхъ тѣхъ, которые его видѣли; но сіе было, кажется, сдѣлано вопреки Алексѣю Петровичу.

26-го Іюля дано было извѣстіе, что Татары, жившіе въ границахъ нашихъ, намѣревались бѣжать, почему въ тотъ же вечеръ былъ отправленъ Северземидзевымъ поручикъ Мачабеловъ съ 30 солдатами и нѣсколькими унтеръ-офицерами въ кочевье ихъ, дабы воспрепятствовать ихъ побѣгу. Кочевье ихъ находилось на вершинѣ Безобдалскаго хребта противъ Караклиса. Приказано ему кочевья сіи непремѣнно привести къ Караклису. На другой день было еще послано Мачабелову на подкрѣпленіе 60 Армянъ вооруженныхъ.

27-го числа рано поутру слышаны были выстрѣлы въ той сторонѣ. Не полагали сначала, чтобы Татары сіи рѣшились вступить въ бой съ нашими солдатами. Вскорѣ Мансуръ-ага, одинъ изъ старшихъ приближенныхъ къ князю, о коемъ я выше упоминалъ, далъ ему знать, что небольшая партія Персіянъ гонитъ Айрумскихъ Татаръ къ Амамламъ. Князь немедленно выступилъ съ 100 человѣками пѣхоты, однимъ

орудьемъ и 50 человѣками Борчалинской конницы въ Кишлакъ. Дабы помочь Мачабелову, онъ отрядилъ по совѣту и настоянію сего Мансуръ-аги 30 человѣкъ пѣхоты и Борчалинскую конницу съ подпоручикомъ княземъ Чавчавадзевымъ въ ту сторону, приказавъ ему отрѣзать дорогу бѣгущимъ. Между тѣмъ Севарземидзевъ съ остальными 70 человѣками пѣхоты и однимъ орудьемъ остановился на привалѣ подъ Кишлакомъ для отдыха. День былъ очень жаркой, люди утомленные зноемъ легли подлѣ ручья; но вскорѣ на высотахъ со стороны селенія Дарбаза показались толпы непріятельской конницы, которая привела съ собою и сарбазовъ. Войска сіи стали спускаться съ горы и приближаться къ Кишлаку. Сіе движеніе понудило князя, у котораго было только 70 человѣкъ съ однимъ орудіемъ, отступить. Непріятель немедленно занялъ селеніе Кишлакъ и отправилъ большую часть своего войска за Безобдалъ въ слѣдъ за Чавчавадзевымъ, съ меньшею же частью конницы преслѣдовалъ Севарземидзева до самаго Караклиса, стараясь отрѣзать его отъ сего мѣста; но онъ, съ помощью нѣсколькихъ картечныхъ изъ орудій и ружейныхъ выстрѣловъ, отдѣлался. Я былъ въ то время съ нимъ и видѣлъ готовность людей его къ бою, но видѣлъ и безпорядокъ, въ коемъ они шли. Въ числѣ сихъ ста человѣкъ, выступившихъ изъ Караклиса, было нѣсколько фурлейтовъ, строевыхъ музыкантовъ, казаковъ и много унтеръ-офицеровъ и юнкеровъ; шли на тревогу, выскочили большею частью охотники, и кучка сія шла безъ всякаго порядка. Она едва имѣла видъ войска по перевязямъ, которыя были на многихъ надѣты сверхъ рубахъ и различнаго у каждаго платья: шумъ, разговоръ, сужденія во весь голосъ, сопровождали сію бодрую толпу. Такимъ образомъ была составлена и отправлена команда Чавчавадзе. Сіе движеніе непріятеля показывало, что онымъ предводительствовалъ опытный начальникъ, который умѣлъ пользоваться мѣстоположеніемъ ему совершенно извѣстнымъ. Персіяне, дабы болѣе занять насъ около Караклиса, разъѣзжали въ весьма близкомъ разстояніи отъ онаго, зажигали хлѣба и, наконецъ, зажгли хуторъ, находившійся въ верстѣ отъ заставы; но нѣсколько ядеръ къ нимъ пущенныхъ заставили ихъ скоро удалиться къ Кишлаку, который они также зажгли.

Въ 10 часовъ услышали опять выстрѣлы ружейные около Безобдала. Князь опять выступилъ съ прежнимъ количествомъ войскъ. Я остался въ Караклисѣ, дабы сохранить въ ономъ порядокъ; ибо мы полагали, что непріятель непремѣнно нападетъ на насъ и думали, что, отводя войска наши къ Кишлаку, намѣренія его были атаковать насъ съ тылу, т. е. со стороны Балыкчайской дороги, или изъ другаго ущелья, откуда также была дорога. Посему я объѣхалъ всѣ заставы

и караулы, выгнавъ сколько можно было вооруженныхъ жителей въ сады и огороды для защиты и наконецъ самъ остановился у заставы, находившейся къ сторонѣ Кишлака, которую охраняли 30 человѣкъ пѣхоты съ однимъ орудьемъ и отъ которой видно было все движеніе Северземидзева.

Северземидзевъ едва отошелъ двѣ версты отъ Караклиса, какъ увидѣлъ Персидскую конницу, спущавшуюся безъ дороги съ хребта Безобдала къ Кишлаку. Конница покрывала все пространство сіе. Правда, что люди шли пѣшіе, что̀ и увеличивало число войска, не менѣе того на покатостяхъ Безабдала видна была кромѣ нити сей конница, спущавшаяся въ пять и шесть рядовъ. Толпы оной отдыхали въ разныхъ мѣстахъ; самый Кишлакъ былъ занятъ множествомъ непріятеля, такъ что хотя и полагаютъ, что конницы сей не было болѣе 2,000 человѣкъ, но я думаю, что ея было близъ 5,000. Въ то время сарбазы занимали возвышенія у селенія Дарбаза и, видя приближающійся слабый отрядъ Северземидзева, стали спущаться колонною, дабы остановить его. Солдаты Северземидзева, всегда храбрые и неустрашимые, съ радостью увидѣли приближеніе непріятеля и, не принимая въ соображеніе, что онаго было въ 50 разъ болѣе, хотѣли броситься на встрѣчу Персіянамъ; но Северземидзевъ не допустилъ ихъ до сей явной погибели, послѣ которой погибъ бы самый Караклисъ. Онъ сталъ отступать, не получивъ никакого свѣдѣнія объ оставленныхъ имъ двухъ командахъ Мачабелова и Чавчавадзева. Слышанные выстрѣлы довольно явно свидѣтельствовали о томъ, что они были атакованы; но какія были послѣдствія сего, было совершенно неизвѣстно. Персіяне преслѣдовали Северземидзева къ Караклису съ частью своей конницы. Онъ отстрѣливался картечью и, видя напоръ на него непріятеля, послалъ ко мнѣ просить подкрѣпленія; я немедленно выступилъ къ нему на помощь съ половиною караула, находившагося у заставы, т. е. съ 15 человѣками пѣхоты, взявъ съ собою, помнится мнѣ, и орудіе. Персіяне оставили насъ, и мы отступили въ Караклисъ; а они, взявъ съ собою всѣ семейства Айрумскихъ Татаръ, отдохнули въ Кишлакѣ и послѣ того отступили на высоты Дарбаза, гдѣ и остановились въ $7\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Караклиса.

Послѣднее дѣйствіе Персіянъ было столько же искусно, какъ и первое: преслѣдуя въ первой разъ Северземидзева, они закрыли главное движеніе силъ своихъ на Безобдалъ; во второй же разъ прикрыли отступленіе конницы своей по ущелью Безобдальскому.

Мы ожидали нападенія на самый Караклисъ и удивлялись, что Персіяне не сдѣлали сего. Мы полагали, что они имѣли невѣрныя свѣдѣнія о силахъ нашихъ, ибо они могли бы легко насъ всѣхъ истре-

бить. Въ предосторожность же сего я немедленно приступилъ къ оборонѣ Караклиса: въ иныхъ мѣстахъ перерылъ въѣзды въ улицы, въ другихъ мѣстахъ заставилъ оные полковыми фурами, указалъ жителямъ сборныя мѣста, собралъ ихъ арбы или повозки, коими заставилъ разные въѣзды, роздалъ ружья въ лазаретъ больнымъ, дабы изъ оконъ защищаться, и заперъ плѣнныхъ 30 купцевъ Персидскихъ, которые были захвачены Северземидзевымъ въ началѣ военныхъ дѣйствій и содержались на гаубтвахтѣ, потому что для нихъ требовался большой караулъ (товары ихъ были тутъ же сложены). При оставленіи Караклиса купцы сіи были отправлены въ Тифлисъ.

Ночи за симъ послѣдовавшія были проведены въ самой большой осторожности. Кромѣ карауловъ, занимавшихъ пять главныхъ въѣздовъ въ Караклисъ, все остальное число людей собиралось на площадь, гдѣ и проводили ночь въ полномъ вооруженіи. Флиге ночевалъ на Кишлакской заставѣ; я самъ не засыпалъ всю ночь и не переставалъ объѣзжать посты. Северземидзевъ же такъ потерялся, что едва и показывался; всѣ требованія жителей, всѣ отвѣты, все онъ ко мнѣ отсылалъ, какъ будто бы онъ былъ отрѣшенъ отъ должности или какъ будто бы онъ сложилъ ее съ себя. Бумаги, которыя онъ отъ Алексѣя Петровича получалъ, приводили его въ большое безпокойство; онъ призывалъ меня по ночамъ къ себѣ и читалъ ихъ, но никогда не излагалъ ни одного сужденія, не бралъ ни одной мѣры рѣшительной. Часто я его будилъ по ночамъ и отзывалъ отъ жены его которая плакала и приводила его тѣмъ болѣе въ разстройство. Жители толпились около меня, просили распоряженія, приказаній, совѣтовъ, и я какъ могъ отъ нихъ отдѣлывался, стараясь сколь возможно поддержать духъ въ войскахъ. Случившееся съ командами Мачабелова и Чавчавадзева тѣмъ болѣе усилило состояніе Северземидзева, что неприятныя происшествія сіи были послѣдствіемъ его распоряженій или вѣры, которую онъ имѣлъ въ окружающихъ его трехъ измѣнниковъ Татаръ, по совѣтамъ коихъ онъ дѣйствовалъ. Часто, когда онъ передавалъ мнѣ исполненіе требованій ихъ, я останавливалъ его; но тогда, опасаясь, чтобы я сталъ противиться, онъ приказывалъ въ тайнѣ, не сказавшись мнѣ.

27-го числа вечеромъ возвратилась команда поручика Мачабелова; онъ самъ былъ раненъ въ руку и въ бокъ, но не опасно. Потеря его состояла въ одномъ убитомъ унтеръ-офицерѣ. Пришедши въ кочевье, онъ объявилъ жителямъ приказаніе князя; они просили его переночевать и предложили разставить солдатъ по дворамъ или семействамъ, увѣряя его, что они на слѣдующее утро пойдутъ съ нимъ въ Караклисъ. Мачабеловъ, кажется, не противился сему желанію ихъ

и готовъ былъ оное исполнить; но солдаты не согласились ночевать съ Татарами и расположились на ночлегѣ въ полуверстѣ отъ нихъ. На разсвѣтѣ увидѣли они до 300 человѣкъ непріятельской конницы, которая уже заняла высоту, надъ ними находившуюся; немедленно они бросились на оную, прогнали и, залегши въ камняхъ, весьма долго отстрѣливались; тутъ они лишились унтеръ-офицера, тутъ и офицеръ ихъ былъ раненъ. Непріятель также потерялъ тутъ нѣсколько человѣкъ, отошелъ, но увелъ съ собою кочевье.

28-го числа возвратился и князь Чавчавадзевъ, отправленный княземъ изъ Кишлака на встрѣчу бѣгущимъ Айрумцамъ. Онъ былъ атакованъ на подъемѣ на Безобдалъ всею тою конницею, которую мы видѣли спущавшуюся обратно къ Кишлаку. Конница сія вѣроятно при первомъ отступленіи Севарземидзева пробралась туда; передовые же всадники оной уже ночевали въ кочевьѣ Татаръ Айрумскихъ и имѣли перестрѣлку съ Мачабеловымъ на разсвѣтѣ. Люди сей малой команды пренебрегли опасностію и многочисленностью непріятеля, не переставали подвигаться къ своей цѣли, не соглашаясь укрыться въ лѣсу, каковую предосторожность Севарземидзевъ приказывалъ Чавчевадзеву имѣть при отправленіи его изъ Кишлака, въ случаѣ нападенія на него превосходныхъ и несоразмѣрныхъ силъ. Когда непріятель сталъ приближаться къ малой командѣ сей, тогда люди бросились не него и сбили съ нѣсколькихъ высотъ; но, наконецъ, окруженные столь большимъ количествомъ непріятеля, частью были побиты, частью взяты въ плѣнъ. Между послѣдними находилось два или три юнкера, которые пошли въ сей командѣ въ числѣ отряженныхъ 30 человѣкъ; ибо въ Тифлисскомъ полку, въ то время по крайней мѣрѣ, нарядчики отсчитывали людей безъ разбора званія или должностей ихъ. Когда Персіяне бросились уже брать остальныхъ людей въ плѣнъ, тогда Чавчавадзевъ ускакалъ въ Гергеры съ 19 Борчалинскими Татарами изъ 50 оставшихся, ибо прочіе до сего еще бѣжали. Одному солдату сей команды удалось укрыться и придти на другой день въ Караклисъ. И такъ изъ всей команды сей спасся одинъ офицеръ, рядовой и всѣ Татары; прочіе всѣ погибли. Чавчевадзевъ ускакалъ въ Гергеры, гдѣ переночевавъ пріѣхалъ на другой день въ Караклисъ.

Но симъ еще не кончились неудачи Севарземидзева. Происшествіе гораздо важнѣе сихъ, а имянно истребленіе роты штабсъ-капитана Воронкова, доказало явную измѣну находившихся при немъ Татаръ. Подполковникъ Флиге давно уже уличалъ мирзу-Юсуфа въ перепискѣ съ непріятелемъ. Мансуръ-ага, подававшій свои совѣты князю на отправленіе команды Мачабелова и Чавчевадзева, не могъ не знать о намѣреніяхъ непріятеля и приготовленіяхъ жителей Айрумскихъ; но

онъ все сіе скрылъ отъ князя. Нѣкоторые даже увѣряли, что сына его видѣли въ непріятельскомъ войскѣ во время нападенія ихъ на Чавчавадзе. Много было явныхъ уликъ, которыхъ теперь припомнить не могу. Князь не хотѣлъ внимать словамъ нашимъ, удалить отъ себя людей сихъ и не довѣрять имъ; наконецъ, видя и самый Караклисъ въ большой опасности, мы рѣшились настоятельно требовать арестованія сихъ людей, въ чемъ удалось Цебрикову убѣдить князя. Князь былъ совершенно потерянъ и ничему болѣе не противился. Немедленно захвачены у нихъ всѣ бумаги, и они взяты подъ стражу, гдѣ я велѣлъ содержать ихъ строжайшимъ образомъ. Но князь не могъ воздержаться, чтобы не посылать къ нимъ кушанья отъ своего стола; ибо онъ никакъ не могъ себѣ вообразить, чтобы люди сіи не были ему совершено преданы. Однимъ изъ доказательствъ связей ихъ съ Персидскимъ начальствомъ было въ послѣдствіи времени нижеслѣдующее.

Надъ арестованными не производилось никакого слѣдствія, и когда войска, оставивъ Караклисъ, отступили въ Джелалъ-оглу, тогда и ихъ туда отвели, гдѣ и содержали на гауптвахтѣ, также безъ всякаго слѣдствія. Мирза-Юсуфъ былъ, наконецъ, выпущенъ княземъ безъ всякаго оправданія, а Мансуръ-агу сардарь Ериванскій требовилъ къ себѣ въ замѣнъ нашихъ захваченныхъ имъ Армянъ. Требованіе сіе нашего подданнаго въ замѣнъ плѣннаго явно доказывало, что они были между собою въ сношеніяхъ. Письмо, коимъ сардарь его требовалъ, было отдано Севарземидзевымъ генералу Давыдову, который командовалъ отрядомъ въ Джелалъ-оглу, въ доказательство, какъ онъ говорилъ, дружескихъ расположеній сардаря, въ чемъ онъ совершенно солгалъ съ тѣмъ только, чтобы похвастать своими связями. Онъ не сказывалъ Давыдову о требованіи сардаря на счетъ Мансуръ-аги, вѣроятно въ той надеждѣ, что онъ писемъ сихъ не прочтетъ; но Давыдовъ, подозрѣвая ложь Севарземидзева, отдалъ тогда сіи Персидскія письма мнѣ, и я разобралъ содержаніе оныхъ. Татары сіи были всѣ выпущены Севарземидзевымъ безъ дальнѣйшаго, кажется, изслѣдованія дѣла.

ЗАПИСКА И. С. АКСАКОВА О БЕССАРАБСКИХЪ РАСКОЛЬНИКАХЪ.

Записка о Бессарабскихъ раскольникахъ найдена нами въ архивѣ графа Дмитрія Николаевича Толстаго между служебными его бумагами. Порученіе „о раскольникахъ въ Бессарабіи" возложено было въ Октябрѣ 1848 года министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Перовскимъ на Ивана Сергѣевича Аксакова. Отчетъ по этому порученію представленъ имъ въ Министерство въ началѣ 1849 года. Этимъ же годомъ помѣчена и наша записка. О командировкѣ „министерскаго чиновника" въ Бессарабскую область по дѣламъ старообрядцевъ упоминаетъ г. Варадиновъ въ своей Исторіи Министерства Внутреннихъ дѣлъ (VIII, 591) и приводитъ выдержки изъ отчета этого чиновника. Буквальное сходство этихъ выдержекъ съ соотвѣтственными мѣстами нашей записки убѣждаетъ въ томъ, что записка эта есть точная копія отчета по Бессарабскому порученію. И. С. Аксакова.

Командировка вызвана была открытыми сношеніями заграничныхъ старообрядцевъ съ Русскими ихъ единовѣрцами. Въ Октябрѣ 1846 года учреждена была ими за Австрійской границей такъ называемая Бѣлокриницкая іерархія *). Основавъ „свое собственное священство", старообрядцы, во главѣ съ иноками Бѣлокриницкаго монастыря Павломъ и Алимпіемъ, замыслили перваго своего епископа Амвросія возвести на степень верховнаго владыки *всѣхъ вообще* старообрядцевъ принимающихъ священство. Съ этою цѣлію они повезли Амвросія въ Вѣну, и онъ здѣсь 11 (23) Іюля 1846 г. лично подалъ прошеніе Австрійскому императору „о дозволеніи принять (будто-бы) предложенное ему избраніе въ верховнаго пастыря всѣхъ вообще старообрядцевъ, не въ Австрійской только монархіи, но и въ сосѣднихъ съ нею державахъ" (Проектъ меморіи Русскаго правительства Австрійскому. Труды Ряз. Арх. Комиссіи, т. II, стр. 142). Австрійское правительство въ то время покровительствовало старообрядцамъ. Просьба была принята, и по ней послѣдовало вполнѣ благопріятное рѣшеніе. Тогда, для упроченія связи новоучрежденной іерархіи съ старообрядцами-поповцами, жившими въ Россіи, посланъ былъ къ нимъ изъ Бѣлой Криницы тамошній архимандритъ Геронтій. Начались дѣятельныя сношенія, и изъ Москвы была отправлена депутація въ Бѣлую Криницу (Субботинъ. Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій. Москва 1867 г., стр. 17). Неизвѣстно, къ чему бы привели эти сношенія, если бы наше правительство благовременно не приняло мѣръ къ прекращенію ихъ. Какъ только

---

*) Главнымъ дѣятелемъ былъ самъ князь Меттернихъ, см. „Русскій Архивъ" 1875, I, 213. П. Б.

получилось въ Россіи извѣстіе о дѣяніяхъ Австрійскихъ старообрядцевъ, тотчасъ же сообщено было Австрійскому правительству, что „Его Величество дѣйствіями Австрійскаго правительства въ отношеніи старообрядческой іерархіи изволитъ быть весьма недоволенъ“. Въ тоже время путешествующій Бѣлокриницкій архимандритъ Геронтій былъ схваченъ, какъ бѣглецъ изъ Россіи, и препровожденъ въ Петербургъ. Немного позднѣе императоръ Николай Павловичъ рѣшительно потребовалъ отъ Австрійскаго правительства, „чтобы мнимый монастырь былъ немедля закрытъ, а самозванецъ-епископъ высланъ, какъ бродяга“ (Проектъ меморіи*). Наблюденія за сношеніями раскольниковъ были усилены, и эта забота возложена на министра внутреннихъ дѣлъ графа Перовскаго. Тогда-то и состоялась командировка И. С. Аксакова въ Бессарабію, какъ пограничный край, служившій мѣстомъ сообщеній заграничныхъ старообрядцевъ съ Русскими.

Отчетъ И. С. Аксакова въ высшей степени любопытенъ, какъ матеріалъ для исторіи раскола въ одну изъ знаменательныхъ эпохъ его жизни. Правдивость автора и его умѣнье наблюдать усиваютъ значеніе документа.

Степанъ Звѣревъ.

Юноша Аксаковъ чиновникомъ сыскной полиціи! И какъ отлично исполнилъ онъ возложенное на него порученіе! Превосходныя письма его къ родителямъ во время разъѣздовъ по Бессарабіи нынѣ изданы во 2-мъ томѣ крайне-любопытной книги: „И. С. Аксаковъ въ его письмахъ“ Москва 1888. „Ругаю ежедневно Надеждина. Я не могу сочувствовать гоненіямъ, пишетъ онъ 14 Дек. 1848 г.; а вижу, что они не только не принесли пользы, а, напротивъ сдѣлали ужаснѣйшій вредъ и посѣяли непримиримую вражду къ Православію“. П. Б.

О Бессарабскихъ раскольникахъ.

Во исполненіе возложеннаго на меня порученія собрать свѣдѣнія о настоящемъ положеніи раскольничьихъ дѣлъ въ Бессарабіи, я объѣздилъ почти всю эту область и, представляя здѣсь всѣ свои замѣчанія въ совокупности, считаю нужнымъ для большей ясности начать съ географическаго описанія мѣстности тамошняго раскольничьяго народонаселенія и потомъ уже перейти къ изложенію способовъ его пограничныхъ сообщеній, политическаго оныхъ значенія, ожиданій и надеждъ раскольниковъ и, что всего важнѣе, отношеній ихъ къ новой лже-іерархіи.

Бессарабія, пестрый край, населенный Молдаванами, Русскими, Евреями, Греками, Армянами, Руснявами, Хохлами и Цыганами, край прилегающій къ Турціи, Молдавіи и Австріи, служитъ издавна прію-

---

*) Требованіе исполнено: Бѣлокриницкій монастырь былъ запечатанъ; Амвросія отозвали въ Вѣну, а отсюда его отправили на постоянное и безвыѣздное жительство въ городокъ Цилли (въ Штиріи).

томъ бродягамъ всякаго рода и мѣстомъ постоянныхъ сообщеній нашихъ Русскихъ раскольниковъ, поповщинскаго толка, съ ихъ заграничными единовѣрцами.

Эти послѣднія сообщенія примыкаютъ къ тремъ главнымъ пунктамъ, изъ которыхъ Прутъ и такъ называемая «сухая Австрійская граница» могутъ быть отнесены къ одному разряду, а Дунай съ Турціей составляетъ отдѣльный самостоятельный пунктъ съ совершенно-особеннымъ значеніемъ. За Австрійской межой, въ Буковинѣ, находится знаменитый раскольничій монастырь, Бѣлая Криница, главное мѣстопребываніе новой лже-іерархіи; за Дунаемъ, въ селеніи Журиловкѣ, проживаетъ свой раскольничій архіерей; въ Молдавіи же, сколько извѣстно, въ настоящее время нѣтъ чиновъ ихъ высшаго духовенства, кромѣ простыхъ іереевъ.

Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ необходимо отличать верхнюю Бессарабію отъ нижней, или собственно отъ Буджака, страны при-Дунайской. Раскольники, живущіе въ первой (знаменитое между ними село Грубно, Хотинскаго уѣзда), губерніи западныя и Московское Рогожское кладбище преимущественно избираютъ для своихъ сношеній Прутъ и рѣчку Ракитну [1]). Буджакъ съ Некрасовцами, съ Турецкими выходцами, съ бѣглыми изъ Россіи, Херсонская губернія, вообще весь Южный Новороссійскій край и Донъ направляютъ свое движеніе къ Дунаю.

Въ послѣднее время, по случаю воспрещенія свободныхъ сношеній съ чужими краями, затрудненій въ полученіи заграничныхъ паспортовъ, прекращенія торговли скотомъ съ Австріей, возобновленія дѣйствій карантиновъ и расположенія нашихъ войскъ вдоль границы, раскольники не могли имѣть открытыхъ сообщеній съ своими единовѣрцами; но тайныя продолжаются и доселѣ. Спрашивается теперь: есть ли возможность возбранить эти тайные переходы за границу мѣрами полицейскими?... Вопросъ этотъ разрѣшается при одномъ взглядѣ на страну, гдѣ духъ жителей, отвыкшихъ отъ всякой письменности и формальностей подъ Турецкимъ владычествомъ, до сихъ поръ не можетъ подчиниться паспортному благоустройству, и гдѣ сама природа, такъ сказать, дала у себя пріютъ всѣмъ элементамъ бродяжничества. Въ самомъ дѣлѣ, относительно жителей эти слова подтверждаются несомнѣнными фактами. Царане, послѣ положенія 1834 года, воспользовавшись объявленнымъ имъ оффиціально правомъ перехода, не исполняя никакихъ предписанныхъ формальностей, безъ перечисленія Казенною Палатою, безъ билетовъ, до сихъ поръ кочуютъ съ мѣста

---

[1]) На Австрійской границѣ.

на мѣсто. Нормальный контрактъ 1846 года съ величайшимъ трудомъ вводится между ними, и они продолжаютъ отыскивать между немногими помѣщиками и многочисленными поссессорами болѣе снисходительныхъ, такихъ, которые бы согласились на выгоднѣйшія для нихъ условія. Съ другой стороны Евреи, которыхъ льготы, дарованныя Бессарабіи, заставляли приписываться туда въ огромномъ количествѣ, изъ которыхъ немалая часть существуетъ подъ именами давно умершихъ и множество проживаетъ неизвѣстно гдѣ безъ всякихъ письменныхъ видовъ, замедляютъ успѣхъ составленія имъ переписи и чрезвычайно затрудняютъ надзоръ мѣстной полиціи. Изъ причисленныхъ къ одному Кишиневскому Еврейскому обществу 362 семейства пребываютъ внѣ города, въ мѣстахъ неизвѣстныхъ, безъ паспортовъ и безъ уплаты податей, падающихъ огромною недоимкою на ихъ осѣдлыхъ сообщественниковъ. Наконецъ, поселившіеся здѣсь Русскіе бѣглецы, сохранившіе свой вольнолюбивый характеръ, множество разноплеменныхъ бродягъ и рыболовство въ устьяхъ Дуная дѣлаютъ Бессарабію вполнѣ удобною для тайныхъ пограничныхъ сношеній. Къ тому же большое число Русскихъ и иностранныхъ колоній и пестрота вѣроисповѣданій всякаго рода производятъ какъ въ православныхъ жителяхъ, такъ и въ мѣстныхъ властяхъ, совершенное равнодушіе къ проявленіямъ тѣхъ или другихъ религіозныхъ мнѣній. Русскіе раскольники, какого бы ни были толка, называются здѣсь общимъ именемъ Липованъ и даже иногда Молоканъ, а невѣжество полицейскихъ чиновниковъ относительно значенія каждой секты дѣлаетъ ихъ еще болѣе неспособными къ особенному скрытному надзору за дѣйствіями старообрядцевъ.

При такой неблагонадежности полицейскаго благоустройства, рядомъ съ нимъ существуетъ крѣпко-организованное въ своихъ частяхъ общество, тѣсно-сплоченное возбужденными извнѣ преслѣдованіями въ одно твердое цѣлое, проникнутое ложнымъ, но сильнымъ убѣжденіемъ и фанатизмомъ, ежечасно разгорающимся, дружное, не дремлющее и бодро стерегущее каждый удобный для себя случай. Огромные капиталы состоятъ въ его распоряженіи, и пожертвованія присылаются изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Россіи, чему имѣется много доказательствъ въ дѣлахъ Министерства и чему я приведу только два свѣжіе примѣра. Недавно одна казачка въ Уральскѣ умирая завѣщала въ пользу Кишиневской старообрядческой часовни свое имущество, и деньги, пропутешествовавъ цѣлый годъ, достигли наконецъ вѣрно своего назначенія. Въ прошломъ году Кишиневская купчиха Пелагея Ѳедорова Пучнина, продавъ все свое имѣніе, съ вырученною суммою удалилась за Австрійскую границу. У раскольниковъ свой маршрутъ,

своя почта, свой энигматическій языкъ [2]), свои шпіоны, своя стража; но всѣ дѣйствія ихъ сопровождаются глубочайшею скрытностью, между тѣмъ какъ внѣшнее ихъ поведеніе большею частію тихо, смирно, и они рѣдко попадаются въ полицейскихъ проступкахъ.

Вотъ что замѣчено мною въ верхней Бессарабіи.

Проѣзжая отъ пограничнаго на Прутѣ мѣстечка Скулянъ до мѣстечка на Австрійской границѣ, Новоселицы, я убѣдился лично, что почти въ каждомъ пограничномъ селеніи [3]) живетъ по одному или по два Липованскихъ семействъ, составляющихъ такимъ образомъ цѣлый рядъ пикетовъ своего рода. Отъ Новоселицы, гдѣ нѣтъ раскольниковъ, далѣе по сухой границѣ на самой межѣ, въ Колинкоуцахъ, проживаетъ по паспортамъ цѣлая раскольничья семья, братья Пѣшехоновы, между которыми долженъ находится и Денисъ, имя коего уже замѣчено Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ пограничной съ Австріею волости Грозенцахъ, въ 18 верстахъ отъ Новоселицы, лѣтъ 13 сряду имѣлъ пребываніе извѣстный между раскольниками богатый купецъ Гуръ Ильичъ Велиженко, или просто Гурка. Уроженецъ другой губерніи, онъ еще въ дѣтствѣ былъ приписанъ къ Грубну, куда приписываются почти всѣ бѣглые раскольники, и въ Грозенцахъ управлялъ имѣніемъ генерала Недобы, со смертію котораго былъ устраненъ отъ должности наслѣдникомъ Недобы, съ годъ тому назадъ, и нынѣ уже держитъ самъ поссессіи около Хотина. Во время своего проживанія на границѣ онъ, по общему отзыву, держалъ постоянный пріютъ своимъ единовѣрцамъ, производилъ сношенія съ Австрійско-подданными раскольниками и не рѣдко ѣзжалъ самъ въ Бѣлую Криницу. Впрочемъ, несмотря на то, имя его пользуется всеобщимъ уваженіемъ даже между православными. Въ Червленахъ, верстахъ въ 18 отъ Новоселицы, проживаютъ по паспортамъ два Австрійско-подданные старообрядца Лазаревы. Поэтому побѣги чрезъ Австрійскую границу совершаются очень легко и часто: братъ Гурки, заподозрѣнный въ переводѣ военныхъ дезертировъ въ Австрію, былъ преданъ суду и хотя слѣдствіемъ обстоятельство это и не было раскрыто, однако онъ бѣжалъ за границу. Тоже самое сдѣлалъ закоренѣлый раскольникъ

---

[2]) Вотъ образецъ этого языка: „Христосъ рождается, но не славится“; это значитъ, какъ толкуетъ нѣкто Поляковъ, въ Хотинѣ, состоящій въ раскольничьемъ обществѣ, но измѣнившій ему и не принадлежащій ни къ какой религіи: родилось дитя, но крестить некому. Или: „Бабушка Афимья еще жива. У насъ шьютъ дешево шубы, значитъ не боятся холодной зимы“. То есть, по его же истолкованію: бабушка Афимья должна означать какое нибудь важное между ними лицо; шьютъ шубы—ожидаютъ поповъ, ибо не боятся преслѣдованій. Впрочемъ даже между ними не всѣ равно посвящены въ таинство и замыслы секты, а есть градаціи.

[3]) Напримѣръ: въ Валерусулцѣ, въ Болотинѣ...

Лакѣевъ, житель Грубна, одинъ изъ важнѣйшихъ между ними. Обвиненный въ совращеніи въ расколъ православной дѣвушки и въ переводѣ ея за границу, онъ былъ заключенъ въ острогъ, потомъ выпущенъ на поруки и оправданъ первою инстанціею, но тѣмъ не менѣе оставилъ Россію [4]). При этомъ кстати замѣтить, что раскольники всѣхъ сектъ, которые вообще ведутъ себя чрезвычайно скромно и осторожно, если попадаются въ какомъ либо преступленіи, немедленно удаляются за границу, и строгіе приговоры судовъ часто остаются безъ исполненія. Примѣромъ могутъ служить Молоканы: Шлехинъ, присужденный къ переселенію за Кавказъ, и зять его Николай Колетинъ, который ошибочно въ дѣлахъ Министерства признается поповщинцемъ. Въ прошломъ году также бѣжалъ къ Липованамъ въ Криницу со всѣмъ семействомъ письмоводитель Хотинской градской думы, православнаго вѣроисповѣданія, похитившій напередъ часть денегъ, принадлежавшихъ Думѣ.

Невольно раждается вопросъ: какимъ образомъ избѣгаютъ они преслѣдованій пограничной стражи? Но надо знать, что по Пруту, который во многихъ мѣстахъ очень мелокъ и узокъ, кордоны отстоятъ на одну и на двѣ версты другъ отъ друга, а по сухой границѣ на пять и болѣе, и въ темную ночь или въ густые туманы невозможно усмотрѣть отчаянныхъ бѣглецовъ и самой вѣрной стражѣ. А между тѣмъ извѣстно, что когда цѣпь пикетовъ содержали Донскіе козаки, то, будучи сами ревностными старообрядцами, они не только не препятствовали, но содѣйствовали побѣгамъ. Теперь же, когда мѣсто козаковъ заняли солдаты Русскіе и православные, они дѣлаютъ тоже, но изъ другихъ побужденій. Вотъ что передалъ мнѣ перевозчикъ контрабандистовъ и раскольниковъ въ Молдавію Еврей Гершко, предлагавшій доказать это на дѣлѣ. Они отправляются прямо къ начальнику мѣстной стражи, договариваются съ нимъ за извѣстную цѣну, берутъ отъ него солдата, съ которымъ и переправляются за границу. Солдата этого держатъ тамъ до тѣхъ поръ пока не перевезутъ всего транспорта, а иногда, если они намѣрены скоро возвратиться, до тѣхъ поръ пока не перейдутъ обратно и не удалятся на извѣстное разстояніе отъ берега. Если же пограничный начальникъ не согласится на договоръ, то они, хотя и съ большимъ рискомъ, умѣютъ обходиться и безъ его содѣйствія. Къ тому же были примѣры, что часовые и цѣлые караулы оставляли свои посты и сами уходили за границу. Поэтому не надо удивляться, отъ чего сообщенія раскольниковъ между собою такъ легко производятся, не смотря на всѣ повидимому благонадежныя

[4]) Дѣло о немъ находится теперь въ областномъ уголовномъ судѣ.

мѣры, и почему Кишиневскіе купцы Пискаревы еженедѣльно сносятся съ братомъ своимъ, проживающимъ за границею, и привозятъ оттуда контрабанду, которую сохраняютъ у себя на дворѣ въ стогахъ сѣна. Хотя это послѣднее обстоятельство было мнѣ достовѣрно извѣстно, однако я не рѣшился давать о томъ знать полиціи и вообще разрушать этотъ путь сообщенія: я полагалъ, что *при всякомъ подобномъ дѣйствіи съ моей стороны раскольники сдѣлались бы еще скрытнѣе и непремѣнно проложили бы новую дорогу, о которой правительство могло бы еще долго оставаться въ неизвѣстности.* Теперь же наблюденіе за характеромъ сообщеній и качествомъ лицъ перевозимыхъ нѣсколько удобнѣе. Я поручилъ Еврею Гершко продолжать свое ремесло, давая только знать о томъ каждый разъ назначенному мною агенту, который уже будетъ посылать свои донесенія Министерству. Такимъ образомъ, еще при бытности моей въ Бессарабіи, онъ увѣдомилъ меня, что подрядился перевозить въ Бѣлую Криницу двухъ старообрядческихъ черницъ, прибывшихъ для этого изъ Москвы, и что многіе договаривались съ нимъ о переправѣ ихъ за границу, въ случаѣ, если не пріѣдетъ попъ изъ Россіи.

Понятно теперь, почему раскольничье народонаселеніе со всѣхъ странъ тѣснится въ Бессарабію, почему Черниговскіе ,и другихъ губерній раскольники находятъ удобнымъ для себя снимать подъ баштаны земли въ Хотинскомъ уѣздѣ и съ этою цѣлью приходятъ во множествѣ, сбывая плоды заграничнымъ торговцамъ, которые для того являлись толпою на пограничные рынки. (Впрочемъ эта торговля въ настоящее время, при существующихъ обстоятельствахъ, лишена удобной свободы и открытаго хода). Понятно, почему къ городу Хотину, кромѣ села Грубна, приписаны въ званіи мѣщанъ жители четырехъ раскольничьихъ селъ Подольской губерніи: Екатериновки, Петровки, Жуковецъ и Куреневки, пользующейся особенною извѣстностію [5]). Впрочемъ всѣ эти Липованы слишкомъ умны для возбужденія подозрѣнія въ мѣстныхъ начальствахъ уклоненіемъ отъ оффиціальныхъ торговыхъ сообщеній. Карантинное начальство въ Скулянахъ удостовѣряло меня, что раскольники не чуждаются того рода сношеній, который производится подъ наблюденіемъ карантинныхъ чиновниковъ. Такъ Измаильскіе купцы, и въ томъ числѣ купецъ Бѣляевъ, извѣстный Министерству, какъ передатчикъ писемъ, Виницкій купецъ Иванъ Ивановъ, пріѣзжаютъ сюда, т. е. въ Скуляны, для торговли съ Молдавіей, откуда за товарами являются Ясскіе купцы: Австрійско-подданный Гаврила Семеновъ Богомоловъ (имѣющій будто бы, какъ говорятъ,

[5]) Куреневка, Подольской губерніи, Виницкаго уѣзда, въ ста верстахъ отъ Хотина.

свой домъ въ Кіевѣ, на Подолѣ), Поляковъ и братья Логиновы. При переговорахъ въ карантинѣ присутствуютъ комиссары, которымъ впрочемъ, по ихъ словамъ, никогда не случалось замѣтить ни одного малѣйшаго намека на что либо важное для правительства. Существуетъ даже обычай, что разъ въ году, 29 Іюня, жители обѣихъ сторонъ сходятся между собою для свиданія; но и тутъ карантинные чиновники не открывали ничего подозрительнаго.

Итакъ, изъ вышеизложеннаго, а особенно изъ личнаго обзора мѣстности, невольно убѣждаешься, что при ловкости и хитрости, при напряженной бдительности и неутомимыхъ стараніяхъ раскольниковъ, *всѣ полицейскія мѣры къ преграждевію сношеній и побѣговъ*, такъ вредныхъ для Россіи, оказываются совершенно недостаточными. Для этого нуженъ былъ бы сплошной заборъ изъ живыхъ людей съ неподкупною честностью; но такая благонадежная ограда, конечно, невозможна, почему и открывается необходимость въ какихъ-нибудь другихъ болѣе существенныхъ мѣрахъ.—Раскольничьи селенія въ верхней Бессарабіи, сколько я могъ узнать, слѣдующія:

Грубно на землѣ помѣщика Маразли, Хотинскаго уѣзда, Романкоуцкой волости, верстахъ въ 40 отъ Хотина, куда они приписаны мѣщанами. Въ Грубнѣ болѣе 150 семействъ, занимающихся хлѣбопашествомъ и торговлею. Жители, какъ и вообще всѣ Русскіе, считаются въ сравненіи съ Царанами отличными хозяевами, подчиняя вліянію своего добраго духа и расторопности ума лѣнивыхъ и безпечныхъ Молдаванъ. Село ихъ со всѣхъ сторонъ окружено густымъ лѣсомъ, имѣетъ церковь, обращенную въ часовню, и колокольню безъ колоколовъ, въ замѣнъ которыхъ употребляютъ они чугунное «*било*», т.-е. доску. Между Грубенскими раскольниками самые замѣчательные, какъ говорятъ, Василій Ребицкій и Ѳома Герасимовъ, впрочемъ люди безукоризненнаго поведенія во внѣшнемъ полицейскомъ смыслѣ этого слова. *Бѣлоусовка*, другое селеніе Хотинскаго уѣзда, населено Молдаванами и Липованами вмѣстѣ. Въ Сорокскомъ уѣздѣ есть раскольничье селеніе *Кипучее.* Мѣсяца 3 тому назадъ 47 Липованскихъ семействъ изъ Подольской губерніи изъявили желаніе перечислиться въ Сорокскіе мѣщане. Въ Оргѣевскомъ уѣздѣ находится селеніе *Сѣрково*, гдѣ прежде былъ раскольничій монастырь. Кромѣ того во всѣхъ городахъ Бессарабской области живутъ старообрядцы подъ названіемъ «часовенныхъ».

Что же касается до нижней Бессарабіи, то во всей угловой сторонѣ, называемой Буджакомъ, между Днѣстромъ и Дунаемъ, мало встрѣчается Молдаванъ. Народонаселеніе здѣсь состоитъ кромѣ колоній большею частію изъ бѣглыхъ преимущественно Русскихъ расколь-

никовъ и Малороссіянъ, которые почти всѣ православные. Многіе бѣжали сюда еще съ давнихъ поръ; здѣсь есть потомки стрѣльцовъ, Запорожцевъ и вообще козаковъ, укрывшихся сюда отъ водворяемаго государственнаго порядка. Такой же сбродъ населяетъ и прилегающую къ Дунаю Турцію, гдѣ кромѣ городовъ *Тульчи*, *Исакчи* и другихъ, въ коихъ цѣлые кварталы полны Русскихъ жителей, находятся, сколько я могъ дознать, слѣдующія Русскія селенія:

1. *Серакёй* имѣетъ 30 дворовъ къ сѣверо-востоку отъ Бабадаха.

2. *Журиловка*, въ настоящее время резиденція раскольничьяго архіерея, котораго одни называютъ Аркадіемъ, другіе Спиридономъ [6]), при озерѣ Головицѣ, въ 20 верстахъ къ югу отъ Бабадаха, 125 дворовъ.

3. *Старая Слава* въ 12 верстахъ къ юго-западу отъ Бабадаха; 100 дворовъ.

4. *Каменка*, 120 дворовъ въ 2 верстахъ отъ Дуная и въ пяти къ югу отъ Матчина.

5. *Новинки*, нѣсколько выше Гирсова, 45 дворовъ.

6. *Татарица*, выше Силистріи, 60 дворовъ.

7. *Майноза* въ Анатоліи къ западу отъ города Брусы и въ 25 верстахъ отъ берега Мраморнаго моря, 500 дворовъ.

8. Есть еще *Дубровка*, географическое положеніе которой мнѣ неизвѣстно.

Всѣ они обложены податьми, но избавлены отъ рекрутства и управляются сельскими атаманами, избираемыми будто бы ежемѣсячно [7]).

Около Измаила и частію въ самомъ Измаилѣ находится нѣсколько приписныхъ къ нему Некрасовскихъ слободъ. Некрасовцы, коихъ считается болѣе 2500 душъ, всѣ старообрядцы поповщинскаго толка, переселились въ Россію со времени послѣдней Турецкой кампаніи, вслѣдствіе, какъ говорятъ они, высочайшей грамоты, дозволявшей имъ свободу вѣроисповѣданія и богослуженія. Поэтому колокола съ ихъ колокольни не сняты, и хотя въ настоящее время они лишены попа, взятаго по распоряженію правительства за противузаконные поступки, однако не теряютъ надежды имѣть другаго и открыто разыскиваютъ себѣ всюду способнаго и болѣе достойнаго священника. Въ *Киліи* также болѣе 150 семействъ Липованскихъ. Но замѣчательнѣе по духу и характеру своему раскольники посада *Волкова*, о которомъ необходимо распространиться подробнѣе.

---

[6]) Впрочемъ при-Дунайскіе раскольники обыкновенно называютъ его просто архіереемъ.

[7]) См. объ этомъ Надеждина: О заграничныхъ раскольникахъ въ Сборникѣ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ, составл. В. Кельсіевымъ. Лондонъ. 1860 г., вып. I, стр. 77—165. С. Зв.

Волковскій посадъ или прежнее селеніе Волково лежитъ при одномъ изъ устьевъ Дуная, верстахъ въ 12 отъ моря, въ 5 отъ Базарчука и въ 30 отъ Киліи. Оно существовало еще при Турецкомъ владычествѣ. Ревизскихъ нумеровъ всего 578, изъ коихъ нынѣ находящихся въ бѣгахъ около 100. Общество дѣлится на Малорусское и Великорусское. Подъ первымъ именемъ разумѣются одни православные, подъ другимъ одни раскольники, которые дѣйствительно говорятъ самымъ чистымъ Русскимъ языкомъ. И тѣ и другіе занимаются исключительно рыболовствомъ, живутъ согласно, но въ тоже время представляютъ между собою рѣзкую противоположность: у Малороссіянъ — православная церковь, куда собираются по праздникамъ, свадьбы и крестины празднуются съ пѣснями и открытымъ весельемъ. У раскольниковъ также есть церковь, въ которой они хотя и собираются по Воскресеньямъ, но безъ священника и, зажигая свѣчи, ограничиваются чтеніемъ однѣхъ молитвъ, ибо совершать таинства некому Дѣти ихъ, какъ и у всѣхъ Бессарабскихъ раскольниковъ, остаются не крещенными по 6 лѣтъ и долѣе; молодыя четы живутъ также большею частію невѣнчанныя, слагая, говоря ихъ словами, «грѣхъ блуднаго сожитія на преслѣдователей». Поведеніе ихъ, по удостовѣренію мѣстнаго начальства, примѣрно-тихо; они не замѣчаются ни въ пьянствѣ, ни въ буянствѣ, и вообще ведутъ жизнь строгую, безо всякихъ простому быту свойственныхъ увеселеній. Это селеніе было довольно богато до тѣхъ поръ, пока воды устья состояли въ ихъ полномъ распоряженіи; но лѣтъ семь тому тому назадъ эти воды были отданы на откупъ вмѣстѣ съ прочими водами Дунайскими, а они обязаны были ловить рыбу своими снастями на откупщика, который выдавалъ имъ за каждый пудъ плату по собственной, имъ же составленной, таксѣ. Желая возвратить себѣ воды, они предложили правительству взять отъ нихъ въ пользу крестьянъ Государственныхъ Имуществъ принадлежащія имъ пять десятинъ земли, а ихъ самихъ, какъ имѣющихъ одинъ промыслъ рыболовство, записать въ мѣщане. Земля поступила во владѣніе крестьянъ, Волковцы названы мѣщанами съ учрежденіемъ у нихъ ратуши; но водъ имъ не отдали. Тогда, вслѣдствіе представленій князя Воронцова, дѣло это дошло до Правительствующаго Сената. Года четыре тому назадъ послѣдовалъ указъ 1-го Департамента, гдѣ, согласно съ мнѣніемъ г. министра внутреннихъ дѣлъ и князя Воронцова, объяснявшаго въ своемъ рапортѣ заслуги Волковцевъ въ послѣднюю Турецкую кампанію и важность для нихъ единственнаго промысла рыболовства, повелѣно было, по окончаніи срока откупному контракту, отдать Волковцамъ воды по берегамъ Дуная, прилегающимъ къ ихъ землѣ. Но по окончаніи срока контрактъ былъ возоб-

новленъ съ новымъ откупщикомъ Евреемъ, а вслѣдствіе нѣсколько неясныхъ выраженій сенатскаго указа полиція Государственныхъ Имуществъ размежевала воды такъ, что предоставила Волковцамъ самую незначительную часть—Гусинскій ерикъ, гдѣ по ихъ отзыву, почти и не водится рыбы. Они вновь обратились съ просьбой къ князю Воронцову, который, объявивъ Волковцамъ свое сочувствіе ихъ домогательству, поручилъ генералъ-лейтенанту Ѳедорову войти въ ближайшее разсмотрѣніе сего предмета. Какія были дѣйствія генерала Ѳедорова, неизвѣстно; но этому прошло уже болѣе года, и Волковцы сильно ропщутъ. Обстоятельство это, какъ видно будетъ ниже, можетъ имѣть весьма важныя по вреду послѣдствія. Цѣна же, за которую откупщикъ снимаетъ всѣ воды Дунайскихъ устьевъ, въ томъ числѣ и Волковскаго, составляетъ 20 тысячъ рублей сер. въ годъ.

Жабріены—также раскольничье селеніе въ $1^1/_2$ версты отъ моря и въ 15 отъ Волкова, вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ и другими селеніями Измаильскаго градоначальства, завѣдывается особымъ чиновникомъ, имѣющимъ пребываніе въ Волковѣ.

Тайная переправа черезъ Дунай также удобна и также легко производится, какъ и переходъ черезъ границы въ верхней Бессарабіи. Дунай, склоняясь къ морю, развѣтляется на многіе рукава и протоки, образуетъ острова и лиманы и, покрытый съ нашего берега высокимъ камышемъ, а съ Турецкаго—густымъ лѣсомъ, дѣлаетъ мѣстность еще болѣе удобною для укрывательства бродягъ и для побѣговъ; казачій же духъ жителей Буджака и дерзость на водѣ рыболововъ доставляютъ къ тому вѣрные способы. Въ самихъ раскольникахъ болѣе осѣдлости, и они переходятъ почти изъ однихъ религіозныхъ побужденій; но между Малороссіянами не рѣдки такіе примѣры, что жена, не взлюбивъ мужа, мужъ, наскучивъ женой, бѣгутъ въ Турцію и тамъ заключаютъ новые браки. Есть даже такіе промышленники, которые вербуютъ по Россіи бабъ и дѣвокъ и потомъ перевозятъ за Дунай, гдѣ съ ихъ же согласія распродаютъ ихъ Русскимъ бѣглецамъ, нуждающимся въ женахъ. Одинъ изъ такихъ находился въ острогѣ городка Рени при мнѣ (Максимъ Овчаренко), другой Михайло Чернѣенко, по прозвищу *Махни Драла*, ушелъ недавно совсѣмъ за границу. Изъ числа бѣжавшихъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ замѣчательны были двое Колесниковы, отецъ и сынъ, оба ревнители раскола. У отца-Флора найдены были здѣсь бумага и стереотипныя доски для печатанія церковныхъ книгъ [8]); послѣ ихъ побѣга, они вскорѣ были пойманы въ Молдавіи и

[8]) Впослѣдствіе раскольники заводили сношенія съ вольной Русской типографіей въ Лондонѣ. *С. Зв.*

отосланы въ Россію, гдѣ, изъявивъ желаніе присоединиться къ Православію, получили свободу и немедленно вновь бѣжали, возвратясь снова къ расколу. Отецъ Колесниковъ умеръ, а сынъ его Степанъ Фроловъ доселѣ живетъ въ Яссахъ съ ремесломъ переплетчика.

Вотъ по возможности собранныя мною свѣдѣнія о раскольничьемъ народонаселеніи въ Бессарабіи и о пограничныхъ его сообщеніяхъ.

Вслѣдъ за этимъ естественно возникаютъ вопросы: каково состояніе его духа, въ чемъ заключаются его ожиданія и надежды; достигаютъ ли мѣры правительства желанной цѣли и какъ обходятся поповщинцы безъ поповъ?

Хотя, какъ уже сказано, раскольники и ведутъ себя съ благоразумною тишиною, но полагаться на это невозможно. Нельзя и думать, чтобы изувѣръ-раскольникъ равнодушно видѣлъ своихъ дѣтей некрещенными, браки—неосвященными, мертвыхъ неотпѣтыми; чтобы человѣкъ, признающій таинства, спокойно оставался безъ ихъ совершенія. Сколько я могъ замѣтить, въ нихъ ежечасно накопляется скрытое негодованіе, и рѣшимость разорвать союзъ съ родною землею, оскорбляющею будто бы ихъ вѣру, которая для нихъ дороже отчизны, возрастаетъ все болѣе и болѣе. Мѣры правительства, имѣвшія разумною цѣлью не узаконять бѣгства православныхъ священниковъ въ званіе раскольничьихъ поповъ, не заставили однакоже старообрядцевъ обратиться къ Единовѣрію. Правда, два или три семейства въ Хотинѣ прибѣгли къ православнымъ священникамъ для совершенія требъ, но всѣ прочіи остались тверды въ своемъ заблужденіи и предпочли жизнь по мнѣнію ихъ, въ невольномъ грѣхѣ, полагая, что они за это не будутъ отвѣчать Богу. Такого рода грубый и закоренѣлый фанатизмъ не можетъ быть подавленъ насильственными мѣрами, но только усиливается черезъ нихъ и, стремясь къ цѣли, способенъ обмануть всякую бдительность правительства, какъ бы зорко оно ни было. Получивъ силы отъ возникшей за предѣлами Россіи новой лжеіерархіи, расколъ участилъ сношенія съ своими единовѣрцами, сдѣлавшимися иностранными подданными, и связь кровнаго родства съ православными Русскими непрестанно слабѣетъ. Если заграничное вліяніе не достигло всей своей полноты, такъ это потому, что Измаилъ недавно только лишился священника и что послѣ того наѣзжавшій иногда попъ изъ Россіи давалъ имъ возможность обойтись безъ пособія новаго духовенства у себя дома. Но во время его отсутствія они ѣздили и ѣздятъ за границу, преимущественно въ Бѣлую Криницу, снабженную 12-ю попами, или въ Молдавію, гдѣ въ Яссахъ, на Красномъ мосту, живетъ попъ Григорій Кирѣевичъ, а въ Мануиловкѣ, верстъ 70 далѣе за Яссами, другой, важнѣйшій Алексѣй Панкратовъ. Къ нимъ преиму-

щественно прибѣгаютъ для исполненія обрядовъ Русскіе за границей; но сами они послѣ неблагополучнаго путешествія отца Геронтія, взятаго въ Петербургъ, не отваживаются въ предѣлы Россіи, несмотря на большія суммы имъ предлагаемыя. Они предпочитаютъ зазывать раскольниковъ къ себѣ, а эти посѣщенія чужихъ краевъ имѣютъ опасныя послѣдствія; ибо раскольники, переходящіе туда изъ побужденій вѣры, заражаются тамъ политикой и доводятъ вопросы религіозные до размѣра политическихъ... Между тѣмъ эти побѣги готовы повторяться чаще и чаще и обратиться въ цѣлыя переселенія: ибо число доморощенныхъ поповъ уменьшается съ каждымъ днемъ, а остающіеся, пользуясь своимъ положеніемъ, берутъ огромныя деньги за совершеніе обрядовъ [9]), многократные же переѣзды на время за границу слишкомъ неудобны и разорительны для бѣдныхъ людей. Въ озлобленіи своемъ раскольники произносятъ страшныя рѣчи.... «Чего они хотятъ?» такъ говорили они недавно въ Кишиневѣ, въ домѣ Пискарева: «если правительство будетъ продолжать свои преслѣдованія, то или нашего духу не останется въ Россіи, или же.....» Этой фразы они обыкновенно не доканчиваютъ.... Волковцы, налегая больше на лишеніе ихъ свободы рыболовства и умалчивая о другихъ причинахъ, въ разговорѣ со мною впустили между прочимъ слѣдующія слова: «Конечно, оно хоть и не приходится оставлять мѣсто, гдѣ родились и жили наши дѣды, хоть оно и тяжко, все какъ-то надѣешься—да что же дѣлать, придется снаряжать лодки и забирать съ собой женъ и дѣтей». И дѣйствительно, можно прямо поручиться, что этотъ смѣлый народъ при новомъ отказѣ готовъ весь подняться на лодкахъ въ море, съ которымъ друженъ съ дѣтства, и уплыть къ чужеземнымъ берегамъ, уплыть для того, чтобы вмѣстѣ съ другими бѣглецами усилить расколъ за границей, чтобъ увеличить число добровольныхъ изгнанниковъ изъ Россіи, на нее негодующихъ, чтобы послужить новымъ свидѣтельствомъ нашего внутренняго религіознаго разъединенія, чтобъ сдѣлаться орудіемъ чужой политики, чтобъ образовать тамъ новую силу враждебную намъ!... Эти послѣднія слова относятся къ замысламъ Польскихъ эмиссаровъ [10]), которые пытались устроить тамъ, за Дунайской границей, новое казачество, подобное Запорожскому, и одного изъ Малороссовъ Осипа Гончаренко назначить гетманомъ. Эта новая враждебная сила должна была признать и новую лже-іерархію. Такимъ образомъ съ понятіемъ о послѣдней соединяется и понятіе о возможности отдѣльнаго, само-

---

[9]) До 300 рублей серебромъ за одно обвѣнчаніе и пр....

[10]) Въ особенности Потоцкаго, жившаго въ Турціи съ этимъ намѣреніемъ цѣлый годъ.

стоятельнаго политическаго значенія и всякаго разрыва съ православною Русью. Попытка эта, важная какъ мысль, не удалась. Всѣ подробности ея мнѣ неизвѣстны [11]), но одною изъ причинъ неудачи были религіозныя распри. Заграничная деревня Серакёй возбудила сомнѣніе, что лже-митрополитъ былъ крещенъ не чрезъ погруженіе въ воду, а чрезъ обливаніе. Къ этому присоединилась и нелюбовь Русскихъ къ Грекамъ, страхъ подпасть подъ зависимость Греческаго духовенства, наконецъ и то, что новая іерархія учреждена была собственно стараніями однихъ Бѣлокриницкихъ монаховъ, при содѣйствіи іезуитовъ, безъ участія придунайскихъ раскольничьихъ сторожиловъ. Эти Дунайскіе сторожилы, состоя подъ Турецкимъ владычествомъ, много отличаются отъ Австрійскихъ раскольниковъ, подчиняющихся непремѣнно болѣе или менѣе Европейскому вліянію и изъ коихъ, какъ извѣстно, *нѣкоторые засѣдали даже въ Пражскомъ сеймѣ* [12])... Когда поставленный митрополитомъ архіерей прибылъ на Дунай, то Серакёй не призналъ ни его, ни рукоположеннаго имъ попа Онисима; его примѣру послѣдовали часть Старой Славы, Каменки и новой слободы (Новинокъ). Архіерей же избралъ мѣстомъ пребыванія Журиловку, которая приняла его вмѣстѣ съ прочими Русскими селеніями въ Турціи.

Вскорѣ послѣ того Бабадахскому аяну сдѣлали доносъ, что раскольники признавшіе Греческаго митрополита хотятъ соединиться за одно съ Греками и ниспровергнуть Оттоманскую Имперію. Дѣло доходило до султана, а между тѣмъ (какъ расказывалъ мнѣ одинъ Некрасовецъ Памфилъ Анисимовъ) архіерея, попа Онисима, Осипа Гончаренко и какого-то Димитрія Свиткова засадили въ тюрьму, гдѣ они и находились около 6 мѣсяцевъ [13]). Наконецъ, султанъ приказалъ ихъ освободить, повелѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы принявшіе новое духовенство жили отдѣльно отъ непризнававшихъ его и чтобъ первые выѣхали всѣ изъ Серакёя и Славы. Но самое важное обстоятельство, которымъ наше правительство, конечно, не оставитъ воспользоваться, это то, что тѣже сѣмена раздора перенесены черезъ Дунай и къ нашимъ Бессарабскимъ раскольникамъ. Некрасовцы долго колебались и, наконецъ, по убѣжденіямъ старика Памфила Онисимова (уроженца деревни Серакёй) и еще какого-то Панкрата, рѣшились не признавать новой іерархіи во первыхъ потому, что считаютъ лже-митрополита крещен-

---

[11]) См. объ этомъ Субботина: Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій. Москва 1867 г. *С. Зв.*

[12]) На сеймѣ, въ Прагѣ, былъ Бѣлокриницкій инокъ Алимпій, прося защиты отъ „несправедливыхъ" притѣсненій раскольниковъ со стороны Австріи и Россіи. *С. Зв.*

[13]) См. озн. соч. Субботина, стр. 32. *С. Зв.*

нымъ не чрезъ погруженіе, а чрезъ обливаніе; во вторыхъ потому, что боятся такимъ образомъ лишиться высочайше дарованныхъ имъ правъ. Памфилъ Онисимовъ, часто употреблявшійся Измаильскимъ полицейскимъ Фонъ-Чуди для секретныхъ дознаній о дѣйствіяхъ Поляковъ за Турецкой границей, самъ расказывалъ мнѣ все это, утверждая, что Некрасовцы предпочитаютъ имѣть своего доморощеннаго попа и спокойно оставаться въ Россіи, пользуясь милостью Государя. Хотя попъ и взятъ былъ отъ нихъ, но они не считаютъ себя лишенными права искать другаго; нашли было одного, но онъ оказался пьяницей, и потому хотятъ просить позволенія взять бѣглаго попа, поставленнаго *не новыми* іерархами изъ Молдавіи.

Онъ спрашивалъ меня: не извѣстно ли мнѣ, «отнимутся ли отъ нихъ права или нѣтъ?» Я отвѣчалъ, что этого не знаю, но что они скорѣе могутъ надѣяться удержать ихъ за собою, не признавая новаго духовенства, нежели признавая. Отъ тотчасъ же поспѣшилъ сообщить мои слова всей Некрасовской общинѣ. Хотя Онисимовъ и утверждалъ, что примѣру ихъ послѣдовала почти вся нижняя Бессарабія, однако Волковцы на спросъ мой, признаютъ ли они Журиловскаго архіерея, отвѣчали спачала, что признаютъ, потомъ уже стали говорить, что нѣкоторые изъ нихъ признаютъ, другіе нѣтъ. Въ разсказѣ своемъ они сами безъ моего указанія сообщили мнѣ тоже, что и Некрасовецъ, и сами назвали Онисима и Панкрата, какъ главныхъ противниковъ лже-іерархіи. На слова мои о крещеніи нѣкоторые возразили, что этотъ вопросъ уже рѣшенъ Бѣлокриницкими монахами Алимпіемъ и Павломъ Васильевымъ, которые были отправлены на иждивеніе Петербургскаго купца Громова и Московскаго Волкова въ путешествіе по всѣмъ христіанскимъ землямъ для описанія церковныхъ обрядовъ, и которые въ книжкѣ, ходившей у раскольниковъ по рукамъ, доказали будто бы, что въ мѣстѣ рожденія митрополита обряда обливанія не существуетъ. Спросить же воспріемниковъ они не могли за смертію ихъ. Впрочемъ надо замѣтить, что Волковцы, находившіеся не на границѣ и сообщающіеся съ Турціей моремъ, теперь, съ наступленіемъ зимы и съ прекращеніемъ рыболовства, не могутъ имѣть частыя сношенія съ своими Задунайскими единовѣрцами. Какъ далеко проникъ этотъ спорный вопросъ въ Россіи, прослѣдить я не могъ [14]; но съ достовѣрностію можно предположить, что здѣшніе раскольники-попы не совсѣмъ благопріятствуютъ этой новой заграничной фабрикѣ поповъ, отбивающей у нихъ хлѣбъ, вліяніе и силу. Поэтому наши доморощен-

---

[14]) По возвращеніи моемъ изъ Бессарабіи въ Москву, я узналъ, что Рогожское кладбище не признаетъ лже-іерархіи; покрайней мѣрѣ большая часть изъ прихожанъ, коихъ всѣхъ считается до 100 тысячъ.

ные раскольничьи священники, не смотря на весь ихъ вредъ съ одной стороны, съ другой могутъ, кажется, оградить насъ отъ большей бѣды—отъ заграничнаго вліянія. По симъ-то уваженіямъ, получивъ тайное донесеніе о пребываніи бѣглаго раскольничьяго попа съ Дона, подъ именемъ купца, въ Кишиневѣ, въ домѣ Пискарева, и въ тоже время узнавъ о затѣвавшихся было до его пріѣзда намѣреніяхъ многихъ изъ раскольниковъ отправиться за границу для крестинъ и вѣнчанія, я не рѣшился требовать отъ городской полиціи (которая вовсе о немъ и не знала) его задержанія. Такимъ способомъ удалось на время остановить многія поѣздки за границу. Этотъ попъ, скрывавшійся въ Бессарабіи подъ именемъ купца Никанора (тотъ самый, котораго за пьянство не захотѣли взять къ себѣ Некрасовцы), теперь находится Херсонской губерніи, въ селѣ Плоскомъ, близъ границы Ольгопольскаго уѣзда, гдѣ лежитъ тяжко боленъ въ домѣ крестьянина Григорія Звѣрева, и Бессарабскіе раскольники, боясь его смерти, уже думаютъ между собою, какъ имъ быть безъ него на будущее время?

Чтоже кромѣ раскольничьихъ поповъ можетъ служить противодѣйствіемъ заграничному вліянію, и способны ли Русскіе чиновники и православные священники достигать этой благой цѣли правительства?... Извѣстно, что въ глазахъ простого народа, всякій крестьянинъ, всякій проникнутый ложнымъ, но сильнымъ убѣжденіемъ мужикъ имѣетъ гораздо болѣе авторитета, нежели люди другаго званія; православные же наши чиновники не только не внушаютъ раскольникамъ уваженія къ себѣ своимъ полнѣйшимъ невѣжествомъ въ православномъ ученіи, но еще постоянно раздражаютъ оскорбленіями повидимому ничтожными, для поповщинцевъ же весьма чувствительными, какъ-то: насмѣшками надъ ихъ некрещеными дѣтьми, надъ блуднымъ сожитіемъ и т. п. Всему этому былъ я много разъ самъ свидѣтелемъ.

Что же касается до православнаго духовенства, то изъ неоднократныхъ разговоровъ моихъ съ старообрядцами я убѣдился въ совершенномъ отсутствіи довѣрія къ нему съ ихъ стороны. Закоснѣлость раскольниковъ доходитъ до того, что они считаютъ нашихъ священниковъ казенными чиновниками, которые говорятъ только то, что̀ имъ приказано. Они глумятся надъ тѣмъ, что архіереи подписываются у насъ «смиренными архіереями и кавалерами», осмѣливаются утверждать, что «Святѣйшій Синодъ не Соборъ, а присутственное мѣсто, управляемое оберъ-прокуроромъ» и что «въ немъ допускаются къ службѣ Лютеране и Католики»; наконецъ, на упреки на оставленіе родной земли отвѣчаютъ, что «уже лучше имъ жить между иностранцами, совершенно имъ чуждыми, нежели между своими объиностранившимися Русскими». Подобныя мнѣнія остаются безъ искусныхъ возраженій, и

потому полезно было бы, кажется, еслибъ духовной силѣ раскольниковъ за границею была противопоставлена другая духовная сила съ бо́льшимъ авторитетомъ.

Въ этомъ отношеніи православные іерархи Славянскихъ племенъ въ Турціи и Австріи, во всякомъ случаѣ пользующіеся у нихъ бо́льшимъ уваженіемъ, нежели Россійскіе, могли бы оказывать постоянную услугу правительству, дѣйствуя на старообрядцевъ проповѣдью и возбужденіемъ общественнаго мнѣнія, которое не тяготѣетъ надъ ними за границею такъ, какъ оно тяготѣетъ здѣсь въ предѣлахъ Россіи.

Впрочемъ нельзя не пожалѣть, что даже между Славянами православная іерархія находится большею частію въ рукахъ Грековъ...

И такъ, изъ всѣхъ приведенныхъ фактовъ можно видѣть, вполнѣ ли достигаютъ благія намѣренія правительства своихъ желанныхъ результатовъ и достаточны ли принятыя имъ полицейскія мѣры. Съ этимъ вмѣстѣ можно съ достовѣрностью заключить, что въ настоящее время существованіе у раскольниковъ поповъ Русскаго издѣлья менѣе опасно, нежели новая заграничная лже-іерархія [15]). Первое есть явленіе чисто религіозное, второе носитъ на себѣ и политическій характеръ съ примѣсью новыхъ вредныхъ мнѣній, проникающихъ въ такой слой народа, который къ счастію оставался совершенно имъ чуждъ доселѣ.

Вотъ подробное изложеніе наблюденій моихъ надъ раскольниками въ теченіе краткаго времени проведеннаго мною въ Бессарабіи.

Соображенія.

Въ настоящее время положеніе раскольничьихъ дѣлъ требуетъ, по мнѣнію моему, принятія нѣкоторыхъ особенныхъ мѣръ, а именно:

I. При очевидной недостаточности мѣръ полицейскихъ къ прегражденію побѣговъ за границу и, слѣдовательно, къ предотвращенію опаснаго въ религіозномъ и въ политическомъ смыслѣ вліянія заграничной лже-іерархіи, необходимо отнять самый поводъ къ побѣгамъ и для сего оставить на время существованіе бѣглыхъ поповъ Русскаго издѣлья безъ преслѣдованія, о чемъ и дать знать по секрету мѣстнымъ начальникамъ, а въ особенности Новороссійскому и Бессарабскому генералъ-губернатору.

---

[15]) И. С. Аксаковъ увлекается политической точкой зрѣнія, въ ущербъ каноническимъ постановленіямъ, по которымъ и бѣглый епископъ, и бѣглый попъ одинаково „обнажены священства“ и, какъ такіе, суть самозванцы, вредные и въ политическомъ отношеніи Правительство Николая Павловича, строго охранявшаго постановленія церкви, не могло не обратить вниманіе на это сужденіе Аксакова и соотвѣтственное этому „соображеніе № 1). Несомнѣнно, что при обвиненіи Аксакова „въ либеральномъ образѣ мыслей Мартѣ 1849 года (Истор. Вѣст. 1888 г., Февр., стр. 330) имѣлись въ виду и) намп курсивомъ мѣста его отчета. *С. Зв.*

II. Такъ какъ возбранить всякія сношенія по границѣ способами полицейскими невозможно, то слѣдовало бы, кажется, не разрушая извѣстныхъ уже правительству тайныхъ путей раскольничьихъ сношеній, ограничиться однимъ наблюденіемъ за характеромъ и значеніемъ сообщеній Бессарабскихъ раскольниковъ, какъ съ своими заграничными единовѣрцами, такъ и съ раскольниками внутреннихъ губерній. Для сего необходимо было бы имѣть въ Бессарабіи постояннаго благонадежнаго агента Министерства изъ чиновниковъ, отправляемыхъ туда Министерствомъ на службу.

III. Въ запискѣ моей сказано, что православное духовенство не пользуется у раскольниковъ никакимъ авторитетомъ. Для возстановленія его вліянія необходимо было бы во всѣхъ мѣстахъ пограничныхъ съ раскольническими поселеніями или находящихся въ одной съ ними чертѣ назначить къ православнымъ церквамъ самыхъ образованныхъ, умныхъ и достойныхъ священниковъ, способныхъ уже однимъ поведеніемъ своимъ заслужить уваженіе сектантовъ. Сверхъ того необходимо было бы, чтобъ эти священники были приготовлены къ дѣйствованію на раскольниковъ особымъ спеціальнымъ образованіемъ, котораго инымъ способомъ они пріобрѣсть не въ силахъ: ибо съ одной стороны скрытность раскольниковъ, съ другой недостатокъ средствъ сельскаго іерея мало представляютъ возможности къ собранію всѣхъ нужныхъ для достиженія этой цѣли свѣдѣній.

IV. Не мѣшало бы, кажется, чтобъ генералъ-губернаторы и начальники губерній внушали своимъ чиновникамъ, имѣющимъ по службѣ своей сношенія съ поповщинцами, въ отношеніи къ послѣднимъ соблюдать должное приличіе и не оскорблять ихъ безполезными и даже опасными насмѣшками.

V. Можно было бы войти въ ближайшія сношенія съ Славянскими іерархами въ Турціи и Австріи и, какъ они пользуются у раскольниковъ бо̀льшимъ уваженіемъ, нежели Россійскіе, убѣдить ихъ дѣйствовать на раскольниковъ за границею проповѣдью и возбужденіемъ общественнаго мнѣнія, которое не тяготитъ надъ ними тамъ въ такой степени, въ какой тяготитъ надъ ними въ самой Россіи.

VI. Что̀ касается до Волковцевъ, то ихъ можно было бы на долго успокоить, если бы дать ходъ ихъ домогательству относительно неправильнаго размежеванія водъ. Для сего слѣдовало бы спросить генерала Өедорова по поводу дошедшихъ до Министерства свѣдѣній «о настоящемъ положеніи этого дѣла».

VII. Необходимо поддерживать между раскольниками мысль, что лже-митрополитъ крещенъ чрезъ обливаніе, а не чрезъ погруженіе.

ВСЕРОССІЙСКІЙ ДВОРЯНСКІЙ МОЛЕБЕНЪ.

Въ 1851 году исполнилось двадцатипятилѣтіе царствованія императора Николая Павловича. Событіе это было отпраздновано торжественнымъ образомъ въ каждой губерніи. Но дворянство Смоленской губерніи не удовлетворилось оффиціальнымъ празднованіемъ царскаго юбилея: оно задумало отправить отъ себя депутацію въ Москву и тамъ въ Большомъ Успенскомъ соборѣ отслужить молебенъ за здравіе и благоденствіе Вѣнценоснаго Юбиляра. Смоленскій предводитель дворянства князь Друцкой-Соколинскій въ одномъ изъ своихъ писаній по этому предмету говоритъ, что мысль о посылкѣ дворянской депутаціи въ Москву „выразилась въ письмахъ къ нему множества частныхъ лицъ, служащихъ, уѣздныхъ предводителей дворянства и др“. Князь Друцкой-Соколинскій обращался по поводу задуманнаго молебна къ Смоленскому епископу, и тотъ благословилъ дворянское предпріятіе.

Тогда Смоленскіе дворяне расширили кругъ своихъ желаній. Среди нихъ возникла новая мысль: устроить дѣло такъ, чтобы молебенъ въ Москвѣ былъ не *Смоленскимъ* только, а *Всероссійскимъ*, чтобы депутаціи изо всѣхъ Русскихъ губерній съѣхались въ извѣстное время въ Бѣлокаменную и тамъ совершили общее молитвословіе. А поэтому Смоленскій предводитель въ Декабрѣ 1851 года разослалъ многимъ губернскимъ предводителямъ письма съ просьбою пригласить мѣстное дворянство къ участію во Всероссійскомъ молебнѣ. Вмѣстѣ съ письмами предводителямъ было адресовано постановленіе Смоленскаго дворянства о приглашеніи къ устраиваемому молебну дворянъ другихъ губерній. Въ этомъ постановленіи Смоленскіе дворяне говорятъ: „Въ пламенной любви и преданности къ царю *нигдѣ намъ не уступать*. Мысль Смольянъ есть мысль Россіянъ. Она горитъ уже лучомъ безсмертія! На наше движеніе, среди благоговѣйнаго удивленія великимъ подвигамъ Вѣнценосца, намъ откликнутся вѣрные сыны въ отдаленнѣйшихъ концахъ Россіи.... Радость и восторгъ отечества хлынутъ къ сердцу Россіи, и торжественный ѳиміамъ вознесется къ Небу!“

Въ числѣ другихъ и Курскій губернскій предводитель получилъ приглашеніе Смоленского дворянства. Тогда онъ счелъ нужнымъ обратиться къ уѣзднымъ предводителямъ и просить ихъ созвать уѣздныя дворянскія собранія, на которыхъ Курскіе дворяне могли бы высказаться по поводу приглашенія къ участію въ задуманномъ Смоленскимъ дворянствомъ Всероссійскомъ молебнѣ. На всѣхъ уѣздныхъ собраніяхъ Курскіе дворяне единодушно и единогласно примкнули къ желанію Смоленскаго дворянства. Въ приговорахъ собраній по этому предмету исчислены всѣ дѣянія императора

Николая Павловича, какія даютъ ему право на особое выраженіе чувствъ безпредѣльной преданности дворянства къ особѣ Монарха. Во главѣ этихъ дѣяній поставлены: „Доведеніе Россіи до высшей степени величія и славы, которыми гордимся мы предъ всѣми державами. Послѣдній разительный примѣръ этого: когда весь западъ Европы воспламенился духомъ безначалія и ниспроверженіемъ властей законныхъ, одна Святая Русь, одушевленная твердою вѣрою въ Бога, устояла, какъ гранитная скала, не подвергшись никакой перемѣнѣ въ общественномъ благоденствіи своемъ.“ Дворяне всѣхъ уѣздовъ Курской губерніи были согласны съ Смоленскими дворянами послать въ Москву депутацію, которая должна состоять изъ губернскаго и всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Тогда Курскій губернскій предводитель 14 Января 1852 года послалъ въ Смоленскъ тамошнему предводителю такое сообщеніе: „М. г. князь Михаилъ Васильевичъ! Въ ознаменованіе, хотя и слабое, благоговѣйнаго удивленія и вѣрноподданнической благодарности къ обожаемому Монарху въ юбилей его царствованія, дворянство нашей губерніи желало пожертвовать въ прошломъ Августѣ мѣсяцѣ капиталъ около 40,000 р., ему принадлежащій, на учрежденіе въ Курскѣ банка и при немъ дѣтскаго пріюта; но по непредвидѣннымъ причинамъ желаніе наше не увѣнчалось успѣхомъ. Итакъ вы можете, князь, представить себѣ, съ какимъ восторгомъ, послѣ такой прискорбной для насъ неудачи, мы всѣ принимаемъ предложеніе ваше участвовать въ депутаціи для принесенія, *въ день Сошествія Святаго Духа*, благодаренія Зиждителю міровъ за блага, дарованныя Имъ Россіи въ особѣ Царя—отца отечества, въ изъявленіе, хотя теперь нашихъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Завидуемъ однако вамъ, князь, какъ человѣку, у котораго родилась идея этого торжественнаго акта.“

Вслѣдъ за Курскимъ дворянствомъ отозвалось на призывъ Смоленскаго губернскаго предводителя и Владимірское. Затѣмъ получились въ Смоленскѣ извѣстія и изъ другихъ губерній ближнихъ и дальнихъ съ выраженіемъ желанія прислать свои депутаціи въ Москву въ извѣстное, указанное Смоленскимъ дворянствомъ время. Мысль отправить въ Успенскомъ соборѣ Всероссійскій молебенъ именно въ день Святаго Духа была предложена княземъ Друцкимъ-Соколинскимъ. „Дары Святаго Духа, писалъ онъ по этому поводу, осѣнятъ благодатію торжественное возношеніе народа и озарятъ вѣрноподданныхъ свѣтомъ разума.“

Какъ видно изъ архивныхъ документовъ, задуманный Смоленскимъ дворянствомъ торжественный молебенъ мало по малу пріобрѣлъ характеръ и значеніе всенароднаго акта. Съѣздъ для молебна представителей—дворянъ изо всѣхъ Русскихъ губерній, представилъ бы собою событіе грандіозное, небывалое! Но этого мало. Купечество тѣхъ губерній, гдѣ началось дѣло объ участіи во Всероссійскомъ молебнѣ, „освѣдомясь, что дворянство положило въ сердцахъ своихъ принести торжественное благодареніе ко Всевышнему и, будучи оживлено тѣмъ же духомъ благоговѣнія къ щедротамъ и милостямъ Государя, изъявило желаніе стать при семъ важномъ событіи

рядомъ съ представителями дворянства.“ Такимъ образомъ предположенный Всероссійскій молебенъ, при участіи купечества, долженъ былъ пріобрѣсти еще больше силы и величія. Но дворяне нѣкоторыхъ губерній, въ томъ числѣ и Курской, нашли, что мысль объ общемъ моленіи въ Успенскомъ соборѣ *едва ли удовлетворительна.* Нѣтъ, тутъ необходимо большее! Необходимо „высказать во всеуслышаніе то, что такъ глубоко запечатлѣно въ сердцахъ каждаго изъ насъ—желаніе: отъ лица дворянства всей Россійской имперіи поднести Государю Императору священное титло *Великаго и Отца Отечества.*“

Желаніе поднести Государю особый титулъ раздѣляло и дворянство Смоленской губерніи. Когда князь Друцкой-Соколинскій увидѣлъ, что мысль его о молебнѣ принята съ одушевленіемъ и сочувствіемъ, то онъ счелъ возможнымъ испросить на осуществленіе ея высочайшее разрѣшеніе. Вслѣдствіе этого князь адресовалъ министру внутреннихъ дѣлъ графу Перовскому слѣдующее представленіе:

„Убѣждаясь изъ получаемыхъ отъ г.г. губернскихъ предводителей дворянства отзывовъ, что благоговѣйная мысль о торжественномъ возношеніи благодаренія въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ принадлежитъ уже не Смоленской губерніи, а Россіи, и что къ вамъ отправляются о томъ представленія и ходатайства изъ разныхъ губерній, я почитаю долгомъ, согласно постановленію Смоленскаго дворянства, просить ваше сіятельство при всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю представленій другихъ губерній повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе и мое представленіе о желаніи сословій Смоленской губерніи вознести моленіе и благодареніе Господу за ниспосланіе XIX вѣку на тронѣ Сѣвера Вѣнценосца Императора Николая Перваго.“

Такія же представленія графу Перовскому были отправлены отъ предводителя Курской губерніи и другихъ губернскихъ предводителей.

18 Марта 1852 года отъ министра внутреннихъ дѣлъ получился отвѣтъ:

„Вслѣдствіе представленія вашего, писалъ министръ Курскому предводителю, имѣю честь васъ увѣдомить, что по всеподданнѣйшему докладу объ извѣстномъ вамъ желаніи прислать депутатовъ отъ дворянства и купечества въ Москву для возсланія молитвъ въ тамошнемъ Успенскомъ соборѣ, Государь Императоръ на томъ докладѣ изволилъ собственноручно написать: „*Молиться, буде хотятъ, могутъ вездѣ, и можетъ каждый про себя, а не въ видѣ общемъ.*“

Такимъ образомъ задуманный въ грандіозныхъ размѣрахъ Всероссійскій молебенъ въ Москвѣ не состоялся, и дворяне уже не возбуждали болѣе дѣла о поднесеніи Николаю Павловичу титула „Великаго.“

1887 г. Февраля 20.

А. Танковъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА

1855-й годъ *).

Май — Октябрь.

Кажется, мы не отстоимъ Севастополя. Больно и грустно! Страшные убытки, нами терпимые, вознаграждаются въ нѣкоторой степени огромными расходами союзниковъ. Побѣда наша важна будетъ тѣмъ, что исполнитъ ожиданія народовъ, напряженіе которыхъ таково, что неудача размела бы въ разныя стороны нынѣшнія правительства Англіи и Франціи и утвердила бы убѣжденіе въ нашей силѣ и прочности. Если, не смотря на ихъ усиленные способы и помощь Австріи, мы останемся непобѣдимыми, толпа во Франціи и Англіи заговоритъ и потребуетъ преобразованій устами новыхъ Робертъ-Пилей, болѣе важныхъ и радикальныхъ, нежели на митингѣ Лондонской таверны. Лорда Пальмерстона узнать нельзя; удаленіе Друенъ-де-Люиса и объяснить трудно; перемѣщеніе Канробера въ подчиненные Пелисье—все показываетъ, что союзники въ необыкновенныхъ затрудненіяхъ и что взятіе Севастополя будетъ для нихъ передышкой...

Дѣла принимаютъ все болѣе и болѣе грозный видъ. Союзники сближаются къ Севастополю, они заняли Керчь, флотъ ихъ, въ числѣ 20 судовъ, передъ Кронштадтомъ у Красной Горки. Они объявили, что флагъ не покрываетъ поклажи. Австрія составила для Россіи новый ультиматумъ, уже сообщенный въ Парижъ и Лондонъ. У насъ, кромѣ набора стрѣлковъ и ополченій, учреждаются Малороссійскіе полки козачьи. Но чего это все стоитъ? Но какъ успокоить потомъ столь сильно возбужденныя повсемѣстно требованія?—Надняхъ читаютъ повелѣніе: такого-то офицера освободить отъ производимаго съ него взысканія, обезпечиваемаго имѣніемъ его жены. Между нашими ничтожными старичками это произвело довольно гласный ропотъ. Надняхъ слушается дѣло между Рязановымъ и Голубковымъ о золотыхъ пріискахъ. Оберъ-прокуроръ, любезный Полячекъ Л—ій, по внушеніямъ, далъ предложеніе, ни съ того ни съ сего, противъ воли казны и вопреки мнѣнія министра финансовъ, взять пріиски въ казну, т. е.—

*) См. выше, стр. 249.

отдать камерфлейлинѣ Т... Старики наши закричали и кричали довольно громко... Сидя съ ними и слушая ихъ крикливыя брани на графа Панина за назначеніе присутствовать въ вакантное время, слушая затѣмъ толки и пересуды ихъ, болѣе нежели когда-нибудь громкіе о невѣжествѣ нашихъ военныхъ распорядителей, я желалъ представить себѣ ликъ покойнаго Государя: ликъ строгій и могущественный, передъ которымъ смирялась и стихала буйная челядь, чувствующая теперь, что узда понемногу ослабѣваетъ... Можетъ быть хорошо, что ничего не отмѣняютъ изъ распоряженій и видовъ Николая; но отъ чего пересуды громче, отъ чего въ воздухѣ новое вѣяніе? Отчего самонадѣянность упорнѣе, посредственность увѣреннѣе? Въ годину бѣдствій недостаточно умѣнья и ловкости навыка: нужна геніальность. Эти крики и эти бѣдствія подчинятся ей; но ея нѣтъ, и не видно. Толкуютъ о какомъ-то Русскомъ направленіи, объ образованіи стараго дворянства, объ осторожномъ просвѣщеніи. Русскій духъ—это степная, заскорузлая жизнь полуварваровъ; старое дворянство—это царедворскіе происки Долгорукихъ (по кончинѣ Петра II-го); осторожное просвѣщеніе—это угнетеніе мысли и народной самостоятельности... Я увѣренъ, что при покойномъ государѣ и въ виду исключительныхъ обстоятельствъ не было бы ни такой гласности, ни такой рѣзкости толковъ.

Мы обѣдали и долго толковали сегодня съ Сафоновымъ и докторомъ Андріевскимъ, двумя ближними боярами свѣтлѣйшаго барина Воронцова. Какое управленіе, судя по ихъ словамъ, какая безпечность въ распоряженіяхъ! Два разсказанные ими случая о пользованіи помѣщичьими лѣсами и о крѣпостномъ правѣ, объ управленіи отобранными церковными имуществами (низшедшими отъ 70 тыс. дохода до 17 тыс.), о «распродажѣ» плѣнныхъ—показываютъ такую безпечность, такое неумѣнье, что удивляешься, какъ еще положеніе дѣлъ остается такимъ, какъ оно есть. Ближайшіе бояре очевидно не разсчитываютъ на всплытіе князя, и конечно тягчайшее наказаніе для него—ихъ разсказы... Это преобразователи края!...

Сегодня, 28 Мая, пришла резервная дивизія изъ Москвы. Это около 25 тыс. человѣкъ съ генераломъ А. А. Обручевымъ; но въ какомъ положеніи?... Не видавъ этихъ людей, трудно повѣрить, до какой степени истощенія должны быть доведены и рекрутскіе участки и запасы: это какой-то сбродъ и сборъ безмундирныхъ. Кто въ фуражкѣ, кто въ киверѣ безъ кокарды; мальчишки лѣтъ по 18-ти, истощенные, невыдержанные; а корпусъ офицеровъ еще того хуже... Пріѣхалъ князь Барятинскій (тотчасъ по отъѣздѣ королевы Виртембергской), ждутъ принца Прусскаго. Вмѣстѣ съ грустными вѣстями читаютъ циркуляры. Нашъ отвѣтъ на ноту гр. Валевскаго написанъ хо-

рошо, но уже не въ прежнемъ духѣ. Онъ признаётъ обязательнымъ все, достигнутое на Вѣнскихъ совѣщаніяхъ и вопросы о княжѣствахъ и о Дунаѣ считаетъ конченными: преждевременная уступка, обличающая ослабленіе и едва ли достигающая цѣли. Если судить по нотамъ Австрійской 13 Мая и Прусской 23-го, есть какое-то стѣсненіе, замѣшательство и какая-то мечтательность въ разсужденіяхъ о положительныхъ гарантіяхъ и равновѣсіи вообще.

У насъ продолжаются преобразованія въ обмундированіи. Поднимается Донъ поголовно, расходятся дружины ополченія. Нѣтъ надежды на успѣхъ, нѣтъ никакого довѣрія къ полководцамъ; но нѣтъ и слѣда отчаянія и безнадежности, хотя дѣла идутъ чрезвычайно дурно. Слухи назначаютъ гр. Орлова предсѣдателемъ Комитета мин.; на его мѣсто кн. Василія Долгорукова, военнымъ министромъ кн. М. Горчакова, а въ Крымъ Н. Н. Муравьева, на Кавказъ же графа Остенъ-Сакена. Все это возможно, но всѣ это дѣлу не поможетъ, а скорѣе къ недостаткамъ прибавитъ запутанность. Дерутся наши военные превосходно. Нельзя читать безъ удивленія, какъ отважно, съ какимъ самозабвеніемъ терпятъ и переносятъ лишенія наши солдаты и офицеры. Но генераловъ нѣтъ. Повторяется чаще другихъ имя молодаго генерала Тотлебена и только. Указываютъ на Лидерса и Граббе, но они не имѣли случая показать себя. Общій ропотъ встрѣчаетъ всякое назначеніе; точно выродился народъ. Но не слышно ни о какихъ одностороннихъ вліяніяхъ. Поговариваютъ объ образованіи боярскаго дворянства, говорятъ о силѣ Я. И. Ростовцева и И. М. Толстаго. Обстоятельства такъ складываются, что сознаніе національное готово выразиться не въ однихъ стихахъ. Можетъ быть, позабывъ Николаевское раболѣпство, явится кто-нибудь и скажетъ громко и твердо правду... И тогда эта несчастная война обратится въ пользу и будетъ указаніемъ Провидѣнія нашему забвенію.

Стоявшій у Кронштадта флотъ отошелъ верстъ на 40, Азовская эскадра разорила берега и города, осада Севастополя подвигается съ страшными уронами. Успѣхи военные придали бодрости Англійскому министерству, и продолжительные бранные споры, разрѣшились ничтожнымъ, единогласно принятымъ, предложеніемъ Беринга: «Cette chambre, ayant vu avec regret que les conférences de Vienne n'ont pas amené la fin des hostilités, croit de son devoir de déclarer, qu'elle appuyera de tout son pouvoir s. m. dans la poursuite de la guerre jusqu'à ce que s. m., conjointement avec ses alliés, obtienne pour ce pays une paix sûre et honorable. Конечно послѣ рѣчей въ пользу мира правительству было необходимо это предложеніе; но это успѣхъ необходимости, и нравственной опоры въ немъ искать нельзя. Прѣнія

были любопытны и не совсѣмъ осторожны. Австрія и Пруссія имѣютъ право быть ими недовольны, и удаленіе первой отъ дальнѣйшихъ связей съ союзниками едвали невѣроятно... Сколько крови и смерти, какія ужасныя лишенія и пожертвованія! При видимыхъ блескѣ и роскоши сколько невидимыхъ нищеты и крайности! Этотъ переворотъ 1848 г. такъ и гнетъ къ демократіи, обнищанію, изнуренію обществъ. Въ громѣ битвъ и прѣніяхъ мы едва слышимъ голосъ нужды и голода; но съ заключеніемъ мира онъ раздастся и такъ повсемѣстно, что, можетъ быть, радикальныя преобразованія, о которыхъ теперь ни слуху ни духу нѣтъ, будутъ недостаточны для предупрежденія внутреннихъ, гражданскихъ, соціалистическихъ междоусобій. Eundo crescit развитіе общественныхъ началъ въ наше время, и по слѣдамъ идутъ грустныя и злыя послѣдствія за бѣдными и несчастными мѣрами непредусмотрительности и гордыни.

Надобно было видѣть сегодня, какъ принято было извѣстіе изъ Крыма объ отраженіи нападенія или приступа на наши укрѣпленія 6 Іюня. Точно освѣжающая вода коснулась жаркихъ устъ измученченнаго жаждою человѣка. Участіе было общее и искреннее. Но точно ли это важное дѣло и должно имѣть значеніе? Князь Горчаковъ пишетъ о смертоносной канонадѣ, о неимовѣрномъ бомбардированіи, о храбрости какъ генераловъ, такъ и солдатъ... Но оробѣлъ ли врагъ, покачнулся, поколебался ли онъ? Дай Богъ! Подождемъ; но извѣстіе было встрѣчено съ радостью.

Послѣ нападенія 6 (18) Іюня, союзники, столь потерпѣвшіе, требуютъ новыхъ подкрѣпленій и приготовляются къ новому штурму и къ новымъ утратамъ. Старикъ фельдмаршалъ лордъ Рагланъ умеръ. Наступили жары. Кромѣ Севастополя, всѣ берега Чернаго моря опустошаются набѣгами и разбоями особенно со стороны любезныхъ нашихъ подданныхъ Крымскихъ Татаръ. Керчь не существуетъ. У князя Горчакова войскъ довольно; генералъ Муравьевъ дѣлаетъ диверсію на Карсъ. Пора приступить къ чему нибудь рѣшительному. Истощеніе Европы близко. Дороговизна у дверей... Наступитъ неурожай, голодъ: образованная Европа одичаетъ, и тамъ явятся шайки, подобно нашимъ Саратовскимъ, гдѣ на дняхъ поймано 35 разбойниковъ и въ числѣ ихъ 11 дезертировъ, опустошавшихъ окрестности города... По заключеніи мира нужда закричитъ громко и тѣмъ громче, что нынѣ ей слишкомъ много обѣщаютъ, а со временемъ, при множествѣ требованій, слишкомъ мало дадутъ. Опасность настоящая заставляетъ забывать бо́льшую опасность будущую. Въ 1854 г. Гладстонъ не хотѣлъ вести войну, подобно Франціи, на счетъ будущихъ поколѣній, т. е. займомъ, и Англія увеличила налоги. Франція заняла и занимаетъ;

но нынче, предполагая заемъ почти вдвое (750 мил. франковъ), она, слѣдуя системѣ Гладстона, увеличиваетъ и налоги (10%). Но здѣсь нѣтъ погашенія, и это мѣра конечно обоюдо-острая. Непредвидимая случайность можетъ породить величайшія затрудненія. Мы, люди молодые и новые, легче перенесемъ нужду; у насъ вообще солдатъ на половинныхъ издержкахъ: другую половину онъ беретъ тамъ, гдѣ лежитъ плохо. Наше неустройство и нашъ порядокъ, которому помогаетъ и крѣпостное право, очень много содѣйствуютъ военнымъ сбереженіямъ, идущимъ, впрочемъ, частью и въ карманы командировъ: отъ нихъ, говорятъ, изъ Крыма переслано въ банки до 8 милл. р. Для удостовѣренія въ состояніи и способахъ содержанія арміи, вслѣдствіе будто бы жалобы князя Горчакова, посланъ ген.-адъютантъ баронъ Вревскій. Баронъ Вревскій, конечно, немногое откроетъ и хотя бы и открылъ, такъ не то время, чтобы оглашать и обнаруживать.

Знаменитый Штейнъ, въ 1812 году, во дни горестнаго уединенія, когда сердце говоритъ и искренность не запинается, писалъ, между прочимъ, о вторженіи чуждыхъ нравовъ въ Россію и на вопросъ: Sollte es nicht ihrer ferneren Verbreitung Einhalt thun? отвѣчалъ: 1) Man könnte die sehr zweckmässige und bequeme Nationalkleidung, Kaftan, wieder einführen. 2) Der Hof müsste sich einen grossten Theil des Jahres in Moskau aufhalten [1]). Здѣсь не принято въ соображеніе, что главныя управленія не въ Москвѣ.... Единственное огражденіе у насъ порядка это формальность управленія: въ Москвѣ и этого не было бы. 3) Der Umgang der Einländer mit denen fremden Gesandten müsste erchwert werden [2]) Штейну, можетъ быть, хотѣлось, чтобъ сообщеніе было только съ нимъ. Удивительно, какъ этотъ обширный умъ, проницательный и творческій, не нашелъ другихъ, кромѣ этихъ узкихъ и пошлыхъ предположеній; между тѣмъ какъ въ своей Пруссіи, тогда столь ничтожной, великій министръ созидалъ цѣлую систему управленія... Нѣтъ, и геніальному Нѣмцу не по плечамъ Русское государство. Понявшая и усвоившая себѣ Россію, Германка, великая Екатерина управляла страною Русскими силами, и этимъ объясняются прекрасныя ея учрежденія...

Сенаторъ Данзасъ, прочтя статью о раздачѣ земель Канадскихъ легіонерамъ, сообщилъ князю Д. Оболенскому о примѣненіи этой мѣры къ Татарскимъ землямъ въ Крыму, откуда предположено выселить Татаръ. И это предположеніе и эта мысль чисто-Татарскія; и въ томъ

---

[1]) Не слѣдуетъ ли положить преграду дальнѣйшему ихъ распространію? 1) Можно бы снова ввести очень пригодную и удобную одежду, кафтанъ. 2) Дворъ могъ бы большую часть года проводить въ Москвѣ.

[2]) Слѣдовало бы затруднить сношенія мѣстныхъ жителей съ иноземными послами.

и въ другомъ, если только исполнится, какъ думаютъ, мы сто разъ покаемся и раскаемся...

Военныя дѣла наши и союзныя мало подвигаются. Послѣ, черезъ годы, узнаемъ мы, чего стоятъ намъ эти дни знойнаго времени посреди массъ отрытыхъ и полузарытыхъ труповъ. Въ то время, какъ здѣсь флотъ отошелъ отъ Кронштадта, изъ Чернаго моря получена горестная вѣсть: адмиралъ Нахимовъ раненъ... Нахимовъ скончался. Это одинъ изъ героевъ нашихъ, который, говорятъ, незамѣнимъ для флота и отсутствіе котораго будетъ очень чувствительно для обороны Севастополя. Я не знаю, была ли необходимость оставлять моряковъ на бастіонахъ, и не лучше-ли бы было поберечь ихъ для флота, взявъ канонировъ изъ пѣхотинцевъ. Вотъ три адмирала: Корниловъ, Истоминъ, Нахимовъ. А сколько пало молодыхъ лейтенантовъ и капитановъ, много ли осталось стариковъ-матросовъ, которыми держалась морская семья, столь единодушная и благородная, такъ доблестно отстаивающая свой родной городъ? Смерть адмирала Нахимова опечалила всѣхъ, и общее сожалѣніе сопровождаетъ въ гробъ храбраго адмирала, который пользовался общимъ довѣріемъ, извѣстностью и любовью сослуживцевъ. Онъ любезенъ намъ и за Синопское дѣло, и за его приказы, исполненные разсудительной доброты и предусмотрительной распорядительности.

По мысли нашего статистика и государственнаго человѣка Тенгоборскаго, еще въ 1854 году предполагали основать ежедневный журналъ въ видахъ Русскихъ, чтобы ознакомить Европу съ видами нашего правительства открыто, умно и достовѣрно. Съ начала думали издавать журналъ въ Берлинѣ; но, для избѣжанія подозрѣній по отношенію къ Пруссіи, рѣшились учредить редакцію въ Брюсселѣ. Журналъ называется: «Le Nord» (C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière!) Еще до начала изданія, по требованію Англіи и Франціи, Бельгійское правительство удалило изъ города иностранцевъ-издателей: Нѣмецкаго (не помню имени) и Русскаго г. Погенполя. Это, однако, не помѣшало журналу, и 1 Іюля онъ вышелъ. Програма его проста и весьма откровенна. Программа во многомъ обличающая вліяніе Русскаго редактора, могла бы быть написана пошире и повыше; но для этого нуженъ талантъ, который не согласится издавать Русскій журналъ. И нуженъ-ли этотъ журналъ? Сомнѣваюсь. Прекрасное изданіе «Новой Прусской Газеты» до сихъ поръ не пріобрѣло никакого довѣрія. Для довѣрія нужно дѣло, а не разсужденіе...

Французы острятъ на счетъ своихъ императоровъ.

Dans leur gloires impériales
L'oncle et le neveu sont rivaux:

L'oncle prenait les capitales,
Le neveu prend les capitaux!

У насъ ожидаютъ бомбардированія Кронштадта и, говорятъ, Дундасъ уже написалъ Великому Князю Константину о больныхъ. Елена Павловна присутствовала при операціяхъ въ военномъ гошпиталѣ.

У насъ возстановлены 3-я и 2-я степени Станислава и пожалованіе 3-й ст. Анны безъ статута. Цѣль нашихъ учрежденій увеличить знаки поощреній и раздѣлить ихъ на низшіе, всѣ безъ звѣздъ, до Владимира 3-й степени включительно; средніе—отъ Владимира до Бѣлаго Орла, и высшіе, Александра, Владимира 1 ст. и Андрея. Говорятъ, что и Анну на шпагу будутъ давать гражданскимъ чиновникамъ. Признаюсь, все это непонятно. Теперь ли заниматься этимъ? Франція и Англія завоевали Турцію. Наше вліяніе на Востокѣ угрожается самымъ несомнѣннымъ образомъ. Онѣ только и ждутъ, чтобъ найти исходъ войнѣ и, оставя Севастопольскія развалины, овладѣть Турціей. Лучшимъ устройствомъ управленія, умнымъ учрежденіемъ восточной церкви и гарнизонами въ важнѣйшихъ мѣстностяхъ Турціи онѣ прекратятъ наше восточное могущество. Тогда справляться съ ними будетъ трудно. Не можетъ быть, чтобы жертвуя такъ много и ручаясь въ займѣ, они не думали о чемъ нибудь болѣе важномъ, нежели Крымская экспедиція. Самое молчаніе Славянскихъ племенъ доказываетъ, что сочувствіе къ намъ нашло сильный перевѣсъ, и въ этомъ отношеніи отдаленіе Австріи предоставляетъ событіямъ болѣе свободы, нежели должно допускать дѣйствующее Европейское право. А мы возстановляемъ мелкіе крестики для отличія мелкихъ отъ ничтожныхъ! Мы и замѣтить не хотимъ, что настоящая сила въ образованности, въ развитіи умственныхъ и матеріальныхъ способовъ. Еще годъ, два войны, и наши и ихъ матеріальные способы истощатся, арміи вымрутъ, свободные капиталы израсходуются. Но у нихъ останутся средства сильной, открытой пропаганды образованности, чего у насъ, крестоносцевъ, нѣтъ и для собственнаго обихода.

Министръ предписалъ мнѣ и просилъ заняться изложеніемъ дѣловыхъ замѣчаній на уголовный уставъ (2 ч. XV т.) для сообщенія графу Блудову, который составляетъ новый уставъ судопроизводства въ противовѣсъ составленному имъ Уложенію 1845 года. Повидимому, придуманный покойнымъ Сперанскимъ систематическій пересмотръ законовъ, вмѣсто постепеннаго усовершенія дѣйствующаго Свода, долженъ сохраниться и нынѣ, хотя нынѣшній главноначальствующій коммиссіей законовъ или 2-мъ Отдѣленіемъ государевой канцеляріи имѣетъ и другія постоянныя мѣста и занятія. Въ чемъ же будетъ состоять новость новаго кодекса или устава? Уложеніе 1845 года тоже

внесло много новаго и особенно въ видахъ наказанія преступленій, но выдуманныя графомъ Блудовымъ наказанія (самое важное, временная ссылка въ Сибирь, никогда и вводимо не было) остались при немъ, въ книгѣ, да и тамъ измѣнены въ смыслѣ прежняго, отмѣненнаго XV тома Свода; а новые виды преступленія, давая свободу выбора изъ числа 2500 статей, производятъ такое смѣшеніе, что нерѣдко наказаніе краткимъ арестомъ въ первой стадіи суда оканчивается (въ Сенатѣ) каторгою, или наоборотъ. Дѣло въ томъ, что какъ въ воровствѣ, въ побояхъ, такъ и въ убійствѣ и грабежѣ редакторы смѣшали роды съ видами, признаки существенные со случайными. При такомъ законѣ и тѣсныхъ предѣлахъ судебной власти, какъ приступить, въ новомъ уставѣ, къ самому главному исправленію устава: къ расширенію подсудности первой степени, чтобы дѣла не оканчивались смертію подсудимаго, или манифестомъ, или новымъ преступленіемъ? Какія огражденія представляютъ эти суды? Гдѣ наши способы производства слѣдствій? Гдѣ грамотные показатели и свидѣтели? У насъ мало, весьма мало неправильныхъ осужденій невиннаго, это правда; но это происходитъ отъ безпечности слѣдователей и судей и особенно отъ дурной системы доказательствъ, и я не думаю, чтобъ государсто выигрывало отъ этого огромнаго количества освобожденныхъ, оставляемыхъ въ подозрѣніи или слабо наказываемыхъ. Изъ двухъ главнѣйшихъ уставовъ: Англійскаго, примѣненнаго Французами и теперь почти общаго, и другаго Нѣмецкаго, усовершенствованнаго въ послѣднемъ уставѣ Австрійскомъ—который избрать намъ? Ни для котораго нѣтъ достаточныхъ элементовъ....

Въ газетахъ два замѣчательныя извѣстія: Наполеонъ просилъ въ займы 750 милл. франковъ (и уже не демократизируя займа мелкими суммами, какъ въ прошломъ году), и ему дали, страшно выговорить: 3600 милл.! Что это такое? Усиліе ли довѣрія къ власти его? Совсѣмъ нѣтъ. Усиліе не переходитъ границъ до такой степени. Участіе къ начатой войнѣ? Нѣтъ. Во Франціи и Англіи, даже при чувствѣ замѣшаннаго въ дѣло національнаго достоинства, война поддерживается только нелюбовью къ Россіи, и ропоты на нее довольно гласны. Но что же это значитъ? Это желаніе барыша, усиленіе спекуляціи и, особенно, избытокъ капиталовъ (главные подписчики большіе капиталисты). Обиліе и удобство производительности породило капиталы превосходящіе требованія производительности, и эти капиталы, сломя голову, ищутъ помѣщенія. Но все это невѣрно и непрочно.... Другое извѣстіе: Франція просила Австрію участвовать въ войнѣ на Балканахъ, чтобы стоять вмѣстѣ и при Альпахъ. Австрія манила, обѣщала и выжидала и, наконецъ, отшатнулась. Англія объявила, что она образуетъ Итальянскій легіонъ. Какъ? Гдѣ? Для чего?

Высочайшимъ приказомъ 12 Іюля сдѣланъ выговоръ Московскому дворянскому предводителю А. Д. Черткову и всѣмъ членамъ комитета за несоотвѣтственный выборъ офицеровъ ополченія. Что-то скажетъ Москва? По полученному письму это произвело тамъ общій говоръ. Мнѣ кажется, Чертковъ не виноватъ, и едва ли выговоръ не направленъ противъ графа Закревскаго. Покойный государь сердился за выборъ Ермолова, въ чемъ Закревскій вовсе не виноватъ; а виновата, если виновата, многочисленная толпа Московскихъ либераловъ....

Новое царствованіе начинаетъ обрисовываться. Любимецъ Императора князь Барятинскій представилъ письмо своей матери, которая съ прекращеніемъ фамиліи графовъ Орловыхъ проситъ возстановленія этой фамиліи въ семействѣ своего зятя подъ именемъ графовъ Орловыхъ-Давыдовыхъ. Спросили графа Панина, который отвѣчалъ, что, какъ родственникъ, онъ не находитъ никакого препятствія. Государь написалъ на письмѣ: «согласенъ и дать законный ходъ». Теперь министерство юстиціи разсуждаетъ, куда внести дѣло (объ утвержденіи въ достоинствѣ и о дипломѣ или грамотѣ), прямо къ Государю или въ Государственный Совѣтъ. Праздное озабоченіе! Въ Совѣтъ или мимо Совѣта, дѣло уже рѣшено. Но что̀ скажетъ другъ покойнаго императора графъ А. Ѳ. Орловъ? О дѣлѣ этомъ очень много говорятъ.

28 Іюля началось бомбардированіе Свеаборга, продолжающееся третій день. Говорятъ, что и здѣсь безпечность и расплохъ найдены большіе. Непріятель успѣлъ выстроить батарею.... Изъ донесеній генер. Берга видно только, что̀ *они* дѣлаютъ и какъ слабы наши дѣйствія. По письмамъ Карла Майера артилерія наша, морская и крѣпостная, не беретъ и въ половину противъ непріятельской. Въ корабль «Россія», пишетъ онъ, попало до 30 ядеръ, и онъ выведенъ за рейдъ.

Князь П. А. Вяземскій назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія къ Норову ... Я долго бесѣдовалъ съ академиками Миддендорфомъ и Фричемъ. Они плачутъ о положеніи Академіи, гдѣ борьба національностей проявляется на каждомъ шагу, гдѣ президентомъ умирающій графъ Уваровъ.

1-е Августа. Дни бурные; но мы, люди 1848 года, притупились и̑ такъ огрубѣли, что для возбужденія нашего вниманія нужно или колебаніе цѣлаго материка, какъ въ 1848 году, или низверженіе старой династіи могущественнаго государства. Насъ мало поражаютъ и едва занимаютъ событія менѣе важныя, хотя въ другое время они составили бы эпоху. А между тѣмъ событія такія, какъ отстояніе конституціи въ Даніи, въ Испаніи и отстаиваніе ея въ Гановерѣ, отобраніе церковныхъ имуществъ въ Испаніи и Піемонтѣ представляютъ такія явленія, которы и для слѣпаго очевидно доказываютъ, что поняті

1848 г. еще не забыты, еще въ броженіи и дѣйствуютъ. Напоминаетъ это время эпоху маленькой Греціи, когда монархическія учрежденія почти вездѣ и почти современно уступали мѣсто республиканскимъ. О, повелители народовъ, какъ мало поученій извлекли вы изъ исторіи!

Августа 11 еще я посѣтилъ деревню, и чувство глубокаго сожалѣнія еще сильнѣе овладѣло мною при видѣ этого забытаго деревенскаго человѣчества.... Помню я деревню моего дѣда въ моемъ дѣтствѣ. Помѣщики измѣнились, не измѣнились крестьяне. Помѣщики разорились, ознакомились съ требованіями образованности, выучились поддерживать разоренныя имѣнья, завели машины, облегчающія труды господскихъ работъ; но крестьянинъ все тотъ же. Онъ пьетъ больше откупнаго вина, больше куритъ табаку и знакомѣе съ картофелемъ; но тѣже лапти, тоже понятіе о церковныхъ поклонахъ, тоже невѣжество. Меня ужасаютъ положеніе этого класса и опасеніе его мщенія во дни пробуждающихъ событій. Страха предъ властію нѣтъ кромѣ страха передъ силой, привязанности къ боярскому семейству и не спрашивай, чувства правды и правосудія законнаго и въ помине нѣтъ. Онъ лжетъ какъ притѣсненный и воруетъ какъ голодающій, избавляясь отъ отвѣта хитростью и не слыша ни въ церкви, ни на сходкѣ словъ внушенія. Всего болѣе жаль дѣтей: они гибнутъ въ младенчествѣ, растутъ криво и болѣзненно и живутъ поскотски. И еще возстаютъ на Дм. Г. Бибикова за инвентари*) и ругаютъ графа Киселева за введеніе новаго общиннаго управленія! И никакой тѣни мѣръ улучшенія. А между тѣмъ какъ это было бы легко и особенно въ настоящее время, когда большая засть имѣній заложена, перезаложена и не продана (не пріобрѣтена въ казну) только потому, что вышло особое повелѣніе: не продавать, а предоставлять всевозможныя льготы....

Какое извѣстіе! Севастополь взятъ. Отъ пораженія къ пораженію мы идемъ съ самаго начала войны и теряемъ и людей, и деньги, и имущество, какъ бы приготовляясь потерять города и провинціи. Три наши князя: Меньшиковъ, Паскевичъ и Горчаковъ, подъ вѣдѣніемъ четвертаго кн. Василія Долгорукова, такъ несчастливы, что невольно даютъ поводъ думать, что въ рукахъ Лидерса, Нахимова и Тотлебена дѣла пошли бы лучше.... 30-го, длинный приказъ о производствѣ Петербургскихъ генераловъ и прапорщиковъ, и все тѣже толки о чинахъ и мѣстахъ, о наградахъ и деньгахъ.... Конечно все это временное; но испытаніе

*) Бибиковъ указомъ 20 Авг. уволенъ. Поводомъ было какое-то Московское раскольничье дѣло. Вмѣсто него назначенъ С. С. Ланской, человѣкъ ума и порядка. Бибикову черезъ графа Орлова сдѣланъ выговоръ за принятіе доноса, отъ чиновника Б—ва, будто не Закревскій, а его дворецкій защищаетъ раскольниковъ.

глубоко чувствительно и еще болѣе глубоко грустно, что и надежда въ будущемъ не опирается ни на чемъ вѣрномъ. Мы, современники, всегда близоруки; но укажи намъ что-нибудь сносное, что-нибудь соотвѣтственное настоящимъ обстоятельствамъ или хотя мнимымъ предсказаніямъ, и мы сознаемся въ нашемъ невѣдѣніи.

Князь П. А. Вяземскій Русскимъ перомъ, какъ всегда, написалъ статью, помѣщенную въ 191 № Академическихъ Вѣдомостей и составляющую предметъ общихъ толковъ. Статья написана замѣчательно бойко, въ видѣ журнальной, какъ вообще всѣ акты современныхъ правительствъ. Она начинается порицаніемъ Парижской выставки, неумѣстной въ наше время. Переходя къ Россіи, гдѣ усиленныя военныя дѣйствія не препятствуютъ стройному движенію просвѣщенія и явленіямъ письменной дѣятельности, восхваляетъ наше правительство, такъ поощряющее таланты (Ломоносовъ, Карамзинъ, Жуковскій, Крыловъ, Батюшковъ, Пушкинъ, Гоголь и др.). Заключаетъ онъ общимъ выводомъ равно замѣчательнымъ и отраднымъ: «Въ нынѣшнихъ тревожныхъ обстоятельствахъ вооруженная и сражающаяся Россія не ослабѣваетъ въ своей ученой и литературной дѣятельности, обращая ее преимущественно на труды самостоятельные, отечественные или имѣющіе общую всемірную цѣну и занимательность... Въ семъ обоюдномъ проявленіи заключаются несомнѣнные признаки духовной силы настоящей Россіи и благонадежный залогъ ея грядущихъ судебъ». Это довольно справедливо: хотя все идетъ дурно, и даже очень дурно, но все идетъ при войнѣ, какъ и до войны. И въ самомъ дѣлѣ, это можетъ служить доказательствомъ, что учрежденія правительственныя окрѣпли, и наружный порядокъ усвоенъ, по крайней мѣрѣ на сколько это возможно въ государствѣ, какъ Россія. Но не подлежитъ сомнѣнію, что война ведется плохо, что участіе въ ней государства и общества ограничивается одними внѣшними обязанностями....

Послѣ перваго впечатлѣнія о взятіи Севастополя, отъ котораго у кого слезы выступили изъ глазъ, у кого ноги подкосились, общественное мнѣніе разражается теперь на нашихъ командующихъ. Основываясь на Французскомъ разборѣ битвы при Черной, наши Русскіе Французы обвиняютъ князя Горчакова въ совершенномъ неумѣньи распоряжаться общими сраженіями. Графа Остена-Сакена (о которомъ давно уже не упоминается въ донесеніяхъ) винятъ въ бездѣйствіи. Никто не знаетъ что̀ предпримутъ и куда обратимся мы и враги наши. Государь уѣхалъ въ Москву, чтобъ помолиться у Сергія и потомъ ѣхать въ Варшаву, куда уже отправился канцлеръ Нессельроде *).

*) Поѣздка въ Варшаву была на этотъ разъ отмѣнена. П. Б.

Теперь, говорятъ, онъ вслѣдъ за Великимъ Княземъ Константиномъ ѣдетъ въ Николаевъ. Горчаковъ ссорится съ Сакеномъ, Паскевичъ съ Сумароковымъ. Хотя Бенедиктовъ и говоритъ, что Англичане и Французы обратились

Изъ всемірныхъ филантроповъ,
Гордой вольности сыновъ,
Въ подкупныхъ бойцовъ-холоповъ
И журнальныхъ хвастуновъ;
Изъ великихъ адвокатовъ,
Изъ крушителей вѣнца,
Въ Пальмерстоновскихъ пиратовъ
Или челядь сорванца....

но эти пираты и эта челядь крупными, крупными буквами извѣщаютъ: «Prise de Sebastopol!» Въ Парижѣ: «Te Deum de Notre Dame», иллюминаціи, даровые спектакли народу. Въ Лондонѣ звонъ во всѣ колокола, молебствія и т. п. Торжество полное, читать оскорбительно. «Умножися на мя неправда гордыхъ!».. восклицаетъ Филаретъ въ Москвѣ 30 Августа, «азъ же всѣмъ сердцемъ моимъ испытаю заповѣди Твоя». Входя въ политику и разсказывая дипломатическія сношенія, знаменитый витія объясняетъ успѣхи враговъ псалмомъ 34-мъ: «не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ беззаконія, зане яко трава скоро изсшутъ и яко зеліе злака скоро отпадутъ». Филаретъ указываетъ средства всесильной защиты: «Аще слухомъ послушаете гласа Господа вашего хранити и творити заповѣди Его, предастъ тебѣ Господь Богъ враги твоя, сопротивящіеся тебѣ, сокрушенны предъ лицомъ Твоимъ». Но заключеніе проповѣди могло бы быть болѣе знаменательно. «Рече Господь ко Іисусу: согрѣшиша людіе; сего ради не могутъ сынове Израилевы стати предъ лицомъ враговъ своихъ». Дѣло въ томъ, толкуетъ проповѣдникъ, «что Ахаръ изъ добычи Іерихонской взялъ золотой сосудъ, деньги и одежду, что̀ вождямъ было воспрещено подъ клятвою». Эту покражу Ахара очень легко примѣнить къ страшнымъ расхищеніямъ въ Крыму, а проповѣдь говорена въ день 30 Августа, когда пришла въ Москву вѣсть о взятіи непріятелемъ Севастополя. Вѣсть была еще не гласна, но ее знали уже многіе. Проповѣдь Филарета конечно слышана и понята немногими... Пришло время испытанія тяжкаго, потерь, можетъ быть, невозвратимыхъ...

Октябрь. Умеръ графъ С. С. Уваровъ. Это одинъ изъ рѣдкихъ типовъ государственныхъ людей въ Россіи, такъ бѣдной ими по недостатку политическихъ нравовъ въ обществѣ и политическихъ учрежденій въ государствѣ. Прежде дворъ поглощалъ государство, нынѣ государство поглощаетъ общество. Уваровъ началъ свое поприще весьма

рано при дворѣ и, воспитанный поевропейски, какъ, можетъ быть ни одинъ баринъ Русскій не былъ воспитанъ, онъ образовался въ государственнаго человѣка въ годы униженія двора (весьма короткіе), когда преобладаніе Наполеона прислало къ намъ знаменитыхъ иностранцевъ. Связь его со Штейномъ продолжалась до самой смерти послѣдняго. Уваровъ значится въ службѣ съ 1802 года и въ 1810 году былъ уже дѣйствительнымъ камергеромъ. Онъ принадлежалъ къ созвѣздію Дашкова, Блудова, но считалъ себя всегда выше ихъ и держался въ сторонѣ, удаляясь, при неудачѣ, къ ученымъ занятіямъ, давшимъ ему право на президентство въ Академіи Наукъ. Ни высокое положеніе, ни богатая женитьба на графинѣ Разумовской, ни блестящая репутація въ обществѣ не избавили его отъ мелкихъ страстей любостяжанія и зависти, которыя были причиною нелюбви къ нему сверстниковъ, совмѣстниковъ и всего высшаго круга. Настоящее государственное поприще его началось съ 1832 года по назначеніи его товарищемъ, а потомъ министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ сообщилъ управленію болѣе блеску, нежели прочности и велъ его болѣе съ ловкостью, нежели съ пользою, обработывая систему просвѣщенія болѣе въ отчетахъ, щегольски литературныхъ, нежели на самомъ дѣлѣ, льстилъ Государю трисловіемъ: православіе, самодержавіе и народность. Главнѣйшая его заслуга это—увеличеніе оклада учебному вѣдомству и изданіе памятниковъ отечественной исторіи по мысли Гизо, съ которымъ онъ былъ съ сношеніи. Его никто не любилъ, потому что никто не вѣрилъ его искренности; его никто не уважалъ, потому что равные обвиняли его въ нерѣшительности отъ опасенія повредить своимъ интересамъ, а ученые, потому что знали поверхностность его самохвальныхъ познаній. Лучшее дѣйствіе его есть вынужденное оставленіе министерства въ 1849 году, когда мимо его преобразованы университеты и цензура. Но на могилѣ должны прекратиться мелкія личности, и общій голосъ долженъ отдать справедливость блестящему образованію прекраснаго писателя и ученѣйшаго барина, какого едва ли можно указать прежде и послѣ изъ нашихъ высшихъ фамилій. Біографія его будетъ любопытна. Академія и ученые обязаны написать ее въ память своего благодѣтельнаго начальника....*)

---

*) Графъ С. С. Уваровъ оставилъ автобіографію, которая въ 1864 году переведена нами съ Французскаго подлинника и снабжена примѣчаніями, но до сихъ поръ не издана. П. Б.

ШУТКА ГРАФА СОЛОГУБА.

Графъ В. А. Сологубъ сочинялъ, какъ извѣстно, куплеты, которые оканчивались стихомъ: «Благодарю не ожидалъ!» Этихъ куплетовъ множество, и нѣкоторые изъ нихъ очень удачны. Въ Парижѣ графу очень хотѣлось, чтобы посолъ нашъ князь Н. А. Орловъ позвалъ его къ себѣ обѣдать; но приглашенія не послѣдовало. Въ отместку графъ Сологубъ сказалъ:

Глава Россійскаго посольства
Себѣ зарокъ въ Парижѣ далъ
Не соблюдать и хлѣбосольства.
Благодарю, *а* ожидалъ!

АНЕКДОТЪ О ПУШКИНѢ.

Пушкинъ любилъ веселую компанію молодыхъ людей. У него было много пріятелей между подростками и юнкерами. Около 1827 года въ Петербургѣ водилъ онъ знакомство съ гвардейскою молодежью и принималъ дѣятельное участіе въ кутежахъ и попойкахъ. Однажды пригласилъ онъ нѣсколько человѣкъ въ тогдашній ресторанъ Доминика и угощалъ ихъ на славу. Входитъ графъ Завадовскій и, обращаясь къ Пушкину, говоритъ: Однако, Александръ Сергѣевичъ, видно туго набитъ у васъ бумажникъ!—«Да вѣдь я богаче васъ», отвѣчаетъ Пушкинъ: «вамъ приходится иной разъ проживаться и ждать денегъ изъ деревень, а у меня доходъ постоянный съ тридцати шести буквъ Русской азбуки».

(Слышано отъ князя А. Ѳ. Голицына-Прозоровскаго).

ВАНЬКА КАИНЪ И гг. ГЕННАДИ И СОБОЛЕВСКІЙ.

Въ IX книжкѣ „Русскаго Архива" нынѣшняго года напечатана стихотворная шутка С. А. Соболевскаго на Г. Н. Геннади, по поводу изданной послѣднимъ „Жизни Ваньки Каина". Шутка записана, вѣроятно, кѣмъ-нибудь по памяти, а потому не вѣрно. Между тѣмъ 8 первыхъ стиховъ этой „шутки" уже были напечатаны почти правильно съ автографа самого Геннади: онъ написалъ ихъ на экземплярѣ „Жизни Ваньки Каина", который подарилъ извѣстному книголюбу Я. Ф. Березину-Ширяеву (см. его „Дополнительные матеріалы для библіографіи" Спб. 1876, стр. 169—170). При этомъ Геннади, такъ часто ошибавшійся въ своихъ библіографическихъ изслѣдованіяхъ, и тутъ сдѣлалъ неточное примѣчаніе, напечатанное также г. Березинымъ-Ширяевымъ, именно при фамиліи „Игнатьева" „онъ помѣтилъ *Московскій* губернаторъ", вмѣсто „*С.-Петербургскій* военный генералъ-губернаторъ". Вотъ эти 8 стиховъ, исправляющихъ текстъ „Русскаго Архива", съ присоединеніемъ еще 12-ти, тоже разнящихся отъ текста „Русскаго Архива". Предварительно замѣтимъ, что въ 9-й строкѣ упоминаніе о „портѣ" относится къ „Балтійскому Порту", куда былъ сосланъ Ванька Каинъ за свои дѣянія и куда по предположенію Соболевскаго могъ попасть и Геннади за свои библіографическіе грѣхи.

За то, что жизнь Ярыжника
Безъ пѣсенъ онъ издалъ,
Ужъ я бъ Григорья Книжника
Порядкомъ наказалъ.

Ужъ подучу Игнатьева,
Что слѣдуетъ ему
И сѣчь его и гнать его
И засадить въ тюрьму.

Вамъ жить въ Москвѣ! Не въ портѣ-ли?
Москва не то, что Питеръ!
Здѣсь много перепортили
Бумагъ, чернилъ и литеръ.

Изъ нихъ ужъ не двѣ трети ли
Вы, вы перемарали;
А мы у васъ не встрѣтили
На грошъ въ перѣ морали!

Городите турусы вы,
Турусы на колесахъ;
А тамъ княжны Урусовы
По васъ чуть не въ плерёзахъ... *)

Самая перепечатка „Жизни Ваньки Каина", встрѣченная ироническою рецензіей Добролюбова, какъ „чрезвычайно важное пособіе для исторіи Русской литературы и особенно для объясненія сочиненій князя Антіоха Кантемира", безъ приложенія пѣсенъ, не перепечатанныхъ г-омъ Геннади, вовсе не имѣла смысла. Кромѣ того, судьба и тутъ преслѣдовала Геннади. Перепечатка его, какъ оказывается, сдѣлана вовсе не съ перваго изданія, а въ описаніи прочихъ изданій допущено много ошибокъ, причемъ Геннади сдѣлалъ даже совсѣмъ неправильную *поправку* правильнаго указанія Сопикова. Въ своихъ „Книжныхъ Рѣдкостяхъ", онъ пропустилъ половину этихъ „рѣдкостей", и внесъ много книгъ нисколько не рѣдкихъ; а въ спискѣ, напр., сочиненій Мея, указавъ стихи, напечатанные даже въ „*Смѣси*" Москвитянина, замѣтилъ, что изданія его сочиненій не было, тогда какъ еще при жизни Мея вышли 3 тома его сочиненій въ изд. Кушелева-Безбородко; или, что́ еще курьезнѣе, въ спискѣ сочиненій Гоголя, указавъ всѣхъ „Глечиковъ", „Аловыхъ" и т. п., онъ *пропустилъ* „Мертвыя Души"!! Это и подало поводъ Н. А. Некрасову написать въ своемъ „Раздраженномъ Библіографѣ":

Шекспировыхъ твореній
Составилъ полный списокъ,
Безъ важныхъ упущеній
И безъ большихъ описокъ.
Всего-то двѣ ошибки
Открыли журналисты,
Какъ ихъ умы ни гибки,
Какъ перья ни рѣчисты:
Какую-то *Заиру*,
Позднѣйшаго поэта,
Я приписалъ Шекспиру,
Да пропустилъ *Гамлета*.

П. Ефремовъ.

---

*) Т. е. въ траурномъ одѣяніи.

ИЗЪ ДНЕВНИКА И ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГРАФА П. Х. ГРАББЕ.

1849 годъ.

7 (19) Апрѣля 1849 года въ Константинополѣ.

Аудіенція султана во дворцѣ Бейлербей. — Непріятный случай, сейчасъ и заглаженный, съ письмомъ Государя къ султану.

2-го Апрѣля въ Субботу, въ восемь часовъ вечера, въ Одессѣ перешелъ на пароходъ «Владиміръ». Въ два часа ночи снялись. Сильный вѣтеръ и толчея цѣлый день. Морская болѣзнь почти у всѣхъ.

4-го. Поутру, въ прекраснѣйшую погоду, вошли въ Босфоръ; въ продолженіе дня вышелъ на берегъ и верхомъ отправился во дворецъ Русскаго посольства, гдѣ приготовлены были мои комнаты. Пріемъ сдѣланный мнѣ нашимъ посланникомъ Титовымъ. Передъ обѣдомъ знакомство съ его женой *).

5-го. Кіамиль-бей присланъ съ привѣтствіемъ отъ Порты. Посѣщеніе главнымъ лицамъ дипломатическаго корпуса. Сэръ Стратфордъ-Каннингъ. Отвсюду доходитъ, что нашъ разговоръ, весь политическій и до щекотливыхъ объясненій доходившій, оставилъ въ немъ впечатлѣніе, для успѣха моего порученія выгодный. Относя это дѣйствіе, независимо отъ тона нашего разговора, къ причинамъ важнымъ, полагаю, что мое прибытіе, нѣкоторою торжественностью окруженное, побудило его къ размышленію, что прежніе поступки его, клонившіеся къ посѣянію въ Портѣ недовѣрія и опасенія противъ нашего кабинета, не дошли-ли до крайней черты, далѣе которой могутъ возникнуть происшествія, видамъ его правительства не соотвѣтствующія.

*) Еленой Иринеевной, урожденной графиней Хрептовичъ. *П. Б.*

6-го. Въ часъ по полудни оффиціальное посѣщеніе въ Портѣ великому визирю Решидъ-пашѣ и министру иностранныхъ дѣлъ Али-пашѣ, вмѣстѣ съ посланникомъ Титовымъ, въ сопровожденіи моей свиты. Дѣйствіе этой конференціи было таково, что все потерянное въ прежнихъ переговорахъ поле опять выиграно, и на немъ приступлено будетъ къ рѣшительному окончанію прежнихъ недоразумѣній между кабинетами. Въ мое отсутствіе визиты Каннинга и лицъ его посольства, г-на Опика со своими, Прусскаго Пурталеса, графа Стюрмера, Моллеруса Нидерландскаго. Вечеромъ въ Итальянскую оперу съ В. П. Титовымъ.

8-го. Поѣздка верхомъ въ Балуклу на праздникъ Грековъ. Священный источникъ. Легенда о монахѣ и рыбѣ. Ираклійскій архіерей. Оттуда на сладкія (прѣсныя) воды. Мечеть Эйюба, гдѣ султаны опоясываютъ саблю при восшествіи на престолъ. Пріятный завтракъ. Возвращеніе на катерѣ «Владимира». Вечеръ дома. Встрѣча патріарха.

9-го. Начало переговоровъ съ Портой, безъ моего присутствія, посланникомъ Титовымъ. Въ 11-ть утра въ храмъ Св. Софіи. Архитекторъ Фоссати. Вновь строющееся зданіе Университета. Модель его для султана. Визитъ Фоссати. Возвращеніе въ два часа. Крутой подъемъ при этомъ въ Перѣ, требующій надежной лошади.—Вечеръ у Французскаго министра Опика; знакомство съ леди и миссъ Стратфордъ-Каннингъ. Г-жа Де-ла-Ронсіеръ, пріятная Француженка. Въ 12-мъ домой. Собственноручное письмо отъ меня къ великому визирю, съ министромъ г. Титовымъ соглашенное, и ночью же въ загородный его домъ отправленное. Въ половинѣ втораго кончили засѣданіе. Здѣсь, въ Перѣ, визиты мущинами, даже вечерніе, дѣлаются пѣшкомъ; дамы въ носилкахъ, впереди слуга съ факеломъ.

10-го, Воскресенье. Небольшое разстройство, отъ присутствія въ обѣднѣ здѣшней церкви удержавшее. Поутру визиты мнѣ кн. Ханджіери, Дандро, Халчинскаго, секретаря посольства, г-на Титова.— Письмо изъ Генуи отъ нашего консула о тамошнихъ смутахъ, бомбардированіе города и занятіе Сардинскими войсками.— Обѣдъ, какъ и всѣ обѣды, съ пріѣзда у В. П. Титова; восьмилѣтняя милая дочь хозяевъ. Прекрасная княгиня Вяземская *). Вечеръ у Австрійскаго посла графа Стюрмера.

*) Княгиня Марья Аркадіевна Вяземская, урожденная Столыпина. *П. Б.*

11-го Апрѣля, Понедѣльникъ. Верхомъ съ Титовымъ въ Ешклеръ на Босфорѣ, откуда съ разныхъ точекъ открываются прекрасные виды. Холодный сѣверный вѣтеръ давалъ мнѣ почувствовать, что и здѣсь не должно торопиться оставлять предосторожность въ одеждѣ. Вечеръ у нашего посланника. Новый урокъ Стратфорду.

12-го, Вторникъ. Визитъ вмѣстѣ съ Титовымъ Шведскому повѣренному въ дѣлахъ Тостѣ. Остальной день весь дома, отчасти въ приготовленіи на почту депеши. Дѣла здѣшнія затрудняются по Азіатскому обычаю. Погода стоитъ холодная. Поутру логофетъ Аристархи по порученію отъ визиря. Отвѣтъ ему.

14 (26)-го Апрѣля, Четвергъ. Вчера весь день дома. Пасмурный и свѣжій день, поутру дождь. Сегодня все утро въ приготовленіи депешей и писемъ къ отправленію съ пакетботомъ къ 6-ти часамъ вечера. Письма къ женѣ, сыну Николаю, Якову Андреевичу Дашкову; депеши къ канцлеру и военному министру.

15 (27)-го, Пятница. Въ девять утра съ княземъ Вяземскимъ, княземъ Голицынымъ, Н. Кочубеемъ, гр. Гейденомъ, Истоминымъ и Исаковымъ верхомъ къ водопроводамъ Іустиніана, Махмуда и Селима, чрезъ Пиргосъ и Бѣлградъ въ Буюкдере, верстъ 35. Незабвенная прекрасная прогулка. На травѣ завтракали. Въ Пиргосѣ и Махмудъ-бентѣ пили кофе. Платанъ Семи Братьевъ, подъ тѣнью котораго Готфридъ наблюдалъ переправу крестоносцевъ. Въ семь часовъ вечера на пароходѣ «Молнія» съ Титовымъ возвращеніе въ Перу, гдѣ въ девятомъ часу насъ ожидали съ обѣдомъ. Двѣ партіи въ билліардъ. Поздній чай. Прекрасный день погодой, прогулкой и ощущеніями.—Вниманіе на Буюкдерскую долину. Изъ Киліоса дорога высотами. — Озеро Теркосъ, близъ коего должны находиться развалины адмиралтейства Генуезцевъ; гавань засыпана пескомъ.

16 (28)-го, Суббота. Въ 10-ть утра на пароходѣ «Молнія» въ загородный домъ великаго визиря, Балта-Лиманъ, на Европейскомъ берегу Босфора, гдѣ переговоры съ нимъ и Али-пашею, министромъ иностранныхъ дѣлъ, продолжались до половины шестаго.—Гроза и дождь. Глухо-нѣмой шутъ.—Кажется, все соглашено и рѣшено; но съ Турками до послѣдней минуты нельзя ни въ чемъ быть увѣрену, такъ что въ депешѣ канцлеру я написалъ между прочимъ: «Les mots sous la plume acquièrent un sens affirmatif, qu'ils n'ont jamais dans la bouche des Turcs».

Обѣдъ въ девятомъ часу. Душевная и сидячая усталость гораздо утомительнѣе, чѣмъ усталость послѣ сильнаго движенія.

17 (29)-го Апрѣля. Прогулка по галлереѣ дворца.—Граціани, Неаполитанскій повѣренный въ дѣлахъ. Въ часъ верхомъ въ старый сераль. Арсеналъ въ церкви Св. Ирины. Египетская мумія. Нѣсколько примѣчательныхъ клинковъ, безъ преданій кому принадлежали. Великолѣпные саркофаги изъ порфира, найденные внутри сераля въ землѣ при разныхъ работахъ. Зала Пословъ на второмъ дворѣ; эвнухи, напоминающіе даже сходствомъ нашихъ въ серебряныхъ рядахъ. Библіотека. Картонъ съ портретами султановъ; мѣста на немъ болѣе не остается. Гаремъ оригиналенъ; настоящаго великолѣпія нѣтъ нигдѣ; бани превосходны. Каминъ бѣлаго мрамора съ золотомъ, стиля изящнаго. Картинная галлерея смѣшна. Морской видъ, картина Гюденя одна заслуживаетъ взгляда; все остальное посредственныя и даже дурныя гравюры, Французскія, Англійскія и Нѣмецкія, недостойныя занимать мѣсто въ гостиной у частнаго человѣка. Садъ въ своемъ родѣ прекрасный; стриженныя деревья, лавръ, миртъ, все усыпано дресвой, кромѣ небольшихъ для каждаго дерева и разнаго вида оставленныхъ участковъ земли; небольшіе пруды, полные золотистыхъ рыбъ. Высокія лимонныя деревья со множествомъ спѣлыхъ лимоновъ въ крытой галлереѣ. Нигдѣ ковра зелени. Колонна Ираклія. Султанская конюшня, вниманія не заслуживающая. Лучшія лошади при султанѣ въ Бейлербеѣ. Весь осмотръ длился около пяти часовъ.—Обѣдъ у посланника съ г-мъ и г-жей Стюрмеръ, Пурталесомъ, княгиней Вяземской и лицами посольства. Вечеромъ Опикъ, m-me Черняева, Тимофѣева и много мужчинъ разныхъ миссій. Пропустилъ упомянуть, что въ 11-мъ утра былъ на обѣднѣ и молебнѣ, по случаю дня рожденія Наслѣдника, въ церкви дворца посольства. Все въ строгомъ приличіи, и церковь прекрасна. Архимандритъ служитъ прилично.

18 (30)-го. Опять Азіатскія продѣлки: конференціи не будетъ, а день разстроенъ, между тѣмъ какъ каждый въ счету.—Бывшій Датскій министръ Гюбшъ. Въ послѣднюю войну онъ принялъ на себя заботу о нашихъ плѣнныхъ. Кирико-второй драгоманъ посольства. Записка, приготовленная мною къ г. Титову для показанія великому визирю и Али-пашѣ, въ случаѣ новыхъ уловокъ и затрудненій въ переговорахъ. Позже прислано

извѣщеніе, что повелѣніе султана получено и что конференція назначена завтра въ 6-ть по-турецки, въ часъ по нашему, въ Балта-Лиманѣ у великаго визиря. Въ семь часовъ церемоніальный обѣдъ у Австрійскаго посланника г. Стюрмера.

19-го Апрѣля (1-го Мая). Посланный отъ сераскира Мехмета-Али, зятя султана, офицеръ Французъ Галліаръ съ приглашеніемъ на смотръ войскъ, казармъ и госпиталей. Долженъ былъ отложить до окончанія переговоровъ. Французъ разговорчивъ, и я на всякій случай приласкалъ его. — Общая съ Титовымъ депеша канцлеру о положеніи дѣлъ, съ Австрійскимъ пакетботомъ отправляемая въ Галацъ.—Картина, по словамъ продавателя, кисти Рафаеля, дѣйствительно прекрасная, принадлежитъ первому его стилю или, быть можетъ, даже Перужино, 2 т. руб. серебр. Но время ли теперь намъ покупать картины? Въ часъ въ Балта-Лиманъ къ великому визирю. Счастливое и вполнѣ удовлетворительное заключеніе окончательнаго акта *) по дѣламъ въ княжествахъ съ ратификаціею султана. Размѣнъ актовъ. Все приняло иной видъ.

И такъ, порученіе совершено съ полнымъ успѣхомъ, въ коротькую пятнадцати-дневную дипломатическую кампанію. Удовольствіе самихъ Турокъ въ прекращеніи всякихъ съ нашей стороны опасеній, обѣ стороны тяготившихъ. Кн. Хандіери поднесъ мнѣ Римскую медаль Пія Августа Севера, съ надписью: «*Fundator Pacis*».

20-го Апрѣля (2-го Мая). Весь день дома писалъ письма и депеши, отправленныя ночью съ «Владимиромъ» канцлеру, военному министру, Дашкову. Вечеръ на балѣ у нашего посланника. Сближеніе съ леди и миссъ Каннингъ. Трогательное объясненіе г-на Опика, посланника Французской республики. Прямодушный и благородный человѣкъ.—Честолюбивое желаніе вел. визиря относительно ожидаемой отъ Государя награды. Австрійцы въ Тосканѣ; возстановленіе вел. герцога. Интервенція Французовъ въ пользу папы. Безусловная сдача Палермы и покореніе Сициліи Неаполю. Приготовленіе и вѣроятная интервенція, по соглашенію съ Австрійскимъ кабинетомъ нашего двора, для подавленія возстанія Венгріи. Приготовленія къ отъѣзду и карантину. Глубокая благодарность Провидѣнію за новые счастливые дни, вовсе неожи-

*) *Сенедъ*-по турецки, что подало поводъ къ сравненію съ стихотвореніемъ Боало: Un sonnet parfait vaut seul un long poëme.

данные.—Да обратится все на пользу и честь семейства! И по дипломатической исторіи, хотя одна строка принадлежитъ мнѣ и обо мнѣ упомянетъ.

22-го Апрѣля (4-го Мая). Вчера въ 11-мъ часу къ сераскиру, военному министру, зятю султана Мехмеду-Али. Обязательный и ловкій его пріемъ. Парадъ и маневры 3-го полка Константинопольскаго корпуса войскъ съ артилеріей.—Движенія военныя и основательныя, видные люди, отличная пальба залпами и батальнымъ огнемъ. Въ 6-ть къ визирю на обѣдъ въ Балта-Лиманъ.—Англійскій посолъ заставилъ себя ждать цѣлый часъ, потомъ важничалъ. Прежде меня провозгласилъ тостъ султану. На все это я сказалъ визирю: «qu'il faut laisser aux amis mortifiés la satisfaction des petites vengeances». Нестерпимо-дурной и къ тому холодный обѣдъ. Въ десять часовъ сѣли на пароходъ «Молнію». Лунная, тихая ночь представила Босфоръ въ восхитительной картинѣ, ненаглядной. А графъ Стюрмеръ *) и другіе приглашали въ каюту играть въ вистъ. Унесъ бы съ собой навсегда упрекъ, если бы согласился.

23-го Апрѣля (5-го Мая). Вчера въ 11-мъ утра на пароходѣ на Анатолійскій берегъ къ Фанару (маяку). Тамъ сѣли на лошадей; мнѣ досталась очень пріятная. Вдоль Босфора въ галопъ. Запахъ отъ цвѣту айвы и разныхъ травъ; гораздо болѣе простору для садовъ и загородныхъ домовъ, чѣмъ на берегу Европейскомъ. Поравнявшись съ кіоскомъ султана, увидѣли его подъѣхавшаго къ нему въ коляскѣ, парой. Оттуда строится шоссе до Бейлербея. Измаилъ-бей, ренегатъ, надзирающій за постройкой, подъѣхалъ и привѣтствовалъ меня. Давно грозившія тучи внезапно набѣжали и разразились громомъ и проливнымъ дождемъ. Сильно промокшіе нашли пріютъ въ дорожной кофейнѣ; дождь еще усилился; но часа черезъ два прекрасная теплая погода благопріятствовала остальной прогулкѣ. Виды ненаглядные. Постройки показались мнѣ прочнѣе, чѣмъ на Европейской сторонѣ Босфора, какъ будто Турки чувствуютъ себя надежнѣе упроченными въ Азіи. Извѣстно, что зажиточные изъ нихъ жители Стамбула хоронятъ свои семейства на Азіатскомъ берегу. Много было гуляющихъ семействъ, хотя гроза удержала и разогнала еще болѣе. Въ кофейнѣ Русскій ренегатъ изъ Кіевской губерніи, болѣе двад-

*) Нѣкогда Австрійскій приставъ при Наполеонѣ на Св. Еленѣ. *П. Б.*

цати лѣтъ тому бѣжавшій съ нашего корабля «Крымъ». Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, при разсказѣ подвиговъ нашихъ солдатъ на Кавказѣ. Сладкія Азіатскія воды; желтая, мутная рѣка, но мѣста прекрасныя.

24-го Апрѣля (6-го Мая). Вчера цѣлый день дома. Логофетъ Аристархи—образецъ Фанаріота. Обѣдъ въ семь часовъ у сэра Стратфорда-Каннинга, пріятный. Леди Каннингъ, моя сосѣдка за столомъ, умная и достойная женщина. Другой сосѣдъ былъ путешественникъ Англичанинъ, открывшій развалины Ниневіи (въ эту минуту забылъ его фамилію); я слѣдилъ за его открытіями еще въ Малороссіи, въ деревнѣ; очень занимательный, красивый мужчина. Вистъ съ Каннингомъ, гр. Стюрмеромъ и г-мъ Опикъ. Возвращеніе «Владимира» изъ Одессы въ 32 часа.

25-го Апрѣля (7-го Мая). Раннее утро, при выходѣ на балконъ, было такъ великолѣпно! Этотъ видъ на Босфорѣ, Мраморное море, сѣверныя вершины Азіатскаго Олимпа, виды неба и земли были такъ поразительно прекрасны, что чувства ими возбужденныя излились теплою молитвою къ Создателю. Въ десятомъ, пѣшкомъ на пристань. Г-жа Титова съ дочерью, княгиня Голицына *), сестра ея дѣвица Столыпина **), Тимофѣева, m-me Фоссати составили нашу дамскую часть общества. Переѣхавъ на катерахъ на пароходъ «Херсонесъ», мы тотчасъ начали нашъ истинно-праздничный день. Начало было посвящено дѣлу благочестія. На Халкѣ воздвигнутъ, уже годъ тому, надгробный памятникъ умершимъ въ плѣну у Турокъ нашимъ соотчичамъ. Надо было святить и отслужить надъ ними панихиду. Во время служенія, Греческое населеніе въ праздничныхъ нарядахъ окружало насъ. Затѣмъ я осмотрѣлъ покои монастыря, въ которомъ содержались наши плѣнные. Захаровъ. Прогулка по острову. Завтракъ на пароходѣ, медленнымъ ходомъ огибавшемъ между тѣмъ всю группу острововъ Княжескихъ. Восторженность всего общества при разнообразіи картинъ, передъ нами мѣнявшихся. Приближеніе къ Семи-башенному замку. Вдоль стѣнъ сераля, мимо Стамбула, Галаты, въ Буюкъ-дере. Возвращеніе при свѣтѣ луны, незабвенное, только къ полуночи.

---

*) Супруга князя Давыда Ѳедоровича. *П. Б.*

**) Вышедшая потомъ за Николая Аркадіевича Кочубея. Обѣ—сестры княгини М. А. Вяземской и внучки графа Н. С. Мордвинова. *П. Б.*

Les paroles augustes de v. m. i. qu'elle a daignée m'adresser à la première audience se sont toutes réalisées. Ses ministres ont noblement remplis ses intentions magnanimes. Les méfiances, les soupçons, les malentendus ont disparu devant la lumière de la raison, la juste appréciation des vrais intérêts des deux cabinets et surtout devant les sentiments personnels des augustes souverains, animés d'une estime et d'une amitié réciproques. L'acte récemment conclu en est la garantie solennelle. C'est avec bonheur que je porterai à l'Empereur mon maître les expressions amicales et dignes, que j'ai déjà recueillies pour lui des lèvres de v. m. i. C'est dans cette heureuse voie de conciliation et d'accord que se résoudront désormais, il faut l'espérer, toutes les questions de bon voisinage et d'intérêt commun. Je suis infiniment heureux d'en être encore une fois l'organe, et v. m. me permettra de lui exprimer ma profonde et respectueuse reconnaissance pour l'accueil bienveillant, dont elle m'avait honoré.

Вчера вечеромъ, въ мое отсутствіе пріѣзжалъ Али-паша, министръ иностранныхъ дѣлъ, съ извѣстіемъ, что султанъ приметъ меня сегодня въ полдень, и съ тѣмъ вмѣстѣ привезъ пожалованный мнѣ султаномъ портретъ его, брилліантами украшенный, и четверымъ моимъ спутникамъ орденъ Нишана. Фельдъегерю Гаврилову табакерку съ брилліантами.—Въ 12-ть часовъ султанъ принялъ меня въ своемъ Босфорскомъ дворцѣ Бейлербеѣ. Аудіенція во всѣхъ отношеніяхъ пріятная. Дагерротипная группа моихъ спутниковъ со мною. Визиты Стюрмерамъ, сэръ Стратфордъ-Каннингу, Опику и Пурталесу.

26-го Апрѣля (8-го Мая). Сегодня отправляюсь обратно съ живыми, весьма пріятными и высокими впечатлѣніями. Главное чувство есть чувство благодарности Провидѣнію за этотъ прекрасный, успѣхомъ увѣнчанный эпизодъ моей трудовой жизни. Да обратится онъ въ пользу моему семейству!

27-го Апрѣля. На пароходѣ «Владимиръ», въ открытомъ морѣ, въ полдень. Вчера, въ половинѣ втораго, сошелъ съ берега, и при салютѣ парохода вступилъ на него, съ Титовымъ, его женой и дочерью, княгиней Голицыной, сестрой ея Столыпиной, Тимофѣевой, Черняевой и Фоссати. Пароходъ былъ украшенъ съ большимъ вкусомъ. Въ третьемъ, все общество сѣло за обѣдъ. Общая, непринужденная веселость все оживляла. Въ четыре часа тронулись, и вмѣстѣ съ тѣмъ начались танцы; поравнявшись съ Бей-

лербеемъ, дворцомъ султана, отсалютовали ему 21-мъ выстрѣломъ, въ продолженіе которыхъ танцы не останавливались. Въ Балта-Лиманѣ, лѣтнемъ мѣстопребываніи вел. визиря Решидъ-паши, ожидавшаго меня, пароходъ остановленъ, и я съ Титовымъ въ каикѣ заѣхалъ къ нему проститься. Онъ казался тронутъ оказаннымъ ему вниманіемъ, и мы разстались совершенно дружески. Снявшись, мы отсалютовали визирю 19-ю выстрѣлами, чего не дѣлалось. Онъ выслалъ мнѣ запасъ отличнаго табаку. Передъ Буюкдере въ оживленныхъ танцахъ. Опять остановились и сошли на берегъ. Съ Титовымъ отдалъ визитъ его сосѣду, Гюбшу.—Грустное извѣстіе о смерти Андрея Фока, убитаго при отступленіи Скарятина, меня разстроившее. Бѣдная мать! Это трауръ на всю жизнь. Узнать подробности его смерти.— Послѣ короткой прогулки, возвратились на пароходъ. Начались опять танцы, чай, и, наконецъ, въ 12-мъ часу, я простился съ милымъ обществомъ, столько пріязни мнѣ оказавшимъ, съ юношей Николаемъ Кочубеемъ, къ которому душой привыкъ и долженъ здѣсь его оставить.—Пока всѣ они переѣзжали на пароходъ «Молнію», «Владимиръ» освѣтился Бенгальскими огнями; ракеты одна за другой летѣли къ небу, разсыпаясь въ воздухѣ. Торжественная погода, полный мѣсяцъ, гладкое, какъ зеркало, море, невыразимо-живописные виды береговъ Босфора, сдѣлали изъ этого дня рѣдкій, безпрерывный праздникъ, въ которомъ грусть печальнаго извѣстія и разставанія съ обществомъ, привязавшимъ къ себѣ красотой и пріязнію, нашли свое мѣсто, но смягчены были необыкновенными впечатлѣніями рѣдкаго торжества, можно сказать, неба и земли. Море ласкаетъ и щадитъ отъ качки. Прекрасно! Разставаясь, оба парохода окликались Русскимъ «*ура*», повторяемымъ въ безконечныхъ отголоскахъ долинъ Босфора. Трогательное прощаніе съ архимандритомъ Софоніемъ. Есть отрады во всѣхъ возрастахъ жизни!

29-го Апрѣля. Въ Одесскомъ карантинѣ. Какой быстрый переходъ отъ волшебнаго праздника на Босфорѣ, отъ живыхъ, радужныхъ красокъ расцвѣчавшихъ тамъ всѣ предметы, до плоской жизни нелѣпаго и безсмысленнаго, вонючаго карантина! Это кошмаръ послѣ блестящаго и сладкаго сновидѣнія. — Вчера, въ 6-ть часовъ утра, послѣ тридцатичасоваго плаванія изъ Буюкдере, фрегатъ «Владимиръ» остановился на Одесскомъ рейдѣ. Въ одиннад-

цать, простился съ экипажемъ; поблагодаривъ отличнаго начальника его, подполковника Аркаса, я сошелъ въ лодку и, при крикахъ *«ура»* со всѣхъ рей расцвѣченнаго флагами фрегата, отплылъ на берегъ къ карантину. Сегодня всталъ покойнѣе; нужно было писать, но среди безпорядка отъ глупыхъ карантинныхъ мѣръ не собрался ни съ мыслями, ни духомъ. Г.-л. Ѳедоровъ, г.-м. Астафьевъ, Рашетъ и Рено пріѣзжали навѣстить меня.—Купеческое извѣстіе, что часть нашихъ войскъ изъ Кракова по желѣзной дорогѣ перевезена въ Вѣну и туда вступила. Сколько здѣшняя весна отстала отъ Босфорской! Тамъ цвѣли розы, деревья одѣты блестящею зеленью; здѣсь едва пробивается сирень, и акація стоитъ еще безъ листьевъ. Это нашъ Югъ, воспѣваемый поэтами!

1 (13) Мая. Вечеромъ навѣстилъ градоначальникъ Казначеевъ. Занимательный разговоръ съ нимъ. Трудности доставленія воды въ Одессѣ. Городъ имѣетъ 5 м. запаснаго капиталу, около полутора милліона годоваго доходу. Н. Н. Муравьевъ въ карантинѣ, послѣ Босфорской экспедиціи. Непомѣрныя требованія его, между прочими нѣсколько тысячъ воловьихъ подводъ хворосту, для накрытія палатокъ. Неудовольствіе его съ А. И. Казначеевымъ. Неосторожное и несправедливое слово Государю о послѣднемъ, вслѣдствіе котораго К. уволенъ отъ службы. Память добраго И. В. Шатилова обо мнѣ. Теперь въ Одессѣ 87 т. жителей. Г.-л. Данненбергъ, начальникъ штаба 5-го корпуса, оставленъ здѣсь, между тѣмъ какъ корпусъ въ княжествахъ. Женщины портятъ служебную дорогу этого способнаго и образованнаго генерала. Онъ женатъ на Полькѣ.

La conquête militaire, l'organisation politique et administrative ne sont que des moyens. Le but à atteindre, c'est la mise en valeur du sol, c'est exploitation lucrative, afin que l'entreprise en arrive un jour à payer ses frais. Nous avons regret de le dire, on marche dans une voie, où ce but ne se découvre pas encore, même dans la perspective la plus éloignée.

N'est-ce pas aussi une entreprise en dehors de toutes les règles que celle d' improviser sur un sol inconnu une société pareille à celles qui sont l' oeuvre des siècles?

3 (15) Мая. Вторникъ. Утро, достойное Босфора, ясно, тихо, тепло; море гладкое, какъ зеркало. Вегелинъ, одинъ изъ прощенныхъ въ мое командованіе на Кавказѣ. Страница изъ «Mémoires d'un proscrit». Rédemption, proverbe par Octave Feuillet.

L'homme n'est pas fait pour le bonheur, mais pour le devoir. Le bonheur l'affaiblit et l'énèrve; la lutte est sa vraie condition, car elle le fortifie et l'élève.

6 (18) Пятница. Лѣтнее утро. — Вчера записка Ѳедорову о Куконештахъ. Свиданіе съ вице-адмираломъ Хрущовымъ. Часа три одинокой прогулки. Подъ вечеръ А. И. Казначеевъ. Купеческія извѣстія о выступленіи гр. Ридигера на помощь Австріи. Объ успѣхѣ г-ла Фрейтага и захваченіи нѣсколькихъ изъ нашихъ Поляковъ, между прочимъ гр. Браницкаго, будто бы повѣшеннаго. Имѣніе Браницкихъ дѣйствительно секвестровано въ пользу наслѣдниковъ. Графъ Левъ Северинъ-Потоцкій. Разговоры съ товарищами заключенія *), часто занимательные, иногда, быть можетъ, слишкомъ откровенные. Отплытіе «Громоносца» съ в.-а. Хрущовымъ въ Севастополь; щеголеватый пароходъ. Начало жизни Айвазовскаго подъ покровительствомъ Казначеева. Отыскать его въ Петербургѣ.

7 (19) Мая. Пароходъ «Херсонесъ» изъ Константинополя привезъ мнѣ письма отъ Титова, со вложеніемъ письма отъ г. Стюрмера, отъ архимандрита Софонія, тронувшее меня до умиленія, отъ Николая Кочубея. Нота Кошута Турецкому правительству. Порта продолжаетъ перевозить въ Европу войска изъ Азіи и Египта. Подтвержденіе оффиціальное о вспомогательныхъ войскахъ Императоромъ, на помощь Австріи отправленныхъ. Обязательное обо мнѣ слово Пальмерстона въ парламентѣ, въ отвѣтъ о допущеніи будто-бы угрозительныхъ требованій Россіи въ Константинополѣ. Вечеръ былъ живописный. Картина неба, земли и моря была ненаглядна. Клодъ-Лорренъ, Айвазовскій, обогатились бы новыми впечатлѣніями. Море называютъ однообразнымъ; напротивъ, оно измѣнчиво болѣе хамелеона. Съ кургана, на остаткахъ бывшей Турецкой крѣпости Гаджибей, одиноко стоявшей на пустынномъ берегу Чернаго моря, гдѣ теперь цвѣтетъ и разростается Одесса и красуются дачи, я хотѣлъ только взглянуть на послѣдніе часы заходящаго солнца, но едва взошелъ, какъ остался прикованный къ мѣсту въ нѣмомъ восхищеніи. Солнце катилось къ заходу въ группу облаковъ, которыя загорѣлись и осыпали на западѣ огненною пылью небо, воздухъ, землю и море; въ воздухѣ не слышно было ни малѣйшаго дыханія. Поверхность моря стояла свѣтла и неподвижна, какъ зеркало; обрывки кудрявыхъ облаковъ отражались въ немъ то

*) Т. е. въ Одесскомъ карантинѣ. *П. Б.*

свѣтлыми, то темными полосами; широкія радуги ложились на водѣ и смѣнялись на разныхъ пространствахъ. Лучи съ запада прихотливо и внезапно освѣщали на противоположномъ берегу то загородный домъ, то обрывистую кручь, то зеленую поляну, то дальній мысъ, гдѣ нѣкогда была Запорожская Сѣча; то вдругъ будто всталъ изъ воды и забѣлѣлся дальній Очаковъ, около девяноста верстъ сухимъ путемъ, а отъ моей точки зрѣнія, на первомъ планѣ, верстъ, я полагаю, пятьдесятъ. Прежде мало замѣченныя, отдѣльно стоявшія суда, военныя и частныя, каждое вдругъ обозначилось, щеголевато вставленное въ хрустальное поле моря. Въ послѣднюю минуту заката, лучъ солнца ударилъ на одинъ бокъ судна, и огненный каскадъ полился съ него. Лѣсъ мачтъ, столпившихся у берега и мола судовъ, отразился будто близкимъ пожаромъ. Ненаглядно и неописанно! И послѣ Босфора не только я примирился, но понялъ, сколько разнообразны могутъ быть красоты моря вездѣ, во всѣхъ климатахъ. — Чай подъ деревомъ съ тремя товарищами карантиннаго заключенія, ко мнѣ подошедшими и раздѣлявшими впечатлѣніе великолѣпной Божіей картины, продолжилъ наслажденіе, покуда темнота, спустясь съ неба, задернула ее легкимъ покрываломъ, и свѣжесть ночи позвала насъ подъ крышку. Этотъ вечеръ останется также памятнымъ.

Сегодня, около полудня только позволили мнѣ утреннія занятія выдти на воздухъ. Два замѣчанія, одно на морѣ, другое на небѣ: поверхность моря вся однообразно-синяя и небольшимъ вѣтромъ съ Босфора орябленная, но отъ мыса карантиннаго тянулась узкая, бѣлая полоса далеко въ глубину залива, какъ межа на полѣ; на небѣ же явленіе, вскользь давно мною замѣченное, на этотъ разъ привлекло мое вниманіе. Горизонтъ кругомъ былъ обложенъ красивыми массами свѣтлыхъ облаковъ; все остальное пространство неба было чисто, и во всю глубину прекраснаго голубаго цвѣта. Солнце было на полднѣ. Отъ западной массы облаковъ ударялъ будто облачный легкій лучъ прямо къ солнцу, рѣдѣя по мѣрѣ приближенія къ нему и, перешедши подъ нимъ, шелъ далѣе и, наконецъ, терялся по синевѣ неба. Другая, подобная же полоса, но еще прозрачнѣе первой и поуже, шла параллельно ей и мимо, но близко солнца и ранѣе терялась въ воздухѣ; весьма похожее съ перваго взгляда на млечный путь, это явленіе слѣдовало шествію солнца, которое видимо дѣйствовало

силою приближенія на западныя массы облаковъ. Но почему же только на одинъ западъ? Помню, что кто-то изъ ученыхъ въ новѣйшее время занимается изслѣдованіемъ причинъ этого феномена, въ хорошіе дни не рѣдкаго.

Je crois l'ignorance la plus mauvaise gardienne de l'innocence. Néanmoins j'ai respecté chez elle l'instinct de la femme, et toutes les fois qu'elle me paraissait craindre d'apprendre, je lui ai permis d'ignorer. La pudeur de la pensée conserve la pudeur du coeur, comme l'enveloppe de la graine préserve le germe avant que la fleur éclose.

Soyez simple, et vous deviendrez grand. L'action, voilà le remède à tous les ravages causés par l'imagination. L'action fait l'homme. Nos facultés naturelles, quelques distinguées qu' elles soient, ne nous donnent aucun droit à l'estime; nous n'avons de valeur que par l'usage que nous en faisons. Les esprits communs trouvent leur emploi partout; les esprits supérieurs ont plus de peine à se faire leur place ici-bas. Un caractère ferme, une volonté persévérante sont des qualités indispensables aux hommes, dont l'esprit voit plus loin que celui du vulgaire. C'est surtout aux facultés de l'âme que s'applique cette pensée si souvent repetée: „Noblesse oblige".

Пока я сижу въ карантинѣ, Одесская весна успѣла одѣть природу въ самый свѣжій и блестящій ея нарядъ. И бѣлая акація, опаздывающая противъ большей части деревьевъ, одѣлась въ свои нѣжные и блѣдные листья. Сирени покрылись букетами. Облака приняли лѣтніе свои виды. Наступили теплые дни. Солнце, свѣтъ, воздухъ, земля и море, дѣйствуя и отражаясь, взаимно рисуютъ въ разные часы дня свои фантасмагорическія картины. Еще остаются три дня заключенія, требующіе усилія, чтобы не только избѣжать уничтожительной скуки, но создать въ нихъ пріятность и, если можно, пользу. Покуда это дѣлается съ успѣхомъ.

9 (21)-го Мая. Понедѣльникъ. Письмо отъ Дашкова отъ 28-го прошлаго мѣсяца, до полученія заключеннаго съ Портою акта, на другой день, 29-го, въ Петербургъ дошедшаго. И такъ все еще въ неизвѣстности, какъ принято это дѣло. А предшествовавшая депеша нашла большое одобреніе. Князь Варшавскій, по желанію, самъ ведетъ наши войска противъ Венгріи. Государь выѣхалъ 3-го Мая и пробудетъ въ Варшавѣ около трехъ недѣль; слѣдственно застану его. Возвращеніе Его Величества полагаютъ ко 2 (14) Іюня.

10 (22)-го Мая. En principe tous les hommes sont égaux: en pratique il faut que tous soient libres... Aveugles! ils ne voient pas que les égaux sont nécessairement ennemis entre eux plus que le supérieur ei l'inférieur, parce qu'il y a le respect du moins. Égalité—rivalité: tel est le plus terrible des synonymes modernes.

Un des premiers résultats des mauvaises moeurs, c'est de faire douter des bonnes. Le libertinage fausse le jugement.

Chateaubriand a dit que le monde est gouverné par les idées d'un certain nombre d'hommes supérieurs, qui s'entendent, sans se connaître, et se réunissent, à travers les siècles, en un conseil suprême, chargé de préluder aux évènements que chaque grande époque prépare à l'avenir. Вчера навѣстилъ меня Пушкинъ, бывшій при мнѣ на Кавказѣ, братъ незабвеннаго.

18 (30)-го Мая. *Варшава.* 12-го, раздѣлавшись съ стѣснительнымъ сверхъ нужды карантиномъ и таможней, отобѣдавъ у А. И. Казначеева съ его женою, m-me Фитингофъ и съ ея двумя дочерьми, оставилъ я Одессу въ 4 часа по полудни, а 16-го, въ 10-ть часовъ вечера, пріѣхалъ въ Лазенки къ графу А. Ѳ. Орлову. Исполненіемъ порученія чрезвычайно довольны, но разочарованіе началось. Дѣла поглощаютъ одно другое: при моемъ отправленіи, дѣло, мнѣ порученное, было важнѣйшее; теперь другія заняли его мѣсто. Остановился у Доминика въ деревенской кофейнѣ, недалеко отъ Лазенокъ. Вчера съ утра у гр. Орлова, у фельдмаршала. Въ 11-ть позванъ къ Государю. Необыкновенно ласковый его пріемъ, напомнившій прежніе годы. Къ канцлеру. Извѣстіе о взятіи Венгерцами Офена. Старынкевичъ. Обѣдъ у Государя. Въ восемь въ ложу Нессельроде, генерала жандармовъ.

19 (31)-го Мая. Вчера утромъ часъ у г-ла Фрейтага. Горная война; записка, приготовляемая о ней, планъ предстоящей кампаніи. Слово о князѣ Воронцовѣ. Посѣтилъ ген.-адъют. Гербеля, ушибленнаго лошадью. Г. а. Плаутинъ. Обѣдъ у Фрейтага. Въ седьмомъ къ Старынкевичу. Началъ лѣчиться; предписано три дня покою. Гр. А.П. Толстой*) навѣстилъ меня. Вчера онъ принятъ опять въ службу, и тотчасъ виды на мѣста, уже занятыя и трудныя, а душа едва держится въ разстроенномъ тѣлѣ.

Г. а. Шильдеръ посланъ на слѣдствіе по дѣлу г. а. Шварца въ Грузіи. Мейендорфъ на встрѣчу къ принцу Прусскому.

*) Это былъ, если не ошибаемся, графъ Алексѣй Петровичъ. *П. Б.*

21-го Мая (2-го Іюня). Всѣ эти дни дома лѣчусь. Государь удостоилъ вчера прислать фельдъегеря провѣдать о моемъ здоровьѣ; отвѣчалъ, что готовъ всякую минуту на службу, но, по совѣту доктора, пользуюсь возможностію отдыха. Навѣстили Реадъ, Погодинъ, Скарятинъ, фл. а. Глинка, до того незнакомый; Старынкевичъ каждый вечеръ. Мой докторъ, Очаповскій, человѣкъ занимательный. Сегодня полк. Красновъ, съ Кавказа. Покуда предстоитъ мнѣ назначеніе въ Краковъ, съ чѣмъ, не знаю. Сначала и не ожидаю ничего почетнаго. Двѣ записки о сухопутныхъ и морскихъ силахъ Турціи сегодня отправлены къ Государю.

23-го Мая (4-го Іюня). Вчера, при письмѣ, весьма лестномъ, отъ канцлера получилъ табакерку съ портретомъ Государя. У меня обѣдали Старынкевичъ и Водзицкій, какъ путешественникъ, съ ученою цѣлью бывавшій въ Венгріи. Подъ вечеръ съ Старынкевичемъ въ Вержбну, Кроликарню; прекрасно! Съ нимъ и подошедшимъ княземъ Влад. Голицынымъ остатокъ вечера.

24-го Мая (5-го Іюня). Вчера графъ Адлербергъ сообщилъ мнѣ выписку изъ высочайшаго приказа 22-го числа. «Е. И. В. изъявляетъ полное и совершенное свое удовольствіе и благоволеніе г.-а. Граббе за отлично-успѣшное и вполнѣ удовлетворительное исполненіе возложеннаго на него Государемъ Императоромъ особеннаго важнаго порученія». Г. м. Скарятинъ приходилъ проститься, отправляясь обратно въ Букарестъ. Лидерсъ выступаетъ съ 26-ю баталіонами и конною дивизіею въ Трансильванію чрезъ Кронштадтъ.

25-го Мая (6-го Іюня). Вчера утромъ въ Лазенки. Гр. Орлова не засталъ. Гр. Адлербергъ принялъ. У канцлера засталъ гр. Орлова и съ обоими посидѣлъ. Получилъ рескриптъ къ портрету, уже нѣсколькими днями времени послѣ лестнаго приказа ослабленный. У Мейендорфа посидѣлъ. Встрѣтилъ Берга, пріѣхавшаго изъ Вѣны. Навѣстилъ Гербеля. Кн. Горчакова на минуту. Обѣдалъ одинъ; вечеромъ къ Фрейтагу. Мое назначеніе такое, какого ожидалъ *); но, съ Божіею помощью, все можетъ обратиться въ честь и успѣхъ. Надо спѣшить приготовленіями. Начало дѣйствій близко. Сегодня, въ половинѣ 3-го, на конное ученье въ присутствіи Государя. Привѣтствіе Его Величества при встрѣчѣ.

*) Командиромъ отдѣльнаго отряда для защиты горныхъ комитатовъ Сѣверной Венгріи и Галиціи. *П. Б.*

27-го Мая (8-го Іюня). Мое лѣченіе идетъ медленно. Заказаны сѣдла; купленъ вьюкъ. Г.-л. Ховенъ уступилъ мнѣ добрую и хорошо выѣзженную лошадь. Съ балкона квартиры Энгельгардта видѣлъ процессію Тѣла Господня (Fête-Dieu). Засталъ и познакомился у него съ Мих. Глинкой, нашимъ композиторомъ.—Сію минуту, въ восемь часовъ утра, Государь прислалъ за мной. Два часа по полудни. Государь изустно объявилъ и объяснилъ мнѣ мое назначеніе и отправилъ меня къ фельдмаршалу; отъ него въ короткихъ словахъ тоже. У князя Горчакова прочелъ общую диспозицію. Завтра же я долженъ отправиться; много неготоваго, но дивизія брата Петра поступаетъ также подъ мое начальство; необходимое, покуда осмотрюсь, найду.

29-го Мая (10-го Іюня). Вчера утромъ у фельдмаршала, кн. Горчакова и гр. Орлова. Хлопоты закупокъ и приготовленій. Сегодня записку графу Орлову о пѣвчихъ въ Константинопольской церкви.

2 (14) Іюня 1849. Іордановъ въ Галиціи въ Карпатахъ на границѣ Венгріи. 30-го въ Краковъ. Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ридигеръ. Обѣдъ у него съ г. а. Гербелемъ.—31-го пришли лошади. Фл. а. Ахматовъ. 1-го выѣхалъ въ Іордановъ. Австрійской въ Галиціи губернаторъ ген.-лейт. Легедигъ; знакомство съ нимъ.—Въ Іордановѣ нашелъ брата Петра Хр. съ его дивизіею на бивакахъ. Остановился на квартирѣ съ братомъ. 2-го пріѣхалъ мой адъютантъ Старынкевичъ. Куплены лошади подъ карету. Осмотръ войскъ на бивакахъ. Безпрерывной частой дождь въ двадцать четыре часа испортилъ дорогу. 3-го выступилъ въ Яблонку. Послѣ труднаго подъема въ долину Арвы хорошее широкое шоссе. Прекрасная горная природа. — Подвилкъ. — Обѣдъ у священника. Казаки отряда Засса пограбили и устрашили жителей. Успокою ихъ. Пустота въ селеніяхъ. Въ Яблонкѣ жители на мѣстѣ. Штабъ не устроенъ. Погода прекрасная. 4-го выступаю въ Тырдочинъ.

2 (14) Іюня 1849. Въ Тырдочинъ пріѣхалъ ко мнѣ г. л. баронъ Зассъ, котораго я смѣняю. Неудовлетворительность полученныхъ отъ него свѣдѣній. Сегодня переходъ въ Алзо-Кубинъ, верстъ 25. Рядъ селеній по прекрасной Арвѣ. Дубово; важность этого поста, на который выходитъ значительная дорога изъ Малатина въ тылъ отряда, стоявшаго въ Кубинѣ. Арва, древній замокъ уже необитаемый по множеству трещинъ въ стѣнахъ, на

вершинѣ горы и по каменистому гребню ея, съ башнями. Видъ замѣчательной красоты. Встрѣча съ уходящимъ отрядомъ Засса. Холера появляется въ войскахъ. Командиръ уланскаго принца Алберта полка, полковникъ Фрицъ, отъ нея вчера умеръ. Выборъ лагеря подъ городомъ, не доходя его, на новомъ мѣстѣ. Австрійскій ландратъ. Г. м. свиты Бетанкуръ присланъ Государемъ состоять при мнѣ. Недостатокъ въ сѣнѣ; все прочее достаточно или даже въ изобиліи. Донесеніе г. Ридигеру. Казачій полкъ Сычова, бывшаго у меня на Кавказѣ.

7-го. Вчера отдыхъ отряду. Похороны Австрійскаго офицера, умершаго отъ холеры. Онъ только что передъ тѣмъ женился. Хлопоты по продовольствію сѣномъ и дровами.—Сегодня отправилъ фл.-ад. Исакова съ донесеніемъ къ Государю, также къ фельдмаршалу. Верхомъ въ лагерь и на передовые посты, въ Горный Кубинъ. Извѣстія о непріятелѣ изъ Нейзоля и Розенберга. Пойду поутру на послѣдній. Музыка Муромскаго полка на площади передъ квартирой.

9-го. Вчера, въ три часа утра, съ отрядомъ изъ Низовскаго Егер. полка, 8-ми орудій и 400 казаковъ, выступилъ изъ Кубина; баррикады по дорогѣ раскиданы. Подходя къ Розенбергу, въ седьмомъ часу, былъ принятъ пулями; четыре выстрѣла изъ орудій и переправа вплавь чрезъ Ваагу казаковъ обратили въ бѣгство непріятеля. Депутація начальства и жителей. Четверо, въ томъ числѣ офицеръ гонведовъ, взяты въ плѣнъ; нѣсколько человѣкъ убиты. У насъ ни убитаго, ни раненаго. Мостъ сожженъ.—Изъ Розенберга по Ваагѣ въ Тепло и Лучку. Минеральныя воды. Двѣ баррикады въ тѣснинѣ, потребовавшія два часа времени для уничтоженія. Жители помогали нашимъ рабочимъ. Въ шесть часовъ вечера возвратился съ казаками въ Алзо-Кубинъ, сдѣлавъ переходъ въ сорокъ верстъ. Извѣстія изъ Нейзоля. Значительныя силы съ артилеріей. Минированныя баррикады. Начальствуетъ Беницкій. Часовъ 12-ть здороваго сна.— Сегодня ванна.— Отдыхъ. — Два юнкера Низовскаго полка, Урбанъ и Корсакъ, оба Поляки, за возмутительныя въ пьяномъ видѣ рѣчи съ Венгерцами и за уступку одному изъ нихъ казенныхъ патроновъ своихъ, схвачены, и производится надъ ними слѣдствіе. Необходимость примѣра строгости въ дивизіи, въ составъ которой вошло много Поляковъ.

12 (24) Іюня. 10-го съ Нижегородскимъ полкомъ, 8-ю орудіями легкой № 6-й батареи и четырьмя сотнями Донскихъ казаковъ, выступилъ въ 3 часа къ Шушану. Дикая, но прекрасная долина Арвы. Двѣ Быстрицы, Величка, Парница; въ тѣснинѣ, гдѣ обходъ невозможенъ, четыре баррикады и незащищаемыя показались неразрушимыми, но въ два съ половиною часа времени разбросаны. 50-ти человѣкъ довольно было, чтобы остановить надолго отрядъ; а непріятель съ орудіемъ, нѣсколько часовъ тому назадъ, былъ здѣсь и въ Кралованѣ и потомъ ушелъ. При Кралованѣ Арва впадаетъ въ Ваагъ; Суто, м. Туранъ. Казаки поспѣшили въ Шушанъ спасти мостъ на Ваагѣ, нашли его цѣлымъ, хотя приготовленнымъ къ сожженію. Оставивъ при мостѣ на высотахъ баталіонъ съ двумя орудіями, отрядъ перешелъ въ Шушанъ. Жители вездѣ встрѣчали нась съ радостію и довѣренностію. Узнавъ, что въ Мартонѣ есть непріятель, казаки съ полк. Сычовымъ понеслись туда, вскочили въ городъ, гдѣ на площади и изъ домовъ встрѣчены были пулями. Баталіонъ съ двумя орудіями поспѣшилъ къ нимъ въ помощь съ г. м. Бетанкуромъ; но казаки сладили одни: взяли сорокъ шесть человѣкъ въ плѣнъ, болѣе перекололи и разсѣяли остальныхъ. Между плѣнными двое Русскихъ, одинъ Французъ, остальные всѣ Поляки. Это была часть отряда Беницкаго. Четверо казаковъ ранены, лошадей десять убито. Изобиліе и возбужденіе въ отрядѣ. Переночевавъ въ Шушанѣ, мы выступили въ Кубинъ въ шестомъ часу. Разъѣздъ, посланный въ Будятинъ, не нашелъ Австрійскаго поста: онъ ушелъ оттуда. Въ двѣнадцатомъ утра, съ казаками возвратился въ Кубинъ. Намѣреніе перейти въ Розенбергъ, по неясности общаго положенія дѣлъ, оставлено.—Это первый приказъ отмѣненный.—Донесеніе Государю, всегда своеручное. Посѣщеніе брату. Знакомство съ его хозяиномъ, священникомъ. Молодой, образованный человѣкъ, истый Словакъ, противникъ Маджаръ, а потому, до нашего прибытія, долженъ былъ уйти въ Галицію. Рюмка двадцатилѣтняго Токайскаго вина доказала мнѣ на опытѣ, какъ легко оно отуманиваетъ голову. Донесеніе отъ начальника Австрійскаго поста въ Чачѣ, почему онъ оставилъ Будятинъ.—Гг. Барко и Бенедиктъ съ бригадой Австрійцевъ, оставивъ Тренчинъ и Нейштадтъ, отступили къ Пресбургу.—Донесеніе фельдмаршалу.—Новая диспозиція: авангардъ изъ двухъ бат. Низовскаго Егер-

скаго полка при шести орудіяхъ и сотня казаковъ подъ начальствомъ г. м. Бетанкура идутъ въ 6-ть часовъ утра въ Розенбергъ; отправляемъ двѣ роты съ 2-мя орудіями и съ 25-ю казаками въ Тепло.—Полк. Сычовъ выставляетъ заставу въ Ошадкѣ и отъ нея пикетъ въ Малятинъ. За тѣмъ баталіонъ, ненужный въ Дубовѣ, и роты въ замкѣ Арва и Княжевѣ присоединяются къ полку. Завтра же бат. Мур. идетъ въ Варинъ на Ваагѣ съ двумя орудіями и двадцатью пятью казаками. Рота Низ. займетъ тѣснину Кралована съ орудіемъ. Австрійцамъ приглашеніе возвратиться въ Будятинъ.

14 (26) Іюня. Всѣ предписанныя движенія вчера исполнены. Донесенія Государю, фельдмаршалу и г. Ридигеру. Противорѣчіе слуховъ о числѣ и намѣреніяхъ непріятеля. Прогулка пѣшкомъ. Выборъ позиціи на случай боя. Въ 7-мь час. верхомъ до В. Кубина впередъ и до Княжева назадъ. Холера хозяйничаетъ въ отрядѣ, и все надъ рядовыми покуда. — Въ 11-ть возвращеніе ф. а. Исакова. Двукратное изъявленіе одобренія Государя за мои дѣйствія.—Смерть маршала Бюжо. Однимъ изъ вождей бараньей толпы людской менѣе.

18 (30). 15-го съ пятью бат. 2 Низ. Егер. и 3 Муром. пѣх., съ 12-ю оруд. и 250 каз. выступилъ въ Миклошу на Ваагѣ, въ три часа утра. Въ Лучкѣ привалъ; остановился у катол. священника, котораго засталъ въ постелѣ. Безпрерывный проливной дождь промочилъ насъ до рубахи. Пріятный отдыхъ и обѣдъ до двухъ часовъ. Въ семь часовъ пришелъ въ Миклошъ, откуда передъ тѣмъ ушла непріятельская партія. Баталіонъ сталъ на площади. — 16-го, въ 9-ть часовъ, переправа по мосту на лѣвый берегъ Вааги и переходъ до Розенберга. Пріятный привалъ въ тѣни рощи, а я въ огородѣ священника отсутствующаго. — Фельдъегерь, догнавъ меня на походѣ, привезъ конверты отъ г. Адлерберга. Онъ сообщаетъ мнѣ, по высочайшей волѣ, совершенное Государя одобреніе и благоволеніе за всѣ предшествовавшія дѣйствія; за Мартонское дѣло приказалъ написать *прекрасно*, прислалъ знакъ отличія для возложенія по моему усмотрѣнію на достойнѣйшаго, 400 р. сер. на 400 казаковъ бывшихъ впереди. Всему отряду благодарность.— Увѣдомленіе, что сынъ мой наименованъ камеръ-пажемъ.—Выступленіе и ночлегъ въ Розенбергѣ. Страхъ этого неблагонамѣреннаго города. — Другой фельдъегерь съ высоч. повелѣніемъ, съ

копіей отношенія г. Адлерберга по повелѣнію Государя г. а. Бергу въ Вѣну; предписаніе фельдмаршала. Это ничего существенно не измѣняетъ въ моемъ положеніи. 17-го переходъ въ Алзо-Кубинъ.— Донесенія Государю, фельдмаршалу; письма Старынкевичу, гр. Адлербергу, барону Ливену, сыну, домой съ фельдъегеремъ отправлены сегодня. Начало опасеній насчетъ безостановочнаго продовольствія войскъ.—Прекрасное, прохладное время. — Пѣшкомъ мимо и далѣе лагеря.—Баталіонъ отправленъ вчера въ Шушанъ съ двумя оруд. и 25-ю казаками. Продовольствіе авангарду въ Розенбергѣ.

Sachons que la force morale des nations ne consiste pas dans le nombre de la population, dans l'étendue du territorie, ni même dans l' habile mécanisme des institutions. La force morale des nations contiste principalement dans les grands hommes qu'elles produisent. Les civilisations qui ne savent pas, ou qui ne savent plus produire de grands hommes sont des civilisations stériles ou des civilisations mortes. Quand l'histoire passe la revue des peuples, elle ne fait pas le dénombrement des populations par têtes d'hommes, comme par têtes de bétail: elle ne compte que les grands hommes, et les nations qui en ont eu beaucoup, celles-là seulement passent pour grandes dans l'histoire. — César disait insolemment: le genre humain ne vit que pour quelques hommes. Il fallait dire que le genre humain ne vit que par quelques grands hommes. Il vit par l'élite et non par la foule.

19-го Іюня (1-го Іюля). Алзо-Кубинъ. Вчера въ 6-мъ часу вечера фельдъегерь изъ Варшавы съ высочайшимъ разрѣшеніемъ Симбирскому полку съ легкой № 5 батареей и 1-й уланской бригадѣ съ легко-конной батареей слѣдовать первому изъ Кракова въ Алзо-Кубинъ, послѣдней изъ Царства Польскаго въ Живецъ, Біалу и Андриховъ въ мое распоряженіе. Этимъ я поставленъ въ положеніе, по прибытіи этихъ войскъ, перейти изъ нынѣшняго къ наступательнымъ дѣйствіямъ, не теряя изъ виду огражденія Галиціи отъ вторженія мятежниковъ. Навѣстилъ въ пѣшей прогулкѣ помѣщика Смеречани въ Быстрицѣ, почтеннаго старика. Домъ и садъ въ прекрасномъ мѣстоположеніи; виды изъ дому живописные. Все хорошо устроено и со вкусомъ. 30-ти-лѣтнее Токайское вино, которымъ онъ меня угостилъ, отличное. Просидѣвъ съ удовольствіемъ болѣе часу въ этомъ мирномъ семействѣ, огор-

ченномъ отбытіемъ одного изъ сыновей къ Венгерцамъ, пѣшкомъ же возвратился домой и провелъ хорошую ночь.

Сегодня все утро писалъ донесеніе Государю и отношеніе къ Австрійскому г.-л. Чоричу о соглашеніи наступательныхъ дѣйствій нашихъ противъ Венгерцевъ. Фельдъегерь готовъ былъ уже сѣсть въ повозку, какъ получено отношеніе отъ г.-м. Австрійск. Потта изъ Галанты, которымъ онъ извѣщаетъ меня о своемъ положеніи на правомъ берегу Вааги, о составѣ его отряда и о повелѣніи ему дѣйствовать наступательно, когда я приближусь къ Нейтрѣ. До этого еще далеко, и до прибытія ожидаемыхъ въ подкрѣпленіе войскъ оно было бы неблагоразумно. Фельдъегерь вслѣдствіе этого остановленъ. Дождь и сырой холодъ ночью и весь день. Продовольствіе опять поправляется: большіе транспорты сѣна прибыли съ разныхъ сторонъ. Волы на мясную порцію пригнаны, и вино подвезено. Вѣнская газета отъ 16 (28). Дѣло подъ Шерадомъ; похвала дивизіи Панютина. Извѣстіе, что Орсова нашими войсками взята штурмомъ. Поттъ увѣдомляетъ, что 16 (28), т.-е. три дня тому, главнокомандующій Австрійскою арміею Гайнау хотѣлъ атаковать Венгерцевъ въ укрѣпленномъ лагерѣ при Раабѣ. Ожидаю извѣстій объ успѣхѣ. Жаль, что подкрѣпленіе не здѣсь уже. Это моментъ дѣйствовать наступательно. Терпѣніе!

21-го Іюня (3-го Іюля). Алзо-Кубинъ. Офиціальное извѣстіе, что фельдмаршалъ, по разбитіи непріятеля при Кашау, пошелъ на Пестъ съ главными силами и по разсчету времени подходитъ къ нему; Чеодаевъ направленъ на Дебречинъ. Раабъ взятъ Австрійцами. Императоръ Австрійскій вошелъ туда 16 (28-го) съ первымъ корпусомъ. Лидерсъ разбилъ Бема и разсѣялъ его корпусъ. Курьеръ отъ фельд.-лейт. Чорича; проситъ о содѣйствіи. Отвѣтъ, что готовъ при первой возможности; такой же и г-лу Потту. Донесеніе Государю обо всемъ.

Взвѣсивъ чрезъ ночь всѣ обстоятельства, рѣшился, не дожидаясь подкрѣпленій, начать наступательныя дѣйствія. День прошелъ въ распоряженіяхъ. Курьеры поѣхали къ Австрійскимъ генераламъ; фельдъегерь съ донесеніемъ Государю. Предписанія навстрѣчу уланской бригадѣ и Симбирскому полку. Завтра выступаю къ Нейзолю. Что̀ Богъ дастъ! Продовольствіе идетъ отлично. Магазины подвину. Время прохладное. Холера не унимается.

Вчера памятная прогулка верхомъ съ ф.-а. Исаковымъ по правому берегу Арвы.

26-го Іюня (8-го Іюля). 22-го выступилъ со всѣмъ отрядомъ изъ Алзо-Кубина до Шушана, оставивъ одну роту для охраненія больныхъ, магазина и для порядка. Обозъ и аріергардъ поздно пошли; мѣста, гдѣ были перекопы и баррикады, недостаточно исправленныя, произвели остановку и ломку.

23-го черезъ Мосочъ до Стюбена. Минеральныя воды. Удобные для войскъ биваки. Изобиліе.

24-го до Кремница. Непріятель бѣжитъ, не пользуясь выгоднѣйшею мѣстностію, на которой съ малымъ числомъ возможно остановиться и держаться противъ большаго числа. Золотые и серебряные рудники. Горная природа. Квартира у мюнцъ-директора Вельнера. Радушный пріемъ въ семействѣ. 16-ти-лѣтняя дочь Іоганна, прекрасное и граціозное дитя природы. Вмѣсто отдыха—бесѣда съ нею все сидя. Это мнѣ отозвалось разстройствомъ. Письма изъ дому. Неистовое поведеніе Венгерцевъ въ продолженіе господства ихъ въ краѣ. Нелѣпые слухи, ими разглашенные, на счетъ Русскихъ. Тѣмъ живѣе признательность жителей за порядокъ, дисциплину. Три музыки на площади.

25-го день самыхъ нелѣпыхъ недоразумѣній, къ невозможности близкихъ. Не смотря на ясное приказаніе и предварительные распросы, полк. генер. штаба Наттъ повелъ войска по горной дорогѣ; къ счастію я поѣхалъ впередъ съ казаками. Никогда на Кавказѣ, даже въ Ичкеринскомъ лѣсу, не проходилъ я такихъ дикихъ, трудныхъ и тѣсныхъ мѣстъ. Дошедши до невозможнаго на седьмой верстѣ, послалъ остановить артилерію и обозы и воротился къ Кремницу съ четырьмя баталіонами, за мною послѣдовавшими. Къ счастію, въ началѣ подъема сломавшійся мостъ задержалъ переднюю батарею. Эта ошибка могла сдѣлаться опасною, еслибы непріятель имѣлъ малѣйшую опытность и не уходилъ, не оглядываясь. Вышедши изъ тѣснинъ на почтовую прекрасную дорогу, я остановилъ усталые отъ подъема батальоны на удобномъ мѣстѣ для продолжительнаго привала. Два курьера, вмѣсто отдыха, отъ Австрійскихъ генераловъ отъ 3-го Іюля н. ст.—изъ Кракова. Остатокъ перехода до Керешта, Св. Креста. Не доѣзжая, пріятное донесеніе отъ г.-м. Бетанкура о занятіи имъ Нейзоля, оставленнаго непріятелемъ, устрашеннымъ обходнымъ маневромъ.

Принятъ въ епископскомъ домѣ. Усталъ и нездоровъ. Обѣдъ поздній съ братомъ и штабомъ, хозяйскій и хорошій. Успокоительная ночь. Погода благопріятствуетъ походу, прекрасная и не жаркая. Холеры три дни уже ни одного случая. Нашимъ движеніемъ мы угрожаемъ тылу непріятельскихъ войскъ, дѣйствующихъ противъ Австрійскаго корпуса, на лѣвомъ берегу Дуная оставленнаго. За то они вездѣ и уходятъ съ поспѣшностію. Сегодня Австрійскій полубатальонъ съ двумя орудіями и козаками дойдетъ до Ошлана. Мы днюемъ здѣсь, пославъ сотню до Шемница. Бетанкукъ займетъ Алтзоль. Донесеніе Государю съ фельдъегеремъ. Письмо графу Адлербергу о виновныхъ юнкерахъ. Въ Кремницѣ трехъ солдатъ Низовскаго егерскаго полка, схваченныхъ на грабежѣ, приказалъ прогнать сквозь строй.

27-го Іюня (9-го Іюля). Керештъ. Курьеръ отъ г-ла Потта съ оправданіемъ, почему не наступаетъ, не смотря на мое движеніе въ тылъ непріятелю, противъ него стоящему. И это послѣ всѣхъ убѣжденій и просьбъ фельдмаршалу, и даже Государю, позволить мнѣ идти къ нимъ, чтобъ тотъ же часъ перейти къ наступленію!

Въ 12-мъ часу глупая тревога въ Шемницѣ, заставившая меня, послѣ теплой ванны, сѣсть на лошадь, чтобы на всякій случай принять мѣры къ встрѣчѣ непріятеля, будто бы преслѣдующаго взятыхъ въ расплохъ козаковъ въ Шемницѣ. Таково дѣйствіе страха, что прибѣжавшіе изъ Шемница порядочные люди утверждали на мои вопросы, что сами видѣли Венгерцевъ. Сегодня все объяснилось. Депутація изъ Шемница пріѣхала ко мнѣ съ оправданіемъ. Городъ выдалъ съ посланнымъ козачьимъ офицеромъ казначея съ казенными деньгами, 60 т. гульденовъ. Офицеръ отъ главнокомандующаго Гайнау съ депешею, которою онъ вызываетъ меня дѣйствовать съ совершеннымъ устраненіемъ главной обязанности, на мою отвѣтственность возложенной.

28-го Іюня (10-го Іюля), Керештъ, Св. Крестъ. Донесеніе Государю № 9-й. Наступили жары. Теперь кстати отдыхать на мѣстѣ. Мое здоровье, послѣ хорошо проведенной ночи, поправилось. Бумага графу Адлербергу съ копіей отношенія главнокомандующаго Австрійской арміею барона Гайнау.

Une imagination prodigieuse animait ce politique si froid (Napoléon). Il n'eut pas été ce qu' il était si la Muse n'eût été là; la rai

son accomplissait les idées du poète. Tous ces hommes à grande vie sont toujours un composé de deux natures, car il les faut capables d'inspiration et d'action: l'une enfante le projet, l'autre l'accomplit.— C'était un grand découvreur d'hommes.

29-го Іюня (11-го Іюля). День Петра и Павла—общій съ братомъ; мы его и провели вмѣстѣ. Съ утра поздравленія въ саду и дома. Отвѣтъ главнокомандующему Австрійскому барону Гайнау съ офицеромъ, отъ него присланнымъ, прямо чрезъ Ошланъ на Леопольдштадтъ съ казаками; фельдмаршалу чрезъ Краковъ кругомъ.—Гермеса, Іюльская революція.—Приказалъ на досугѣ пѣхотѣ заняться стрѣльбою въ цѣль. По усиленнымъ просьбамъ жителей г. Шемница посылаю къ нимъ авангардъ: два батальона Низовскихъ егерей, 6 орудій и сотню козаковъ съ г-ломъ Дзырулевымъ.

30-го Іюня (12-го Іюля). Св. Крестъ. Съ утра курьеры отъ Австрійскихъ генераловъ Чориха и Потта, къ содѣйствію при очищеніи лѣваго берега Вааги совокупнымъ наступленіемъ и къ обложенію Коморна приглашающихъ. Отъ фельдмаршала, напротивъ, предписывается слѣдовать изъ Кубина туда, гдѣ я уже нахожусь и содѣйствовать ему рѣшительно къ овладѣнію Пестомъ, который давно пустъ. По возможности соглашу то и другое. Отъ Легедига приглашеніе направить часть бригады уланской къ Неймаркту, будто бы угрожаемому нападеніемъ инсургентовъ. Не дамъ ни одного человѣка: сдѣланныхъ распоряженій достаточно. Мой авангардъ въ Шемницѣ принятъ съ радостію, и продовольствіе его обезпечено. Многочисленная шайка [однако есть у меня въ лѣвѣ. Если съумѣютъ протянуть эту войну, давно уже близкую къ окончанію, при рѣшительномъ наступленіи, то эти возстанія полудикихъ горцевъ могутъ получить значеніе и тревожить наши сообщенія. Холера въ большой арміи. Впрочемъ день хотя заботливый, но довольно пріятный; погода не жаркая. Офицеръ отъ холеры сегодня умеръ. Хотя не сильная, но она опять показалась, не смотря на выгоды лагернаго здѣсь расположенія.

1-го Іюля. Въ 11 ч. утра по случаю праздника рожденія Императрицы церковный парадъ.—Прямое сообщеніе съ Австрійцами открыто чрезъ Леопольдштадтъ и Нейтру, непріятелемъ оставленную. Донесенія двухъ Австрійскихъ офицеровъ оттуда.— Написалъ прокламацію возмущеннымъ горцамъ. Сначала перомъ,

а потомъ штыкомъ и саблей. Похороны умершаго штабсъ-капитана Дубичинскаго.—Подвозы продовольствія съ разныхъ сторонъ. Завтра вступаетъ первый эшелонъ уланъ съ г.-л. Ховеномъ. Еще двухъ грабителей, отнявшихъ у жителей двухъ лошадей, приказалъ прогнать сквозь строй чрезъ триста человѣкъ.

2 Іюля. Поутру г.-л. Ховенъ вступилъ съ уланскимъ кн. Чернышова (бывшимъ Смоленскимъ) полкомъ. Полкъ въ порядкѣ и мало потерпѣлъ отъ форсированнаго марша. Конная батарея пришла съ худыми, изнуренными лошадьми, между тѣмъ какъ вся артилерія моего отряда умѣла сберечь отлично своихъ лошадей. Донесеніе Государю съ курьеромъ. Отношеніе Австрійскому главнокомандующему съ объясненіемъ причинъ измѣненія предстоящихъ дѣйствій вслѣдствіе предписанія фельдмаршала. — Гермеса начало смутъ въ Германіи по поводу Іюльской революціи. — Странная и неисправленная ошибка при своеручномъ переписаніи на бѣло донесенія къ Государю: оставилъ одну страницу листа въ серединѣ бѣлою.

3 (15) Іюля. Поутру верхомъ за мостъ, потомъ осмотръ лошадей на коновязи. Вступленіе 2-го уланскаго эшелона. Дни заботъ, нелѣпыхъ недоразумѣній, разныхъ случаевъ раздражительныхъ. Трудности продовольствія. Курьеръ, отправленный въ Варшаву съ донесеніемъ Государю, за Кремницомъ, прострѣливъ себѣ своимъ пистолетомъ нечаянно руку, объявилъ, будто по немъ изъ лѣсу сдѣланъ былъ выстрѣлъ. Взыскать. Бумаги доставлены сюда. Сегодня новое донесеніе Государю. Еще нѣсколько курьеровъ по продовольствію, по слѣдованію Симбирскаго полка, Австрійскому полубаталіону о присоединеніи къ своей бригадѣ.

8 (20) Іюля. Шугани. 4-го остался доставить дневку уланамъ. Курьеръ отъ барона Ливена. Государь выѣхалъ 26-го Іюня въ Петербургъ; съ нимъ г. Орловъ и Адлербергъ. Возвращеніе полагаютъ къ 14-му. Австрійскій главнокомандующій безпрерывно призываетъ къ содѣйствію Чориху. Не сдѣлаю такой несообразности съ моими инструкціями. —5-го, въ 5-ть часовъ утра, войска должны были выступить къ Бату и уже вытягивались, какъ пріѣхалъ офицеръ отъ Австрійскаго генерала Потта съ увѣдомленіемъ, что Венгерская армія вышла изъ Коморна, оставивъ въ крѣпости гарнизонъ и дошла до Баторъ-Кесси, по направленію къ рѣкѣ Грану; что большая часть Австрійской арміи и при ней дивизія г.-а Па-

нютина преслѣдуютъ ее, перейдя на лѣвый берегъ Дуная при Лелѣ и Ловатѣ и что фельдмаршалъ извѣщенъ о томъ въ Пестъ. Я остановилъ движеніе для собранія свѣдѣній и для соображенія. Козаки изъ авангарда были отправлены до Нейтры, Лива, Немета, Иполи-Шага; нигдѣ не показывался непріятель. Въ лѣво же выходцы изъ Вайцена, Неограда, Вадкерта единогласно разсказывали, что Венгерцы идутъ на Вайценъ. Для меня было ясно, что Венгерцы пропали; Австрійская армія за ними. Фельдмаршалъ, прибывшій передъ тѣмъ въ Пестъ, гдѣ давно уже никого не было, долженъ былъ занять Вайценъ; я рѣшился идти форсированнымъ маршемъ на Жіерматъ. Такимъ образомъ Венгерская армія была бы окружена.—6-го въ 4 утра я выступилъ съ главной колонной чрезъ Алтзоль до Добранивы; авангардъ г.-м. Бетанкура до Пелчеча; авангардъ г.-м. Дзырулева съ козаками изъ Шемница до Карпфена.—7-го въ Шеноградѣ оба авангарда присоединились къ отряду; составленъ авангардъ изъ 4-хъ бат. Низовскаго егерскаго полка, 12-ти орудій и всѣхъ козаковъ и выступилъ до Шаба; отрядъ до Шугани. На этомъ переходѣ стали доходить слухи о пораженіи Венгерцевъ при Вайценѣ, при Решегѣ; приведены бѣглые изъ ихъ арміи. Въ Шугани слухъ этотъ усилился. Слѣдственно я опоздалъ къ участію въ этомъ дѣлѣ, и движеніе, казавшееся мастерскимъ, становилось смѣшнымъ. Чтобы удостовѣриться въ истинѣ, я отправилъ ночью же фл.-ад. Исакова съ партіей козаковъ до Жіермата; а самъ, успокоившись мыслію о славномъ дѣлѣ, хотя безъ меня совершенномъ, заснулъ мирно послѣ многихъ безсонныхъ ночей. Рано поутру возвратился Исаковъ съ извѣстіями совсѣмъ иными: въ Жіерматѣ онъ засталъ уже г.-а. Анрепа съ бригадой уланъ и двумя казачьими полками при двухъ конныхъ батареяхъ; армія наша въ Вайценъ не приходила; Анрепъ одинъ безъ пѣхоты посланъ былъ противъ нея, дрался съ нею, не могъ конечно ее удержать, и она 6-го прошла Жіерматъ и направилась на Лосонжъ. Австрійская армія также, начавъ уже преслѣдованіе, перешла обратно на правый берегъ Дуная. Венгерскую армію полагаютъ въ 30 т. при 80 орудіяхъ.—Военная критика нѣкогда оцѣнитъ, кому и въ какой степени принадлежатъ ошибки этихъ дней, въ которые судьба война могла быть рѣшена. Чрезъ ф.-а. Ахматова послалъ фельдмаршалу донесеніе, испрашивая приказаній; а между тѣмъ отозвалъ свой

авангардъ, уже безполезный по тому направленію, съ намѣреніемъ завтра же чрезъ Алтзоль пойти на Детву и Лосонжъ. Казаки полк. Сычова отбили между тѣмъ на доротѣ транспортъ, разбивъ прикрытіе и взявъ 17 чел. въ плѣнъ. Въ Алтзолѣ останавливался на привалѣ у бар. Флемминга, Лифляндскаго дворянина, женатаго на Венгеркѣ и навсегда здѣсь поселившагося. Порядокъ и изобиліе въ домѣ. Отличное Токайское вино. Тяжкій и каменистый подъемъ между Добранивой и Шеноградомъ. — Раздраженіе послѣ заботъ, безсонницы, частныхъ въ отрядѣ безпорядковъ и неопытности начальниковъ.

18-го Іюля. Путнокъ. Выступилъ 9-го до Алтзоля; 10-го до Лонгобанія, около 50-ти верстъ. Здѣсь узналъ, что г.-л. Зассъ въ Лосонжѣ, на одной со мною высотѣ и, не желая во вредъ ему опередить его съ пѣхотою, когда авангардъ его состоитъ изъ одной кавалеріи, увѣдомилъ его о своемъ прибытіи. Онъ выступилъ ночью на Рима-Шомботъ, куда и я пришелъ 11-го въ часъ его выступленія въ Рима-Секъ; 12-го я пошелъ въ Гёмеръ; 13-го далъ дневку утомленнымъ войскамъ; 14-го переходъ до Путнока. Ловкое и полное гостепріимство истиннаго дворянина графа Владислава Черени. Здѣсь получилъ курьера отъ главнокомандующаго спѣшить въ Мискольцъ. Исполнилъ это въ одинъ переходъ 15-го, отправивъ съ донесеніемъ о томъ Есенева. Въ Мискольцѣ остановился на богатой квартирѣ, гдѣ стоялъ Е. В. Константинъ Николаевичъ. Противорѣчащія предписанія. Засталъ 4-й корпусъ и начальника его Чеодаева. Онъ отозванъ въ тоже время, когда мнѣ предписано идти на Токай. Графъ Симоничъ уговаривалъ не трогаться; я не послушалъ его: 16-го выступилъ. При Гестели засталъ часть главныхъ силъ непріятеля въ крѣпкой позиціи и хотя оставилъ за собою двѣ рѣки, по одному мосту на каждой, но атаковалъ его. Дѣло при Гестели. Превосходство числомъ и калибромъ артилеріи непріятельской въ выгодной позиціи побудило меня, послѣ четырехъ-часоваго дѣла, прекратить неровный бой. Отступленіе въ строгомъ порядкѣ въ виду и подъ огнемъ непріятеля по единственному мосту. Позиція противъ непріятеля и ожиданіе наступленія отъ него. Въ это время получилъ донесеніе отъ коменданта въ Мискольцѣ г.-м. Рота, что фельдмаршалъ предписалъ ему съ его гарнизономъ изъ трехъ батальоновъ оставить городъ; въ тоже время, что въ городѣ смуты: больные, раненые,

магазинъ предоставленъ великодушію магистрата. Ничто въ столь нелѣпыхъ дѣйствіяхъ меня не изумило; всегда я ожидалъ подобнаго, и къ сожалѣнію ничего въ этомъ родѣ не упущено. — Въ 6 ч. оставилъ свою позицію и перешелъ на прежнюю, ближе къ городу. Волненіе и возстаніе въ немъ усилились; видимо ожидали Венгерцевъ. Извѣстіе, что Гёрге обошелъ мой правый флангъ и ждетъ на маршѣ къ главной арміи, куда дѣйствительно фельдмаршалъ безъ соображенія обстоятельствъ предписалъ мнѣ идти, именно на *Ваттъ*, побудило меня (равно какъ и отвсюду доходившіе слухи, что ночью Венгерцы нападутъ на лагерь) выступить изъ него въ 2 часа утра на Сентъ-Петеръ и Путнокъ. Тишина и порядокъ ночнаго движенія. Крайнее утомленіе отъ лишенія сна, усильныхъ переходовъ, а болѣе отъ заботъ и огорченія за судьбу этой прекрасной арміи. Пріемъ гр. Черени; ванна въ тотъ же вечеръ; подкрѣпительный сонъ въ прохладной и всѣми удобствами снабженной спальнѣ возвратили силы. Курьеръ поутру съ диспозиціей на вчерашнее число, безъ всякаго соображенія, что я не могъ прибыть туда, гдѣ меня предполагали. Печальное состояніе 4-го корпуса: 5 т. умершихъ отъ холеры и болѣзней. Недостатокъ продовольствія. По диспозиціи ничего не могу исполнить; стану опять дѣйствовать отдѣльно, присоединя къ себѣ 5 бат. и 2 батареи г.-м. Носова, стараясь открыть сообщеніе съ бар. Сакеномъ и утвердивъ свою операціонную линію, вмѣсто прежней, на *Кашау*, гдѣ я полагаю наши парки и запасы. У меня въ двухъ батареяхъ осталось зарядовъ по одному ящику и сухари на исходѣ въ цѣломъ отрядѣ. Много беру на свою отвѣтственность, но почитаю это долгомъ противъ Государя и Россіи. Надѣюсь, что осмотрятся и увидятъ, въ какихъ рукахъ судьба арміи. Дай Богъ, чтобы это было не слишкомъ поздно. Теперь я безъ надежнаго сообщенія съ главной арміей и съ Варшавой.—Возвращеніе изъ первой Есенева и смѣлый путь, по которому онъ пріѣхалъ. Что за бурная первая половина года для меня и въ какихъ важныхъ и многотвѣтственныхъ положеніяхъ: посольство въ Константинополь и роль на меня возложенная въ этой войнѣ! Вечерняя прогулка по саду, съ отличнымъ вкусомъ расположенному; прекрасные виды на широкую долину Саджо (Sajo), усѣянную богатыми селеніями и окаймленную лѣсистыми невысокими горами. Невольная грусть овладѣла мною при мысли, что я говорю при видѣ разо-

ренія, войною сюда занесеннаго, неизбѣжнаго для существованія войскъ, и въ какую пору! Когда щедрая природа наградила одною изъ обильнѣйшихъ своихъ жатвъ труды поселянина.

20-го Іюля. Шиксо. Вчера переходъ въ Еделени. Остановился во дворцѣ Когари-Кобургъ. Адъютантъ б. Сакена, Криде. Сакенъ идетъ на Токай. Безпрерывно курьеры отъ фельдмаршала и Чеодаева. Нѣтъ ни времени, ни способовъ, ни нужды отвѣчать имъ курьерами же, чрезъ каждые два часа, какъ они требуютъ. Это суета, а не порядокъ. Сильно отзывается недостатокъ устроеннаго штаба, и между немногими вкрадывается взаимная вражда, еще болѣе затрудняющая дѣло. Отправленіе флигель-адъютанта Исакова съ донесеніемъ Государю и письмами къ Ливену и г. Адлербергу. Есть вещи неосторожныя, слѣдствіе разстроеннаго духа и раздраженія, даже нѣкоторыя оказались неправильными; но вообще справедливо. Вѣроятно это отзовется вредно на остатокъ моей жизни. Но побужденія были чисты, убѣжденіе глубокое: двѣ вещи, которыхъ надобно опасаться и подчинять строго благоразумію. Дѣло сдѣлано, остается ожидать послѣдствій.

Трудный и разстроивающій армію періодъ кампаніи начался. Мой отрядъ безъ сухарей и безъ соли. Остановился на половинѣ назначеннаго перехода, чтобы распорядиться отправленіемъ подводъ затѣмъ и другимъ въ Мишкольцкій магазинъ и пустыхъ зарядныхъ ящиковъ въ Бартфельдъ за снарядами. Быть можетъ, подойдетъ между тѣмъ и Алтзольскій подвижной магазинъ.

Не осталось вчера минуты, чтобы написать хотя слово своимъ. Увижусь ли еще здѣсь съ ними? Кромѣ случайностей битвы, заботами разстроивается здоровье. 16-го при Гестели было близко: въ моемъ козачьемъ конвоѣ, съ небольшимъ изъ 20-ти козаковъ состоявшемъ, двѣнадцать пикъ сломано ядрами; мой добрый урядникъ, Иванъ Дербенцовъ, подводя мнѣ лошадь на перемѣну, пораженъ ядромъ, перебившимъ ему ногу, а добрая моя привычная лошадь ранена.

Сегодняшній переходъ весь провелъ въ раздраженіи, отозвавшемся къ сожалѣнію на моемъ окруженіи. Съ графомъ Черени размѣнялся визитными карточками, чтобы сохранить его въ памяти. Невозможно съ бо́льшимъ достоинствомъ переносить раззореніе прекраснаго и благоустроеннаго имущества. Онъ принималъ насъ какъ бы въ самое спокойное и счастливое время.—

Древко Георгіевскаго знамя Низовскаго егерскаго полка въ дѣлѣ при Гестели два раза разбито ядромъ. Остался одинъ славный обломокъ.

21-го Іюля. Шиксо. Остановилъ войска до 11 утра для сваренія каши. Переходъ назначилъ до Межіасо, верстъ 10, чтобы до Токая на всякій случай оставался одинъ обыкновенный переходъ. Наши раненые, къ которымъ посланъ былъ вчера братъ моего раненаго урядника, найдены въ Гестели и на попеченіи доктора 4-го корпуса. По свѣдѣніямъ тамъ собраннымъ у непріятеля было тамъ 110 орудій, но будто бы войскъ всего тысячъ десять. Заряды приходили къ концу; но войска ихъ съ разныхъ мѣстъ стягивались, и позиція, ими занимаемая, почиталась лучшею изъ всѣхъ, на которыхъ они по сіе время дрались. Да и у меня было войскъ 7 т., 32 орудія, и зарядовъ въ батареяхъ въ огнѣ бывшихъ осталось по одному ящику, не имѣя ничего въ виду для ихъ пополненія; еще полчаса бою, я остался бы вовсе безъ зарядовъ.

Съ полчаса тому курьеръ отъ фельдмаршала съ новыми запросами о причинахъ моихъ движеній. Сколько ихъ я могъ бы ему сдѣлать, на которые труднѣе было бы отвѣчать! Вмѣстѣ съ тѣмъ я снова обращенъ къ прежнему назначенію—огражденію горныхъ городовъ и западной Галиціи. Завтра же туда выступаю и удалюсь изъ этого хаоса противорѣчащихъ, безпослѣдственныхъ, неудачныхъ движеній большой арміи.

22-го Іюля. Сегодня утромъ отправилъ свиты Е. В. г.-м. Бетанкура къ Государю съ донесеніемъ. Вчера подробное донесеніе фельдмаршалу по всѣмъ его запросамъ. Рапортъ отъ подполковника Разводовскаго, командующаго Симбирскимъ егерскимъ полкомъ. Предательское нападеніе въ Лосонжѣ на команду выздоровѣвшихъ, изъ Кракова ко мнѣ отправленныхъ: 8 офицеровъ убито и взято въ плѣнъ. Надъ этимъ городомъ виситъ строгая кара; иду на него. Получилъ транспортъ съ хлѣбомъ и солью. Послалъ за зарядами въ Бартфельдскій паркъ. Выступилъ въ девятомъ часу въ Еделени. Нѣсколько часовъ задержки на перевалѣ, дождемъ разгрязненномъ. Раздраженіе далѣе обычныхъ границъ. Встрѣча на переходѣ флигель-адъютанта кн. Голицына съ высочайшимъ повелѣніемъ, по которому все до послѣдняго слова напередъ уже исполнено. Письмо отъ кн. Мих. Горчакова о его

племянникѣ; отъ А. П. Мельникова. Австрійскій офицеръ также курьеромъ съ давними предписаніями главнокомандующаго. Непостижимая чепуха, и всегда обвинительная.—Здѣсь дворецъ Когари-Кобурга уже запертъ, послѣ перваго выступленія; остался одинъ сторожъ. Я остановился въ другомъ домѣ. Г.-м. Носовъ по моему письму отрѣшенъ отъ бригады и вызванъ въ Варшаву; взысканіе заслуженное. Если бы я имѣлъ Симбирскій полкъ съ его батареей въ дѣлѣ при Гестели!—Коморнъ не сдавался, и Австрійская армія блокируетъ его. Сколько обмановъ, и какъ дерзко ввели въ заблужденіе Государя, донеся о пораженіи будто бы Венгерской арміи при Вайценѣ, гдѣ не было ни одного человѣка пѣхоты и всего одна бригада кавалеріи съ казачьимъ полкомъ и двѣ конныя батареи съ нашей стороны, и гдѣ слѣдовало быть по крайней мѣрѣ корпусу. Соображеніе было такъ просто и ясно!

23-го Іюля. Путнокъ. Переходъ отъ Еделени до Путнока. Все время дождь. Смотръ на походѣ уланской бригадѣ и конной батареѣ. Все потерпѣло замѣтно отъ форсированныхъ маршей и недостатковъ. Здѣсь въ третій разъ встрѣтилъ насъ гостепріимный хозяинъ гр. Черени. Припадокъ запальчивости противъ Австрійскаго комисара: выгналъ его. Онъ все пишетъ, вмѣсто того чтобы дѣйствовать въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся, безъ малѣйшаго запаса продовольствія. Послѣ хорошаго обѣда успокоительный сонъ.—Здѣсь нашелъ три баталіона Симбирскаго егерскаго полка съ 10-ю легкими орудіями подъ начальствомъ подполковника Разводовскаго, молодаго и бойкаго шт.-офицера. Благодаря отсутствію Австрійскаго комисара, у него двадцати-дневный запасъ всякаго рода продовольствія съ собою. Это пособіе для отряда.—Съ полчаса изъ открытаго окна любовался въ даль на прекрасные виды здѣшней смягченной горной природы, вблизи—на цвѣточные узоры, со вкусомъ разбросанные по зеленому ковру сада подъ окнами дома. Это наслажденіе успокоило духъ, возмущенный происшествіями прошедшихъ дней и настоящаго.

24-го Іюля. Рима-Сечь. Прохладный солнечный день. Авангардъ выступилъ въ 8 ч., отрядъ въ 9 ч. утромъ. Смотръ отряду на переходѣ. Нѣсколько дней отдыху, и все можетъ оправиться.—Хорошая музыка Симбирскаго егерскаго полка. Въ пѣхотѣ еще по 24 ряда во взводѣ; наберется и болѣе. Давно не получалъ

журналовъ, но важнѣйшая современная исторія происходитъ здѣсь; она покуда ничего не прибавитъ къ славѣ Россіи.

27-го Іюля. Лосонжъ. 25-го переходъ до Рима-Сомбатъ. Богата и прекрасна широкая долина рѣки Рима. Безпрерывно въ виду богатыя, хорошо отстроенныя села. Смотръ войскамъ на походѣ.—Вечеромъ выстрѣлъ на площади, близъ моихъ оконъ. Оказалось, что нечаянный.—26-го переходъ до Лосонжа. Сѣрый, прохладный день. Несовсѣмъ здоровъ. Жители преступнаго города бѣжали. Депутацію, недостойную по своему составу пріема, отослалъ. Остановился въ верстѣ, не доѣзжая города, на мызѣ. Лагерь выгодный, всѣмъ изобильный. Къ тому же подошелъ на 200 подводахъ подвижной магазинъ. Я приказалъ объявить остальнымъ жителямъ, что въ открытыхъ лавкахъ будутъ покупать, запертыя взламывать и брать все даромъ.—Отправилъ авангардъ на освобожденіе захваченныхъ здѣсь офицеровъ нашихъ. Двухъ убитыхъ уланскихъ офицеровъ отрыли и съ почестью похоронили. Городъ назначался къ сожженію; но ночью пріѣхалъ шт.-к. Нестеровъ съ предписаніемъ фельдмаршала, который другаго мнѣнія. Тѣмъ лучше. Нестеровъ лично былъ въ дѣлѣ подъ Дебречиномъ между фельдмаршаломъ и Гёрге. Оно продолжалось восемь часовъ противъ непріятеля, стоявшаго на позиціи всюду доступной и, не смотря на то, ограничилось почти исключительно дѣйствіемъ артилеріи съ обѣихъ сторонъ. При отступленіи Венгерцевъ чрезъ городъ у нихъ произошелъ безпорядокъ. Человѣкъ тысячу досталось въ плѣнъ, кажется, восемь орудій. Г-лу Купреянову оторвана нога. У насъ убито 60 ч., ранено 130 человѣкъ. Въ корпусахъ арміи въ пѣхотѣ по 15 и 16 рядовъ во взводѣ. Кавалерія держится фуражировкой.—Глупая угроза фельдмаршала. Посмотримъ! День роковой. Я вовсе не имѣлъ намѣренія сжечь городъ; но страшное зарево пожарища у меня теперь передъ глазами. Судьба его постигла. Кто зажегъ—неизвѣстно. Видѣли, увѣряютъ, жителей, которые сами бросали огонь въ дома. Солдатъ предпочитаетъ добычу, и баталіонъ стоялъ на площади. Но есть и между ними бѣшеные, были и пьяные. Да будетъ воля Его! Для меня это тяжкій день. Онъ вѣроятно не останется безъ непріятныхъ послѣдствій. До пожара я ѣздилъ въ городъ, замѣтилъ безпорядокъ, далъ начальникамъ приказаніе прекратить и унять его, но предчувствовалъ случившееся.

1/

Русскій Архивъ

1888 года

(годъ двадцать шестой).

Годовая цѣна за двѣнадцать книжекъ „Русскаго Архива“ въ 1888 году съ доставкою—**девять** руб.

Для Германіи — одиннадцать рублей; для Франціи, Италіи, Англіи и остальныхъ странъ двѣнадцать рублей.

Подписка принимается **въ Москвѣ**, въ Главной Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ; въ **Петербургѣ**, Пушкинская улица, домъ 9-й, кв. 45 (докторъ Л. Θ. Зміевъ) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1884, 1886 и 1887 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою. Годы **1874**, **1877**, **1878**, **1879** и **1880** съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи, а нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ книжнымъ рѣдкостямъ.

„Русскій Архивъ“ (годъ двадцать седьмой) будетъ выходить въ **1889** году на прежнихъ основаніяхъ.

Цѣна 9 рублей съ пересылкой.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ**.